ВРЕМЕНЩИКИ

И

ФАВОРИТКИ

ВРЕМЕНЩИКИ
И
ФАВОРИТКИ

XVI, XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ

сочиненіе

КОНДРАТІЯ БИРКИНА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная, № 5
1870

ВСТУПЛЕНІЕ.

Sur cent favoris des rois, quatre-vingt et cinq ont été pendus.

Napoléon I.

La femme d'un charbonnier est plus respectable que la maitresse d'un prince.

J. J. Rousseau.

Внимательно перечитывая лѣтописи былыхъ временъ, наши и иностранныя, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что, кромѣ ненависти, злобы, эгоизма, зависти, и *любовь* играла не послѣднюю роль во многихъ міровыхъ событіяхъ и весьма часто оказывала немаловажное вліяніе на судьбы народовъ и цѣлыхъ государствъ. Къ сожалѣнію, къ этому вопросу: *о значеніи любви въ исторіи* съ должнымъ вниманіемъ до нынѣ относились весьма немногіе, и нельзя надивиться бѣдности европейскихъ литературъ по части монографій героевъ и героинь, эксплуатировавшихъ слабости сильныхъ міра сего—временщиковъ и фаворитокъ, бывшихъ спутниками и спутницами многихъ свѣтилъ политическаго горизонта, одновременно съ послѣдними и затмѣвавшимися. Въ чемъ искать причины равнодушія новѣйшихъ историковъ къ этому фазису домашней, такъ сказать закулисной жизни монарховъ былыхъ временъ? Не въ опасеніи ли вводить скандалезный элементъ въ такую строгую, серьезную науку, какова исторія?... Если такъ, то подобный взглядъ, узкій и слишкомъ односторонній, напоминаетъ жеманницу, отворачивавшуюся отъ наготы античной статуи, или малодушнаго брюзгу, опрометью бросающагося на утекъ отъ смраднаго трупа изъ анатомическаго театра. Наука и скандалъ несовмѣстны: для антикварія или художника античная статуя, не

смотря на ея наготу, точно такой же драгоцѣнный предметъ для изученія, какъ разсѣкаемый, смрадный трупъ для анатомиста. Отъ историка, посвятившаго свое перо жизнеописанію фаворитокъ, никто и не потребуетъ сальныхъ анекдотцевъ; въ біографіи фаворита или временщика не должно быть страницъ, напоминающихъ Аретина, Бокаччіо или Лафонтена. Если къ любви въ исторіи отнестись единственно какъ къ источнику добра и зла, если на *любовь* посмотрѣть только какъ на *силу слабыхъ и слабость сильныхъ*, тогда біографія временщика или фаворитки безспорно можетъ имѣть смыслъ и значеніе.

Геркулесъ, прядущій у ногъ Омфалы или облачающійся въ хитонъ Деяниры; Самсонъ, покорно склоняющій голову подъ ножницы Далилы—символы многознаменательные! Въ нихъ олицетворенія любви и нѣги, торжествующихъ надъ силою и могуществомъ и побѣждающихъ героевъ непобѣдимыхъ.... И сколько разъ въ исторіи встрѣчаются намъ тѣ же Геркулесы съ Омфалами и Самсоны съ Далилами въ лицахъ правителей царствъ и ихъ фаворитокъ: Ѳаиса подстрекаетъ Александра Македонскаго сжечь Персеполисъ; Антоній предпочитаетъ римскій престолъ ложу Клеопатры; дочь Иродіады требуетъ у Ирода головы праведника и получаетъ ее..... Въ рукахъ Мессалины-тигрицы, страждущей нимфоманіей — слабоумный Клавдій дурѣетъ окончательно; Неронъ, обольщенный блеклыми прелестями достойной матери своей, Агриппины, или ласками Помпеи, прибавляетъ къ своей біографіи нѣсколько лишнихъ страницъ, написанныхъ кровью. Мудрый Юстиніанъ становится безхарактернымъ ребенкомъ предъ своей Ѳеодорой; бичь божій Атилла умираетъ въ объятьяхъ красавицы... Какъ малъ и ничтоженъ Карлъ Великій, плачущій надъ гробомъ своей любовницы, отъ котораго его не могутъ оторвать, къ которому, по наивному объясненію лѣтописцевъ, его влечетъ *волшебная сила!* Минуя длинный рядъ многихъ великихъ событій, въ которыхъ любовь являлась главнымъ дѣятелемъ, укажемъ на Франциска I, сведеннаго въ могилу ядовитыми ласками прелестной Ферроньеры; на Генриха IV, преклоняющаго колѣни предъ Габріэлью д'Этре; на грознаго Ришелье, пляшущаго сарабанду предъ Анной Австрійской.... Вотъ, наконецъ, влюбчивый Людовикъ XIV,

напѣвающій нѣжности какой нибудь Ла-Вальеръ, Монтеспанъ; или, онъ же, версальское солнышко на закатѣ, подъ башмакомъ ханжи Ментенонъ, вдовы шута Скаррона. Восемнадцатый вѣкъ, открывающійся во Франціи безумными оргіями регентства и оканчивающійся кровавыми поминками по убіенной монархіи, —восемнадцатый вѣкъ особенно богатъ временщиками, фаворитами и фаворитками повсемѣстно. Августъ Саксонскій хвалится распутствомъ, не на шутку воображая себя Юпитеромъ; любовницы играютъ имъ, какъ пѣшкой, а онъ, въ угоду любовницамъ, играетъ честью и совѣстью... „Cotillon I, Cotillon II, Cotillon III! угрюмо считаетъ своихъ державныхъ непріятельницъ Фридрихъ II, суровый ненавистникъ прекраснаго пола—и, въ числѣ этихъ трехъ „юбокъ" находится титулованная любовница Людовика XV—маркиза Помпадуръ. Эту женщину—цѣломудренная, высоконравственная Марія-Терезія, императрица австрійская, удостоиваетъ самой радушной пріязни, распространяющейся и на преемницу маркизы — Жанну Вобернье, графиню Дюбарри....

«La maitresse de Blaise,
«La belle Bourbonnaise
«Est fort mal à son aise (¹)!...

распѣваетъ о ней озлобленный народъ французскій. Эта „Бурбонеза"—прелюдія „Марсельезы"; памфлеты и пасквили, которыми со всѣхъ сторонъ осыпаютъ короля и его фаворитку, пишутся перьями, очиненными ножичкомъ *Дамьена* (²). Дряхлѣющій и коснѣющій въ развратѣ Людовикъ XV самъ поетъ слагаемые на него водевили и пѣсеньки, упуская изъ виду, что народъ его обыкновенно начинаетъ пѣсеньками дѣла нешуточныя: подъ пѣсенки Лиги и Фронды лилась кровь.... Но король равнодушно хохочетъ надъ памфлетами, читаетъ пасквили и, отнимая у народа послѣднія крохи, тѣшитъ свою Дюбарри сюрпризами да подарочками. Такимъ образомъ хлѣбъ въ его рукахъ превра-

---

(¹) „Любовница Власія, прелестная бурбонка, въ весьма стѣсненномъ положеніи...» Подъ именемъ Власія пѣсенька подразумѣваетъ короля.

(²) Даміенъ, въ 1757 году покушавшійся на убіеніе Людовика XV, слегка поранилъ его перочиннымъ ножикомъ.

щается въ камни, хотя и драгоцѣнные, но отъ этого не легче народу, негодованіе котораго растетъ да растетъ. Всмотритесь въ Дюбарри и Людовика XV: развѣ эта красавица, отнимающая у народа послѣдній кусокъ хлѣба, а у королевской власти—всю ея силу и значеніе, не таже Далила, остригающая Самсона? А предпослѣдній король Франціи развѣ не напоминаетъ Ирода, царя іудейскаго, жертвующаго Иродіадѣ головою Іоанна Крестителя?... Одной-ли головой? Пересчитайте, сколько невинныхъ головъ легло подъ лезвіемъ гильотины.

Мы указали на тѣ историческіе факты, въ которыхъ любовь являлась въ видѣ источника *зла*, когда она не только низводила королей съ престоловъ, но даже лишала человѣка достоинства человѣческаго, низводя его на степень животнаго. Такова изнанка любви; не должно упускать изъ виду, что это самое чувство можетъ также подвигнуть человѣка къ высокому и прекрасному. Бросимъ же бѣглый взглядъ на свѣтлую сторону любви, на ея роль добраго генія въ судьбахъ монарховъ и народовъ.

Почти повсемѣстно, любовь, являясь въ лицѣ царицъ-христіанокъ, женъ царей-язычниковъ, была участницею въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія царствъ свѣтомъ Христовымъ. Въ исторіи находимъ не одну женщину—законную супругу или фаворитку, употреблявшую вліяніе свое на могучихъ людей въ пользу и во благо ихъ подданнымъ. Агнеса Сорель умѣла воскресить въ Карлѣ VII чувства долга и чести; Ментенонъ обращала вниманіе Людовика XIV на ученыхъ и литераторовъ, заслуживавшихъ поощренія. Если въ вышеприведенныхъ примѣрахъ *злой любви* нѣжныя ручки женщинъ разрушали престолы или подавали монархамъ перья для подписи смертныхъ приговоровъ, то бывали же между женщинами и свѣтлыя личности, укрощавшія порывы лютости во владыкахъ земли, славившихся жестокосердіемъ. Бывали минуты, въ которыя ласки Дивеке, фаворитки Христіана II датскаго, изъ звѣря превращали его въ человѣка..... У насъ, Анастасія Романовна, первая супруга Ивана IV, была ангеломъ-хранителемъ Россіи, унесшимъ съ собою въ гробъ всѣ человѣческія чувства Грознаго... Человѣкъ тѣмъ покорнѣе обаянію любви, чѣмъ онъ чувственнѣе, лютѣе, звѣроподобнѣе: въ человѣкѣ какъ въ тигрѣ—

кровожадность и сладострастіе равно совмѣстны. Въ истинѣ этой физіологической аксіомы убѣждаетъ насъ страшная личность Пугачева. Кому изъ насъ неизвѣстна его нѣжная привязанность къ Лизаветѣ Харловой? Дочь и жена вѣрныхъ слугъ царскихъ, повѣшенныхъ по приказанію бѣглаго каторжника, Харлова сдѣлалась его наложницею и въ короткое время съумѣла настолько подчинить своему вліянію, что, усыпляя мужество въ самозванцѣ, пробуждала въ немъ совѣсть; ходатайствовала о пощадѣ приговоренныхъ къ смерти, и Пугачевъ уважалъ ея ходатайство. Женщина эта была разстрѣляна казаками, опасавшимися, чтобы самозванецъ окончательно не „обабился" въ объятьяхъ своей „душеньки" (1).

Повторяемъ, критическая разработка историческихъ фактовъ, въ которыхъ любовь—въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ—играла главную роль, была бы трудомъ громаднымъ, но и любопытнымъ въ высшей степени. Трудъ этотъ ждетъ руки, достойнаго, даровитаго дѣятеля, и какъ намъ думается руки, по преимуществу, женской. Сознавая всю важность предпринятаго нами сочиненія, отваживаемся на слабую попытку въ этомъ родѣ, ограничиваясь для нашей монографіи жизнеописаніями временщиковъ, фаворитовъ и фаворитокъ трехъ послѣднихъ столѣтій, именно тѣхъ, въ которыя при разнузданности нравовъ любовь деспотствовала повсемѣстно и надъ сильнѣйшими деспотами. Синхроническій порядокъ, котораго мы намѣрены придерживаться, дастъ намъ возможность съ должной послѣдовательностью разказать о жизни и приключеніяхъ счастливыхъ несчастливцевъ; сыновъ и дочерей счастія, изъ ничтожества достигавшихъ высшихъ степеней славы, почета и—большею частью тѣмъ ниже падавшихъ. Участь временщиковъ и фаворитовъ (*неизбѣжной* принадлеж-

---

(1) Эта несчастная Харлова—неразрѣшенная психологическая загадка. Какъ назвать ее—героиней или презрѣннымъ, малодушнымъ созданіемъ, которое предпочло позорную смерть мученической смерти? Дѣйствительно-ли и она любила Пугачева, или только притворствовала, надѣясь повторить съ нимъ исторію Юдиѳи съ Олоферномъ? Случаи къ тому представлялись неоднократно, однако же Харлова не похитила злодѣя у плахи..

ности женщинъ, стоявшихъ во главѣ правленія) напоминаетъ намъ участь тѣхъ турецкихъ визирей, которымъ султанъ жаловалъ шубу съ собственныхъ плечъ, а завтра посылалъ, тѣмъ же визирямъ, шелковый снурокъ для ихъ собственной шеи... Иной временщикъ, думая сѣсть на престолъ—попадалъ, вмѣсто того, на колъ; другой, недавно покоившій голову на подушкахъ королевскаго ложа—клалъ ее на плаху; третій, нѣсколько дней тому назадъ, сливавшій уста съ устами своей повелительницы—выпивалъ ядъ по ея приказанію; четвертый, по мановенію скипетра, будто волшебнаго жезла, изъ дворцовыхъ чертоговъ переносился въ убогую хижину изгнанника; пятый, засыпая подъ горностаевымъ мѣхомъ, просыпался подъ солдатской шинелью... Кардиналъ Уольси, Рицціо, Эссексъ, Басмановъ, маршалъ д'Анкръ, графъ Лерма, Валленштейнъ, Мональдески, Монсъ, Меншиковъ, Долгорукіе, Биронъ, Тренкъ, Струэнзе, Потемкинъ... Съ каждымъ изъ этихъ именъ не сопряжено-ли цѣлой драмы или романа, какихъ конечно не измыслить и самому изобрѣтательному воображенію.

Незавидна участь временщиковъ и фаворитовъ, но и судьба фаворитокъ не лучше. Счастливецъ—изъ объятій пьяныхъ солдатъ попадавшихъ въ объятья монарховъ; или изъ развратныхъ трущобъ въ чертоги дворца—сравнительно, было очень немного; чаще случалось наоборотъ. Фаворитки, подобно Ла-Вальеръ, успѣвавшія во время удалиться въ монастырь, были счастливѣе другихъ, какъ избравшія благую часть; вообще же говоря, судьба полудержавныхъ содержанокъ была почти всегда та-же, что и обыкновенныхъ. Старость, дающая людямъ права на уваженіе, постигая отставную фаворитку, обращалась ей въ позоръ и поруганіе; если же и бывали люди, оказывашіе ей уваженіе, то едва-ли оно могло быть лестно разжалованной прелестницѣ.

Представьте себѣ графиню Дюбарри на ея Люсьенской дачѣ; Дюбарри, осыпанную брильянтами, утопающую въ шелкахъ, бархатахъ, кружевахъ; Дюбарри, которую Людовикъ XV запросто подчуетъ кофеемъ собственной варки, за что, также запросто, удостоивается услышать изъ устъ графини: „merci, la France!“ Черезъ двадцать лѣтъ эта же самая Дюбарри на эшафотѣ ползала на колѣняхъ передъ палачемъ, умоляя о пощадѣ; эту же

самую Дюбарри палачъ подчивалъ тогда пинками и подзатыльниками, побуждая склонить голову подъ топоръ гильотины, грубо повторяя бывшей фавориткѣ:

— Allons, canaille!!. (¹).

Таковъ былъ конецъ *послѣдней* титулованной фаворитки короля французскаго,—конецъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься...

Раздумье надъ бѣдствіями—которыми временщики искупали свое мимолетное величіе; надъ позоромъ, постигавшимъ большинство фаворитокъ при жизни, или послѣ смерти—побудило насъ избрать эпиграфами для нашего труда изреченія двухъ величайшихъ людей своего времени:

— „Изъ сотни королевскихъ фаворитовъ восемьдесятъ пять погибло на висѣлицѣ!“ сказалъ Наполеонъ I-й—самъ временщикъ счастья, предъ которымъ раболѣпствовалъ весь свѣтъ.

— „Жена угольщика достойнѣе уваженія, нежели любовница государя!“ говорилъ Ж. Ж. Руссо—мудрецъ, кромѣ божества своего — природы, не преклонявшій головы ни передъ кѣмъ на свѣтѣ.

(¹) Эти подробности о казни графини Дюбарри слышали мы отъ покойнаго Н. И. Греча; ему же онѣ были расказаны очевидцемъ. Малодушіе несчастной возбуждало жалость во многихъ присутствовавшихъ, даже изъ числа тѣхъ, которые смотрѣли тогда на казни, какъ на спектакль.

1501-1560.

Настроеніе умовъ и общественная нравственность въ Европѣ.—Турція.—Италія.—Испанія.—Средняя и Сѣверная Европа.—Россія.—Супружество и политика.—Іоанна безумная.—Елена, дочь царя Ивана III. Царь Василій и Елена Глинская.—Людовикъ XII и Марія, принцесса англійская.

— „Гласъ народа, гласъ Божій,“ говоритъ древняя, всемірная пословица. Прислушаемся же къ разноязычному, народному говору Европы, привѣтствующему начало XVI столѣтія, ознаменованное войнами, моровыми повѣтріями, неурожаями, разливами рѣкъ, землетрясеніями, явленіемъ кометъ, затмѣньями и множествомъ другихъ естественныхъ событій—для суевѣрной, невѣжественной толпы—всегда зловѣщихъ, всегда нагоняющихъ на нее неотразимую панику.

— Пришли послѣднія времена! слышится повсемѣстно—близится кончина міра и недалекъ день страшнаго суда: слова Евангелія сбываются во очію: царство возстаетъ на царство, языкъ—на языкъ, силы небесныя колеблятся; люди, позабывъ Бога, развратились хуже, чѣмъ во времена ноевы... Сказываютъ, будто уже и Антихристъ народился!..

Мысль о близкомъ свѣтопреставленіи неоднократно тревожила умы и въ предыдущія столѣтія, но въ шестнадцатомъ вѣкѣ преждевременный страхъ о кончинѣ міра и всеобщія сѣтованія на развращеніе нравовъ были основательнѣе, чѣмъ когда либо. Шестнадцатый вѣкъ, отъ самаго своего начала до конца, утопавшій въ крови и всевозможныхъ порокахъ, дѣйствительно можно было принять за послѣдній вѣкъ бытія міра. Растлѣніемъ нравовъ, забвеніемъ законовъ божіихъ и человѣческихъ, любое государство Европы могло смѣло потягаться не только съ Римомъ, временъ

Ювенала, или древним Вавилоном, но даже съ Содомомъ и Гоморрою. Изъ всѣхъ монархій пожалуй одна Турція, говоря сравнительно, еще могла похвалиться строгостью нравственности и вѣрностью своимъ религіознымъ убѣжденіямъ... Можно-ли было вмѣнять въ вину турецкому султану его многоженство, разрѣшаемое Кораномъ, когда короли-христіане одни—женились по шести, по восьми разъ; другіе—имѣли цѣлые гаремы; третьи, наконецъ, жили въ кровосмѣсительной связи съ родными своими дочерьми или сестрами? Можно-ли было укорять исповѣдниковъ ислама за ихъ пороки, когда во главѣ Западной Церкви красовался папа Александръ VI, которому вмѣсто тройной митры первосвященника приличнѣе было бы быть увѣнчанымъ семиярусной тіарой изъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ. „Антихристъ народился!“ говорили дѣти шестнадцатаго столѣтія—и точно: глядя на папу римскаго, его можно было принять за Антихриста, либо за звѣря апокалипсическаго. Этими же самыми прозвищами, черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Александра Борджіи, католическій міръ позорилъ Мартина Лютера; но къ которому изъ двухъ они были примѣнимѣе, кто ихъ болѣе заслуживалъ: самозванный намѣстникъ первоверховнаго апостола, римскій папа—онъ же убійца, клятвопреступникъ, кровосмѣситель... или виттенбергскій монахъ, апостолъ Германіи, явленіе котораго было вызвано злодѣйствами Александра VI и легіона его предшественниковъ? Лютеръ, подобно фениксу, возродился изъ пепла костровъ, на которыхъ погибли за правое дѣло Гусъ, Іеронимъ Прагскій и Савонаролла. Александръ Борджія былъ послѣдней каплей, переполнившей мѣру терпѣнія божіяго и человѣческаго.

Племянникъ папы Каликса III, *Родриго Ленцуоли* родился въ Валенціи въ 1431 году. Послѣ бурно проведенной молодости снискавъ репутацію отъявленнаго негодяя, онъ, по приглашенію дяди прибылъ въ Римъ (1455 г.), гдѣ ожидала его кардинальская шапка со всѣми сопряженными съ нею почестями, выгодами и блестящими надеждами. Въ мантіи кардинала, Родриго и въ зрѣлыхъ лѣтахъ оставался неизмѣнно все тѣмъ же, чѣмъ былъ и въ юности, съ той разницею, что тогда распутствами своими онъ позорилъ только свое имя, а теперь пятналъ свой

санъ, навлекая справедливое негодованіе на себя лично и на дядю... Прибытіе свое въ Римъ Родриго ознаменовалъ связью съ патриціанкой, Розой Ваноцца, подарившей ему четырехъ сыновей и дочь — вѣчно позорной памяти Лукрецію Борджію. Фамилію эту, данную и дѣтямъ своимъ, Родриго принялъ вмѣстѣ съ именемъ Александра VI по своемъ избраніи на папскій престолъ, который онъ наслѣдовалъ послѣ дяди, 11 августа 1492 года, благодаря проискамъ членовъ конклава, своихъ клевретовъ, кардиналовъ Сфорцы, Чибо и Ріаріо. Перемѣна имени и переоблаченіе изъ одѣянія кардинальскаго въ рясы первосвященическія были для Родриго тѣмъ же, чѣмъ бываетъ для змѣи перемѣна кожи; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ былъ все тѣмъ же сластолюбцемъ, какимъ былъ и въ двадцать; его не удерживали отъ распутства ни сѣдины, ни тіара. Дѣти его святѣйшества оказались вполнѣ достойными своего родителя: въ Цезарѣ, особенно, папа нашелъ вѣрнаго себѣ помощника и сообщника въ дѣлахъ государственныхъ и любовныхъ. Не довольствуясь фаворитками изъ среды знатнѣйшихъ семействъ дворянскихъ и духовныхъ, папа и сынъ его обратили страстные помыслы на прелестную, бѣлокурую Лукрецію — дочь одного, сестру другаго — сдѣлавшуюся вскорѣ любовницею обоихъ!.. Связь Лукреціи съ отцомъ и однимъ братомъ не помѣшала ей, въ свою очередь, удостоивать нѣжнѣйшими ласками другаго, младшаго брата, Гифри, герцога Сквиллаче—зарѣзаннаго наемными убійцами по приказанію ревниваго Цезаря!.. Всѣ эти мерзости опять-таки не воспрепятствовали, той же Лукреціи! въ короткое время смѣнить трехъ мужей. Первымъ былъ Джіованни Сфорца, герцогъ Пезаро и Пьяченцы (1493 г.): съ нимъ дочь папы развелась черезъ четыре года вслѣдствіе его рановременной дряхлости. За нимъ слѣдовалъ Альфонсъ, герцогъ Бизеньи (побочный сынъ короля Альфреда II аррагонскаго), въ 1500 году удавленный по распоряженію шурина, того же братоубійцы—Цезаря Борджіи. Черезъ годъ—двадцатидвухлѣтняя вдова Лукреція стояла предъ брачнымъ алтаремъ съ Альфонсомъ д'Эсте, герцогомъ феррарскимъ.

Политическая дѣятельность Александра VI и Цезаря, их геніальные замыслы объединенія Италіи, не имѣютъ отношенія къ

предмету нашего труда, а потому, умалчивая о нихъ, скажемъ, въ заключеніе бѣглаго біографическаго очерка семейства Борджіи, о смерти папы.

Имѣя въ виду истощеніе казны непрерывными войнами въ Италіи и оргіями въ стѣнахъ Ватикана, Александръ VI въ послѣдніе два года своей жизни рѣшился расширять кругъ прибыльной торговли индульгельціями, чинами и кардинальскими шапками. Послѣдняя статья была особенно доходна; здѣсь папа, какъ говорится, однимъ камнемъ убивалъ двухъ птицъ: получалъ деньги съ новаго кардинала и, по закону, наслѣдовалъ имѣніе покойнаго его предшественника. За вакансіями остановки не было. Его святѣйшеству стоило только пригласить кардинала къ себѣ на завтракъ или на ужинъ; достаточно было даже пожать ему руку или приказать отомкнуть дверь, запертую на ключъ, чтобы его эминенція дня черезъ два или черезъ три изволилъ отбыть изъ жизни временной въ жизнь вѣчную... Примѣшать яду въ кушанье или питье — было вещью простой и нехитрой, особенно для Александра Борджіи, отравившаго Зизима, брата султана Баязета, по просьбѣ послѣдняго. Но, такъ просто отравлять можно было только магометанина: для очистки кардинальскихъ вакандій, у папы были придуманы иные, остроумнѣйшіе способы, именно рукопожатіе и отмыканіе замка. Для перваго, папа надѣвалъ на палецъ правой руки золотой перстень, изъ внутренной стороны котораго, при легкомъ пожатіи чужой руки выходилъ стальной волосокъ, чуть слышно ее укалывавшій и впускавшій въ уколъ каплю яду, отъ котораго, не смотря на гомеопатическое его количество — не было спасенія. Точно такимъ же механизмомъ были снабжены ключи у дверей или шкафовъ, по просьбѣ папы отмыкаемыхъ его жертвами.

Въ началѣ второй половины августа 1503 года, папа вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ Цезаремъ порѣшили отправить на тотъ свѣтъ трехъ кардиналовъ, и съ этой цѣлію пригласили ихъ на ужинъ. Въ числѣ прочихъ лакомствъ, заготовленныхъ для дорогихъ гостей, находились бутылки съ кипрскимъ виномъ, *подслащеннымъ* его святѣйшествомъ. Эти бутылки, припасенныя на закуску, были отданы подъ надзоръ благонадежнаго буфетчика... Въ половинѣ

ужина, еще задолго до десерта, папа и Цезарь приказали подать себѣ вина, разумѣется не изъ завѣтныхъ бутылокъ, какъ оно случилось. Осушивъ поданные бокалы, Александръ и сынъ его, усугубляя любезность и внимательность къ гостямъ, предложили имъ послѣдовать ихъ примѣру, и въ эту самую минуту папа, измѣнясь въ лицѣ, испуганно, тоскливо сталъ ощупывать себѣ грудь и шею.

— Что съ вами, ваше святѣйшество? заботливо спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ничего, ничего... отвѣчалъ злодѣй и, обращаясь къ секретарю, продолжалъ торопливо: потрудитесь поскорѣе принести изъ моей спальни мою наперсную ладонку; она должна быть на аналоѣ, около кровати...

Присутствовавшіе невольно переглянулись. Каждому изъ нихъ было извѣстно, что Александръ VI постоянно носилъ на шеѣ ладонку, съ которой была тѣсно связана вся его судьба. Когда онъ былъ еще кардиналомъ, какая-то цыганка, даря ему эту ладонку, предсказала, что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, покуда будетъ носить ее на шеѣ... Занятый мыслію объ отравленіи кардиналовъ, съ утра 18 дня августа 1503 года, Александръ VI забылъ надѣть на шею роковой подарокъ цыганки и вспомнилъ о немъ только вечеромъ, именно тогда, когда, должно быть тоже *по разсѣянности* буфетчика—выпилъ бокалъ вина отравленнаго, приготовленнаго для кардиналовъ. Посланный въ комнаты, по возвращеніи своемъ въ садъ (ужинали на открытомъ воздухѣ) нашелъ гостей въ страшномъ смятеніи, а папу и его сына Цезаря въ предсмертной истомѣ: оба попали въ ту яму, которую рыли другимъ. Александръ умеръ въ жестокихъ мученіяхъ, но Цезарь остался живъ, благодаря ваннамъ изъ горячей бычачьей крови.

Безобразно раздутый и зловонный трупъ папы-изверга съ великимъ трудомъ и площадной бранью едва втиснули въ гробъ уборщики падали, призванные для этой операціи съ ближайшей живодерни. Трупъ Александра Борджіи могъ бы служить олицетвореніемъ папской власти, отнынѣ на вѣки предаваемой землѣ, даже безъ надежды на воскресеніе, такъ какъ Александра VI можно было назвать *послѣднимъ* ѳеократомъ католицизма!..

Секретарь папы, ходившій въ его спальню за завѣтной ладонкой, клятвенно увѣрялъ, что, приближаясь къ кровати, онъ видѣлъ покойнаго папу, лежащаго на ней въ полномъ облаченіи, озареннаго свѣтомъ свѣчъ въ высокихъ подсвѣчникахъ, окружавшихъ этотъ парадный одръ. Допуская, наперекоръ здравому смыслу, явленія призраковъ, мы желали бы только узнать, какой силѣ припишутъ это видѣніе мечтатели-духовидцы?

Семейство Борджія въ Римѣ можетъ служить образчикомъ безнравственности всѣхъ владѣтельныхъ особъ, а за ними—духовенства, дворянства и простонародья всѣхъ герцогствъ и республикъ Италіи XVI столѣтія. Изъ послѣднихъ Генуѣ и Венеціи неотъемлемо подобаетъ незавидное право на прозвище лупанаровъ, вертеповъ распутства всей южной Европы. Хроники и памятныя записки того времени изобилуютъ соблазнительными разсказами о томъ, что творилось при дворахъ герцоговъ Сфорца въ Миланѣ, Медичи во Флоренціи, д'Эсте въ Феррарѣ, Бентиволіо въ Болоніи, Колонна въ Остіи, Монтефельтри въ Урбино, Малатеста въ Римини и т. д., но мы не приводимъ этихъ разсказовъ—щадя стыдливость читателя... Поэзія, изящныя художества процвѣтали въ Италіи повсемѣстно, но вникая пристально въ ихъ произведенія, нельзя не замѣтить и на нихъ клейма разврата и цинизма. Какъ на представителя поэзіи того времени укажемъ только на Аретино (1492—1557), имѣвшаго тысячи поклонниковъ, поклонницъ и сотни болѣе или менѣе безстыдныхъ подражателей. Живописцы и скульпторы, исчерпавъ миѳологическіе сюжеты (преимущественно тѣ, которые льстили современному вкусу) безъ зазрѣнія совѣсти вносили характеръ чувственности въ изваянія и въ картины духовнаго содержанія, обнажая тѣла святыхъ, преимущественно женскаго пола, придавая ихъ лицамъ черты знаменитыхъ прелестницъ, либо избирая своихъ любовницъ въ натурщицы для олицетворенія мадоннъ...

О матерь Божія, тебя-ли,
Мое прибѣжище въ печали
Въ чертахъ блудницы вижу я!

говоритъ Савонаролла въ поэмѣ нашего Майкова, и эти немногія слова, вложенныя поэтомъ въ уста мученика, краснорѣчивѣе

цѣлаго десятка страницъ характеризируютъ какъ итальянскую иконографію XVI столѣтія, такъ равно и взглядъ на нее даже не фанатиковъ, но людей мало-мальски набожныхъ.

Внѣдряясь такимъ образомъ въ ту область живописи, которая для него всего менѣе должна-бы быть доступною, развратъ не миновалъ даже наукъ, особенно естественныхъ. Первѣйшіе врачи прилагали особенное стараніе на изготовленіе зельевъ: возбудительныхъ, приворотныхъ, плодоубійственныхъ и смертоносныхъ. На всѣ эти яды былъ огромный запросъ и торговля ими давала громадные барыши промышленникамъ. Какъ въ любви, такъ и въ политикѣ яды—въ Европѣ вообще—въ Италіи же въ особенности играли, какъ увидимъ, не послѣднюю роль. Вмѣстѣ съ составителями ядовъ и любовныхъ эликсировъ, оттѣсняя истинно ученыхъ людей на задній планъ, горделиво выдвигались впередъ астрологи, алхимики, магики, кабалисты и имъ подобный сбродъ, пользовавшійся, въ Италіи и повсемѣстно, особенной благосклонностью государей. Колумбъ, едва могъ вымолить у Изабеллы испанской три несчастные корабля для открытія Новаго Свѣта съ его неистощимыми золотыми и серебряными рудниками — въ то самое время, когда императоры, короли и герцоги тратили громадныя суммы, награждая шарлатановъ-алхимиковъ. Астрологъ Нострадамусъ былъ кумиромъ двора Генриха II во Франціи и тамъ же ученый БернаръПалисси умеръ въ цѣпяхъ, въ Бастиліи... Но подобныхъ примѣровъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ повсюду такое великое множество, что имъ можно и счетъ потерять; мы упомянули о нихъ для того только, чтобы пояснить читателю, въ какой мѣрѣ тогда торжествовали: мракъ надъ свѣтомъ, ложь надъ правдою, порокъ надъ добродѣтелью.

Какъ-бы для полной гармоніи порчи нравственной съ порчею тѣлесной, независимо отъ эпидемій и уже существовавшихъ въ Европѣ болѣзней, списокъ послѣднихъ увеличился еще одной— гнуснѣйшей, съ быстротою пламени распространявшейся повсюду въ первые годы XVI вѣка... Этимъ чудовищемъ (говоримъ о сифилисѣ) Европа была обязана Карлу VIII, королю французскому, или вѣрнѣе итальянской войнѣ, имъ сумасбродно начатой и продолжавшейся при его преемникахъ, Людовикѣ XII и Франциc-

кѣ I. Отклоняя отъ себя позорную честь ознакомленія Европы съ этимъ адскимъ недугомъ, одинъ народъ ссылался на другой, придавая болѣзни весьма нелестное для своего сосѣда прилагательное. Такъ, испанцы называли сифилисъ болѣзнію американской, итальянцы—испанской, французы—неаполитанской, наконецъ всѣ прочіе европейскіе народы—французской.

Изъ Италіи мысленно перенесемся въ Испанію. Она обсыхала тогда отъ крови мавровъ, вытѣсненныхъ Фердинандомъ Католикомъ и супругою его Изабеллою. Для окончательной осушки и расчистки родной земли отъ крови еретиковъ и нехристей, и ихъ богомерзкихъ ученій, король и королева по настоянію духовенства учредили инквизиціонныя судилища, съ ихъ истязаніями и кострами... Послѣднее средство было признано особенно полезнымъ для искорененія въ Испаніи всего, что въ теченіе восьми вѣковъ было насаждено въ ней окаянными маврами, а насаждены ими были, между прочимъ, науки и художества. Подъ владычествомъ мавровъ невѣжественная Испанія развилась, просвѣтилась, образовалась—но восьми-вѣковые труды просвѣтителей обратились въ прахъ, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ. Развитый, просвѣщенный и образованный народъ долженъ былъ смиренно протянуть голову подъ ярмо ѳеократизма.

— Да воцарится же мракъ пещеры отшельнической вмѣсто свѣта, возженнаго руками нечестія! говорила инквизиція. Не нужно Испаніи другаго свѣта, кромѣ пламени нашихъ костровъ!..

И запылали костры, и въ клубахъ смраднаго дыму, затмѣвающаго умы, возносились къ небу вопли нѣсколькихъ тысячъ жертвъ мракобѣсія. Вмѣстѣ съ ними горѣли на кострахъ произведенія искуствъ, поэзіи и (по мнѣнію фанатиковъ) корень зла—книги!.. За девять сотъ пятдесятъ лѣтъ до этого времени, Омаръ, военачальникъ одного изъ мавританскихъ халифовъ, сжегъ Александрійскую библіотеку; но мавры впослѣдствіи загладили это варварство, просвѣщаясь сами и просвѣщая покоренные ими народы. Испанская инквизиція XVI столѣтія выжгла и выкурила изъ родной своей страны просвѣщеніе и образованіе, превратила ее въ царство мрака, невѣжества — и съ той поры погрузилась

Испанія въ умственную летаргію, отъ которой не пробуждается и до сего дня.

Прибравъ къ рукамъ короля и королеву, тиранствуя надъ народомъ, само испанское духовенство, подъ личиною благочествія, въ стѣнахъ монастырей усердно служило духу времени — т. е. Бахусу и Венерѣ. Принося въ жертву фанатизму красавицу-мавританку, еврейку или свою же соотечественницу — еретичку, нерѣдко суровый инквизиторъ приносилъ ее прежде въ жертву своему сластолюбію. Пламенныя объятья и бѣшенныя ласки судьи были прологомъ ввержепія несчастной въ пламя костра или преданія ея въ руки палача на истязанья невыносимыя. Инквизитору даже не было надобности прибѣгать къ насилію; иная жертва съ радостью уступала ему, услышавъ изъ его устъ клятвенное обѣщаніе пощады жизни ея собственной, или жизни матери, отца, брата, мужа..... Пощады разумѣется не было; клятвопреступленія своего самъ преступникъ не вмѣнялъ себѣ въ грѣхъ, такъ какъ обманутая не принадлежала къ числу дѣтей единоспасающей католической церкви. Когда же ведомая на казнь громогласно объявляла народу о злодѣйствѣ судьи, ей не только никто не вѣрилъ, но самое обвиненіе, какъ облыжное, принималось всѣми присутствующими за внушенія злаго духа.

Франція, не взирая на раззорительную войну; Англія — разоряемая Генрихомъ VII, королемъ-скрягою; Данія, угнетавшая Швецію, и Швеція, угнетаемая Даніей; Австрія и Германія, волнуемыя междоусобіями; Польша, Литва; наконецъ даже наша святая Русь — однимъ словомъ, всѣ европейскія государства являли въ XVI вѣкѣ самыя печальныя картины нравственнаго упадка во всѣхъ общественныхъ сферахъ. Что говорятъ намъ лѣтописи о послѣднихъ годахъ царствованія Ивана III, великаго собирателя земли русской?

Возникавшіе у насъ при Иванѣ III расколы, которые можно назвать отголосками западныхъ реформъ, колебали донынѣ непоколебимыя, религіозныя убѣжденія народа. Въ 1503 году въ Москвѣ надъ распространителями такъ называемой *жидовской ереси* совершались казни, лютостью своею нимало не уступавшія испанскимъ ауто-да-фе. Казнями и гоненьями достигало ли то-

гдашнее наше правительство благой цѣли охраненія нравовъ отъ соблазна? Нимало. Расколы усиливались; число ихъ послѣдователей возрастало; на ересіарховъ большинство смотрѣло чуть не какъ на святыхъ и именно потому, что судъ царскій и духовный вмѣсто шутовскаго колпака вѣнчалъ ихъ вѣнцомъ мучениковъ... Большинство духовенства, за немногими исключеніями, являло-ли собою заблудшимъ овцамъ стада Христова благіе примѣры смиренія, благочестія и нравственности? Отнюдь. Въ 1500 году, царь, раздавъ дѣтямъ боярскимъ монастырскія земли (покоренной новогородской области), помыслилъ, что духовенству—особенно черному, неприлично владѣть селами, деревнями и тѣмъ отвлекаться отъ служенія Богу мірскими, суетными заботами. Духовенство, обсудивъ этотъ вопросъ на соборѣ, созванномъ Симономъ митрополитомъ, отвѣчало Ивану III горькими укоризнами, ссылаясь между прочимъ на татаръ, щадившихъ монастырскую собственность, и говоря въ заключеніе, что она должна быть неприкосновенна какъ собственность Божія. По приговору третьяго собора (въ 1503) запрещено было священнодѣйствовать тѣмъ изъ вдовыхъ іереевъ и діаконовъ, которые, „забывъ страхъ Божій, держатъ наложницъ, именуемыхъ *полу-попадьями.* „Уличенные же въ порокѣ любострастія (продолжаетъ приговоръ), да живутъ въ мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеждѣ. Еще установляемъ, чтобы монахамъ и монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть въ особенности монастырямъ женскимъ и мужскимъ, и проч.“ На этомъ же самомъ соборѣ строго воспрещалось мздоимство, и, не смотря на высшіе чины, духовенство не гнушалось взятками, даже вымогало ихъ у подчиненныхъ: архіепископъ Геннадій явно брал деньги съ посвящаемыхъ имъ іереевъ и діаконовъ.

Эта распущенность въ нравахъ духовенства, давая противъ него сильное орудіе раскольникамъ, вводила въ соблазнъ народъ, подрывала въ немъ уваженіе и довѣріе къ служителямъ церкви и наконецъ развращала его. Ребенокъ, видя примѣры распутства въ отцѣ и матери, весьма часто слѣдуетъ имъ: такъ было и съ народомъ, тѣмъ же переимчивымъ ребенкомъ. Распри въ царскомъ семействѣ, вражда царицы Софіи Ѳоминичны съ княжной Еленой Степановной (невѣсткою царя, вдовою старшаго его сына), ихъ

обоюдныя ябеды, каверзы, наушничанья царю, его старческая или вѣрнѣе—ребяческая уступчивость то одной, то другой, были явленіями, если и не новыми, то тѣмъ не менѣе обидными для народа, привыкшаго видѣть въ государѣ и его семействѣ высокіе примѣры добродѣтелей и домашняго согласія. Добродѣтелью и строгостью правилъ княгиня Елена Степановна не могла не хвалиться. Вѣтренная дочь господаря молдаванскаго, пренебрегая обязанностями, которыя налагалъ на нее титулъ невѣстки русскаго царя, забывая, что она мать нареченнаго наслѣдника престола, князя Димитрія Ивановича, вела себя далеко не такъ, какъ бы слѣдовало. Княгиня Елена Степановна жила разгульно, имѣла любовниковъ, глумилась надъ нашими обычаями, играла своимъ добрымъ именемъ и вмѣстѣ съ нимъ шапкою Мономаха, готовившеюся Димитрію. Бѣдный юноша, еще при жизни Ивана III вѣнчанный имъ на царство, былъ отстраненъ отъ престола, заточенъ въ темницу, въ которой, по приказанію царя Василія Ивановича, былъ уморенъ голодомъ или задушенъ. Царицѣ Софіи Ѳоминичнѣ можетъ быть труднѣе было бы сломить свою кичливую соперницу, если бы послѣдняя умѣла держать себя съ тѣмъ царственнымъ величіемъ, умомъ и тактомъ, которыми всегда отличалась супруга Ивана III, дочь и сестра Палеологовъ. Не мало принесло вреда правамъ предковъ нашихъ, не мало способствовало моральной порчѣ народа сближеніе Руси съ Европою. Подобно Петру Великому, распахнувъ двери своего царства западному просвѣщенію, Иванъ III не могъ отдѣлить добра отъ зла, пшеницы отъ куколя. Сперва Греція, а потомъ европейскія державы, тѣсно сближаясь съ Россіей, вмѣстѣ съ начатками образованія внесли порчу въ ея нравы, до того времени безукоризненные. Такъ въ стѣнахъ одной и той же школы, дѣти, учась добру отъ наставниковъ, научаются, отъ своихъ товарищей многому дурному и перенимаютъ отъ нихъ вредныя привычки.

Предпосылая нашему труду очеркъ нравственнаго состоянія Европы XVI вѣка, мы желали ознакомить читателя съ той почвой, съ тѣми благопріятными условіями, которыя особенно способствовали появленію во многихъ государствахъ и временщиковъ, и фавориток; появленію—которое было тѣмъ чаще и изобильнѣе,

чѣмъ порочнѣе были нравы государства вообще, правителя его въ особенности. Кромѣ нравственной порчи, возникновенію фавориток способствовала политика того времени, принуждавшая государей жертвовать ей и ея разсчетамъ тѣми чувствами человѣческими, которыя должны быть неприкосновенны какъ въ величайшемъ монархѣ, такъ и въ самомъ ничтожномъ простолюдинѣ. Бракъ по разсчету никогда не можетъ быть счастливъ; при этомъ бракѣ та или другая сторона, мужъ или жена, всегда жертва. Молодой бѣднякъ, домогающійся руки старой, но богатой невѣсты, бѣдная красавица, идущая за дряхлаго урода-миліонщика—какъ бы ни увѣряли добрыхъ людей въ своемъ безкорыстіи, едва ли найдутъ изъ сотни тысячъ людей одного легковѣрнаго, который бы дался въ обманъ и не отвѣтилъ бы на всѣ увѣренія: „полноте, не морочьте!“ Того же отвѣта должны ждать себѣ нѣжные отцы и матери, осѣняющіе брачнымъ вѣнцомъ голову сына или дочери наперекоръ ихъ желаніямъ, не взирая на ихъ мольбы и слезы, руководствуясь единственно гнусными разсчетами. Браки вѣнценосцевъ XVI столѣтія были именно основаны на одномъ разсчетѣ, весьма часто обрекавшемъ на супружество младенцевъ въ колыбели, отдѣленныхъ другъ отъ друга цѣлыми морями и многими тысячами верстъ. Бывало и такъ, что невѣста совершенныхъ лѣтъ, а женихъ кормится грудью; или наоборотъ... „Соображенія государственныя, благо народовъ, сліяніе партій, упроченіе мира!“ вотъ тѣ громкія фразы, которыми политика заглушала протесты сочетавшихся бракомъ, или голосъ совѣсти въ тѣхъ, которые жертвовали дѣтьми или сами отваживались на ужасное самопожертвованіе. Такимъ образомъ, благодаря супружескимъ союзамъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ всѣ европейскіе государи были въ кровномъ родствѣ, и въ то же самое время, въ кровавой враждѣ между собою. Здѣсь зять вооружается на тестя, тамъ—шуринъ на зятя; далѣе за невыполненіе какой нибудь статьи рядной записи супругъ позорно изгонялъ супругу, либо свекровь враждовала съ невѣсткою, золовка со снохою, пасынокъ съ вотчимомъ. Гдѣ же тутъ хваленыя политикою: „благо народовъ“, „сліяніе партій“ или „упроченіе мира“? Да не семейная ли вражда искони вѣковъ, со временъ Каина и Авеля, была первымъ источникомъ войнъ и кро-

вавыхъ неурядицъ? Удѣльные князья въ Россіи, Тюдоры и Плантагенеты въ Англіи, Габсбурги и Бурбоны въ Испаніи, Валуа и Капетины во Франціи и т. д. и т. д. имъ же нѣсть числа!...

Не оправдывая невѣрности супружеской, мы отнесемся къ вопросу неравенства старинныхъ политическихъ браковъ только съ общечеловѣчной точки зрѣнія. Младенецъ, женихъ невѣсты совершеннолѣтней, подросталъ; достигалъ наконецъ возраста когда въ немъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, пробуждались страсти, развивались чувства, и тутъ-то въ отвѣтъ на его страстные помыслы политика указывала на женщину, которая по своему возрасту могла быть ему матерью и говорила: вотъ жена твоя! Допуская, что, не смотря на разность лѣтъ, избранница не сердца, но политики была мила и привлекательна—мы желали бы знать (повторяемъ, основываясь на чувствахъ человѣческихъ), что кромѣ ненависти и отвращенія могъ почувствовать къ своей невѣстѣ державный юноша, особенно если въ кругу придворныхъ дамъ или дѣвицъ сердце его уже избрало себѣ предметъ страсти, остающейся не безъ отвѣта, болѣе или менѣе искренняго. Съ невѣстою, живущею за морями, по непреложному закону природы, еще того ранѣе произошло тоже самое, что и съ женихомъ. Между знатными юношами сердце ея давно отыскало того, въ комъ оно видѣло совершенное олицетвореніе идеала, кого можно было назвать воплощеніемъ завѣтнѣйшихъ, дѣвическихъ грезъ.... „Вотъ мужъ твой“! говорила и ей безчувственная сваха, политика, показывая принцессѣ или царевнѣ портретъ мальчика, можетъ быть и хорошенькаго, но для влюбленныхъ глазъ бѣдной невѣсты, конечно, отвратительнаго....

И пріѣзжала она на чужую сторону и въ свитѣ ея бывалъ тотъ, кого она удостоила первой своей любви. Ее съ подобающими почестями встрѣчали толпы знатнѣйшихъ вельможъ обоего пола и между красавицами незнакомаго ей двора находилась ея настоящая или будущая соперница. При этой обстановкѣ, нерѣдко съ обоюдною ненавистью, шли женихъ и невѣста къ алтарю, гдѣ произносили обѣтъ брачный съ совершеннѣйшей готовностью нарушить его при первомъ же удобномъ случаѣ.

Такова была обстановка, при которой, посредствомъ брачныхъ

союзовъ, породнились: Франція съ Англіей, Италіей, Испаніей, Наваррой и Австріей; Россія съ Литвою; Испанія съ Австріей, Швеція съ Польшей и т. д. Беремъ на выдержку четыре примѣра супружескаго согласія государей, по которымъ читатель можетъ судить о всѣхъ прочихъ.

Въ 1496 году Фердинандъ и Изабелла испанскіе сочетали бракомъ дочь свою Іоанну съ Эрцгерцогомъ Филиппомъ австрійскимъ, императорскимъ намѣстникомъ въ Нидерландахъ. Ослѣпленные соображеніями политическими и предстоящими выгодами этого союза, король и королева упустили изъ виду крайнюю молодость лѣтъ, несходство характеровъ, умственныхъ способностей и наружности жениха и невѣсты. Шестнадцатилѣтній Филиппъ былъ красавецъ собою, уменъ и вмѣстѣ съ тѣмъ влюбчивъ, вѣтренъ и всего менѣе склоненъ къ супружеской жизни. Іоанна была годами двумя его моложе, но не хороша собою, слабоумна и вслѣдствіе этого—докучливо нѣжна, навязчива въ ласкахъ и безконечно ревнива. Воспитанная матерью въ правилахъ стѣснительнаго этикета, ханжества и закоснѣлаго суевѣрія, Іоанна въ первые же два года замужества, не смотря на свою молодость, опротивила своему супругу, который не только не стѣснялся соблюденіемъ вѣрности супружеской, но сталъ вѣтренничать еще болѣе, чѣмъ во время холостой жизни. Жизнь молодыхъ въ Нидерландахъ, веселая и привольная для Филиппа, была мученіемъ для бѣдной, покинутой Іоанны, тѣмъ менѣе любимой мужемъ, чѣмъ болѣе старалась она снискать его нѣжность и ласку. Физически здоровая, Іоанна страдала постепенно возраставшимъ, душевнымъ недугомъ и обезумѣла окончательно. Въ Гентѣ 24 февраля 1500 года она родила сына—славнаго впослѣдствіи Карла V, умомъ превосшедшаго своего отца, но наслѣдовавшаго отъ матери ея душевную болѣзнь, обнаружившуюся въ великомъ императорѣ въ послѣдніе годы его жизни. Рожденіе сына нѣсколько сблизило супруговъ, однакоже не на долго... И опять начались гулянки одного и страданія другой. Желая избавиться отъ жены, Филиппъ отправилъ ее въ Испанію, и эта разлука была для Іоанны еще прискорбнѣе сожительства съ обожаемымъ мужемъ, прискорбнаго именно тѣмъ, что онъ даже не

скрывалъ отъ жены своихъ любовныхъ похожденій. Въ 1502 году, не въ силахъ будучи переносить разлуки, Іоанна возвратилась къ Филиппу въ Нидерланды. Раздосадованный этой навязчивостью слишкомъ любящей жены, эрцгерцогъ, ссылаясь на ея болѣзнь, заперъ ее въ уединенномъ дворцѣ, кромѣ доктора и прислужницъ не давъ ей другихъ собесѣдниковъ и почти уволивъ безумную отъ своихъ посѣщеній. Въ этомъ плачевномъ положеніи застала Іоанну вѣсть о кончинѣ ея матери Изабеллы (14 ноября 1504 г.). По закону, Іоанна должна была наслѣдовать престолъ, который она, по слабости ума и сердца, предоставила Филиппу, довольствуясь титуломъ соправительницы—вмѣстѣ съ прозвищемъ *безумной* (la Loca). Здѣсь, въ Испаніи, Филиппъ придерживался той же келейной системы леченія жены отъ помѣшательства. Онъ былъ слишкомъ честенъ, что бы отравить жену, но недостаточно великодушенъ, чтобы не желать ея смерти, для ускоренія которой можетъ быть и обходился съ Іоанною безъ малѣйшаго состраданія. Судьба однако же судила иначе: скорбящая Іоанна пережила своего мужа, въ августѣ 1506 года умершаго вслѣдствіе изнуренія всякаго рода распутствами. Лишившись единственнаго своего сокровища, Іоанна отъ помѣшательства тихаго, перешла къ яростному, которое могло только служить доказательствомъ той неограниченной любви, которой она любила недостойнаго мужа. Онъ, живой, почти не принадлежалъ ей—Іоанна овладѣла имъ мертвымъ. Увѣряя окружавшихъ парадный одръ, что Филиппъ живъ, что онъ спитъ, королева, не отходя отъ него ни днемъ, ни ночью, осыпала трупъ поцѣлуями и расточала ему нѣжнѣйшія ласки. При вмѣшательствѣ духовенства, употребивъ силу, у несчастной Іоанны отняли мертвеца для погребенія. Уступивъ требованіямъ религіи, королева на другой же день приказала вырыть похороннаго изъ могилы и съ этой минуты года два не разлучалась съ нимъ. Положивъ его на пышную, парадную постель, Іоанна бесѣдовала съ нимъ, какъ бесѣдуетъ ребенокъ со своей куклой. Въ случаѣ поѣздки въ какой нибудь городъ королева везла съ собою въ траурной каретѣ этотъ набальзамированный трупъ, останавливаясь съ нимъ на ночь въ монастыряхъ, гдѣ надъ нимъ служили литіи и

панихиды. Эти разъѣзды королевы съ мертвецомъ, особенно въ ночную пору, достойны кисти художниковъ, изобразившихъ *танецъ смерти* (Гольбейна и Клаубера), или пера Бюргера, воспѣвавшаго невѣсту мертвеца, Ленору... Но, еще того болѣе, несчастная Іоанна заслуживаетъ сожалѣнія потомства какъ жертва нелѣпой политики своего времени. Сорокъ девять лѣтъ тяготилась она жизнію и скончалась въ Тордезильѣ 13 апрѣля 1555 года семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду.

Другой примѣръ изъ нашей отечественной исторіи—замужество Елены, дочери царя Ивана III.

Въ январѣ 1495 года, желая упрочить миръ съ Польшею, царь выдалъ дочь свою Елену за Александра, царя польскаго и великаго князя литовскаго. Здѣсь главнымъ источникомъ несогласія супружескаго было различіе вѣроисповѣданій. Отецъ и мужъ ссорились, и Еленѣ, ставшей между двухъ огней, пришлось въ угоду тому и другому страдать, скрытничать, жертвовать собою. Отецъ желалъ сдѣлать ее орудіемъ своей политики, и вслѣдствіе этого требовалъ съ ея стороны содѣйствія замысламъ, всегда противорѣчившимъ интересамъ Польши. Мужъ заставлялъ Елену быть безмолвной свидѣтельницей оскорбленій русскихъ пословъ, глумленія надъ обрядами нашей церкви и самыхъ дружескихъ сношеній со врагами Россіи. Родственная связь двухъ враждебныхъ царствъ, узломъ которой была несчастная Елена, не только не принесла никакой пользы, но еще хуже прежняго возстановила одинъ народъ противъ другаго, еще пуще разожгла ненависть вѣковую и непримиримую. Какъ бы въ обмѣнъ на Елену, княжну русскую, коварная Литва дала Россіи другую Елену, бѣглянку, удостоенную царемъ Василіемъ Ивановичемъ избранія въ супруги и впослѣдствіи подарившую ему сына и наслѣдника, обезсмертившаго себя прозвищемъ *Грознаго...* Не литовская ли кровь говорила въ немъ въ тѣ минуты (слишкомъ частыя), когда онъ пилъ русскую боярскую кровь, не брезгая впрочемъ и простонародною? Женитьба царя Василія на Еленѣ Глинской была дѣломъ вопіющей несправедливости и, еще того хуже, скандаломъ, возмутившимъ духовенство, бояръ и даже безотвѣтный народъ. Не говоримъ уже о томъ, что бракъ этотъ былъ морганатическій. Въ старину, великіе князья

избирали себѣ женъ изъ боярскихъ семействъ, но до царя Василія ни одинъ не отваживался брать себѣ въ жены дѣвицу изъ семейства измѣнниковъ и бѣглецовъ, обезславившаго себя на своей родинѣ. Страстно влюбленный въ Елену, царь пожертвовалъ ей женою, Соломоніей Сабуровой, съ которой въ полномъ согласіи прожилъ двадцать лѣтъ. Ссылаясь на неплодіе царицы, Василій рѣшился развестись съ нею. Бояре-льстецы, кромѣ князя Симеона Курбскаго, одобряя это намѣреніе, отвѣчали ему, что „неплодную смоковницу посѣкаютъ и на мѣстѣ ея садятъ новую, въ вертоградѣ.“ Ни одинъ изъ нихъ не возвысилъ голоса въ защиту доброй, кроткой Соломоніи; ни одинъ, при этомъ сравненіи жены царской съ неплодной смоковницей, не сказалъ царю, что эта смоковница, не давая ему плодовъ, двадцать лѣтъ укрывала его подъ своей сѣнью, подъ которою онъ всегда находилъ тихую отраду и успокоеніе отъ трудовъ государственныхъ. Митрополитъ Даніилъ и придворный синклитъ одобряли преступное намѣреніе царя, противъ котораго возстали однако инокъ Волоколамскаго монастыря Вассіанъ (сынъ князя литовскаго Ивана Патрикѣева) и Максимъ Грекъ, монахъ аѳонскій, знаменитый переводчикъ Толковой Псалтири и исправитель древнихъ переводовъ множества духовныхъ книгъ. Памятникомъ его великодушной защиты царицы Соломоніи осталось: „Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя.“ Сторону царицы принялъ и простой народъ, изъ среды котораго многіе, знакомые съ церковными книгами, ссылались на Номоканонъ, на слова апостоловъ, на завѣтъ Спасителя...

Очарованный своей прелестной литвинкой, заглушивъ въ себѣ голосъ совѣсти, царь съумѣлъ отдѣлаться отъ непрошенныхъ совѣтниковъ. Князь Симеонъ Курбскій былъ удаленъ отъ двора; Максимъ Грекъ, обвиненный митрополитомъ въ еретическихъ толкованіяхъ священнаго писанія, былъ заточенъ въ одинъ изъ уединенныхъ тверскихъ монастырей... Что же касается до народнаго ропота, царь зналъ, что онъ умолкнетъ самъ собою, что тѣ самые, которые охуждаютъ его за разводъ съ Соломоніей, будутъ первые веселиться на его свадьбѣ съ Еленою—и говоръ недовольства смѣнится радостными кликами. Труднѣй всего было сладить съ бѣдной царицей. Ей предложили добровольно отказаться отъ

міра и обречь себя на монашеское житіе; царица отказалась. Ее насильно вывели изъ дворца, постригли въ Рождественскомъ монастырѣ подъ именемъ Софіи (18 сентября 1526 г.) и увезли въ Суздаль. Когда, при совершеніи обряда постриженія, царица сопротивлялась и вмѣсто чтенія молитвъ или произнесенія монашескихъ обѣтовъ молча плакала, бояринъ Иванъ Шигона угрожалъ ей побоями... Надѣвая рясу инокини, бывшая царица Соломонія сказала: „Богъ видитъ и отплатитъ гонителю моему!“ Вскорѣ приверженцы ея распустили слухъ, будто она, постриженная во время беременности, родила въ монастырѣ сына Георгія и тайно воспитывала его въ надеждѣ, что онъ въ свое время явится въ могуществѣ и славѣ. Слухъ этотъ, очевидно вымышленный, постепенно затихъ; объ инокинѣ Софіи позабыли... Переживъ мужа и Елену Глинскую, она скончалась въ 1542 году 18 декабря и была погребена въ Суздалѣ, въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

По благословенію митрополита, черезъ два мѣсяца послѣ постриженія Соломоніи, царь Василій праздновалъ свою свадьбу съ Еленой Глинской; ей было восемнадцать лѣтъ, ему—сорокъ восемь. Желая заслужить наибольшее вниманіе отъ своей супруги, Василій (по свидѣтельству Герберштейна), молодился, сталъ брить себѣ бороду и прибѣгать къ косметическимъ средствамъ. Если въ сердцѣ Елены не было искренней любви, за то было достаточно лукавства и лицемѣрія, чтобы притворными ласками своими окончательно овладѣть царемъ. Онъ умеръ въ полночь 4 декабря 1533 года. Слѣдовавшая за гробомъ царица Елена заливалась слезами, причитывала и голосила. Ее сопровождалъ, въ числѣ прочихъ, статный красавецъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій, на слѣдующій же годъ совмѣстившій въ лицѣ своемъ временщика и фаворита, замаскированныхъ почетнѣйшими должностями.

Современникъ царя Василія Ивановича, французскій король Людовикъ XII явилъ собою тоже неутѣшительный примѣръ старческой влюбчивости и по лѣтамъ неровнаго брака. Разведясь съ первой своей супругою Іоанною, за ея неплодіе, Людовикъ, 8 января 1499 года, женился на Аннѣ Бретанской, вдовѣ короля

Карла VIII и прожилъ съ нею четырнадцать лѣтъ въ самомъ добромъ согласіи. Уступая мужу во многихъ душевныхъ качествахъ, Анна, женщина умная и съ тактомъ, умѣла привязать его къ себѣ и заслужить отъ Людовика самое искреннее уваженіе. Какъ королева, она снискала любовь народную, употребляя доходы со своего бретанскаго герцогства на вспомоществованіе бѣднымъ и многія благотворительныя учрежденія. На свой собственный счетъ она снарядила двѣнадцать большихъ кораблей для войны христіанскихъ державъ противъ турокъ въ 1501 году; придала много блеску двору королевскому и первая изъ королевъ окружила себя знатными дѣвицами со званіемъ фрейлинъ или почетныхъ дѣвицъ королевы (Filles d'honneur de la reine). Умалчиваемъ о ея интригахъ противъ герцогини ангулемской, о ея намѣреніи отложиться отъ Франціи во время трудной болѣзни Людовика, когда интересы политическіе заглушили въ ней чувства жены; какъ бы то ни было, до конца своей жизни она была любима, уважаема Людовикомъ, глубоко огорченнымъ ея кончиною, 21 января 1513 года.

Глядя на скорбь короля, на его скромный, пожилому вдовцу приличный, образъ жизни, трудно было допустить, чтобы онъ рѣшился сочетаться бракомъ въ третій разъ... Однако политика, эта безжалостная сваха государей того времени, судила иначе, и въ послѣдніе два года царствованія Людовикъ XII сдѣлался жертвою хитро сплетеной интриги политической, бросившей его въ объятья женщины молодой, красивой, страстно любившей... другаго.

Герцогъ Лонгвилль, плѣнникъ Генриха VIII, короля англійскаго, живя при его дворѣ, еще при жизни Анны бретанской задумалъ разстроить союзъ короля съ императоромъ австрійскимъ и королемъ испанскимъ и сблизить его съ Франціею. Союзъ родственный казался Лонгвиллю самымъ лучшимъ къ тому средствомъ. Людовикъ овдовѣлъ, а у короля англійскаго была сестра Марія, красавица, кокетливая, сводившая съ ума всю придворную молодежь, но въ кругу ея особенно отличавшая Карла Брендона, герцога Сюффолькъ. Этого молодаго человѣка, въ короткое время достигшаго должности егермейстера и графскаго титула—рекомен-

довала королю бывшая его кормилица. Генрихъ VIII полюбилъ Брендона за тѣ качества и дарованьица, благодаря которымъ, чаще нежели истинными дарованіями и умомъ, человѣкъ пронырливый можетъ достигнуть богатствъ и почестей. Брендонъ былъ красивъ собою, ловокъ, прекрасно танцовалъ, бился на рапирахъ, дресировалъ для охоты собакъ и соколовъ; отлично умѣлъ играть въ шары (jeu de paume) и былъ по этому безсмѣннымъ партнеромъ Генриха VIII. Любовь принцессы Маріи къ баловню счастія не была тайною ни для короля, ея брата, ни для двора; о свадьбѣ молодыхъ людей поговаривали именно тогда, когда плѣнный герцогъ Лонгвилль велъ съ королемъ переговоры о возможности заключить съ Франціей честный миръ и родственный союзъ выдачею Маріи за вдовствующаго Людовика XII... Дѣло обдѣлали такъ скоро, что черезъ двѣ недѣли миръ между Англіею и Франціею былъ подписанъ; Людовикъ XII, благодаря описаніямъ прелестей невѣсты, переданныхъ ему искуснымъ перомъ Лонгвилля, и ея портрету, писанному еще того искуснѣйшей кистью, влюбился въ Марію и она съ многочисленной свитою отправилась въ Булонь, гдѣ долженъ былъ ее привѣтствовать, отъ имени короля, молодой герцогъ ангулемскій. Въ числѣ спутниковъ невѣсты находился отставной ея женихъ графъ Сюффолькъ, хотя и принужденный отказаться отъ руки принцессы, но не отказавшійся отъ надежды быть счастливымъ соперникомъ ея престарѣлаго супруга. Герцогъ ангулемскій, со своей стороны, влюбился въ Марію при первой встрѣчѣ и готовился уже затмить въ ея глазахъ и вытѣснить изъ ея сердца бѣднаго Сюффолька, но во время былъ остановленъ бывшимъ при немъ протонотаріусомъ Дю Помъ. Доводы послѣдняго были неопровержимы по своей логичности. Францискъ ангулемскій, въ случаѣ кончины бездѣтнаго короля, долженъ былъ наслѣдовать престолъ. Дѣтей у Маріи *отъ короля*, по увѣренію его лейбъ-медика Франсина, быть не могло; если же они будутъ *отъ герцога ангулемскаго* (въ случаѣ, если его ухаживанья за королевой увѣнчаются успѣхомъ)—послѣднему, отдаленному отъ престола, останется только грустное утѣшеніе—быть отцомъ будущаго короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрноподданнымъ своего дѣтища. Предпочитая вѣнецъ королевскій

вѣнцу своихъ страстныхъ желаній, Францискъ умѣрилъ свои восторги и обратилъ особенное вниманіе на опаснѣйшаго соперника себѣ и бѣдному королю, именно на графа Сюффолька. Увѣривъ его въ своемъ искреннемъ расположеніи и готовности содѣйствовать *со временемъ* въ его нѣжныхъ отношеніяхъ къ Маріи, Францискъ упросилъ графа теперь уважать въ ней королеву, не домогаться крайней ея благосклонности и по мѣрѣ силъ охранять отъ дерзкаго домогательства молодыхъ вельможъ. Эта позорная сдѣлка удалась Франциску какъ нельзя лучше. Въ чаяніи будущихъ благъ графъ Сюффолькъ изъ любовника Маріи превратился въ усерднѣйшаго ея шпіона; кромѣ его ревнивыхъ глазъ за королевою слѣдили еще двѣ зоркія пары: статсъ-дама баронеса д'Омонъ и Луиза савойская, мать Франциска. Онѣ не упускали королевы изъ виду ни днемъ, ни ночью.

Бѣдный Людовикъ XII, не подозрѣвая происковъ, вполнѣ увѣренный въ любви своей молодой жены, игралъ ту жалкую роль, которая вообще суждена влюбленнымъ старикамъ. Изнуряемый страстью, преодолѣвая дряхлость, онъ въ угоду женѣ старался первенствовать на частыхъ празднествахъ и въ забавахъ двора, не соблюдая тѣхъ гигіеническихъ правилъ, которыя должны были бы служить закономъ въ старческомъ возрастѣ. Одного года невоздержной жизни достаточно было, чтобы лишить Францію въ лицѣ Людовика XII — отца отечества... Онъ умеръ 1 января 1515 года, завѣщая престолъ Франциску, бывшему герцогу ангулемскому. Вдовствующая королева не замедлила замужствомъ съ графомъ Сюффолькъ, щедро награжденнымъ новымъ королемъ...

Жанна Грей, въ 1554 году казненная, по повелѣнію Маріи Тюдоръ, была родной внукой Маріи, вѣроломной супруги короля французскаго.

Франциск I.

ГРАФИНЯ ШАТОБРІАНЪ. ГЕРЦОГИНЯ д'ЭТАМПЪ. ФЕРОНЬЕ

(1515—1547)

— Часто женщина мѣняется,
Сумасбродъ кто ей ввѣряется (1)

Это двустишіе короля-сластолюбца, бывшее любимой поговоркой своего державнаго автора — самый приличный эпиграфъ къ разсказамъ о его любовныхъ похожденіяхъ, изъ которыхъ была соткана вся его жизнь. Въ наше время, когда исторія низвела многихъ героевъ, поважнѣе Франциска I, съ ихъ высокихъ пьедесталовъ — этотъ „король-рыцарь", „отецъ словесности", не можетъ имѣть въ глазахъ потомства той обаятельной прелести, которую еще не такъ давно придавали ему снисходительные историки, особенно романисты. Право на званіе „рыцаря" у Франциска I неотъемлемо въ такомъ только случаѣ, если это слово принимать въ прямомъ смыслѣ, т. е. для означенія одного изъ тѣхъ средневѣковыхъ изувѣровъ, развратниковъ, невѣждъ и кровожадныхъ самодуровъ, которые грабили евреевъ по городамъ, купцовъ по большимъ дорогамъ и ни за что, ни про что вѣшали г...ныхъ васаловъ на зубцахъ стѣнъ своихъ феодальныхъ замковъ. *Такого* рыцаря Францискъ I дѣйствительно напоминаетъ ...

(1) Souvent femme varie,
Bien fol est, qui s'y fie!

гими своими подвигами, упущенными изъ виду авторами панегиристами. Знаменитая его фраза, которою онъ извѣщалъ Луизу Савойскую о взятіи его въ плѣнъ при Павіи (24 февраля 1525 г.): „все пропало — кромѣ *чести*!“ можетъ только служить доказательствомъ узкости взгляда короля французскаго на честь вообще, а на честь своего государства въ особенности. „Все пропало — кромѣ чести!“ Куда какъ прилично щеголять этой фразой королю-плѣннику, купившему свободу постыднѣйшимъ миромъ. Происки Франциска для достиженія престола, о которыхъ мы только что разсказали читателю, тоже не атестуютъ его съ выгодной стороны; его раздумье надъ вопросомъ послѣдовать-ли совѣту герцогини д'Этампъ: брать Карла V въ плѣнъ (въ бытность его въ качествѣ *гостя* во Франціи) или не брать? тоже едва ли достойно истинно честнаго человѣка.

Что касается до прозвища „отца словесности“, приличествующаго скорѣе Людовику XI, нежели Франциску I, — мы имѣемъ смѣлость предполагать, что послѣднему оно дано было въ насмѣшку... Назвали же одного изъ Птоломеевъ *филопатеромъ* (отцелюбцемъ) въ память его отцеубійства! Хорошъ былъ Францискъ, отецъ словесности, именнымъ указомъ отъ 13 января 1535 года запретившій печатать книги подъ опасеніемъ смертной казни; учредившій инквизиторскую цензуру, наполнявшій тюрьмы учеными, литераторами и 2 августа 1546 года сжегшій славнаго книгопродавца и типографщика Стефана Доле (Dolet) на кострѣ, сложенномъ изъ его изданій! Истинно: „отеческое“ наказаніе... Впрочемъ подвиги мракобѣсія „отца словесности“ стоятъ подробнаго обзора и нижеслѣдующіе факты говорятъ сами за себя.

Въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія новое ученіе Лютера проникло во Францію. Премудрая Сорбонна, по разсмотрѣніи новой доктрины, всеторжественно предала проклятію ея основателя 15 апрѣля 1521 года. Не раздѣляя этого мнѣнія, защитниками лютеранизма явились: епископъ Вильгельмъ Брисонне и доктора той-же Сорбонны — Жакъ Фабри (или ле-Февръ д'Этапль), Вильгельмъ, Фарель, Марціалъ Мазюрье и Жираръ Рюффи, а нѣкоторое время и мать короля, Луиза Савойская. Городъ Мо сдѣ-

лался разсадникомъ новаго вѣроисповѣданія во Франціи, нашедшаго себѣ явныхъ послѣдователей въ Парижѣ, Маконѣ, Труа, Шартрѣ, Олеронѣ, Орлеанѣ, Э, Вайоннѣ и Бове. Здѣсь однимъ изъ первыхъ лютеранъ былъ Оде де Колиньи, кардиналъ Шатильонскій. Антоній Дюпра—бывшій для Франціи тѣмъ же, чѣмъ былъ для Испаніи Торквемада, т. е. палачъ-фанатикъ—Антоній Дюпра, видя, что проклятіе Сорбонны не только не пресѣкло зла, но какъ будто послужило къ его усиленію — настоялъ на томъ, чтобы парламентъ наложилъ запрещеніе на печатаніе переводовъ книгъ священнаго писанія, какъ книгъ вредныхъ, способствующихъ распространенію вольнодумства!.. Какой мѣрой мѣряете, той же мѣрой и воздастся вамъ: въ отвѣтъ на безбожное постановленіе парламента житель Мо, нѣкто Жанъ Леклеркъ, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей разорвалъ папскую буллу, и схваченный за это, вмѣстѣ съ сообщниками былъ привезенъ въ Парижъ. Отсюда, послѣ трехдневнаго бичеванія палачемъ, виновные были отвезены обратно въ Мо, гдѣ имъ наложили клейма на лобъ. Леклеркъ, бѣжавшій въ Мецъ, былъ пойманъ и сожженъ живымъ на медленномъ огнѣ послѣ адскихъ истязаній; его щипали раскаленными клещами, отрубили обѣ кисти рукъ и вырвали ноздри. Другою жертвою французской инквизиціи въ Парижѣ былъ молодой ученый Жакъ-де-Павань, прозванный Жакобе: 29 марта 1525 г., его, обличеннаго въ лютеранской ереси—сожгли на Гревской площади. Два слѣдующіе года парламентъ ограничивался изданіемъ указовъ противъ еретиковъ, постановивъ между прочимъ: за дерзкія сужденія о религіи, наказывать виновныхъ урѣзаніемъ языка; за несоблюденіе постовъ подвергать тюремному заключенію. За послѣднее преступленіе былъ посаженъ въ тюрьму поэтъ Климентъ Маро (Marot), камердинеръ короля Франциска. Его освободили благодаря ходатайству сестры государя, Маргариты Наварской, сочинительницы знаменитыхъ сказокъ и тайной послѣдовательницы лютеранизма. Въ 1533 году, послѣ смерти матери своей Луизы Савойской, Францискъ I, будто справляя поминки, явился во всемъ блескѣ изувѣрства и языческой нетерпимости. Мэтра Александра изъ Эвре сожгли на Моберской площади; хирургъ Жанъ Пуантель подвергся той же участи съ урѣзаніемъ языка; Сорбонна от-

дала подъ судъ Маргариту Наварскую за сочиненную ею книгу: Зерцало грѣшной души (Miroir de l'âme pecheresse), наполненную, по мнѣнію сорбонскихъ богослововъ, вредными мудрствованіями. Воспитанники наварской колегіи разыграли на домашнемъ театрѣ діалогическій пасквиль, въ которомъ сестра короля была выведена въ видѣ фуріи. Ректора университета Николая Копъ и одного изъ студентовъ, парламентъ призвалъ къ отвѣту за то, что они возвысили голосъ въ пользу Маргариты. Предвидя развязку ихъ процесса въ петлѣ или на кострѣ, виновные бѣжали: ректоръ въ Базель, а студентъ въ Сентонжъ. Это былъ *Кальвинъ.*

Усилія Маргариты укротить фанатическое бѣшенство Франциска были безуспѣшны предъ навѣтами кардинала Турнона и безграмотнаго изувѣра Анны Монморанси. 13 января 1535 года король опозорилъ себя знаменитымъ именнымъ указомъ, воспрещавшемъ печатать и издавать книги, подъ опасеніемъ висѣлицы. Черезъ 8 дней, января 21 того же года, Францискъ потѣшилъ свой любезно-вѣрный городъ Парижъ небывалымъ зрѣлищемъ ауто-да-фе. По главнымъ улицамъ прошла огромная процессія, въ которой несли святыни столицы: мощи св. Женевьевы и св. Маркела, жезлъ Аарона, скрижали Моисея, сохранявшіеся въ Святой часовнѣ (Sainte Chapelle). Всѣ участвовавшіе въ процессіи шли босые, со свѣчами въ рукахъ. При прохожденіи ея через мостъ Нотръ-Дамъ, съ соборной колокольни спустили стаю голубей съ ленточками, на которыхъ былъ написанъ стихъ изъ 101 псалма: та погибнутъ, а ты пребудеши (ipsi peribunt, tu autem permanebis). Отслушавъ обѣдню, его величество изволили обѣдать у епископа, причемъ изволили осыпать жестокими упреками членовъ парламента за ихъ поблажки еретикамъ и излишнее къ нимъ снисхожденіе и за успѣхи лютеранизма. Выговоры свои король заключилъ во первыхъ строжайшимъ приказомъ — еретиковъ не щадить, а во вторыхъ — фразою, что онъ готовъ отсѣчь любой изъ членовъ собственнаго тѣла, еслибы тотъ оказался зараженнымъ ересью. Жаль, никто изъ присутствовавшихъ не осмѣлился замѣтить Франциску, что о заразахъ души или тѣла слѣдовало бы говорить кому другому, но ужъ отнюдь не ему... Рѣчь короля

была шутовской интермедіей, предшествовавшей кровавымъ драмамъ, разыграннымъ одновременно въ разныхъ концахъ Парижа и достойно заключавшимъ день торжества фанатизма... Шесть жертвъ было принесено римскому Молоху:

На Гревской площади, на медленномъ огнѣ, сожженъ молодой лютеранинъ, Варѳоломей Миланъ—больной и разслабленный.

У Трагуарскаго креста возведенъ на костеръ Николай Валетонъ, сборщикъ податей въ Нантѣ.

Той же участи подверглись на рыночной площади суконщикъ Жанъ Дюбуръ; на кладбищѣ св. Іоанна — купецъ Стефанъ де-ла-Форжъ.

Содержательница дѣтской школы, Ля-Кателль, сожжена на площадкѣ улицы Гашеттъ.

Каменщику Антонію Пуалю—раскаленнымъ желѣзомъ выжженъ языкъ, а сквозь щеки продернута желѣзная палка...

Являлись ли тѣни этихъ страдальцевъ королю въ тѣ минуты, когда онъ блаженствовалъ въ объятьяхъ своей герцогини д'Этампъ или Діаны де Пуатье?

Черезъ восемь дней послѣ аута-да-фе, 29 января того же 1535 года обнародованъ указъ—возводить на костеръ укрывателей еретиковъ и указу этому дана обратная сила. Учреждены: инквизиція и Огненная палата (Chambre ardente) при парламентѣ. Верховнымъ инквизиторомъ назначенъ Матоей Орэ, монахъ якобинскій; предсѣдателемъ суда Антоній Муши, прозывавшійся Демохаресомъ и оставившій по себѣ вѣчную память въ народѣ словомъ mouchard (шпіонъ, сыщикъ), которымъ, съ тѣхъ поръ, на французскомъ языкѣ означаютъ лицъ, служащихъ въ этой государственной должности. Ученые и литераторы бѣжали толпами вонъ изъ Франціи. Въ числѣ ихъ были: Робертъ Оливетанъ, Климентъ Маро (1), Клавдій де Фосъ, Іаковъ Каннэ, Аміо, перевод-

(1) К. Маро (род. 1495, умеръ въ 1544 г. въ крайней нищетѣ) у насъ мало извѣстенъ, даже людямъ хорошо знакомымъ съ французскою литературою. Современникъ Рабелэ, онъ недосягаемо выше автора Пантагрюэля. Изъ многихъ его стихотвореній приводимъ одно, могу-

чикъ Плутарха, и мн. другіе. Запрещены и сожжены въ великомъ множествѣ сочиненія Эразма, Меланхтона, Кальвина и вообще книги богословскаго и философическаго содержанія... Доносы, шпіонства, обыски, казни—пятнаютъ лѣтописи 1540 — 45 годовъ. Въ южной Франціи свирѣпствовалъ тогда фанатикъ, монахъ Ромà, напомнившій жителямъ времена гоненій альбигойцевъ; въ 1546 году турнельская палата изъ 50 лютеранъ города Мо приговорила къ костру четырнадцать человѣкъ. Получивъ извѣстіе, что лютеране укрываются въ Лотарингіи, ревностный поборникъ папскихъ интересовъ, Францискъ I убѣждалъ лотарингскихъ герцоговъ не давать еретикамъ ни пріюта, ни пощады!..

Такъ относился король-рыцарь къ великому, неприкосновенному вопросу совѣсти. Совмѣстите въ этомъ желѣзномъ сердцѣ — съ этими звѣрствами, достойными Нерона—нѣжность, любезность, любовь къ искуствамъ и сочувствіе къ трудамъ ученыхъ?... Одно съ другимъ какъ-то плохо ладится, а между тѣмъ, именно такимъ являлся Францискъ I въ тѣ минуты, когда изъ рукъ іезуитовъ попадалъ въ объятья женщинъ, которымъ, не смотря на свою поговорку, приведенную нами вмѣсто эпиграфа—ввѣрялся постоянно.

Первой фавориткой короля, предшественницей герцогини д'Этампъ, была графиня Шатобріанъ. Дочь Феба Грайлльи, герцога Фуа, она

щее служить образцомъ поэтическаго дарованія и философіи знаменитаго поэта:

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse—orgueil. volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre adresse...
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté—l'humilité,
D'humilité revient la paix...
Ainsi retournent humains faits!

т. е. Миръ порождаетъ благоденствіе, оно ведетъ за собою богатство, за богатствомъ слѣдуютъ гордость, сластолюбіе; отъ гордости непрерывныя распри, отъ нихъ война, за войной — нищета, за нищетой—смиреніе, а тамъ — опять миръ... Таковъ круговоротъ дѣяній человѣческихъ!...

на тринадцатомъ году отъ рожденія вышла за графа Шатобріана и въ теченіе семи лѣтъ мирно и счастливо жила съ нимъ въ его родовомъ, бретанскомъ имѣніи. Король Францискъ при восшествіи на престолъ изъявилъ желаніе знатнымъ господамъ, чтобы они являлись ко двору постоянно со своими женами. „Дворъ безъ женщинъ", говаривалъ женолюбецъ-король — „тоже, что годъ безъ весны или весна — безъ цвѣтовъ!" Получивъ приглашеніе, графъ Шатобріанъ — можетъ быть въ смутномъ предчувствіи позора — рѣшился ѣхать одинъ. Зная однако же, что отсутствіе его жены будетъ замѣчено королемъ, что оно дастъ поводъ къ распросамъ и настоятельнымъ требованіямъ, графъ предъ отъѣздомъ въ Парижъ заказалъ два совершенно одинакіе перстня: одинъ изъ нихъ онъ взялъ съ собою, другой же оставилъ женѣ, строго наказавъ ей ѣхать въ столицу въ такомъ только случаѣ, если къ письму будетъ приложенъ его, графа, перстень. Молодая красавица, сожалѣя о разлукѣ, сама не выказала ни малѣйшаго желанія хотя бы мелькомъ взглянуть на Парижъ и на пышный дворъ молодаго короля, о которомъ ходило въ провинціи множество чудесныхъ слуховъ. Съ дѣтства пріученная къ мирной жизни у домашняго очага, графиня предпочитала всякимъ развлеченіямъ и веселью тихое свое уединеніе.

Графъ прибылъ ко двору, представился королю одинъ, чѣмъ навлекъ на себя отъ Франциска весьма любезные упреки, перемѣшанные выраженіями желанія познакомить его съ графиней и не лишать двора такого безцѣннаго украшенія. Уклончивые отвѣты графа, его оправданіе отсутствія жены тѣмъ, что она большая нелюдимка, почти дикарка, — только пуще подстрекали любопытство короля, разжигаемое и разсказами придворныхъ о красотѣ графини. Не осмѣливаясь быть явнымъ ослушникомъ монаршей воли графъ неоднократно писалъ къ женѣ приглашенія отъ своего имени, не прилагая къ нимъ перстня и, согласно наставленію мужа, графиня каждый разъ отвѣчала ему самымъ холоднымъ отказомъ. Ея упрямство удивляло весь дворъ и не на шутку печалило короля, догадывавшагося, что между мужемъ и прелестной нелюдимкой женою есть какая-то тайна, заграждающая ей путь ко двору... Нашлись услужливые люди, которые изъ безкорыстной под-

лости, изъ желанія разрушить семейное счастіе графа, предложили королю проникнуть эту тайну и во чтобы то ни стало выманить затворницу изъ ея добровольнаго или насильственнаго заточенія. Орудіемъ къ достиженію цѣли избрали слугу графа Шатобріана вмѣстѣ съ нимъ прибывшаго изъ бретанскаго захолустья. Слуга этотъ оказался такой же продажной душенкой, какъ и королевскіе клевреты; они поняли другъ друга... Ловко вывѣдавъ отъ графа тайну его перстня, слуга, по наущенію придворныхъ господъ, передалъ имъ непримѣтно для бѣднаго мужа талисманъ, охранявшій его супружеское счастіе: съ завѣтнаго перстня была заказана копія, которую невозможно было отличить отъ оригинала. Вскорѣ послѣ того, по просьбѣ Франциска, графъ писалъ къ женѣ, и на этотъ разъ къ его посланію былъ приложенъ перстень, переданный заговорщиками курьеру.

Не подозрѣвая этой интриги, графиня Шатобріанъ прибыла въ Парижъ—къ радости короля и къ совершенному отчаянію мужа. Не объяснивъ женѣ пружинъ адской западни, въ которую она попалась, негодуя на нее, на короля, на весь свѣтъ—графъ Шатобріанъ возвратился въ свой замокъ будто въ опустѣлое гнѣздо, оставивъ графиню на жертву королевскому сластолюбію. Впослѣдствіи времени онъ можетъ быть и раскаявался въ своей запальчивости, но было уже поздно и имя графини Шатобріанъ позорно красовалось на первой страницѣ скандалезной хроники царствованія Франциска I. Ея появленіе при дворѣ произвело огромный эфектъ; люди не знавшіе того пути, какимъ она была вызвана изъ Бретани, приписывали ея отказы тонко-расчитанному кокетству. По красотѣ, любезности и изяществу пріемовъ графини невозможно было думать, чтобы она дѣйствительно могла имѣть склонность къ уединенному, затворническому образу жизни. Одна только мать короля, Луиза Савойская, смотрѣла на графиню не совсѣмъ благосклонно, угадывая въ ней опасную соперницу не въ смыслѣ любви, но въ смыслѣ вліянія, которому фаворитка подчинила короля въ короткое время. Желая загладить свой проступокъ, графиня предлагала мужу свое покровительство: предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, было съ негодованіемъ отвергнуто. Братья графини были не такихъ строгихъ правилъ и не отказа-

лись отъ почестей, купленныхъ цѣною безчестія сестры. Старшій, *Лотрекъ*, былъ произведенъ въ маршалы и посланъ главнокомандующимъ въ Миланское герцогство, только что завоеванное Францискомъ. Вступленіе его въ эту должность было ознаменовано отторженіемъ испанскими войсками отъ папскихъ областей герцогства Урбино. Папа Левъ X обвиняя въ этомъ своихъ союзниковъ французовъ отказался отъ ихъ неловкаго содѣйствія. Оставивъ вмѣсто себя въ Миланѣ Телиньи—человѣка болѣе достойнаго и даровитаго, маршалъ Лотрекъ отправился во Францію для весьма выгодной женитьбы. Телиньи могъ бы исправить многія ошибки маршала, если бы по проискамъ графини Шатобріанъ не былъ замѣненъ младшимъ ея братомъ Лекю, бывшимъ прежде епископомъ эрскимъ. Замѣнивъ рясу воинскими доспѣхами, Лекю вслѣдствіе этого не превратился ни въ воина, ни въ искуснаго политика. Болѣе заносчивый нежели храбрый, онъ, кромѣ того, отличался непомѣрнымъ корыстолюбіемъ. Радѣя о пользѣ собственнаго кармана болѣе, нежели о выгодахъ своего отечества, Лекю просто грабилъ дворянъ и землевладѣльцевъ герцогства Миланскаго, взыскивая съ нихъ за малѣйшую ошибку (а чаще и совершенно безвинно) огромные штрафы и конфискуя ихъ имущества въ свою пользу. Все это сходило ему съ рукъ безнаказанно, благодаря заступничеству фаворитки. Когда же Францискъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, рѣшился отозвать Лекю—та же графиня Шатобріанъ выхлопотала, чтобы Лотрекъ опять занялъ должность намѣстника миланскаго. Государственная казна была истощена до невозможности и не смотря на то Лотрекъ непремѣннымъ условіемъ принятія должности намѣстника полагалъ выдачу ему на военныя издержки 300,000 экю. Не взирая на возраженія государственнаго казначея барона *Самблансэ* (Sanblançay) Францискъ приказалъ прислать эту сумму Лотреку посредствомъ векселей на Генуу.

Прибытіе Лотрека въ Миланъ, какъ бы въ предзнаменованіе будущихъ бѣдствій, было ознаменовано взрывомъ пороховаго погреба (вслѣдствіе удара молніи), произведшимъ смятеніе между горожанами и гарнизономъ. Вѣрный системѣ строгости Лотрекъ казнилъ родственника папы, маркиза Паллавичини, почти безъ суда,

по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ непріятельскими войсками. Французскій гарнизонъ, забывъ субординацію, грабилъ окрестныхъ жителей и многими безчинствами возбуждалъ въ итальянцахъ крайнее негодованіе; наемныя швейцарскія войска выйдя изъ повиновенія требовали уплаты жалованья, задерживаемаго Лотрекомъ... Нужда въ деньгахъ день ото дня становилась настоятельнѣе, а денегъ не высылали! Швейцарцы передались непріятелю; имперскія войска почти безъ труда овладѣвали городами и крѣпостями Миланскаго герцогства. Безъ денегъ, почти безъ войска, тѣснимый непріятелемъ Лотрекъ въ сопровожденіи двухъ слугъ бѣжалъ во Францію и явился въ Меленѣ, гдѣ въ то время находился король. Негодуя на маршала, не удостоивъ его особой ауіенціи, Францискъ принялъ его какъ подсудимаго, потребовавъ въ засѣданіе государственнаго совѣта.

— Что у васъ дѣлается? сурово спросилъ король Лотрека при его появленіи. Понимаете ли вы, сударь, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ вы меня лишили всего что я пріобрѣлъ въ Италіи.

— Не я виноватъ, государь! спокойно отвѣчалъ Лотрекъ.

— Кто же, кромѣ васъ? вспыхнулъ Францискъ. Войска у васъ достаточно, деньги были...

— Швейцарская пѣхота передалась непріятелю, отпарировалъ маршалъ, и передалась именно вслѣдствіе неплатежа ей денегъ, обѣщанныхъ мнѣ вашимъ величествомъ.

— Вы не получили трехсотъ тысячь экю?

— Нѣтъ, государь!

— Или вы морочите меня, произнесъ король въ крайнемъ изумленіи, или вы и всѣ меня окружающіе за одно съ непріятелемъ. Позвать барона Санблансэ!

Покуда ходили за государственнымъ казначеемъ, Францискъ продолжалъ свой непріятный разговоръ съ маршаломъ.

— Швейцарцы измѣнили вслѣдствіе неплатежа жалованья (¹)

(¹) Въ память подкупныхъ швейцарцевъ, измѣнившихъ королю въ критическое для него время, во Франціи по сіе время сохранилась половица: нѣтъ денегъ—нѣтъ и швейцарца (Pas d'argent, pas de suisse).

говорилъ онъ — пусть будетъ такъ, но у васъ оставались мои вѣрные французы...

— Одна конница съ голодными лошадьми, промышляющая по необходимости мародерствомъ.

— Денежныя дѣла непріятеля точно также въ плачевномъ положеніи, однако же они не помѣшали ему вытѣснить васъ изъ Милана, а это (какъ мнѣ думается) было имъ гораздо труднѣе, нежели вамъ удержаться. Баронъ! продолжалъ король, обращаясь къ вошедшему Санблансэ и противъ обыкновенія не называя его „батюшкой", — что вы сдѣлали съ 300,000 экю, асигнованными два мѣсяца тому назадъ на военныя издержки въ Италіи?

— Я отдалъ ихъ ея величеству королевѣ матери, спокойно отвѣчалъ государственный казначей.

— Для отсылки Лотреку?

— Никакъ нѣтъ, государь... на собственныя издержки ея величества. На всѣ мои возраженія королева отвѣчала мнѣ, что она пользуется неограниченнымъ вашимъ довѣріемъ, а потому и отвѣтственность за израсходованіе денегъ беретъ на себя. Въ подтвержденіе своихъ словъ, государыня выдала мнѣ собственноручную квитанцію... Вотъ она!

Честность и прямодушіе стараго Санблансэ не могли подлежать сомнѣнію. Окончательно недоумѣвающій Францискъ попросилъ въ засѣданіе государственнаго совѣта Луизу Савойскую. На вопросъ: брала ли она деньги изъ казначейства? королева-мать, при видѣ неопровержимой улики — собственноручной квитанціи, отвѣчала утвердительно.

— Однако же вы знали, что эти 300,000 экю асигнованы Лотреку? замѣтилъ король.

— Если-бы это знала, невозмутимо отозвалась эта змѣя въ образѣ женщины, — неужели я-бы осмѣлилась употребить эти деньги на собственные свои расходы: на выдачу пенсій, на богоугодныя заведенія, на содержаніе моей свиты? Я спрашивала у Санблансэ, нѣтъ-ли въ деньгахъ особенно настоятельной, государственной нужды и онъ отвѣчалъ — никакой!

— Никакой? Когда у нас война, намъ дорога каждая полушка! воскликнулъ король. — И это вамъ говорилъ государствен-

ный казначей Санблансэ, вѣрный слуга Карла VIII и Лудовика XII?

— Говорилъ, твердо отвѣчала Луиза Савойская

— Неправда и неправда! сказалъ Санблансэ, не скрывая негодованіе при этой безстыдной лжи.

Забывая всякое уваженіе къ королю и себѣ самой, Луиза Савойская заспорила съ государственнымъ казначеемъ—съ запальчивостью, приличною развѣ рыночной торговкѣ. Король прекратилъ эти непріятныя объясненія словами: „не то время, чтобы затѣвать ссоры, каверзы и подкапываться другъ подъ друга. Подумаемъ лучше о томъ, какъ избавиться отъ внѣшнихъ непріятелей"!..

А число внѣшнихъ непріятелей вскорѣ увеличилось однимъ, стоившимъ цѣлой сотни: благодаря гнуснымъ интригамъ Луизы Савойской—гордость и слава французскаго оружія, коннетабль Карлъ Бурбонъ бѣжалъ изъ Франціи и передался Карлу пятому! Но прежде нежели мы передадимъ разсказъ о причинахъ измѣны коннетабля, окончимъ исторію съ деньгами, умышленно истраченными королевою и, такъ сказать, украденными ею изъ государственной казны. Къ этому поступку, который самъ по себѣ стоитъ измѣны, королеву подвигла личная ненависть къ графинѣ Шатобріанъ и всему ея семейству. Желая, во что-бы то ни стало уронить брата ея Лотрека во мнѣніи короля, королева мать лишила маршала денежныхъ средствъ, лишила этимъ Францію большей части ея завоеваній и за одно отняла у сына вѣрнаго его слугу Санблансэ. Королева дала клятву погубить государственнаго казначея и черезъ шесть лѣтъ сдержала ее. Когда въ 1525 году Франциску пришла несчастная мысль принять личное участіе въ итальянской войнѣ, онъ потребовалъ у Санблансэ туже сумму, 300.000 экю, но вмѣсто ея получилъ отказъ. Ссылаясь на растрату денегъ королевою, казначей, предложивъ королю взыскать 300.000 съ Луизы Савойской, подалъ въ отставку и удалился въ Турень, въ свое имѣнье. Ненавистницѣ его королевѣ удалось привлечь на свою сторону Жана Прево, служившаго секретаремъ при бывшемъ казначеѣ. Прево, подкупленный и запуганный, сдѣлалъ доносъ на Санблансэ, обвиняя его въ расхи-

щеніи казенныхъ денегъ и многихъ злоупотребленіяхъ. Арестованный въ исходѣ 1526 года старикъ былъ преданъ суду. Наряженная надъ нимъ слѣдственная комиссія состояла изъ клевретовъ королевы: канцлера Дюпра, президента Жанти и прокурора Майяра... Шестидесяти двухъ лѣтній Санблансэ былъ приговоренъ къ смертной казни и 9 августа 1527 года повѣшенъ на монфоконской живодернѣ къ крайней и единодушной горести всего народа. Позорная смерть старика была его торжествомъ: онъ шелъ на казнь съ невозмутимой твердостью человѣка праваго и Климентъ Маро, воспѣвшій его кончину, сказалъ о немъ: „глядя на блѣдное лице твоего обвинителя Майяра, это адское исчадье, можно было подумать, что онъ преступникъ, а ты его судья"!..

Маршалъ Лотрекъ ускользнулъ изъ когтей Луизы Савойской. Графинѣ Шатобріанъ удалось выхлопотать у короля прощеніе брату за его невольныя погрѣшности во время итальянской кампаніи 1522 года. Назначенный въ 1523 г. губернаторомъ Гюйэнны, маршалъ Лотрекъ отразилъ блокаду Байонны; въ 1525 г. отличился въ несчастномъ сраженіи при Павіи; въ 1527—овладѣлъ ею, Александріею, блокировалъ Генуу и умеръ отъ эпидеміи подъ стѣнами Неаполя 15 августа 1528 года, оставивъ по себѣ память храбраго полководца и загладивъ ошибки, надѣланныя имъ въ качествѣ градоправителя Милана.

Измѣна конетабля Карла Бурбона бросаетъ неизгладимое пятно на Луизу Савойскую и вмѣстѣ съ тѣмъ на ея безхарактернаго сына. Благородный и мужественный коннетабль своими подвигами въ итальянскую кампанію, въ особенности же красотою—имѣлъ несчастіе заслужить любовь королевы-матери. Холостой, онъ отвергалъ ея предложеніе быть ея мужемъ; женатый — отвергъ предложеніе быть ея любовникомъ. Въ отплату за это равнодушіе Луиза Савойская, при содѣйствіи канцлера Дюпра, подстрекнула герцога алансонскаго затѣять съ конетаблемъ тяжбу изъ за наслѣдства, оставленнаго конетаблю его покойнымъ отцомъ. Имѣя па своей сторонѣ законъ и правду Карлъ Бурбонъ былъ юридически ограбленъ безсовѣстными судьями, рѣшившими дѣло въ пользу противной и совершенно неправой стороны. Какъ-бы для переполненія

мѣры обидъ, Францискъ I сталъ благоволить герцогу алансонскому, ставить конетабля въ служебную зависимость отъ этого бездарнаго глупца... Адмиралъ Бонниве—креатура Луизы Савойской, при всякомъ удобномъ случаѣ оскорблялъ конетабля, прикрываясь покровительствомъ королевы и Франциска. Не желая болѣе служить неблагодарному, въ справедливомъ негодованіи на его мать, эту сладострастную мегеру, отнявшую у него отцовское наслѣдіе — конетабль бѣжалъ изъ Франціи и какъ Ѳемистоклъ къ персамъ, явился къ Карлу пятому, въ то время только что заключившему союзъ съ Генрихомъ VIII, королемъ англійскимъ. За отцовское имѣнье, отнятое у него Луизой Савойской, Карлъ Бурбонъ отнялъ у Франциска I герцогство миланское, принялъ дѣятельное участіе въ пораженіи французскаго короля при Павіи 24 февраля 1525 г. и былъ убитъ при осадѣ Рима 6 мая 1527 года. Бенвенуто Челлини, бывшій черезъ тринадцать лѣтъ послѣ того при дворѣ Франциска I, хвалился ему будто онъ застрѣлилъ конетабля... Погибъ-ли послѣдній отъ руки этого великаго художника или какого нибудь безвѣстнаго солдата, во всякомъ случаѣ смерть его избавила Францію отъ опаснаго врага, но конетабль еще того болѣе могъ быть полезенъ жизнію королю и своей родинѣ, еслибы Францискъ I умѣлъ достойно его цѣнить и любилъ его больше, а Луиза Савойская—меньше, или еще того лучше—вовсе не любила-бы.

Приверженцевъ конетабля во Франціи постигли жестокія гоненья и казни. Въ числѣ арестованныхъ и приговоренныхъ къ смерти находился престарѣлый Жанъ Пуатье, владѣтель Сен-Валлье. Дочь его Діана, красавица собою, рѣшилась лично умолять короля о помилованіи. Ея мольбы и слезы тронули Франциска I, но не оставлены были безъ вниманія и обаятельныя прелести красавицы.. Хотя графиня Шатобріанъ еще продолжала пользоваться благосклонностью короля, но это не помѣшало ему предложить Діанѣ де Пуатье купить жизнь и свободу отца цѣною своихъ ласкъ... Предложеніе, какъ видитъ читатель, истинно „рыцарское!“ Отказа разумѣется не было. Обольстивъ дочь, король пощадилъ отца и вскорѣ уѣхалъ на войну, гдѣ ожидалъ его рядъ неудачъ, законченный плѣномъ. Этимъ временемъ Діана де Пуатье сдѣлалась фа-

ориткой дофина, сына Франциска I; Луиза Савойская осталась правительницей государства.

Съ отъѣздомъ короля счастливая звѣзда графини Шатобріанъ померкла. Притѣсняемая правительницею, лишенная власти, фаворитка вынуждена была возвратиться на родину, въ свое помѣстье въ Бретани. Здѣсь, по словамъ историка Вариллья (Varillas), она была заточена мстительнымъ мужемъ въ комнату, обитую трауромъ и послѣ многихъ обидъ и оскорбленій убита имъ посредствомъ кровопусканія изъ рукъ и ногъ. По другимъ, болѣе достовѣрнымъ сказаніямъ, она оставалась при дворѣ Франциска до его возвращенія изъ плѣна, была свидѣтельницей воцаренія герцогини д'Этампъ, удалилась изъ столицы по настоянію послѣдней и умерла своею смертью въ 1537 году.

Годъ пребыванія плѣнникомъ въ Мадритѣ (1525—1526), послѣ развеселой жизни у себя въ королевствѣ, былъ для Франциска, въ нравственномъ отношеніи, постомъ послѣ разгульной масляницы. Карлъ V женщинъ не возлюблялъ, не тратилъ на нихъ ни времени, ни денегъ, и дворъ его, въ сравненіи съ дворомъ французскимъ могъ показаться монашеской обителью. Здѣсь — угрюмыя лица духовенства, надменныя физіономіи грандовъ, грубыя шерстяныя рясы или стальные рыцарскіе доспѣхи; тамъ — прелестныя, улыбающіяся личики женщинъ, разодѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ, сіяющихъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Здѣсь — совѣщанія о дѣлахъ государственныхъ, разговоры о подвигахъ воинскихъ, изрѣдка процессіи духовныя; тамъ—игры, смѣхи и безумное веселье. Скучно было Франциску, и посѣщеніе державнаго плѣнника его сестрою, Маргаритою Наварскою, было для него новымъ источникомъ горя, напомнивъ ему милую родину съ ея красавицами, до которыхъ такъ далеко ханжамъ испанкамъ, или безстрастнымъ нѣмкамъ. Жажда свободы, а съ нею и наслажденій, охладила во французскомъ королѣ его хвастливый героизмъ и пошатнула его рѣшимость пожертвовать собою для блага отечества. Мадритскій договоръ доказалъ совершенно противное: Францискъ искупилъ свободу цѣною блага и славы своего королевства. Той же самой рукой, которой годъ тому назадъ онъ писалъ матери свое знаменитое: „все пропало, кромѣ чести! (tout est perdu, fors l'honneur), онъ подписалъ

статьи самыя унизительныя и разорительныя. Онъ уступилъ Бургонь — Карлу V, Провансъ и Дофине — конетаблю Бурбону, всѣ области занятыя англійскими войсками — Генриху VIII; отступался отъ притязаній на Италію, Фландрію и Артуа, обязывался прислать императору, въ качествѣ заложниковъ, обоихъ своихъ сыновей... Подписывалъ эти условія французскій король съ твердой рѣшимостью не соблюсти ни единаго изъ нихъ, лишь бы только вырваться изъ плѣна: черта, тоже недостойная не только короля, но и самаго послѣдняго торгаша. Исполненіе статей договора было бы стыдомъ; нарушеніе ихъ было позоромъ и низостью! Хваленая „честь" Франциска I тогда куда-то запропала...

Пышную встрѣчу приготовила Луиза Савойская своему возвращавшемуся изъ плѣна блудному сыну. Съ небольшою свитою красавицъ, придворныхъ дѣвицъ и дамъ, она ожидала его въ Байонѣ. Между фрейлинами особенно отличалась красотою восемнадцатилѣтняя дочь сеньера Медонскаго, нѣкая Анна де Писслё (de Pisseleu) и на ней-то съ особенной нѣжностью остановились глаза возвратившагося на родину Франциска, и „попался король" по словамъ Соваля — „изъ одного плѣна въ другой," прибавимъ точно также унизительный для него, не менѣе позорный и невыгодный для Франціи. Овладѣвъ сердцемъ и умомъ короля, Анна сперва перемѣнила дѣвическую свою фамилію, назвавшись дѣвицею д'Элли (d'Helly), потомъ смѣнила и ее, выйдя за Жана де-Бросса, сына опальнаго дворянина, приверженца конетабля, подобно отцу Діаны де-Пуатье. Францискъ I наградилъ подставнаго мужа возвращеніемъ ему конфискованнаго имущества, пожалованіемъ ему рыцарской цѣпи, титла герцога д'Этампъ и назначеніемъ его губернаторомъ Бретани. Награды щедрыя, истинно королевскія, но должно сказать и вполнѣ заслуженныя, такъ какъ де-Броссъ, до свадьбы своей, отлично выполнилъ роль свата и помощника Франциска I въ его торжествѣ надъ добродѣтелью Анны. Не было забыто и огромное семейство ея отца: тремъ братьямъ пожалованы епископства, двумъ сестрамъ — абатства; остальныя были повыданы за знатныхъ господъ. Укрѣпивъ за собою выгодную позицію фаворитки, герцогиня д'Этампъ двадцать лѣтъ, почти до самой кончины Франци-

ска I, сохраняла ее за собою, вѣрная любовнику, но постоянно измѣнявшая Франціи и предававшая или продававшая ее непріятелямъ. Эти милыя качества не мѣшали однако же герцогинѣ быть покровительницей художниковъ и ученыхъ: первые дали ей прозвище *Мецената*, вторые называли ее „прелестнѣйшей изъ ученыхъ и ученѣйшей изъ прелестныхъ." Чтобы имѣть на государственныя дѣла то могучее вліяніе, которое согласовалось бы съ ея корыстными и честолюбивыми цѣлями, герцогинѣ д'Этампъ необходимо нужно было заручиться надежными помощниками въ высшихъ административныхъ сферахъ. Выборъ ея палъ на конетабля Монморанси, адмирала Шабо и канцлера Дюпра; съ ихъ помощью герцогинѣ удалось увеличить число приверженцевъ и усилить свою партію, до такой степени, что она сдѣлалась грозною самому дофину. Весь дворъ раздѣлился на два лагеря, начальствуемые герцогинею д'Этампъ и Діаной де-Пуатье; пограничной чертой была непримиримая ненависть обѣихъ фаворитокъ. Ту и другую партію можно было назвать Сциллой и Харибдой, съ клокочущими вмѣсто водоворотовъ гнусными происками, ябедами, интригами и каверзами. Легче уловить карандашомъ извивистыя струи и заводи, нежели разсказать подробно о всѣхъ ухищреніяхъ партій двухъ фаворитокъ, о тѣхъ искусно сплетаемыхъ сѣтяхъ и западняхъ, которыя онѣ разставляли другъ дружкѣ. Борьба фаворитокъ была шахматной игрой, въ которой д'Этампъ — королемъ, а Діана де-Пуатье—дофиномъ двигали какъ пѣшками... У дофина (будущаго короля Генриха II) не было ничего завѣтнаго отъ его возлюбленной; онъ сообщалъ ей о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, о дѣлахъ политическихъ, о тѣхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, настоятельно нуждалась Франція. Діана для дофина была первымъ другомъ и совѣтникомъ. Герцогиня, въ свою очередь, изъ будуара короля Франциска I проскользнула въ его кабинетъ, ознакомилась со всѣми государственными дѣлами и, мало по малу, прибрала къ рукамъ вмѣстѣ съ кормчимъ и самое кормило правленія. Франція была тогда рѣшительно царствомъ женщинъ, которыя играли ея судьбами по своему произволу; король Францискъ какъ-то стушевывался, умалялся... Именемъ его властвовали поперемѣн-

но Луиза Савойская или герцогиня д'Этампъ; по временамъ онъ слѣдовалъ совѣтамъ сестры своей Маргариты Наварской; изрѣдка соглашался съ дофиномъ, которымъ руководила Діана де-Пуатье. Камбрейскій миръ 1529 года, на семь лѣтъ водворившій спокойствіе во Франціи, былъ дѣломъ Луизы Савойской; во время войны 1535—38 годовъ интриговали фаворитки-соперницы; затѣмъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ великихъ историческихъ событіяхъ въ теченіе шестилѣтняго періода—отъ перемирія въ Ниццѣ (1538) до мира въ Крепи (1545) – является герцогиня д'Этампъ. Любопытно, шагъ за шагомъ, прослѣдить политическую дѣятельность этой умной, надменной и коварной женщины.

Умъ и почти неизмѣнная, дѣвственная красота герцогини д'Этампъ были не единственными ея преимуществами надъ недальней и поблекшей Діаной де-Пуатье. Ея успѣхамъ и частому перевѣсу надъ соперницей много способствовалъ удачный выборъ союзниковъ. Канцлеръ Дюпра пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Луизы Савойской; адмиралъ Шабо и конетабель Монморанси — товарищи дѣтства и сверстники короля сохранили за собою и въ зрѣломъ возрастѣ права на его расположеніе. Со смертью Дюпра (въ 1535 г.) доброе согласіе тріумвирата герцогини было нарушено назначеніемъ въ канцлеры Вильгельма Пайэ (Payet), приверженца партіи Діаны, сторону которой, почти въ это же время, принялъ и конетабль Монморанси. Желая отнять у герцогини д'Этампъ ея союзника адмирала Шабо (извѣстнаго подъ именемъ адмирала Бріона), Пайэ составилъ противъ него обвинительный актъ, уличавшій его, на основаніи законовъ, въ лихоимствѣ, казнокрадствѣ и (счетомъ) въ двадцати пяти государственныхъ преступленіяхъ. Адмиралъ былъ арестованъ 8 февраля 1540 года и посаженъ въ темницу въ Мелёнѣ. Нарядили слѣдственную комиссію, душой которой былъ Пайэ, какъ видно обязавшійся клятвою Діанѣ де-Пуатье погубить ея противника. Онъ самъ взялъ на себя трудъ подвести адмирала подъ строжайшія статьи законовъ и такимъ образомъ задушить его въ юридической паутинѣ. Въ процессѣ Шабо замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что въ казнокрадствѣ и лихоимствѣ его обвинялъ Пайэ — самъ первый взяточникъ и грабитель. Судьи —

*

кто по доброй волѣ, кто по принужденію,—приговорили Шабо къ изгнанію съ уплатою пени въ пятнадцать тысячъ ливровъ, имѣніе его къ конфискаціи. Этотъ строгій приговоръ, по ходатайству герцогини д'Этампъ, къ совершенной ярости крючкодѣевъ былъ отвергнутъ королемъ: адмиралъ остался при всѣхъ своихъ должностяхъ, имѣніе его осталось неприкосновенно. Желая хоть чѣмъ нибудь повредить врагу, Пайэ въ оправдательномъ актѣ вставилъ помѣтку, что подсудимый прощенъ по особой милости короля, хотя по закону подлежалъ строжайшему взысканію. Заточеніе, судъ и эта гнусная оговорка, пятнавшая репутацію адмирала, были причинами тяжкой болѣзни, сведшей его въ гробъ; но передъ смертью онъ имѣлъ утѣшеніе получить отъ короля (стараніями герцогини) совершенное оправданіе въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. Это было въ мартѣ 1543 года, а въ іюнѣ адмиралъ скончался. Выключивъ умершаго изъ списковъ своихъ друзей, герцогиня занесла Пайэ вмѣстѣ съ переметчикомъ Монморанси въ реэстръ непримиримыхъ своихъ враговъ, заслуживающихъ жестокаго мщенія—и она отомстила обоимъ. Такъ какъ опала канцлера и конетабля относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія д'Этампъ въ лицѣ его величества короля Франциска, мы возвратимся за нѣсколько лѣтъ назадъ, именно къ событіямъ 1539 года, въ которыхъ герцогиня играла очень важную роль.

Жители Гента взбунтовались, и намѣреваясь отложиться отъ подданства Карлу V, предложили Франциску взять ихъ подъ свое высокое покровительство. Король былъ воленъ принять ихъ предложеніе или не принять, но выдавать ихъ головою Карлу V, въ чаяніи получить отъ того въ награду Миланское герцогство—это было дѣломъ недостойнымъ короля, имѣвшаго претензіи на прозвище рыцаря. Францискъ I, какъ мы уже говорили, имѣлъ о честности вообще какія-то дикія понятія. Доносъ короля на гентцевъ, удержавшій возстаніе въ тѣсныхъ предѣлахъ, далъ императору время собраться съ силами и, пользуясь расположеніемъ Франциска, надежду получить отъ него дозволеніе пройти черезъ Францію съ войсками въ мятежныя области, для ихъ наказанія. Согласиться на просьбу императора безъ совѣщанія со своими приближенными Фран-

циску было невозможно. На совѣтѣ, созванномъ по этому случаю, кардиналъ Турнонъ предложилъ королю: побѣдителю своему при Павіи отказать въ его просьбѣ. Отказъ, не унижая короля, вполнѣ согласовался съ видами тогдашней политики. Конетабль Монморанси съ своей стороны совѣтовалъ Франциску дозволить императору пройдти съ войсками въ Гентъ, но съ условіемъ вознаградить короля французскаго за эту любезность герцогствомъ Миланскимъ. Третій совѣтникъ — герцогиня д'Этампъ убѣждала Франциска согласиться на пропускъ Карла V безъ всякихъ условій, но при появленіи его въ предѣлахъ Франціи захватить его въ плѣнъ и держать въ плѣну до тѣхъ поръ, покуда императоръ не согласится на всевозможныя уступки и совершенное уничтоженіе мадритскаго договора. Поступокъ безсовѣстный, но за то весьма выгодный. Францискъ I призадумался, однако же отвѣтилъ Карлу V радушнымъ согласіемъ пропустить его въ Гентъ вмѣстѣ съ войсками. Встрѣча императора на границѣ была препоручена конетаблю, король же ожидалъ своего державнаго гостя въ Шательро. Отправляясь въ Бидасао, Монморанси обѣщалъ королю уладить все дѣло какъ нельзя лучше и путемъ хитрыхъ переговоровъ выманить у Карла V дарственную запись (инвеституру) на желанное Миланское герцогство. На предложеніе конетабля отблагодарить французскаго короля такимъ прекраснымъ подаркомъ, Карлъ V отвѣчалъ великодушнымъ согласіемъ безъ малѣйшаго колебанія. Монморанси торжествовалъ вдвойнѣ: ему было лестно во первыхъ, перехитрить такого искуснаго дипломата, каковымъ былъ императоръ германскій; во вторыхъ, счастливый исходъ переговоровъ сажалъ на мель герцогиню де-Этампъ съ ея коварнымъ совѣтомъ: захватить гостя въ плѣнъ ради вымогательства отъ него тѣхъ выгодъ для державы французской, на которыя онъ теперь добровольно соглашался. Честный и довѣрчивый Монморанси упустилъ изъ виду одно обстоятельство, довольно важное: Карлъ V обѣщалъ инвеституру *на словахъ*, а на устныя обѣщанія императора германскаго полагаться не слѣдовало.

Встрѣчу недавнихъ враговъ въ Шательро можно было назвать встрѣчею обезьяны съ лисицей. Съ одной стороны были пущены

въ ходъ вкрадчивыя ласки, лесть, любезности; съ другой—іезуитское лукавство, австрійское лицемѣріе и испанское коварство. Чествуя своего гостя, Францискъ ослѣплялъ его праздниками, удивлялъ пышностью двора, разнообразіемъ увеселеній. Въ бытность свою въ плѣну въ Мадридѣ король французскій неоднократно воображалъ себя въ монастырѣ, теперь Карлъ V у него въ гостяхъ походилъ на угрюмаго отшельника, попавшаго въ домъ разгула. Его безстрастный, холодный взглядъ не приковывали прелести герцогини д'Этампъ, не ослѣпляла безумная роскошь, не останавливали произведенія изящныхъ искуствъ, собранныя со всѣхъ концевъ Европы во вновь отстроенномъ дворцѣ Фонтенбло. Желая покороче познакомить императора съ своей фавориткой, Францискъ на одномъ праздникѣ, улучивъ минуту, шутливо сказалъ ему:

— Герцогиня д'Этампъ, государь, будучи моимъ добрымъ другомъ, къ вашему величеству питаетъ не совсѣмъ пріязненныя чувства...

— За что же такая немилость? отвѣчалъ Карлъ, взглянувъ на фаворитку изъ подъ своихъ рыжихъ бровей.

— О причинахъ умолчимъ; продолжалъ Францискъ:—но когда я получилъ отъ васъ извѣстіе о предполагаемомъ вашемъ посѣщеніи, герцогиня дала мнѣ совѣтъ, по ея мнѣнію, очень хорошій... Она предложила мнѣ попросить ваше величество остаться у меня въ гостяхъ ровно столько же времени, сколько я оставался у васъ послѣ Павіи и этимъ поправить въ Парижѣ все, что было испорчено въ Мадридѣ. Какъ вы находите этотъ совѣтъ?

— Если онъ хорошъ, невозмутимо отозвался Карлъ:—ему надобно послѣдовать.

Не единый мускулъ не шевельнулся на его лицѣ; не единая капля крови не разцвѣтила его мраморной маски. Черезъ нѣсколько дней императоръ обѣдалъ у короля и по окончаніи стола герцогиня д'Этампъ подала полотенце высокому гостю, умывшему руки. Императоръ при этомъ очень ловко уронилъ съ мизинца перстень, украшенный брильянтомъ огромной цѣны, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ тогда было на перечетъ во всемъ свѣтѣ. Поднявъ перстень, герцогиня подала его Карлу V.

— Прошу моего прелестнаго врага оставить перстень у себя на память! отвѣчалъ императоръ.

Изумленная и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованная герцогиня стала отказываться, просить императора уволить ее отъ такой баснословной щедрости; къ ней присоединился и король, но щедрый гость былъ непреклоненъ.

— По закону находка—достояніе находчика, сказалъ онъ между прочимъ:—я по крайней мѣрѣ всегда неизмѣнно слѣдовалъ правилу: *доставшагося мнѣ, изъ рукъ не выпускать!*

Эта многознаменательная фраза была довольно прозрачнымъ намекомъ на Миланъ, къ которому Францискъ I протягивалъ руку.

Тонкій знатокъ сердца человѣческаго вообще, женскаго—въ особенности, Карлъ V пріобрѣлъ себѣ этимъ подаркомъ въ лицѣ герцогини д'Этампъ вѣрнаго союзника. Отшучиваясь отъ выдачи Франциску инвеституры, уклоняясь отъ категорическаго отвѣта касательно вопроса о герцогствѣ Миланскомъ и отъ всякаго подтвержденія обѣщанія, даннаго констаблю Монморанси, императоръ обнадеживалъ короля до тѣхъ поръ, покуда имѣлъ въ немъ надобность. По усмиреніи Гента Карлъ V возвратился въ Испанію и отдалъ инвеституру на Миланское герцогство сыну своему Филиппу. Опять загорѣлась война, ознаменованная неудачами и окончившаяся невыгоднѣйшимъ миромъ въ Крепи, лишившимъ Францію всѣхъ ея завоеваній. Во время войны герцогиня д' Этампъ, помня подарокъ Карла V, а можетъ быть и за другія не менѣе щедрыя подачки, сообщала ему всѣ планы и распоряженія Франциска I касательно веденія кампаніи. По ея проискамъ взяты: Эпернэ, Шато-Тьерри и снята осада Перпиньяна, успѣшно ведомая дофиномъ. Въ годъ мира въ Крепи (1546), заключеннаго по ея проискамъ, герцогиня вошла въ тайныя сношенія и, кромѣ Карла V, съ другимъ, не менѣе опаснымъ врагомъ Франциска—королемъ англійскимъ, Генрихомъ VIII. Разсказъ о послѣднихъ годахъ ея владычества, о мщеніи канцлеру Пайэ и констаблю заимствуемъ изъ исторіи Соваля ([1]).

([1]) Sauval. Les amours des rois de France. P. 1731—II vol. in 12°. Tome I, p.p. 230 et seq.

Погубить конетабля было для герцогини тѣмъ легче, что король не благоволилъ къ нему съ того самаго времени, когда обнаружился обманъ Карла V касательно инвеституры. Обвиненный, подобно адмиралу Шабо, въ расхищеніи казны, но не имѣя такого ходатая, какого тотъ имѣлъ въ лицѣ фаворитки, конетабль Монморанси былъ удаленъ сперва въ Шантильи (1542), а потомъ въ Экуанъ, гдѣ и жилъ до воцаренія Генриха II. Что же касается до канцлера Пайэ—его гибель была дѣломъ соединенной интриги герцогини д'Этампъ, королевы Элеоноры, сестры Франциска Маргаргариты Наварской и всего двора. Низверженіе канцлера Пайэ, по неравенству борьбы (такъ какъ въ ней шло сто человѣкъ, шелъ весь дворъ противъ одного) нельзя даже назвать интригою: это была облава, травля... Канцлера при дворѣ никто не любилъ, но уважали многіе; боялись—всѣ.

Зорко слѣдила герцогиня за будущей своей жертвой и на слѣдующій годъ послѣ паденія конетабля нашла благопріятный случай къ отмщенію канцлеру. Между Жаномъ дю Тійе, генеральнымъ повытчикомъ парижскаго парламента, и Жаномъ де Реноди, дворяниномъ перигорскимъ, началась тяжба. На сторонѣ послѣдняго была правда, на сторонѣ перваго былъ законъ; но въ тѣ времена одно съ другимъ не всегда было совмѣстно. Дѣлу суждено было идти долгимъ путемъ, черезъ великое множество высшихъ и нисшихъ инстанцій, и до поступленія въ государственный совѣтъ оно увязло въ чернильныхъ болотахъ дижонскаго парламента. Ла Реноди, боясь проигрыша, прибѣгнулъ подъ защиту герцогини д'Этампъ и вымолилъ у нея именной королевскій указъ о переизслѣдованіи дѣла. Для Реноди проволочка была нѣкоторымъ образомъ порукою за успѣхъ, а въ силу указа дѣло затягивалось надолго. Статсъ-секретарь Жильберъ Байяръ представилъ канцлеру указъ для приложенія государственной печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ ему, что король принялъ сторону Реноди въ угоду фавориткѣ. Пайэ приложилъ печать, сдѣлавъ въ указѣ кой-какія измѣненія и оговорки въ пользу Тійэ. Взбѣшенный Реноди узнавъ объ этомъ крючкотворствѣ канцлера, взявъ указъ, представилъ его герцогинѣ, а она дала ему слово сообщить о томъ королю. Не откладывая дѣ-

ла въ долгій ящикъ, герцогиня въ тотъ же вечеръ представила Реноди Франциску I, предоставивъ смѣлому истцу изложить королю лично свою претензію на канцлера. Реноди былъ человѣкъ умный, мастеръ говорить красно и увлекательно (особенно когда рѣчь касалась личныхъ его интересовъ); ему не стоило особеннаго труда возстановить Франциска противъ канцлера, выставивъ дерзкій поступокъ послѣдняго, чуть не явнымъ умысломъ оскорбить короля и ослабить самодержавіе.

Францискъ тотчасъ же приказалъ самому Реноди отвезти указъ къ канцлеру и королевскимъ именемъ велѣть ему — возстановить редакцію указа въ первобытномъ видѣ, безъ малѣйшаго измѣненія. Въ это самое время у Пайэ была важная гостья, Маргарита Наварская, пріѣхавшая къ канцлеру просить снисхожденія и оправданія одному изъ своихъ слугъ, обвиненному въ похищеніи богатой дѣвицы хорошаго семейства. Сварливый юристъ, сохраняя должное уваженіе къ сестрѣ короля, на всѣ ея настойчивыя требованія возражалъ статьями закона, пунктами, параграфами и тому подобными крючками, на которые Маргарита отвѣчала шпильками. Вошедшій Реноди, пользуясь правомъ королевскаго посланнаго, вручилъ канцлеру указъ и передалъ замѣчаніе короля такимъ дерзкимъ и обиднымъ тономъ, въ сравненіи съ которымъ колкости королевы Наварской могли назваться любезностями. Большаго труда стоило канцлеру переломить себя: отвѣчать посланному дерзостью онъ не посмѣлъ; отказать ему — и подавно. По уходѣ Реноди, канцлеръ однакоже не могъ не выразить своей досады, и показывая роковой пергаментъ сестрѣ короля сказалъ:

— Вотъ, ваше величество, какъ въ наше время знатныя дамы своевольничаютъ!.. Ничего не смысля въ законахъ смѣютъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла да еще и учить людей свѣдущихъ и опытныхъ!..

Это замѣчаніе относилось къ герцогинѣ, но королева Наварская полагая, что это намекъ на недавнюю свою бесѣду съ канцлеромъ, приняла эти слова на свой счетъ. Сухо распростившись съ нимъ Маргарита отправилась къ фавориткѣ и отъ слова до слова передала ей дерзкія рѣчи канцлера. Сестра и фаворитка приступили

къ королю, умоляя его достойнымъ образомъ наказать своевольнаго Пайэ. На другой же день, по высочайшему повелѣнію, канцлеръ передалъ государственную печать президенту парижскаго парламента, Франциску де Монтелону, и былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

Но отставки канцлера для его ненавистницъ было недостаточно. Зная, что супруга Франциска, Элеонора Австрійская, ненавидитъ Пайэ за осужденіе Монморанси, Маргарита Наварская склонила ее вступить въ союзъ съ нею и герцогинею противу общаго врага. Странный союзъ: жена, сестра и любовница; но этотъ тріумвиратъ былъ только разсадникомъ той страшной коалиціи, которая ополчилась на Пайэ. Ненависть къ нему была до того сильна, что заставила союзниковъ позабыть о недавней ихъ обоюдной враждѣ и интригахъ другъ противъ друга. Дофинъ присоединился къ партіи недовольныхъ изъ любви къ изгнанному Монморанси; король Наварскій — потому, что въ главѣ партіи стояла жена его; адмиралъ Шабо — чтобы отомстить Пайэ за свой процесъ; кардиналъ Турнонъ и маршалъ д'Аннебо—чтобы главенствовать въ государственномъ совѣтѣ послѣ паденія канцлера. Общимъ хоромъ союзники неотступно преслѣдовали короля совѣтомъ, что „разъяреннаго льва неблагоразумно оставлять на волѣ"; что пользуясь движимымъ и недвижимымъ имуществами, владѣя многими государственными тайнами, Пайэ можетъ быть опасенъ королю и всему государству, послѣдовавъ примѣру конетабля Бурбона; что, наконецъ, пожизненное заточеніе и казнь злодѣя-канцлера есть дѣло справедливости и безопасности государственной... И вся эта буря была поднята мстительной герцогиней д'Этампъ: фаворитка была душой всего заговора!..

Не въ силахъ будучи защитить канцлера, самое же главное—глядя на всѣ дѣла глазами своей возлюбленной, король далъ повелѣніе Людовику Неверскому арестовать Пайэ, что̀ и было исполненно Людовикомъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ ночь на 2 августа 1542 года. Собравъ цѣлый отрядъ вооруженныхъ, онъ оцѣпилъ домъ, вломился въ спальню бывшаго канцлера и, не давъ ему времени не только опомниться, даже одѣться, Людовикъ поволокъ его

въ Бастилію. Тогда-то низкая, трусливая натура Пайэ выказалась во всемъ своёмъ невыгодномъ свѣтѣ: гордый и надменный въ счастіи, бывшій канцлеръ, какъ истинный временщикъ, въ минуту паденія обнаружилъ самое послѣднее малодушіе. Онъ умолялъ о пощадѣ тюремное начальство, чуть не на колѣняхъ ползалъ передъ тюремщиками; взывалъ къ снисхожденію придворныхъ дамъ—возбуждая во всѣхъ, вмѣсто состраданія, одно презрѣніе. Получивъ разрѣшеніе писать, Пайэ тотчасъ же отправилъ изъ своего заточенія три письма: къ королю, къ кардиналу Торнону и... адмиралу Шабо, котораго два года тому назадъ съ такимъ злорадствомъ обрекалъ плахѣ и безчестію! Его и кардинала узникъ умолялъ быть ходатаями за него передъ королемъ, предлагая послѣднему за свое освобожденіе все свое имущество...

Письма, какъ и слѣдовало ожидать, оставались безъ отвѣта.

Чуть не сходя съ ума отъ ужаса при мысли, что онъ будетъ *забытъ* въ Бастиліи, Пайэ (на своемъ вѣку засадившій въ эту проклятую темницу не мало народу) сталъ докучать министрамъ, требуя отдачи себя подъ судъ, умоляя о назначеніи надъ нимъ слѣдственной комиссіи. Онъ надѣялся, что ставъ на почву юриспруденціи, хотя бы въ качествѣ подсудимаго, онъ будетъ непобѣдимъ какъ титанъ Антэй отъ прикосновенія къ землѣ, своей матери. Желаніе Пайэ было исполнено: король разрѣшилъ ему избрать своихъ судей изъ среды правовѣдовъ всего королества, и въ этомъ со стороны Франциска не было ни милости, ни особеннаго снисхожденія. Онъ былъ увѣренъ, что изъ какихъ лицъ ни состояла бы слѣдственная комиссія, она во всякомъ случаѣ подсудимому не будетъ доброжелательна. Предсѣдателемъ былъ назначенъ Петръ Рэмонъ, президентъ руанскаго парламента; процесъ начался. Подсудимый лукавилъ, хитрилъ, увертывался, путалъ, выпутывался, изощряя все свое искуство крючкотворства—и все напрасно. Судъ приговорилъ бывшаго канцлера Вильгельма Пайэ, обличеннаго въ хищеніи казны и многихъ злоупотребленіяхъ, къ лишенію всѣхъ чиновъ, къ уплатѣ 100,000 ливровъ пени и пожизненному заключенію. Когда приговоръ этотъ былъ представленъ Франциску I, онъ нашелъ его слиш-

комъ снисходительнымъ. „Въ дѣтствѣ я слыхалъ, сказалъ король, „что канцлеры теряютъ мѣста одновременно съ жизнію!“ Однакоже онъ, можетъ быть, помня прежнія заслуги Пайэ,— смягчилъ приговоръ отмѣною пожизненнаго заточенія... Оторвали крылья бѣдному канцлеру и превратился онъ въ жалкое, ничтожное пресмыкающееся. Въ надеждѣ со временемъ отомстить хоть одному изъ множества своихъ враговъ, разжалованный канцлеръ сдѣлался адвокатомъ и съ этой надеждой въ совершенномъ ничтожествѣ, умеръ въ апрѣлѣ 1548 года. Заслуги этого человѣка какъ законника неотъемлемы; главнѣйшею же изъ нихъ нельзя не признать введенія въ судопроизводство отечественнаго языка, вмѣсто латинскаго. Современники, не цѣня этихъ заслугъ по достоинству, ненавидѣли Пайэ за его лихоимство, жадность, жестокость къ подсудимымъ (бывшимъ для него мухами, уловляемыми этимъ паукомъ въ юридическую паутину), наконецъ за его противодѣйствія всякой новизнѣ и за фанатическую свѣтобоязнь. Послѣднее водилось и за королемъ во время религіозныхъ гоненій; за то, впослѣдствіи, благодаря внушеніямъ герцогини д'Этампъ, Францискъ искупилъ свои проступки противъ просвѣщенія, покровительствуя художникамъ и ученымъ; канцлеръ же всю свою жизнь оставался врагомъ наукъ и художествъ. Правовѣденіе, по его понятіямъ, было наукою всѣхъ наукъ; взяточничество и хищеніе казны — искуствомъ изъ искуствъ.

Избавясь отъ могучаго врага, герцогиня д'Этампъ осталась полновластной повелительницей короля французскаго. Чѣмъ свѣтлѣе было ея настоящее, тѣмъ мрачнѣе казалось будущее, и тогда-то въ предвидѣніи грядущаго, герцогиня принялась изыскивать всѣ средства къ отклоненію угрожавшихъ ей непріятностей. Францискъ, еще не старый годами, замѣтно дряхлѣлъ и хилѣлъ отъ прежнихъ распутствъ; смерть его была не за горами. Дофинъ ненавидѣлъ фаворитку; Діана де Пуатье ненавидѣла ее и того болѣе; дружба и пріязнь Маргариты Наварской не могли быть надежными: она ласкала герцогиню, льстила ей — въ угоду своему брату; мужъ фаворитки, обязанный ей знатностью и всѣмъ состояніемъ, грозился, послѣ смерти благодѣтеля, отплатить женѣ за позоръ и измѣну.

Соображая всѣ эти враждебныя обстоятельства, герцогиня д'Этампъ рѣшилась пріискать себѣ изъ королевской фамиліи запаснаго, такъ сказать, покровителя. Выборъ ея палъ на герцога Орлеанскаго. Отклонить дофина отъ престола и приблизить къ нему герцога — было дѣломъ немыслимымъ. Орлеанскій могъ сдѣлаться прямымъ наслѣдникомъ только въ случаѣ *смерти* дофина: на подобное злодѣйство герцогиня не могла бы никогда отважиться; имѣя всѣ качества интригантки, фаворитка никогда не было убійцею. Зная, что императоръ Карлъ V неоднократно выражалъ желаніе прекратить войну родственнымъ союзомъ съ Франціей, выдавъ дочь или племянницу за одного изъ принцевъ крови, д'Этампъ остановилась на счастливой мысли женить герцога Орлеанскаго на австрійской принцессѣ. Императоръ обѣщалъ въ приданое за дочерью Фландрію, за племянницею — Миланское герцогство, съ тѣмъ однако же условіемъ, что области эти ни въ какомъ случаѣ не будутъ присоединены къ коронѣ французской, а будутъ составлять независимыя владѣнія. Мысль герцогини д'Этампъ нравилась Орлеанскому, но съ другой стороны его прельщала надежда быть и королемъ французскимъ. Эта надежда основывалась на томъ, что супруга дофина, итальянская принцесса Катерина Медичи, была неплодна въ теченіе десятилѣтняго супружества, къ совершенному отчаянію мужа. Лейбъ-медикъ Фернель успѣшнымъ леченіемъ разрушилъ надежды герцога Орлеанскаго: дофина родила... Тогда претендентъ на престолъ рѣшился послѣдовать совѣтамъ герцогини д'Этампъ, взявшей на себя роль посредницы въ его сватовствѣ за дочерью или племянницею императора Карла V. Образовалась партія приверженцевъ Орлеанскаго. Главнымъ своимъ агентомъ при Карлѣ V герцогиня выбрала графа Боссю, сеньера де Лонгваль — богатаго пикардійскаго и фландрскаго землевладѣльца. При его содѣйствіи, между фавориткой и императоромъ затѣялась дѣятельная переписка. На предложенія герцогини Карлъ V отвѣчалъ согласіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, просьбою сообщать ему для соображеній о положеніи государственныхъ дѣлъ во Франціи и настроеніи умовъ тамошняго двора. Герцогиня, обольщенная согласіемъ императора, съ усердіемъ самаго ретиваго лазутчика сообщала ему

свѣденія, которыя по тогдашнему военному времени были Карлу V весьма пригодны. Этимъ шпіонствомъ объясняются его успѣхи во время войнъ 1543—44 годовъ, ужаснувшія всю Францію. Кромѣ герцогини Карлъ V имѣлъ при дворѣ Франциска I надежнаго клеврета въ лицѣ духовника королевы Элеоноры, доминиканскаго монаха Гавріила де Гусманъ. Къ нему духовникъ Карла V, тоже доминиканецъ, Діэго Шіавецъ (Chiavez), писалъ о предполагаемомъ мирѣ, которымъ дѣйствительно давно была пора окончить разорительную войну, длившуюся съ небольшими перерывами тридцать лѣтъ (1515—1545). Одною изъ статей проектированнаго договора было, желанное для герцогини д'Этампъ, бракосочетаніе герцога Орлеанскаго съ дочерью императора, въ приданое за которой назначалась Фландрія. Гавріилъ де Гусманъ передалъ письмо королевѣ Элеонорѣ, она сообщила его содержаніе герцогинѣ. Видя въ одной статьѣ исполненіе завѣтныхъ своихъ желаній, не обращая вниманія на остальныя, унижавшія Францію, не вознаграждавшія ее ни за громадныя издержки, ни за разстройства,—фаворитка пустила въ ходъ весь запасъ краснорѣчія, льстивыхъ увѣреній и упоительныхъ ласкъ, чтобы склонить короля къ принятію мира. Не смотря на мольбы дофина — отвергнуть предложеніе императора, не смотря на его убѣдительные доводы продолжать войну, довѣривъ войска конетаблю Монморанси, Францискъ I исполнилъ желаніе фаворитки и миръ въ Крени былъ подписанъ. Торжество герцогини было полное, но непродолжительное: будущій ея покровитель, герцогъ Орлеанскій — умеръ, и на этотъ разъ она осталась совершенно одна... лицомъ къ лицу къ угасавшему, или вѣрнѣе, гнившему заживо — Франциску I. Да проститъ намъ читатель это грязное выраженіе, а равно и слѣдующій разсказъ о послѣдней прихоти короля, ускорившей его кончину.

Года за два передъ тѣмъ Францискъ встрѣтилъ въ Парижѣ красавицу, заставившую его на время забыть прелестную герцогиню. Встрѣча была безгрѣшная: очаровательная незнакомка обмѣнялась съ королемъ взглядомъ, но взглядъ этотъ зажегъ въ его сердцѣ самыя страстныя желанія. Постоянно имѣя въ кругу придворныхъ чуткихъ ищеекъ для нѣжныхъ рекогно-

спировокъ, король поручилъ имъ разузнать кто такая эта красавица, чья она дочь или жена и есть ли данныя на успѣхъ? По справкамъ оказалось, что она жена адвоката Ферона, по мужѣ — Ферроньера, женщина довольно строгихъ правилъ съ весьма устарѣлыми (по тогдашнему времени) понятіями о вѣрности супружеской. Основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ счастливаго волокитства, король, видя въ предполагаемыхъ препятствіяхъ только новую заманчивость—повелъ атаку на сердце красавицы и— отступилъ; Ферроньера была непреклонна. Сообщивъ о своей неудачѣ помощникамъ, король получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что смѣшно было бы ему уступать какой нибудь женѣ адвоката, ему, торжествовавшему надъ самыми неприступными. Похищеніе и насиліе строго наказуются закономъ, правда; но король внѣ закона, а потому и внѣ наказанія. Король рѣшился послѣдовать доброму совѣту, но изъ числа совѣтниковъ выискался одинъ сообщившій Ферону о злодѣйскихъ умыслахъ Франциска. Первой мыслію бѣднаго мужа было бѣжать вмѣстѣ съ Ферроньерой; но, по неимѣнію средствъ къ обезпеченному существованію въ чужихъ краяхъ, адвокатъ придумалъ другое средство, состоявшее уже не въ спасеніи жены, но въ пагубѣ короля. Феронъ остался въ Парижѣ и здѣсь принялся ходить по притонамъ разврата, покупая ласки женщинъ, заклейменныхъ той страшной болѣзнію, о которой мы говорили въ нашемъ обзорѣ общественной нравственности въ Европѣ... Предоставляемъ читателю догадываться о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ мщенія Ферона. Зараженный король изъ объятій Ферроньеры попалъ на руки врачей, мало знакомыхъ со свойствами болѣзни, тогда еще новой, и лечившихъ ее лекарствами, которыя сами по себѣ стоили двадцати болѣзней...

Король французскій умеръ отъ сообщенной ему болѣзни въ загородномъ замкѣ Рамбулье, 31 марта 1547 года.

Изъ сказаній другихъ историковъ, между прочимъ изъ разсказа Маргариты Наварской (*Семидневникъ*: Heptaméron la 25 nouvelle) видимъ, что Францискъ былъ знакомъ съ Ферроньерой лѣтъ за семь до своей позорной кончины и безъ всякихъ гибельныхъ послѣдствій для своего здоровья. Не останавливаясь надъ крити-

ческой оцѣнкой этого вопроса, интереснаго болѣе въ медицинскомъ, нежели въ историческомъ отношеніи, скажемъ только, что фактъ смерти короля Франциска отъ вышеупомянутой болѣзни во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Генрихъ II и Францискъ II.

ДІАНА ДЕ-ПУАТЬЕ. МИСЪ САРА ФЛЕМИНГЪ-ЛЕУИСТОНЪ.

(1547—1560)

— Король умеръ! Да здравствуетъ король!..

Такъ, по старинному обычаю, герольды возвѣстили народу о кончинѣ Франциска I и о восшествіи на престолъ Генриха II. Къ этому офиціальному возгласу можно было прибавить: пала герцогиня д'Этампъ, возвысилась Діана де-Пуатье; маршалъ д'Аннебо и кардиналъ де-Турнонъ — уволены отъ своихъ должностей въ государственномъ совѣтѣ и замѣнены конетаблемъ Монморанси, вызваннымъ изъ ссылки; Жакъ д'Альбонъ Сент-Андре и Францискъ Омальскій герцогъ Гюизъ сдѣлались первыми вельможами преобразованнаго двора,—наконецъ итальянцы, состоявшіе въ штатѣ бывшей дофины, нынѣ королевы Катерины Медичи, — гордо подняли головы!.. Произошла совершенная перетасовка валетовъ, дамъ, тузовъ и началась новая игра въ интриги,—игра, при которой на карты ставилась участь всей Франціи.

Новый король не могъ похвалиться мягкосердіемъ. Кровавымъ пятномъ на его памяти лежатъ гоненія протестантовъ, возобновленныя въ первые же годы его царствованія. „Злая тварь мила предъ тварью злѣйшей"—сказалъ Шекспиръ,—и протестанты при Генрихѣ II не могли не сознаться, что, сравнительно, имъ при покойномъ королѣ чуть-ли не было легче. Франциска отъ его инквизиторскихъ выходокъ удерживала Маргарита Наварская; въ защиту гонимыхъ нерѣдко подавала свой голосъ герцогиня д'Этампъ... теперь было не то! Съ одной стороны короля подстре-

кала Катерина Медичи, ревностная католичка; съ другой — Діана де-Пуатье, ханжа и заклятая ненавистница аугсбургскихъ еретиковъ. Не утомляя вниманія читателя грустными разсказами о пыткахъ и истязаніяхъ лютеранъ при Генрихѣ II, скажемъ только, что злодѣйства кардинала Лотарингскаго, сожженіе на кострѣ совѣтника парламента Анны Дюбура, возобновленіе инквизиціи при Генрихѣ II — окончательно посѣяли раздоръ между католиками и протестантами, разрѣшившійся Варѳоломеевскою почью.

Фаворитка короля, герцогиня Валантинуа, Діана де-Пуатье, вдова великаго сенешаля Нормандіи Людовика де-Брезе, была на нѣсколько лѣтъ старѣе герцогини д'Этампъ, чѣмъ неоднократно навлекала на себя насмѣшки послѣдней, называвшей ее „старухой“ и любившей хвалиться тѣмъ, что она родилась въ годъ выхода замужъ Діаны. Всѣ эти выходки и злыя шутки неизгладимо врѣзывались въ память фаворитки дофина и она съ лихвою отплатила за нихъ насмѣшницѣ, когда послѣдній сдѣлался королемъ. Герцогиню д'Этампъ немедленно удалили отъ двора въ ея помѣстье Вилльмартенъ близъ Этампа; могли бы отнять у нея неправо нажитое движимое и недвижимое, но... Діана умѣла быть и великодушною. Изгнанница посвятила остатокъ дней (впрочемъ весьма порядочный: она умерла въ 1576 году) богоугоднымъ дѣламъ: помогала бѣднымъ, давала пріютъ угнетеннымъ протестантамъ, наконецъ и сама перешла въ лютеранизмъ. Мудрено рѣшить: было-ли это со стороны герцогини д'Этампъ дѣломъ убѣжденія или просто желаніемъ мстить Діанѣ и Генриху, давая средства протестантамъ противоборствовать католикамъ?

Сравнивая новую фаворитку съ прежнею, нельзя, опять, не отдать послѣдней той справедливости, что она въ позорѣ своемъ была откровеннѣе и, пользуясь благосклонностью Франциска, никогда не хвалилась своей супружеской вѣрностью или любовью къ мужу. Герцогиня Валантинуа, она же Діана де-Пуатье, дѣйствовала иначе: ханжа и лицемѣрка, она надѣялась обморочить общественное мнѣніе, выказывая постоянно благоговѣніе къ памяти своего покойнаго супруга Людовика де-Брезе; она дала торжественный обѣтъ не носить инаго платья, кромѣ бѣлаго съ чернымъ, въ знакъ своей неутѣшной скорби и оставалась вѣрною этимъ двумъ цвѣ-

тамъ... символамъ грусти и невинности. Траурное одѣяніе не мѣшало однако печальной и неутѣшной вдовицѣ продавать свои ласки королю, а послѣднія не препятствовали ей въ свою очередь покупать ласки знаменитаго Карла Коссе, графа де-Бриссакъ, прославившагося воинскими подвигами еще при покойномъ королѣ во время итальянскихъ воинъ, но не совсѣмъ разборчиваго на средства къ достиженію почестей. Жалокъ мужъ фаворитки — пестрымъ гербомъ, будто ширмами, загораживающій свою супругу въ объятьяхъ короля; но еще жальче и презрѣннѣе фаворитъ фаворитки. Мужъ, продающій жену свою королю, только торгашъ; но посторонній обожатель фаворитки за одно съ нею обманывающій короля, да еще отъ него же получающій чины да благостыни — ни болѣе ни менѣе какъ контрабандистъ, воришка.

Діана сблизилась съ Карломъ Коссе въ первый же годъ своего возведенія въ санъ королевской фаворитки, именно вскорѣ по сверженіи и ссылки герцогини д'Этампъ. Коссе явился къ Діанѣ поздравить ее съ побѣдою надъ непріятельницею и эта раболѣпная внимательность глубоко тронула перезрѣлую красавицу.

— Вѣрить-ли вамъ? искренно-ли вы радуетесь моему торжеству и дѣйствительно-ли ко мнѣ привязаны? проворковала фаворитка.

— Потребуйте жизни и я отдамъ ее за васъ! отвѣчалъ этотъ доблестный рыцарь.

— Видите-ли въ чемъ дѣло, довѣрчиво продолжала Діана: — поклонниковъ у меня множество; всѣ они ловятъ мой взглядъ, улыбку; всѣ они выражаютъ готовность быть моими покорнѣйшими рабами, но я не такъ проста, чтобы не понимать ихъ замысловъ. Не любовь, не уваженіе говорятъ въ нихъ: одно только честолюбіе и своекорыстіе... Въ ваши годы нельзя не быть честолюбивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не быть и искреннимъ... И неужели меня нельзя любить единственно за дары божіи, внѣшніе и внутренніе? Неужели только щедроты короля и чаяніе всякихъ почестей влекутъ васъ ко мнѣ? Любите меня Коссе для меня самой... заключила Діана — и королевская фаворитка вознаградитъ васъ за женщину.

Мысль о державномъ соперникѣ испугала бѣднаго Косса; съ другой стороны за отвергнутую любовь Діана была способна сжить

его со свѣта; попался нѣжный любовникъ между двухъ огней: страшно обманывать короля; еще того страшнѣе навлечь на себя гнѣвъ фаворитки. Честолюбіе однако взяло верхъ надъ робостью и—упавъ на колѣни предъ Діаною, Коссе прильнулъ устами къ ея бѣломраморной рукѣ.

Вскорѣ король и королева въ сопровожденіи двора отправились въ недавно отстроенный загородный замокъ Шамборъ, въ паркѣ котораго, для помѣщенія Діаны, былъ отдѣланъ особый павильонъ, соединявшійся подземною галереею съ королевскимъ жилищемъ. Этимъ путемъ къ фавориткѣ весьма часто жаловалъ Генрихъ II; Коссе посѣщалъ ее днемъ явно, съ парадпаго крыльца, а по вечерамъ,—черезъ потайную дверь, выходившую въ паркъ. Таинственность, которою король маскировалъ свои посѣщенія, почти не допускала возможности непріятной встрѣчи съ соперникомъ, о существованіи котораго довѣрчивый Генрихъ не догадывался. Не смотря на это, однако же Коссе чуть-чуть не встрѣтился съ королемъ. Нѣжно бесѣдуя со своимъ возлюбленнымъ, разъ, позднимъ вечеромъ, Діана заслышала знакомые шаги въ подземной галереѣ и замѣтила свѣтъ фонаря сквозь замочную скважину потайной двери, ведшей въ галерею изъ будуара... Еще минута и... Но Коссе успѣлъ во время бѣжать съ поля сраженія, уступая королю и честь, и мѣсто. Выйдя въ паркъ, онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ павильона столкнулся лицомъ къ лицу съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ Клавдіемъ де Тэ (Taix). Гулялъ онъ тутъ или поджидалъ кого нибудь, можетъ быть именно Коссе — это покрыто мракомъ почи и неизвѣстности; но какъ-бы то ни было Коссе остановился какъ вкопанный и жестоко переконфузился.

— Поздравляю васъ графъ! засмѣялся де Тэ.

. Коссе окончательно растерялся; это поздравленіе, приправленное саркастическимъ смѣхомъ, острымъ ножемъ полоснуло его по сердцу.

— Съ чѣмъ же вы меня поздравляете? пролепеталъ онъ.

— Съ восхитительной ночью, съ очаровательной погодой—шутилъ де Тэ. Мы съ вами восхищались природой, каждый по своему... Сознайтесь, что шамборскій паркъ можно назвать жилищемъ боговъ, богинь, нимфъ... Чортъ возьми, Маро или Сен-Желэ, наши придворные поэты, могли бы тутъ подобрать цѣлый легіонъ миѳо-

логическихъ существъ; на то они поэты! я сужу о здѣшнемъ паркѣ только съ точки зрѣнія охотника... Охота здѣсь богатая, но не всякій имѣетъ смѣлость охотиться въ королевскихъ владѣніяхъ! Не правда-ли Коссе?

— Кто же смѣетъ?

— Смѣетъ—смѣлый!.. знакомые съ латинскимъ языкомъ говорятъ: смѣлостью фортуна руководитъ! Каждому свое, любезнѣйшій графъ. Я, напримѣръ, гуляя около павильона герцогини Валантинуа, считалъ это дерзостью; а иной, посмѣлѣе, и въ самый павильонъ попадетъ, и ничего... да! Каждому свое!..

Коссе, завернувшись въ плащъ, убѣжалъ отъ насмѣшника, преслѣдуемый его откровеннымъ хохотомъ. Эта черта смѣлости и прямодушія де Тэ избавляетъ насъ отъ труда знакомить читателя съ характеромъ генералъ-фельдцейхмейстера. Въ этотъ вѣкъ раболѣпства, когда первѣйшіе вельможи, почитали за счастіе поцѣловать ножку королевской фаворитки, въ этотъ вѣкъ насмѣшки надъ ея фаворитомъ могли служить надежными поруками за честность и прямодушіе, но и проводниками къ паденію и опалѣ.

Раннимъ утромъ де Коссе былъ у Діаны съ доносомъ на смѣльчака: къ полудню де Тэ былъ уволенъ отъ службы и должность генералъ-фельдцейхмейстера была передана Карлу Коссе графу де Бриссакъ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Коссе, какъ гласитъ исторія, покрылъ себя неувядаемою славою и молва о его подвигахъ не умолкнетъ, пока во Франціи не угаснутъ чувства народной гордости; Коссе, говорятъ лѣтописцы, былъ столько же храбръ, уменъ и талантливъ, сколько хорошъ собою, за что и снискалъ себѣ при дворѣ прозвище красавца (le beau Brissac). Тѣмъ позорнѣе для него было пользоваться внѣшними достоинствами, чтобы достигнуть почестей, которыя могли достаться ему болѣе прямымъ путемъ. Уволенный отъ своей должности де Тэ счелъ за лучшее молчать о причинѣ постигшей его опалы, зная очень хорошо, что за выдачу тайны будуара королевской фаворитки онъ могъ пожалуй поплатиться головою. Вліяніе Діаны на короля, въ это время, достигло своего апогея; Генрихъ обожалъ ее и повиновался ей съ покорностію раба. Посѣщая фаворитку въ Шамборѣ чрезъ подземный ходъ (не столько ради приличія, сколько ради

увеличенія удовольствія таинственностію) король явно выказывалъ ей нѣжнѣйшую любовь и самую любезную внимательность. Портреты Діаны, всего чаще въ видѣ богини, украшали стѣны королевскихъ покоевъ; вензель ея, или правильнѣе монограмма именъ Генриха и Діаны [1] украшала королевское оружіе, мебель, посуду, золотомъ сверкала по карнизамъ парадныхъ залъ и дворцовыхъ галерей. Все это видѣла королева Катерина Медичи, величавая красавица, годами—моложе фаворитки, умомъ—недосягаемо ея выше, видѣла и молчала, покоряясь своей незавидной участи, со стоицизмомъ римлянки перенося холодность нѣжно любимаго мужа, а наконецъ и его равнодушіе. Послѣднее выразилось особенно во время болѣзни Катерины, вскорѣ послѣ переѣздки двора изъ Шамбора въ Жуанвиль. Королева захворала горячкою съ пятнами, лишилась языка и опухла въ лицѣ; всѣ бѣжали отъ нея тогда, опасаясь заразы, кромѣ кардинала де Шатійонъ и немногихъ прислужницъ. Діана въ это время выказала живѣйшее участіе къ Катеринѣ Медичи, слѣдила чрезъ своихъ клевретовъ за ходомъ болѣзни, плакала, молилась даже о спасеніи королевы... Черта благородная, подумаетъ читатель—и жестоко ошибется: фаворитка опасалась за жизнь королевы, движимая чувствами самаго черстваго эгоизма. „Въ случаѣ смерти Катерины,“ думала она, „король вѣроятно женится на другой; можетъ быть молодой и красавицѣ собою, подчинится ея вліянію и тогда...“ Тутъ напуганное воображеніе фаворитки рисовало ей самыя неутѣшительныя картины: немилость, изгнаніе, чуть ли не насильственную смерть, и въ эти минуты Діана горячо молилась о здравіи Катерины Медичи, своей державной, но уже совершенно не опасной, соперницы. Послѣ восьмидневныхъ страданій королева была внѣ опасности: Діана воскресла духомъ и съ обновленными силами сохранила за собой выгодную позицію фаворитки.

Канцлеръ Оливье за неуважительные о ней отзывы навлекъ на

---

[1] Она состояла изъ двухъ D, обращенныхъ одно къ другому такъ, что дуги сплетались между собою, крайнія же вертикальныя линіи, соединяясь горизонтальною чертою, образовали H.

себя немилость короля и хотя остался на службѣ, но власть его была значительно ослаблена учрежденіемъ должности хранителя государственной печати, на первый случай ввѣренной первому президенту парламента Бертранди; на его же мѣсто, по указанію Діаны де Пуатье, опредѣленъ Жиль ле Мэтръ—ея покорнѣйшій слуга; одновременно Коссе де Бриссакъ возведенъ былъ въ маршальское достоинство. Такъ заручалась фаворитка на случай внезапнаго государственнаго переворота, въ лицѣ первѣйшихъ сановниковъ пріобрѣтая надежныхъ приверженцевъ. Обѣихъ дочерей своихъ отъ Генриха II она пристроила выгоднѣйшимъ образомъ: старшая, Діана, была выдана за внука папы Павла III, Горація Фарнезе, герцога ди Кастро; младшая—за Клавдія Лотарингскаго, герцога Омальскаго. Такова была обстановка общественнаго положенія герцогини де Валантинуа, вдовы великаго сенешаля Нормандіи [1] или какъ ее называли—великой сенешальши (la grande sénéchale).

Брантомъ въ своихъ запискахъ осыпаетъ Діану де Пуатье восторженными похвалами за ея красоту, за умъ, за возвышенныя чувства; но онъ же не менѣе щедръ на панегирики о Катеринѣ Медичи,—стало быть отзывы этого лѣтописца будуаровъ едва ли заслуживаютъ вѣры. „Я видѣлъ Діану, когда ей было шестьдесятъ пять лѣтъ"—говоритъ онъ—„и не могъ надивиться ея красотѣ; всѣ прелести сіяли на лицѣ этой рѣдкой женщины." Придворные поэты взапуски воспѣвали очаровательницу при жизни ея державнаго обожателя; городъ Ліонъ безъ зазрѣнія совѣсти поднесъ ей золотую медаль съ надписью: „побѣдила всеобщаго побѣдителя (Omnium victorem vici)"; король предлагалъ ей торжественно узаконить дочерей, но она великодушно отказалась, говоря, что любила его всегда безкорыстно и ни за что въ мірѣ не согласится, чтобы государственные чины формально *признали ее* королевской фавориткой... Другими словами, Діана была не прочь властвовать надъ королемъ, Богъ вѣсть для чего сохраняя инкогнито и предпочитая тайный грѣхъ—явному. Предшественники и преемники

(1) Должность, соотвѣтствовавшая должности нашего губернскаго предводителя дворянства.

Генриха II неоднократно узаконяли или, правильнѣе, признавали своихъ побочныхъ дѣтей. Эта особенность королевскаго деспотизма была, какъ извѣстно, источникомъ многихъ смутъ и распрей. Хороши были времена и нравы, когда законныя жены-королевы склоняли вѣнценосныя головы передъ наложницами своихъ мужей, этими будуарными царицами, увѣнчанными розами и миртами! И все это творилось въ государствахъ христіанскихъ, въ которыхъ многоженство не было допускаемо ни гражданскими, ни религіозными законами. Впрочемъ, что значили тѣ и другіе въ государствѣ, въ которомъ фраза: „ибо такъ намъ нравится (tel est notre plaisir)“ замыкала уста всякому протесту законовъ совѣсти и здраваго смысла?

Въ 1550 г. произошла размолвка между папою Павломъ IV и Филипомъ II, королемъ испанскимъ. Желая вовлечь въ союзъ съ собою Генриха II, римскій первосвященникъ послалъ къ нему для переговоровъ племянника своего кардинала Караффу. Важный вопросъ о заключеніи союза съ папою былъ переданъ королемъ на обсужденіе государственнаго совѣта. Герцогъ Гюизъ первый подалъ голосъ свой за папу, имѣя въ виду, въ случаѣ занятія Италіи вспомогательными французскими войсками, во первыхъ — ссадить папу съ престола и возвести на него брата своего, кардинала; во вторыхъ—отнять у испанцевъ королевство Неаполитанское и присоединить его къ лотарингской коронѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Гюизъ считалъ право свое вполнѣ законнымъ, такъ какъ домъ его былъ въ родствѣ съ князьями Анжу. Королева Катерина Медичи стояла за интересы папы римскаго, въ надеждѣ что главное начальство надъ французскими войсками будетъ довѣрено родственнику ея, Строцци. Конетабль Монморанси и Діана де Пуатье подали свои голоса за герцога Гюиза, не проникая разумѣется тайныхъ его замысловъ, но разсчитывая со своей стороны овладѣть выгодной позиціей Гюизовъ при дворѣ, во время ихъ отсутствія... Такимъ образомъ *лигу* съ римскимъ дворомъ одобряли всѣ единогласно, хотя каждый съ чисто-своекорыстными побужденіями. Опутанный этой паутиною интригъ, Генрихъ II готовъ былъ подписать договоръ съ папою, дѣятельно занялся приготовленіями къ войнѣ и она началась, но герцогъ Гюизъ по высочайшей волѣ не принялъ въ ней желаннаго участія. До короля дошли досто-

вѣрныя свѣденія, что французскій посолъ въ Римѣ, Давозонъ, клевретъ и преданный услужникъ Гюизовъ, интригуетъ въ видахъ ихъ пользы, гибельной интересамъ Франціи. Дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ; Гюизы упали въ мнѣніи Генриха II. Ихъ отдаленіе приблизило къ королю конетабля Монморанси и Діану де Пуатье, дѣйствовавшихъ дружественнымъ единодушіемъ. Семейству Гюизовъ, для снисканія прежняго расположенія короля французскаго, пришлось изыскивать всевозможныя средства и плести новую сѣть политическихъ интригъ для уловленія Генриха II... Первая нить была найдена; оставалось только развивать ее.

Гюизы состояли въ близкомъ родствѣ съ шотландской королевской фамиліей: сестра ихъ, Марія, была супругою короля Іакова V. Соединивъ посредствомъ брачнаго союза его семейство съ домомъ Валуа, Гюизы могли нанести жестокій ударъ властолюбивымъ намѣреніямъ Англіи, Испаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ (и это главное) породниться съ французскимъ королевскимъ домомъ и занять въ немъ то видное мѣсто, отъ котораго до престола было, какъ говорится, рукой подать. Всѣ эти планы легко могли осуществиться благодаря женитьбѣ дофина Франциска на дочери шотландскаго короля Іакова Стюарта — Маріи. Здѣсь мы принуждены сдѣлать небольшое отступленіе для бѣглаго біографическаго очерка двухъ юныхъ жертвъ, принесенныхъ гнусной политикѣ того времени.

Дофинъ Францискъ родился 19 января 1544 года; Марія Стюартъ родилась 7 декабря 1542 года. Когда Гюизы прочили его въ мужья дочери короля шотландскаго, ему было — шесть, а ей восемь лѣтъ; Францискъ былъ ребенокъ тщедушный, хворый, слабоумный; Марія обѣщала быть красавицей, умницей и образованіемъ могла поспорить съ ученѣйшими людьми своего вѣка. Жизнь ея — отъ колыбели до эшафота — чудная поэма, и личность королевы шотландской едва-ли когда утратитъ въ глазахъ потомства ту заманчивую прелесть, которая вдохновила Шиллера при возсозданіи имъ этого чудеснаго типа женщины-королевы, искупившей вѣнцомъ мученическимъ и вѣнецъ королевскій, и всѣ свои заблужденія, ошибки... грѣхи, если хотите, но не преступленія. Натура восторженная, впечатлительная, поэтическая, Марія Стюартъ была живымъ анахронизмомъ среди вѣнценосныхъ злодѣевъ и злодѣекъ шестнад-

цатаго столѣтія. Сличая ее съ Елисаветой англійской, мы всегда воображаемъ себѣ олицетвореніе горячаго, нѣжнаго сердца въ одной и холоднаго, безстрастнаго ума — въ другой; въ нашихъ глазахъ та и другая—голубка и орлица... Всмотритесь въ портреты этихъ державныхъ соперницъ и васъ поразитъ выраженіе томной нѣги, ласки, мягкосердія въ чертахъ, во взглядѣ Маріи Стюартъ и хищнической кровожадности, звѣрства и неумолимой жестокости въ лицѣ Елисаветы. Въ сравненіи съ первою, это даже не орлица передъ голубкой: ее вѣрнѣе назвать ястребомъ или рыжимъ коршуномъ. Марія осиротѣла — семи дней отъ рожденія; на десятомъ мѣсяцѣ была коронована королевскимъ вѣнцомъ и уже ее тогда сваталъ для своего наслѣдника Генрихъ VIII, король англійскій. Росла она и воспитывалась, окруженная клеветниками, злоумышленниками, причемъ мѣстами ея пребыванія бывали попеременно то старинный дворецъ, окруженный запущенными тѣнистыми рощами, то неприступный феодальный замокъ, окаймленный дикими скалами, то наконецъ уединенный монастырь... Эта скитальческая жизнь, частыя перемѣны мѣстъ, а съ нею разнообразіе впечатлѣній не могли не вліять на характеръ дѣвочки, а еще того болѣе—на ея воображеніе. Въ 1548 Марія, сопровождаемая наставниками и нѣсколькими сверсницами (въ числѣ ихъ были четыре одноименныя ей дѣвочки), прибыла во Францію, гдѣ радушно была принята королемъ и королевою, гдѣ весь дворъ выказалъ самую предупредительную внимательность шестилѣтней королевѣ шотландской. Франція казалась ея матери надежнѣйшимъ для нея убѣжищемъ; но здѣсь палъ отъ руки наемнаго убійцы наставникъ Маріи, и собственной ея жизни угрожала опасность отъ отравленія ядомъ. Было-ли это дѣломъ англійскаго двора или Катерины Медичи—на это нельзя дать прямаго отвѣта. Мысль женить дофина на Маріи была завѣтной мечтою ея матери; ее не разъ выражалъ и король Генрихъ II: осуществилось же она только при ревностномъ содѣйствіи Гюизовъ.

Діана де Пуатье всѣми силами старалась разстроить предполагаемый союзъ съ Шотландіей, въ тоже время и съ Гюизами. Желая упрочить свои дружественныя сношенія съ конетаблемъ Монморанси, она предложила ему породниться, выдавъ дочь свою—овдовѣвшую Діану за старшаго его сына. Конетабль согласился, но сынъ

объявилъ ему, что онъ уже тайно обвѣнчанъ съ дѣвицею де Піеннь изъ дворянскаго дома Альвинъ. Отецъ отправилъ его въ Римъ для подачи просьбы о расторженіи брака международной консисторіей (la Rota); примѣръ бывалый и дѣло не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій: оно однако же усложнилось по милости папы. Павелъ III умышленно запуталъ и затянулъ дѣлопроизводство; онъ разсчитывалъ, что фаворитка въ благодарность за рѣшеніе дѣла въ ея пользу будетъ интриговать при дворѣ Генриха II, въ видахъ ватиканской политики. Расчетъ его святѣйшества былъ невѣренъ: Діана де Пуатье, ретивая католичка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о гоненіи протестантовъ, тутъ оказалась не совсѣмъ покорною волѣ непогрѣшимаго и рѣшилась дѣйствоватъ по своему. По ея просьбѣ Генрихъ II выдалъ указъ, объявлявшій недѣйствительными браки, заключаемые дѣтьми безъ вѣдома или безъ согласія родителей; а такъ какъ указу этому дана была обратная сила, то и бракъ сына конетабля былъ расторгнутъ парламентомъ помимо воли римскаго первосвященника... Домъ герцогини Валантинуа породнился съ домомъ конетабля Монморанси, но это далеко не привело къ тѣмъ блестящимъ результатамъ, на которые разсчитывала недальновидная Діана. Въ послѣднія пять лѣтъ Гюизы, благодаря нѣжной, истинно родительской любви короля къ ихъ племянницѣ Маріи Стюартъ, снова вошли къ нему въ милость и вопросъ о женитьбѣ дофина былъ рѣшенъ. Партія Гюизовъ день ото дня усиливалась; къ ней присоединилась даже королева Катерина Медичи; фаворитка, такимъ образомъ, принуждена была вести борьбу одна, безъ поддержки союзниковъ, расчитывая единственно на силу любви короля, но и эта любовь теперь походила скорѣе на привычку и принимала оттѣнокъ дружбы... Въ пятьдесятъ семь лѣтъ, при всей красотѣ и свѣжести, Діана де Пуатье уже не могла имѣть на Генриха II того обаятельнаго вліянія, которое имѣла на него когда оба они были моложе, и фаворитка догадалась наконецъ, что роль ея почти отыграна. Къ довершенію горя она видѣла, что дворъ молоденькой шотландской королевы, состоявшій изъ прелестныхъ дѣвочекъ, ея ровесницъ, будто стая рѣзвыхъ мотыльковъ привлекалъ старчески-влюбчивые взгляды короля... Неопровержимая истина:

чѣмъ старѣе человѣкъ, тѣмъ сердце его особенно нѣжнѣе къ свѣжей юности. Злые языки наговаривали, будто ласки, расточаемыя Генрихомъ II будущей его невѣсткѣ, тѣмъ менѣе становятся похожи на родительскія, чѣмъ далѣе она входитъ въ возрастъ; что при играхъ ея подругъ король своимъ присутствіемъ напоминаетъ сатира, любующагося играющими нимфами; говорили... многое—и договорились до того, что Катерина Медичи стала зорко и ревниво слѣдить за своимъ супругомъ; но не дремали и Гюизы. Для нихъ старческое сластолюбіе Генриха II послужило новымъ источникомъ къ окончательному низверженію Діаны де Пуатье и они воспользовались имъ какъ нельзя успѣшнѣе. 24 апрѣля 1558 года произошло бракосочетаніе дофина Франциска съ королевою шотландскою Маріею Стюартъ. Молодымъ (въ буквальномъ смыслѣ слова: мужу было 14, женѣ 16 лѣтъ) пожалованы титулы—дофина-короля и дофины-королевы, намекавшіе на то, что Францискъ и Марія, будучи наслѣдниками престола французскаго, въ тоже время король и королева шотландскіе; Гюизы достигли высоты недосягаемой; новый дворъ — эта группа прелестныхъ дѣтей, окруженная людьми пожилыми, солидными, казался кустомъ розановъ на развалинахъ поросшихъ мохомъ и сорными травами. Пошли игры, праздники, домашніе спектакли и турниры, въ которыхъ перемѣшались вельможи обоего пола, всѣхъ возрастовъ и трехъ странъ связанныхъ узами политики въ одну семью: французъ съ одинаковымъ радушіемъ подавалъ руку итальянцу изъ свиты Катерины Медичи и шотландцу изъ отряда почетныхъ тѣлохранителей Маріи Стюартъ; въ группахъ женщинъ, по голубымъ глазамъ и льнянымъ кудрямъ, легко было отличить уроженокъ сѣвера отъ черноглазыхъ южанокъ, и эти рѣзкія отличительныя черты были особенной заманчивой прелестью для сластолюбія, пресыщеннаго ласками соотечественными и жаждущаго ласкъ иноземныхъ, новыхъ, еще невѣдомыхъ...

Померкла наконецъ счастливая звѣзда Діаны де Пуатье; затмилась она при блескѣ новыхъ свѣтилъ, въ особенности же лучезарной, яркой денницы, засіявшей Генриху II въ лицѣ юной и

прелестной Сары Леуистонъ, одной изъ сверсницъ дофины, ея ровесницы годами и немногимъ уступавшей ей въ красотѣ ([1]).

Былъ при дворѣ маскированный балъ, на которомъ нѣсколько дѣвицъ изъ штата королевы шотландской должны были разыграть алегорическую интермедію, нарочно сочиненную по этому случаю. Сара, костюмированная нимфою Эриѳреею, обратила на себя особенное вниманіе Генриха II граціозностью, прелестью одежды, а главное красотою. Ослѣпленная честолюбіемъ, можетъ быть и любезностью короля, Сара уступила страстнымъ его желаніямъ даже безъ борьбы, со всей довѣрчивостью невинности, не искушенной кокетствомъ,—и Генрихъ съ своей стороны привязался къ ней всѣми силами старческой страсти. Сара не скрывала ни отъ кого своего блестящаго позора; она даже хвалилась королевской любовью, когда послѣдствія этой любви стали очевидны. Гюизы торжествовали: рука дѣвочки исторгла изъ сердца Генриха послѣдніе остатки его привязанности къ разжалованной Діанѣ; Екатерина Медичи, погруженная въ политическія интриги, не только не негодовала на новую соперницу, но еще какъ будто радовалась побѣдѣ, одержанной послѣднею надъ ненавистной Діаной. Сара родила сына, названнаго въ честь отца Генрихомъ и пожалованнаго имъ титуломъ Ангулемскаго. Участь этого человѣка была плачевная: еще въ молодыхъ годахъ онъ былъ убитъ ревнивымъ мужемъ, барономъ де-Кастелланъ, при встрѣчѣ послѣдняго съ королевскимъ побочнымъ сыномъ въ спальнѣ баронессы. Сара умерла въ 1587 году вскорѣ послѣ казни своей королевы и подруги Маріи Стюартъ.

Счастливый обожатель юной Сары—Генрихъ II, какъ будто самъ

([1]) Трудно доискаться истины касательно имени послѣдней фаворитки. Соваль (les Amours des rois de France) называетъ ее «мисъ Гамильтонъ;» Шатонефъ, авторъ весьма плохой компиляціи: les favorites des rois de France (P. 1826. 2 v. 8°) называетъ ее «Сарою Фламенъ (Flamin)», коверкая на французскій ладъ шотландскую фамилію «Флемингъ.» Въ біографическомъ словарѣ Мишо, фаворитка названа Фламенъ-Леуистонъ, чего придержались и мы, исправивъ орѳографію первой фамиліи, которую носила одна изъ четырехъ любимицъ и тезокъ Маріи Стюартъ.

сдѣлался юношей, если не наружностью, то развязностью и какой-то беззаботной веселостью. Онъ участвовалъ во всѣхъ празднествахъ и забавахъ, первенствовалъ на охотѣ, удивлялъ своимъ удальствомъ на турнирахъ... Послѣдняя забава была причиною его смерти, по своей нечаянности, жалкой не только для короля, но даже для послѣдняго конюха.

Девятаго іюля 1559 года былъ турниръ съ участіемъ всего двора и по своему великолѣпію превосходившій все до того времени виданное въ этомъ родѣ. Лѣтописи сохранили множество сказаній о предзнаменованіяхъ, предчувствіяхъ и зловѣщихъ снахъ королевы и нѣкоторыхъ придворныхъ за нѣсколько дней и наканунѣ роковаго ристалища; большинству нашихъ читателей вѣроятно извѣстно, что придворный астрологъ Михаилъ Нострадамусъ еще года за два предсказывалъ гибель короля загадочнымъ четверостишіемъ: „о старомъ львѣ въ золотой клѣткѣ, побѣжденномъ молодымъ львомъ, который выколетъ ему глазъ...“ Не будемъ долго останавливаться надъ спорнымъ вопросомъ о предчувствіяхъ, такъ какъ обсужденіе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Объ этомъ таинственномъ предметѣ одинъ очень умный писатель сказалъ: „надобно имѣть слишкомъ много дерзости, чтобы отрицать и слишкомъ много простодушія, чтобы вѣрить,“ и это великая, почти неоспоримая истина. Предсказаніе Нострадамуса о львѣ въ золотой клѣткѣ (подъ которой толкователи разумѣютъ забрало на золотомъ шлемѣ короля) можетъ быть примѣнено ко многимъ другимъ позднѣйшимъ событіямъ, стало быть оно особеннаго вниманія не заслуживаетъ; что же касается до предчувствій и сновидѣній, мы ограничимся только вопросомъ: кому изъ читателей не случалось хоть разъ въ жизни на себѣ самомъ испытать этихъ проявленій еще неразгаданной способности нашего организма?

Первая половина ристалища прошла благополучно: нѣсколько копій было поломано, нѣсколько нагрудниковъ погнуто, нѣсколько всадниковъ повысажено изъ сѣделъ и большею частію рукою его величества. Легко можетъ быть, что иные противники короля и поддавались ему великодушно, такъ какъ перевѣсъ надъ нимъ даже на шутливомъ турнирѣ едва ли могъ быть пріятенъ побѣжденному. Одушевленный успѣхами, ободряемый льстивыми похвалами

Генрихъ II, не обращая вниманія на усталость, предложилъ помѣряться съ собою силами поручику королевской гвардіи Габріэлю де Лоржъ, графу Монгомери, шотландцу, молодому человѣку искусному въ военныхъ игрищахъ и превосходному наѣздпику. Вызывая его Генрихъ желалъ доказать, что и подобный соперникъ ему не опасенъ. Графъ отказался. Было ли это слѣдствіемъ предчувствія несчастья, или, какъ и самъ онъ говорилъ королю, избытка уваженія къ противнику видимо усталому, но какъ бы то ни было, графъ упорно отнѣкивался; король горячился, настаивалъ и наконецъ принудилъ упрямца взять копье и выѣхать на арену.

Всадники опустивъ копья дали шпоры конямъ, сшиблись: копье Монгомери переломилось и обломокъ оружія съ силою отскочивъ пробилъ рѣшетку забрала у королевскаго шлема и глубоко вонзился въ глазъ Генриху II. Оглушенный, окровавленный король упалъ, съ сѣдла прося помощи и въ то же время отклоняя отъ несчастнаго противника малѣйшее обвиненіе его въ зломъ умыслѣ на свою жизнь. Воплями ужаса, рыданіями и всеобщей суматохой смѣнились недавнія рукоплесканія и радостные возгласы.

На другой день 10 іюля 1559 года король Генрихъ II скончался, оставивъ престолъ сыну своему пятнадцатилѣтнему Франциску II, слабая голова котораго послужила для короны тѣмъ же, чѣмъ служитъ для парика парикмахерская кукла; настоящую королевскую власть прибрали къ рукамъ Гюизы и Катерина Медичи, полюбовно раздѣливъ ее между собою. Герцогъ Гюизъ принялъ на себя завѣдываніе войсками, братъ его кардиналъ—финансы, духовную и судебныя власти, Катерина Медичи—дворъ со всѣми его интригами внѣшними и внутренними. Перемѣна правленія дала себя знать на первыхъ порахъ: Бертранди былъ уволенъ отъ должности канцлера и замѣненъ вызваннымъ изъ изгнанія Оливье; Конетабль сосланъ, кардиналъ Турнонъ вызванъ; у Діаны де Пуатье отняты были драгоцѣнности, мебель и картины, подаренныя ей покойнымъ королемъ, великолѣпный домъ ея, отель Шенонсо отобранъ для Маріи Стюартъ, уступившей за это бывшей фавориткѣ замокъ Шомонъ на Луарѣ, куда и попросили удалиться недавнюю повелительницу Франціи. Отшатнулись отъ нея всѣ, какъ отъ зачумленной, кромѣ графа Бриссакъ, не только сохра-

нившаго къ ней свои нѣжныя чувства, но еще имѣвшаго мужество ходатайствовать за нее у всемогущественныхъ Гюизовъ.

Діана де Пуатье умерла въ своемъ замкѣ Анэ (Anet)) въ 1566 году, оставивъ по себѣ память, во первыхъ, удивительной красавицы, во вторыхъ, относительно—довольно доброй женщины, такъ какъ вредъ, принесенный ею государству былъ (опять же-таки относительно) не такъ великъ, какимъ могъ бы быть, если бы на ея мѣстѣ находилась женщина повластолюбивѣе, а главное—похитрѣе и полукавѣе.

Францискъ II короновался въ Реймсѣ 21 сентября 1559 года и это великое торжество было ознаменовано щедротами и милостями, оказанными людямъ преимущественно недостойнымъ, по указанію Гюизовъ; достойные были обойдены. Королева Марія, покорная волѣ своихъ дядей, ласками своими вымогала согласіе у своего мужа-мальчика во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пытался идти наперекоръ ихъ волѣ. Глухой ропотъ поднялся въ народѣ; дворянство не скрывало своего негодованія на двухъ временщиковъ, такъ безстыдно присвоившихъ королевскую власть. Для обузданія и усмиренія негодующихъ повсемѣстно при парламентахъ были учреждены сыскныя комиссіи подъ именемъ огненныхъ палатъ (chambres ardentes) съ легіонами шпіоновъ и сыщиковъ. Хватали и заточали въ тюрьмы всѣхъ и каждаго, кто только осмѣливался подымать свой голосъ противъ повелѣній королевскихъ, сочиненныхъ и редактированныхъ Гюизами; вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не было спуску и протестантамъ. Король ни во что не входилъ; его всячески отдаляли отъ дѣлъ правленія и все время его проходило въ забавахъ, разъѣздахъ по загороднымъ дворцамъ, поѣздкахъ на охоту, а самое главное—въ наслажденіяхъ, цѣлый рой которыхъ онъ находилъ въ объятіяхъ Маріи, любимой имъ до обожанія. Чувственность окончательно поработила слабый умъ Франциска, а этого-то и домогались Гюизы, отчасти даже и Катерина Медичи.

Дворъ отправился въ Фонтебло вскорѣ послѣ коронаціи и городокъ этотъ наполнился множествомъ пріѣзжихъ дворянъ, военныхъ, желавшихъ подать королю просьбы о повышеніи ихъ чинами и выдачѣ пособій и т. п. Кардиналъ Гюизъ приказалъ неподалеку отъ королевскаго замка поставить висѣлицу и объявить про-

ателямъ именемъ королевскимъ, что если въ двадцать четыре часа они не выѣдутъ изъ Фонтенбло, то будутъ перевѣшаны. Эта дерзость и обида, нанесенная всему дворянству, окончательно вывели изъ терпѣнія всѣ сословія и тогда-то образовался обширный *Амбуазскій заговоръ* (conjuration d'Amboise), вѣтви котораго, распространяясь по всей Франціи, проникли и въ чужіе края—въ Англію, Швейцарію и Германію; заговоръ—душою котораго были протестанты—члены наварской королевской фамиліи, принцъ Конде, адмиралъ Колиньи и многіе другіе. До двора дошли неясные слухи о частыхъ и многолюдныхъ сходбищахъ злоумышленниковъ въ Вандомѣ у короля наварскаго Антонія Бурбона и въ Ферте-су-Жуаррѣ у принца Конде; но въ чемъ именно состояли умыслы, этого не могли проникнуть и усерднѣйшіе сыщики. Гдѣ заговоръ, тамъ непремѣнно отыщутся предатели. Адвокатъ Авенель протестантъ, явясь къ кардиналу Гюизу, сообщилъ ему, что между прочими умыслами заговорщики намѣреваются захватить короля со всѣмъ дворомъ въ замкѣ Блуа, плохо укрѣпленномъ и почти беззащитномъ, къ которому уже приближается вооруженный отрядъ въ шесть сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ перигорскаго дворянина Бари-де-ла-Реноди. Предводитель этотъ, по словамъ доносчика самъ сообщилъ ему объ этомъ съ прибавленіемъ, что немедленно по прибытіи отряда въ Блуа долженъ вспыхнуть мятежъ и во всей области. Кардиналъ немедленно сообщилъ это извѣстіе королю Франциску—женѣ и матери и всѣ совершенно растерялись. Одинъ только герцогъ Гюизъ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ отклонилъ угрожавшій переворотъ: онъ велѣлъ королю со всей фамиліей немедленно выѣхать изъ Блуа въ Амбуазъ; собралъ тамъ солдатъ, дворянъ, вооружилъ всѣхъ придворныхъ служителей и приготовился къ отпору. Ждали нападенія съ минуты на минуту, не зная, съ которой стороны оно грянетъ; чуяли опасность будто чумную заразу въ воздухѣ и держались въ Амбуазѣ какъ въ спасительномъ карантинѣ. Совѣщаясь о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, Катерина Медичи, Гюизы и король послали за Колиньи, чтобы отъ него узнать, въ чемъ главная сущность страшнаго дѣла. Адмиралъ, прибывшій на совѣтъ въ присутствіи канцлера Оливье, со всѣмъ прямодушіемъ праваго человѣка объявилъ, что главная при-

чина заговора и угрожающаго престолу мятежа—всеобщее негодованіе на Гюизовъ, утишить которое можно только удаленіемъ временщиковъ.

— Но что же я-то сдѣлалъ народу? воскликнулъ король со слезами на глазахъ—за что же онъ на меня умышляетъ зло? Пусть онъ выскажетъ мнѣ всѣ свои нужды и претензіи... я разсужу и тогда разрѣшится вопросъ, кого именно ненавидятъ — меня или Гюизовъ?

Ненавидѣли единственно Гюизовъ; но и послѣдніе, въ свою очередь, слишкомъ любили королевскую власть, чтобы цѣною ея уступки купить спокойствіе королю и всему государству. Узнавъ наконецъ, что предстоящій бунтъ направленъ главнымъ образомъ на ихъ ненавистное семейство, герцогъ Гюизъ началъ дѣйствовать съ особеннымъ усердіемъ. Линьеръ, одинъ изъ сообщниковъ Ла-Реноди, подражая предателю Авенелю, сообщилъ Гюизу всѣ планы предводителя мятежниковъ.

16 числа марта 1560 года изданъ былъ эдиктъ амбуазскій, дававшій всепрощеніе протестантамъ, содержимымъ въ тюрьмахъ за дѣла религіозныя, не распространявшееся однако на тѣхъ изъ нихъ, которые принимали или принимаютъ участіе въ политическихъ заговорахъ. Эдиктъ этотъ, до извѣстной степени, утишавшій кровавую распрю, былъ составленъ знаменитымъ канцлеромъ Михаиломъ л'Опиталь, который конечно могъ-бы быть миротворцемъ Франціи въ эти тяжкія времена, если-бы власть королевская не была въ рукахъ Гюизовъ и Катерины Медичи. Заблаговременное извѣстіе, доставленное Линьеромъ, дало возможность герцогу Гюизу распорядиться арестованіемъ главныхъ коноводовъ по всѣмъ областямъ Франціи. Ла Реноди погибъ съ оружіемъ въ рукахъ во время схватки съ отрядомъ королевскихъ войскъ, предводимымъ его родственникомъ, барономъ де Пардайлльяномъ; другой начальникъ мятежниковъ—Кастельно сдался въ замкѣ Нуазэ... Тюрьмы переполнились захваченными въ плѣнъ протестантами; начались слѣдствія, допросы, пытки, казни... Ярость Гюизовъ дошла до такой степени, что по ихъ распоряженіямъ плѣнныхъ казнили подъ окнами королевскаго дворца и Францискъ, Марія, Катерина Медичи со всѣми придворными дамами любовались на это назидательное

зрѣлище! Этого мало: вооруженные отряды сыщиковъ, разъѣзжая по окрестностямъ, ловили беззащитныхъ жителей, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками; пойманныхъ убивали на мѣстѣ, топили въ рѣкахъ или вѣшали на деревьяхъ... Междоусобіе, разжигаемое Гюизами, утратило наконецъ характеръ войны и превратилось въ бойню или травлю и истребленіе собакъ фурманщиками. Не смотря на участіе принца Конде въ ловлѣ бунтовщиковъ, Гюизы обвинили его передъ королемъ, какъ соучастника заговора, и онъ былъ арестованъ. Обвиненіе основывалось единственно на показаніяхъ мятежниковъ подъ пыткою; несомнѣнныхъ же уликъ противъ Конде—не было. Принцъ потребовалъ формальнаго суда съ предоставленіемъ ему права самозащищенія и, явясь на первое же засѣданіе, сказалъ:

— Кто-бы ни обвинялъ меня въ измѣнѣ и злыхъ умыслахъ на особу моего государя (если это только не онъ самъ или кто либо изъ братьевъ), тому объявляю торжественно, что онъ лжецъ, клеветникъ, и слагая съ себя титулъ *принца крови* - вызываю его на поединокъ!

Глаза короля и всѣхъ присутствовавшихъ невольно обратились на герцога Гюиза, который въ ту же минуту отвѣчалъ принцу съ самой изысканной любезностью:

— Въ случаѣ принятія кѣмъ либо вашего вызова, позвольте мнѣ имѣть счастье быть вашимъ секундантомъ.

— А если нѣтъ уликъ и доказательствъ моей виновности,—продолжалъ Конде, помолчавъ и обращаясь къ королю; тогда я умоляю ваше величество не слушать злонамѣренныхъ клеветниковъ и вѣрить, что я неизмѣнно вашего величества вѣрноподданный!..

Конде былъ немедленно освобожденъ и слѣдственная комисія распущена къ совершенной досадѣ Гюизовъ и торжеству протестантовъ. Другой важной уступкой со стороны короля былъ ромартенскій указъ, слагавшій съ парламентовъ всякое разбирательство дѣлъ, касающихся вѣроисповѣданій и предоставлявшій таковое единственно суду епископовъ. Въ августѣ король созвалъ въ Блуа думу (assemblée des notables) для обсужденія мѣропріятій противъ распрей религіозныхъ и дальнѣйшихъ столкновеній католиковъ съ кальвинистами и протестантами. На это собраніе, продолжавшееся

четыре дня, приглашены были наваррскіе Бурбоны и знатнѣйшіе вельможи изъ иновѣрцевъ; первые однако же не воспользовались радушнымъ приглашеніемъ, опасаясь (можетъ быть и основательно) предательства и западни. Главнымъ защитникомъ угнетаемыхъ протестантовъ былъ мужественный Колиньи, настойчиво требовавшій удаленія Гюизовъ отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла, такъ какъ эти временщики были главною причиною кровавыхъ столкновеній и неурядицы. Не давая никакого прямаго отвѣта, король рѣшилъ созвать новую думу въ Орлеанѣ, куда и прибылъ въ сопровожденіи войска и цѣлаго отряда итальянцевъ тѣлохранителей. Эта воинственная обстановка — слѣдствіе боязни Франциска II за свою безопасность,—придала созванной думѣ далеко не тотъ миролюбивый характеръ, которымъ ей слѣдовало-бы отличиться. Клевреты Гюизовъ доносили ежедневно о продолжающихся заговорахъ Бурбоновъ и Конде; появленіе тѣхъ и другихъ на думѣ могло служить порукою за ихъ невинность и въ тоже время за безопасность короля. Вторично приглашая ихъ принять участіе въ совѣщаніяхъ объ умиротвореніи Франціи, король завѣрялъ честнымъ словомъ, что свобода короля наварскаго и принца Конде будутъ неприкосновенны... Антоній Бурбонъ и принцъ повѣрили Франциску, но немедленно по прибытіи въ Орлеанъ были арестованы. Подвергнутый вторично суду, Конде на этотъ разъ былъ обвиненъ кругомъ и приговоренъ слѣдственною комисіею къ смертной казни. Жена его—Элеонора де Руа (Roye) на колѣняхъ умоляла короля пощадить жизнь ея господина и супруга, но Францискъ II, строгій во всѣхъ случаяхъ когда слѣдовало быть кроткимъ, отвергъ ея просьбу повторяя, что не можетъ пощадить родственника намѣревавшагося лишить его и короны и жизни. Такъ съумѣли Гюизы вооружить противъ принца этого бѣднаго и слабоумнаго мальчика. Историкъ де Ту, съ оговоркою на счетъ правдивости извѣстія, пишетъ, будто-бы герцогъ Гюизъ уговорилъ короля своеручно зарѣзать плѣннаго короля наварскаго, и Францискъ—было согласился, но потомъ одумался, не въ силахъ будучи отважиться на подобное злодѣйство, и за этотъ отказъ удостоился отъ Гюиза названій: „*трусишки* и *подлеца!!*“ Этотъ фактъ де Ту почерпнулъ изъ политическаго памфлета, изданнаго

протестантами съ именемъ Жанны д'Альбре, супруги короля наварскаго, матери Генриха IV. Этотъ подлогъ имени всего лучше ручается за невѣрность возмутительнаго факта и если основывать мнѣніе о главныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ религіозныхъ войнъ на памфлетахъ, изданныхъ другъ противъ друга обѣими сторонами, тогда окажется, что обѣ были правы и въ тоже время кругомъ виноваты. Исторія должна говорить не языкомъ страстей, писаться должна не дрожащей отъ бѣшенства рукою... И къ чему вымыслы тамъ, гдѣ и такъ довольно одной страшной правды?

Смертный приговоръ принца Конде былъ подписанъ и казнь его была назначена 26 ноября 1560 года. Не желая присутствовать при ея совершеніи, король выѣхалъ въ загородный дворецъ, но въ дорогѣ внезапно у него сдѣлалась заушница быстро перешедшая въ антоновъ огонь, и Францискъ II скончался 5 декабря, семнадцати лѣтъ и десяти мѣсяцевъ отъ рожденія. Въ народѣ разнеслась молва объ отравленіи, хотя смерть короля при его слабомъ, болѣзненномъ организмѣ могла произойти и произошла отъ болѣзни наружной. Какъ бы то ни было — католики обвиняли протестантовъ, протестанты католиковъ; поговаривали и о томъ, будто смерть короля дѣло иностранной политики. Эта смерть спасла жизнь принцу Конде и въ недовольныхъ воскресила надежду на перемѣну къ лучшему въ государственомъ строѣ. Замѣчательно, что Гюизы, королевы: мать и супруга, съ ними весь дворъ, до того растерялись въ первые дни кончины Франциска II, что изъ нихъ никто не озаботился о честномъ погребеніи покойнаго короля. Его хоронилъ на свой счетъ дряхлый изгнанникъ, бывшій служака Карла VIII—Таннегюи дю Шатель; гробъ его провожали два дворянина слѣпой епископъ Санлисскій и нѣсколько вѣрныхъ служителей...

Генрихъ VIII.

Король англійскій.

КАРДИНАЛЪ УОЛЬСИ. АННА БОЛЕЙНЪ. ЖАННА СЕЙМУРЪ. КАТЕРИНА ГОУАРДЪ. КАТЕРИНА ПАРРЪ.

(1509—1547)

Тиранія и лютая кровожадность въ вѣнценосцахъ — вотъ еще двѣ характеристическія черты шестнадцатаго вѣка, о которыхъ мы хотя и не упомянули во вступленіи къ нашему труду, но не теряли ихъ однако же изъ виду. Почти каждое государство, будто состязуясь съ другими, порождало своего Тиверія, Калигулу или Нерона. Турція имѣла Солимана II, Испанія—Филиппа II, Данія—Христіана II, Россія—Ивана Грознаго, Швеція — Эрика XIV, Англія—Генриха VIII. Всѣ они будто звѣри одинаковой породы во многихъ чертахъ имѣютъ какое-то родственное сходство, но оно особенно бросается въ глаза при сличеніи Генриха VIII, короля англійскаго, съ Иваномъ IV Васильевичемъ, царемъ всея Руси.

Царствованіе Генриха, подобно царствованію Грознаго, можно раздѣлить на двѣ эпохи: славы и безславія. Въ первую пору тотъ и другой отличались прекрасными качествами, заботливостью о народѣ, ревностью о пользахъ государства и славными воинскими дѣяніями... потомъ, они словно перерождаются и всѣ ихъ дѣйствія клонятся какъ будто къ тому, чтобы невинно проливаемой кровью смыть первыя страницы своихъ біографій, а злодѣйствами изгладить изъ памяти народной всѣ отрадныя впечатлѣнія первыхъ лѣтъ ихъ царствованія! Новѣйшіе казуисты утверждаютъ, что

каждое преступленіе совершается человѣкомъ не въ нормальномъ состояніи его умственныхъ способностей и что оно есть проявленіе болѣзни воли или припадокъ сумашествія. Допуская этотъ взглядъ на преступленія и преступниковъ, можно право подумать, что въ шестнадцатомъ вѣкѣ, отъ его начала до конца, въ Европѣ свирѣпствовала какая-то эпидемія звѣрства: лихорадка деспотизма, *красная* горячка или манія самодурства. Дѣйствительно, при сравненіи тирановъ разныхъ странъ между собою, они по разительному сходству звѣрскихъ своихъ выходокъ, по изобрѣтательности на пытки и истязанія, по адской ироніи, которою приправляли смертные приговоры — напоминаютъ одержимыхъ однопредметнымъ помѣшательствомъ. Возьмемъ неукротимое сладострастіе Генриха VIII и нашего Грознаго, ихъ языческое женолюбіе, облекаемое однако въ форму законнаго, супружескаго сожительства: въ этомъ, одинъ какъ будто подражалъ другому. Генрихъ VIII любилъ богословскія пренія и высказывалъ при нихъ претензію на основательное изученіе предмета; Грозный точно такъ же любилъ бесѣдовать съ духовенствомъ, хвалилъ иноческое житье и кощунственно подражалъ ему со своей опричиной въ Александровской слободѣ. Совѣты Вассіана, инока Кирилловскаго монастыря растлили сердце царя Ивана Васильевича и посѣяли на эту воспріимчивую почву первыя сѣмена злобы и ярости... Тоже самое, хотя иными путями сдѣлалъ съ сердцемъ короля Генриха VIII его любимецъ, честолюбивый кардиналъ Ульси. Наконецъ по какому-то таинственному предопредѣленію и царь русскій, и король англійскій преобразились къ худшему и впали въ тиранію почти черезъ одинаковое число лѣтъ: Грозный—черезъ двадцать два года (1538—1560), Генрихъ VIII—черезъ двадцать одинъ годъ (1509—1530); тиранія перваго длилась однако двадцать четыре года (1560—1584); къ Англіи Провидѣніе было милосерднѣе: Генрихъ VIII свирѣпствовалъ семью годами менѣе—съ 1530 по 1547 годъ... И того достаточно было.

Въ покойномъ королѣ Генрихѣ VII скупость, доходившая до гнуснаго скряжничества, поглотила всѣ человѣческія и родительскія чувства. При содѣйствіи своихъ министровъ Эмпсона и Доддлея онъ систематически грабилъ народъ подъ видомъ всякихъ

податей, прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Народъ бѣднѣлъ, королевская казна обогащалась и не смотря на послѣднее дворъ и королевское семейство были не только далеки отъ роскоши, но явно терпѣли недостатки отъ непомѣрной экономіи и расчетливости скупаго короля. Эта жизнь была особенно несносна наслѣднику престола—Генриху принцу Уэльскому, одаренному умомъ и сердцемъ, склонному ко всякаго рода развлеченіямъ и—какъ оно всегда бываетъ съ сыновьями скупцовъ — къ расточительности. Естественная, хотя и неблагородная мысль: вознаградить себя за всѣ лишенія послѣ смерти отца—переходила въ желаніе ему скорѣйшей кончины, раздѣляемое втайнѣ и всѣмъ народомъ. Наконецъ 22 апрѣля 1509 года скончался Генрихъ VII, завѣщая восемнадцатилѣтнему принцу Уэльскому (1) престолъ, казну въ 1, 800.000 фунтовъ и вмѣстѣ съ короной руку своей невѣстки Катерины Арагонской, вдовы принца Артура, бывшаго наслѣдника, скончавшагося шесть лѣтъ тому назадъ.

Первый бракъ былъ слѣдствіемъ политическихъ соображеній Генриха VII; второй—слѣдствіемъ его скупости.

Дочь Фердинанда Католика и Изабеллы, родная сестра Іоанны Безумной (см. выше стр. 26– 28), Катерина Арагонская родилась въ 1485 году и по обычаю того времени съ колыбели была присуждена на принесеніе въ жертву политикѣ. Семнадцати лѣтъ она была выдана за наслѣдника англійскаго престола Артура, принца уэльскаго (14 ноября 1502 г.), юноши хвораго, снѣдаемаго изнурительной болѣзнію; Катерина была для него не женой, но сестрой милосердія и вмѣсто брачнаго ложа нашла въ чужой странѣ смертный одръ несчастнаго, котораго дали ей въ мужья... Черезъ годъ Артуръ скончался. По договору державныхъ сватьевъ Генрихъ VII обязанъ былъ возвратить своей невѣсткѣ приданое (100,000 червонныхъ) и отпустить ее на родину. Разстаться съ громадной суммой было королю-скрягѣ едва ли не тяжеле нежели потерять сына. Право престолонаслѣдія перешло къ

(1) Генрихъ VIII родился 28 іюня 1491 года. Онъ былъ вторымъ сыномъ короля и Елисаветы Іоркской.

младшему брату покойнаго Артура, двѣнадцатилѣтнему Генриху и нѣжный родитель рѣшилъ обручить его со вдовою его брата, на что и получилъ разрѣшеніе отъ папы Юлія II. Приданое осталось неприкосновенно и дружественныя отношенія съ Испаніей упрочились. Когда Генрихъ достигъ совершеннолѣтія, король-отецъ снова вступилъ въ переговоры съ испанскимъ королемъ о прибавкѣ приданаго и пересмотрѣ новаго брачнаго договора, и въ отвѣтъ на отказъ Фердинанда принудилъ сына отъ его собственнаго имени протестовать противъ предстоящаго брака (27 іюня 1505 г.). Дѣло однако же уладилось; папа вторично призналъ его законность, далъ разрѣшительную буллу и не смотря на это Генрихъ VII все медлилъ бракосочетаніемъ сына съ невѣсткою, желая вѣроятно выторговать еще какую нибудь прибавочку къ приданому... Такъ продолжалось до его смерти.

Черезъ два мѣсяца по восшествіи на престолъ, Генрихъ VIII отпраздновалъ свою свадьбу съ Катериной Арагонской, а черезъ нѣсколько дней короновался. Не было предѣла радости народной, не было конца и праздникамъ, баламъ, турнирамъ, которыми Генрихъ VIII вознаграждалъ себя за долгій постъ при жизни слишкомъ расчетливаго родителя. Просимъ извиненія у читателя за тривіальное сравненіе, но первые два, три года своего воцаренія Генрихъ былъ похожъ на купеческаго сынка, вырвавшагося на волю послѣ смерти своего тятеньки и протирающаго глаза наслѣдственнымъ миліономъ. Окруженный толпою любимцевъ онъ полной чашей пилъ удовольствія, пристрастился къ игрѣ и часто бывалъ обыгрываемъ навѣрняка. Руководителемъ короля на этомъ, его недостойномъ, поприщѣ былъ его придворный духовникъ и милостинораздаватель Ѳома Уольси—изобрѣтательный на забавы, потворщикъ страстямъ короля, его совѣтникъ въ государственныхъ дѣлахъ и неизмѣнный спутникъ въ кутежахъ и гулянкахъ. Опасны бывали королямъ фаворитки, сирены, своими ласками побуждавшія ихъ на злодѣйства, вмѣстѣ съ ихъ здоровьемъ и умственными способностями истощавшія казну, разорявшія народъ; но тысячу разъ опаснѣе фаворитокъ бывали временщики, подобно Уольси, систематически развращавшіе государей ради вѣрнѣйшаго достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Фаворитка—только си-

рена: любовь и красота ея единственныя орудія; не таковъ временщикъ, развивающій въ своемъ государѣ порочныя наклонности, льстящій его страстямъ, умѣющій при случаѣ подстрекнуть его самолюбіе, раздуть въ его сердцѣ злобу, ненависть или, наоборотъ, коварными навѣтами угасить въ немъ искры добра и благородныхъ побужденій. Именно таковъ былъ Уольси, для котораго монашеская ряса и духовный санъ были путеводителями на поприщѣ честолюбія, ведшими его, ни болѣе ни менѣе, какъ на престолъ римскаго первосвященника.

Ѳома Уольси родился въ Ипсвичѣ (графство Сеффолькъ) въ 1471 году и былъ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ историковъ, сыномъ зажиточнаго мясника, человѣка настолько умственно развитаго, что онъ послалъ сына учиться въ Оксфордъ. При богатѣйшихъ способностяхъ, Уольси занимался съ такимъ успѣхомъ, что пятнадцати лѣтъ былъ удостоенъ степеней бакалавра и магистра. Эразмъ Ротердамскій при своемъ посѣщеніи Оксфорда познакомился съ даровитымъ юношей, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ и совѣщался объ учрежденіи при университетѣ каѳедры греческаго языка. Трудно было рѣшить что̀ въ молодомъ Уольси было громаднѣе: самолюбіе или способности. Когда у него со сверстниками заходила рѣчь о будущемъ, онъ повторялъ постоянно: „лишь бы мнѣ только попасть ко двору, а тамъ нѣтъ, кажется, той высокой должности, до которой бы я ни добрался!..“ Задавшись этой мыслію, Уольси вступилъ въ свѣтъ—приходскимъ священникомъ въ Лимингтонѣ и наставникомъ дѣтей маркиза Дорсетъ. Послѣ того онъ подружился съ Нэнфэномъ, сборщикомъ податей въ Калэ, и сначала по собственной охотѣ помогалъ ему въ должности, а потомъ по увольненіи Нэнфэна за старостью—занялъ его мѣсто. Это обстоятельство сблизило Уольси со статсъ-секретаремъ Ричардомъ Фоксомъ, доложившимъ вскорѣ королю Генриху VII объ усердіи и исправности новаго сборщика податей. Король, особенно любившій финансистовъ и судившій о людяхъ по степени пользы, ими приносимой государственной казнѣ, пожелалъ видѣть Уольси и принялъ его къ себѣ на службу для особыхъ порученій. На первый случай онъ былъ посланъ въ Брюссель къ императору Максимиліану по важному секретному дѣлу и успѣшно

выполнивъ все возложенное на него королемъ—возвратился такъ скоро, что послѣдній не могъ повѣрить глазамъ.—Вы были въ Брюсселѣ? воскликнулъ онъ, принимая отвѣтную грамату — но, какъ же такъ скоро? Три дня тому назадъ я только отправилъ къ вамъ курьера... „Я встрѣтилъ его на моемъ обратномъ пути!“ скромно отвѣчалъ Уольси. За это король пожаловалъ его саномъ своего милостинораздавателя и деканомъ линкольнскаго собора. При воцареніи Генриха VIII Ѳома Уольси былъ, не смотря на духовное свое званіе, первымъ вельможей двора и въ самое короткое время сдѣлался любимцемъ и другомъ короля. Единаго слова Уольси было достаточно, чтобы подвергнуть придворнаго опалѣ или возвести его въ новый чинъ... Такъ лишились мѣста статсъ-секретари Еррей и Фоксъ—бывшій его покровитель. Вскорѣ по воцареніи Генриха VIII, Уольси сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, наконецъ—канцлеромъ (1510 г.).

Война, свирѣпствовавшая въ южной Европѣ въ первые годы XVI вѣка, была ведена безъ участія Англіи. Генрихъ VIII при восшествіи своемъ на престолъ подтвердилъ мирные договоры съ сосѣдними державами, особенно съ Франціей. Папа Юлій II, для котораго вспомогательныя французскія войска были непріятнымъ бременемъ, рѣшился отдѣлаться отъ ихъ невыгоднаго содѣйствія и для этого старался привлечь на свою сторону англійскаго короля... Начавъ, какъ водится, съ задобриванья по всемірной пословицѣ: маленькіе подарки поддерживаютъ дружбу, папа прислалъ королю золотую розу вмѣстѣ съ титуломъ *христіаннѣйшаго* и выраженіемъ скромнаго желанія принять участіе въ судьбахъ церковной области. Генрихъ повелъ дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ: отправилъ къ Людовику XII чрезвычайное посольство съ ходатайствомъ за угнетаемаго папу и съ предъявленіемъ правъ Англіи на французскія области Нормандіи, Гюйэнну, Анжу. и Мэнъ. Отвѣтъ былъ отрицательный и началась война. Генрихъ VIII, вступивъ въ союзъ съ Испаніей, прославилъ себя нѣсколькими воинскими подвигами, принявъ личное участіе въ дѣйствіяхъ. Оставивъ Катерину Арагонскую правительницей королевства, онъ, въ сопровожденіи неизмѣннаго Уольси, отправился въ армію. Битва и побѣда при Гинегатѣ, высадка во Франціи, осада

и взятіе Теруанны и Турнэ—срытыхъ до основанія, пораженіе шотландскихъ войскъ при Флоуденфильдѣ, гдѣ король Іаковъ IV, союзникъ Людовика XII, легъ костьми—снискали Генриху VIII живѣйшую благодарность папы Льва X, выраженную присылкою освященныхъ тока, шпаги и титула *защитника церкви*. Эти любезности папы не помѣшали другимъ его союзникамъ—испанцамъ вступить въ тайные переговоры съ враждебной ему Франціей. Узнавъ объ этомъ коварствѣ Генрихъ VIII отступился отъ папы и вошелъ со своимъ недавнимъ врагомъ Людовикомъ XII въ самыя дружественныя сношенія, скрѣпленныя бракомъ сестры короля англійскаго Маріи съ королемъ французскимъ, 7 августа 1514 г. (см. выше стр. 31—33). Ульси былъ тогда утвержденъ договорившимися въ санѣ епископа Турнэ—города французскаго, англичанами завоеваннаго.

Преемникъ Людовика XII—Францискъ I подтвердилъ мирный договоръ съ Англіей, выхлопоталъ у папы для Ульси кардинальскую шапку, но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ жестокій ударъ непомѣрному его самолюбію, сложивъ съ него санъ турнейскаго епископа. За это кардиналъ отомстилъ королю французскому, возстановивъ противъ него Генриха VIII, особенно послѣ побѣды Франциска I при Мариньяно. Генрихъ помогалъ императору германскому субсидіями и вообще выказывалъ къ Франциску отношенія непріязненныя. Король французскій зная, что это слѣдствіе происковъ кардинала, заискивалъ его, льстилъ и всѣми мѣрами старался заслужить его расположеніе. Началась борьба Франціи съ Австріею, Франциска I съ Карломъ V, и не смотря на родство (Карлъ былъ роднымъ племянникомъ Екатерины Арагонской) Генрихъ VIII сохранялъ самый благоразумный нейтралитетъ. Стараясь однако же вовлечь дядю въ союзъ съ собою, Карлъ V обѣщалъ кардиналу Ульси — папскую тіару и посохъ первосвященника римскаго! Тогда дѣла приняли другой оборотъ. Генрихъ VIII и Францискъ I свидѣлись въ парчевомъ лагерѣ (camp de drap d'or) 7 іюня 1520 г., гдѣ пировали самымъ дружескимъ образомъ семнадцать дней, размѣниваясь ласками и любезностями... Этотъ „парчевый лагерь“ можно было назвать позолоченной пилюлей, которую кардиналъ Ульси готовилъ королю фран-

цузскому: Генрихъ, разставшись съ нимъ, видѣлся съ Карломъ V, которому обѣщалъ свое содѣйствіе. Въ самое это время южную и среднюю Европу возмутило появленіе реформаціи, угрожавшей папской власти и заставившей дрожать донынѣ непоколебимый престолъ римскій. Король англійскій, принявъ сторону папы Льва X, написалъ и послалъ въ Римъ книгу, заключавшую въ себѣ громовое опровержение еретическаго ученія Лютера и защиту *семи таинствъ*. Книга эта, на двѣ трети наполненная текстами и цитатами изъ сочиненій Ѳомы Аквинскаго, привела Льва X въ восторгъ и державный авторъ удостоился получить отъ его святѣйшества за подписью 27 кардиналовъ дипломъ на титулъ *защитника вѣры*. Союзъ съ Карломъ V былъ дѣломъ рѣшеннымъ и Генрихъ VIII приступилъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, но тутъ явилось самое существенное препятствіе: въ казнѣ не было денегъ; ее истощили пиры и праздники, на которые былъ такъ щедръ англійскій король въ первые годы своего царствованія! Пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Сдѣлавъ перепись имущества вѣрноподданныхъ его величества, обложили податью: мірянъ въ $1/10$, духовныхъ въ $1/4$ долю общей стоимости движимаго и недвижимаго... Этого оказалось мало и кардиналъ Уольси отъ имени короля потребовалъ у парламента въ займы на военныя издержки 800,000 фунтовъ. Требованіе это было отвергнуто большинствомъ голосовъ. Раздосадованный Генрихъ на другой же день потребовалъ къ себѣ главнаго коновода оппозиціи и когда тотъ по этикету преклонилъ передъ нимъ колѣни, король очень ласково поздоровался съ нимъ и въ тоже, время положивъ ему руку на плечо, внятно прошепталъ:

— Если завтра же вы, милѣйшій мой, и всѣ подобные вамъ упрямцы не подадите голосовъ за выдачу требуемой мною субсидіи — всѣмъ головы долой!!

Сверкнувъ глазами и тряхнувъ рыжей головой, этотъ левъ, впервые выпустившій когти, далъ понять несчастному члену парламента, что онъ не шутку шутитъ... На другой же день 800,000 фунтовъ лежали въ государственной казнѣ. Съ ихъ помощью англійскія войска заняли Пикардію...

И весь этотъ грабежъ и всѣ приготовленія къ войнѣ были

плодами честолюбія кардинала Уольси, по чужимъ головамъ взбиравшагося до обѣщанной ему папской тіары!..

Пробилъ давно желанный часъ: смерть папы Льва X (1521 г. 19 ноября) открыла вакансію на престолъ первосвященническій. Уольси, не теряя времени, послалъ въ Римъ своего секретаря Писа (Pease) съ порученіемъ интриговать, задаривать, задабривать членовъ конклава... но, какъ ни торопился усердный Писъ, онъ по прибытіи въ Римъ нашелъ на престолѣ новаго папу—Адріана VI и всѣ радужныя надежды кардинала Уольси лопнули мыльнымъ пузыремъ. Дѣлать было нечего; пришлось покориться враждебной судьбѣ и ждать съ прежнимъ нетерпѣніемъ, питаясь новыми надеждами, приправленными льстивыми обѣщаніями Карла V.

Адріанъ VI царствовалъ съ небольшимъ годъ и такимъ образомъ Уольси ждалъ недолго. На этотъ разъ французскіе кардиналы, бывшіе на конклавѣ, заявили, что Уольси какъ иноземецъ не знаетъ Рима; что невозможно совмѣстить ему въ своемъ лицѣ должности канцлера англійскаго и папы римскаго; что наконецъ онъ, радѣя единственно объ интересахъ своего отечества, едва ли будетъ заботиться объ интересахъ церкви... Словомъ, Уольси былъ забракованъ и въ папы избрали Климента VII изъ дома Медичи.

На этотъ разъ бѣшенству кардинала Уольси не было предѣловъ! На французскихъ кардиналовъ онъ едва негодовалъ: отъ враговъ Англіи нечего было и ожидать поддержки, но императору германскому Карлу V—грѣшно, стыдно, безсовѣстно было водить кардинала или обѣщать ему то, чего Карлъ не въ силахъ былъ исполнить. Ему Уольси отмстилъ вдвойнѣ: союзомъ Генриха VIII съ Францискомъ I и впослѣдствіи разводомъ его съ несчастною Катериною Арагонскою. Надобно замѣтить, что въ эту эпоху кардиналъ Уольси былъ на высотѣ своего величія. Онъ управлялъ почти всѣми епархіями королевства, получая соотвѣтствующіе доходы; пользовался пенсіями отъ папы и императора германскаго; съ титломъ кардинала à latere (¹) имѣлъ право ежегодно воз-

---

(¹) Кардиналомъ à latere назывался полномочный папскій легатъ къ христіанскимъ государямъ. Уольси пользовался полномочіемъ и правами

водить безъ папскаго разрѣшенія пятьдесятъ человѣкъ въ достоинство рыцарское, столько же въ графское и сорокъ—въ апостольско-нотаріальное; кромѣ того могъ (опять же безъ предварительнаго разрѣшенія папы) узаконять незаконнорожденныхъ, расторгать браки, давать индульгенціи, преобразовывать уставы монастырей и даже упразднять ихъ. Доходы кардинала равнялись королевскимъ; онъ имѣлъ собственныхъ тѣлохранителей, особый придворный штатъ, въ которомъ состояли графы, бароны, знатнѣйшіе рыцари, а въ пажахъ—юноши первѣйшихъ аристократическихъ фамилій... Между послѣдними находился лордъ Перси, сынъ герцога Норсомберлэндъ. Число придворныхъ кардинала простиралось до 800 человѣкъ. Когда онъ въ качествѣ посланника посѣтилъ Франциска I, въ торжественномъ кортежѣ вели 1,000 превосходныхъ коней собственной его конюшни. Во дворцѣ Гэмптонкортъ кромѣ золотой и серебряной посуды, ковровъ, картинъ и драгоцѣнностей всякаго рода—хранилось до 180 однѣхъ шелковыхъ постелей... Въ духовныхъ процесіяхъ носили знаки кардинальскаго достоинства на парчевыхъ подушкахъ; шляпу свою, при богослуженіи кардиналъ клалъ на престолъ и всѣ обряды церковной службы совершалъ по чину самого папы. Наконецъ Уольси первый изъ архіепископовъ кэнтэрберійскихъ употреблялъ при облаченіи парчу, глазетъ и украшался драгоцѣнностями. „Если Климентъ VII папа римскій", могъ сказать кардиналъ себѣ въ утѣшеніе, „такъ я—папа англійскій!"

Охладивъ короля къ интересамъ его племянника Карла V, кардиналъ Уольси безъ труда уговорилъ Генриха VIII выказать свое сочувствіе Франциску I, бывшему тогда въ плѣну у императора послѣ несчастной битвы при Павіи (1525 г.). Генрихъ своеручно писалъ Луизѣ Савойской, чтобы она, радѣя объ интересахъ Франціи, не уступала Карлу V ни пяди земли и не входила съ нимъ ни въ какія соглашенія. Эта, по видимому, безкорыстная внимательность тронула Франциска и слѣдствіемъ ея

весьма обширными, ставившими его на ряду съ патріархами или митрополитами восточной церкви.

былъ мирный договоръ 8 августа 1526 года Франціи съ Англіей и разрывъ послѣдней съ Австріею. Повредивъ Карлу V съ этой стороны, кардиналъ Уольси началъ свои интриги съ другой.

Катерина Арагонская—честнѣйшая жена и прекрасная мать, была старѣе Генриха VIII пятью годами. Эта разница, непримѣтная въ первые годы супружества, стала обнаруживаться впослѣдствіи, когда королева приблизилась уже къ старческому возрасту, а король былъ во всемъ цвѣтѣ мужества, при полномъ развитіи страстей неукротимыхъ. Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ съ женою въ добромъ согласіи, замѣнивъ страсть уваженіемъ, дружбою, привычкою. Бывали въ теченіе этого времени случаи невѣрности со стороны мужа; но всѣ эти мимолетныя страстишки такъ же скоро гасли, какъ скоро вспыхивали, и Генрихъ ими не довольствовался. Сердце его томилось какой-то нелѣпой, идеальной страстью и искало женщины, къ которой-бы оно могло привязаться на долго. Охлажденія короля къ Катеринѣ не могло ускользнуть отъ вниманія кардинала, и мысль разлучить короля съ его женою зрѣла и развивалась въ умѣ честолюбца. Катерина была звеномъ, связывавшимъ Генриха VIII съ Карломъ V, и звено это, по соображеніямъ Уольси, необходимо нужно было порвать навѣки. Улучивъ минуту раздумья короля надъ его супружеской жизнію, кардиналъ очень тонко повелъ рѣчь о бракѣ съ точки зрѣнія богословія и постепенно довелъ короля до сознанія, что бракъ его на женѣ роднаго брата и сожительство съ нею—есть дѣло противозаконное. Такъ внушена была Генриху VIII первая мысль о разводѣ и расторженіи брака послѣ чуть что не двадцатилѣтняго сожительства. Король въ видѣ запроса сообщилъ ее Паччи, декану собора Св. Павла, а самъ между тѣмъ сталъ соображать, подыскивать статьи закона духовнаго и остановился на двухъ статьяхъ закона Моисеева (Левит. гл. XVIII ст. 16 и XXV ст. 5), прямо осуждавшихъ вступленіе въ бракъ лицъ, состоящихъ именно на той степени родства какъ онъ, Генрихъ и его супруга. Вспомнилъ онъ и свой протестъ, писанный по приказанію покойнаго Генриха VII (27 іюня 1505 года): двадцать лѣтъ тому назадъ онъ повиновался отцу, не понимая сущности дѣла; шестнадцать лѣтъ тому назадъ—смѣясь

надъ нимъ велъ Катерину къ алтарю... но теперь, самый этотъ протестъ казался ему вполнѣ законнымъ и основательнымъ. Готовясь на дѣло возмутительное, король былъ похожъ на механика, складывающаго сложную машину; всѣ части ея были собраны, приводы натянуты, оставалось только дать первый толчекъ двигательной силѣ, таящейся въ колесахъ и шестерняхъ...

Толчекъ этой адской машинѣ былъ данъ прелестною, бѣлоснѣжною ручкою одной изъ тѣхъ презрѣнныхъ женщинъ, которыхъ сама преисподняя посылаетъ въ семейства для разрушенія согласія, для посѣва раздора и преступленій. Это гнусное существо была—прославленная романистами и оперными композиторами Анна Болейнъ ([1]), признаваемая чуть не мученицею людьми сантиментальными, имѣющими дурную привычку къ каждой исторической личности, погибшей на эшафотѣ, относиться съ какимъ-то ребяческимъ мягкосердіемъ. Эшафотъ былъ самымъ справедливымъ возмездіемъ Аннѣ Болейнъ, не столько за ея распутства (она была дочерью своего вѣка), сколько за ея происки для достиженія престола, ея глумленія надъ свергнутой Катериною, за тѣ позорныя страницы, которыми она запятнала лѣтописи Англіи. Анна Болейнъ, которую всего вѣрнѣе можно охарактеризовать нашимъ мѣткимъ простонароднымъ прозвищемъ *проходимки*, принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ псевдо-героевъ и псевдо-героинь, на которыхъ потомство глядитъ съ превратной точки зрѣнія наперекоръ законамъ оптики, превращающей этихъ господъ и госпожъ изъ пигмеевъ въ исполиновъ, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ насъ на разстояніи трехъ, четырехъ вѣковъ... Это тѣ же театральныя декораціи, издали чарующія зрѣніе, а вблизи оказывающіяся грубо размалеванными кусками парусины. Эшафотъ, на которомъ погибла Анна Болейнъ, могъ помирить съ нею ея современниковъ, но судъ потомства обязанъ быть безпристрастнымъ: ему не слѣдъ, при произнесеніи приговора надъ

([1]) Болена, Боленъ, Буленъ (Boulain), такъ итальянцы и французы искажаютъ эту фамилію, которая была Болейнъ (Boleyn). Такъ по крайней мѣрѣ писала ее Анна своеручно, и мы не можемъ не признать этого неопровержимаго авторитета.

памятью злодѣйки, принимать во вниманіе „смягчающія вину обстоятельства“, т. е. томные глазки и смазливенькое личико.

Съ кѣмъ вздумала соперничать и кого, благодаря своему кокетству и лукавству, побѣдила Анна Болейнъ? Съ дочерью короля, съ законной женой своего государя; она побѣдила честную, прекрасную женщину... она, будучи демономъ, убила этого ангела и какъ площадная плясунья плясала и кривлялась надъ могилой усопшей соперницы, наряжаясь въ ея корону и путаясь въ складкахъ, еще не простывшей, съ королевы сорванной порфиры. Въ наше время не бываетъ развѣ примѣровъ измѣны мужа, который, мирно и согласно проживъ со своей женой двадцать лѣтъ, мѣняетъ ее и всю свою семью на какую нибудь горничную и, обзаведясь новымъ побочнымъ семействомъ, дѣлается рабомъ недавней служанки? Эта самая исторія была съ Генрихомъ VIII и Анною Болейнъ. Съ его стороны главную роль играла чувственность, искусно разжигаемая притворнымъ цѣломудріемъ; съ ея стороны самое утонченное кокетство, расчетъ и лукавство. Самозванцы обольщали народъ наружнымъ сходствомъ съ государями; Анна Болейнъ обольстила Генриха VIII маскою стыдливости, невинности, придавшею ей видъ женщины добродѣтельной, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Анна была—развратницею, въ чемъ можетъ убѣдить насъ нижеслѣдующій біографическій очеркъ.

Семейство Болейнъ, состоявшее изъ отца Ѳомы Болейнъ, матери (урожденной графини Норфолькъ), сына и двухъ дочерей, пользовалось незавидной репутаціей. Мать и старшая дочь одно время при содѣйствіи сына и брата пользовались благосклонностью короля, хотя и непродолжительною. Младшая дочь, Анна (родившаяся въ 1500 году) четырнадцати лѣтъ сопровождала принцессу Марію, невѣсту Людовика XII, во Францію, гдѣ провела первые годы юности, мѣняя и госпожъ, и поклонниковъ. Послѣ отъѣзда Маріи въ Англію, Анна Болейнъ была принята фрейлиною къ супругѣ короля Франциска I, Клавдіи французской; послѣ ея смерти, въ 1524 году, къ его сестрѣ,—герцогинѣ Алансонской. Нравственность двора того времени извѣстна читателю; мы не будемъ входить въ грязныя подробности, но не можемъ не сказать, что изъ всѣхъ придворныхъ едва-ли могла отыскать-

ся подъ пару Аннѣ Болейнъ другая, которой-бы такъ хорошо пошли въ прокъ уроки кокетства и свободы обхожденія... Красавица удивляла своей наглостью самыхъ отчаянныхъ безстыдницъ и молва о ея подвигахъ не мало обогатила устную соблазнительную хронику того времени. По прибытіи своемъ въ Англію Анна поступила въ штатъ королевы Катерины Арагонской (1527 г.) и мгновенно преобразилась изъ прежней красавицы легкаго поведенія въ скромницу, смиренницу такую, что и водой не замутишь. Стыдливо потупленные глазки, румянецъ, появлявшійся на щекахъ при мужскомъ взглядѣ или неосторожномъ словѣ, тихій, мелодическій голосъ—очаровали Генриха VIII съ первой же его встрѣчи съ новою фрейлиною, и онъ не замедлилъ объясненіемъ въ полной увѣренности, что Анна не будетъ съ нимъ упрямѣе своей матери и старшей сестры. Къ совершенному удивленію и пущему обольщенію короля, Анна отвѣчала ему суровымъ отказомъ, весьма основательными укорами и стереотипными нравоученіями, которыхъ, замѣтимъ, истинно честная и невинная дѣвушка и читать-то никогда не станетъ въ отвѣтъ на страстное признаніе... Ослѣпленный король не съумѣлъ однако отличить этой поддѣльной добродѣтели отъ настоящей. Фразы Анны Болейнъ въ родѣ слѣдующихъ: „я ваша вѣрноподданная, государь, но не болѣе...“ или: „любить я могу и буду любить только мужа...“ вскружили ему голову окончательно и онъ, тогда помышлявшій уже о расторженіи своего брака, рѣшился приступить къ осуществленію этого умысла о покупкѣ любви Анны Болейнъ цѣною короны. Два года длилась эта интрига—безукоризненная, покуда совершенно платоническая, и въ это-же время подготовлялись Генрихомъ необходимые документы для развода съ супругою. Первый приступъ къ позорному процесу сдѣлали кардиналы à latere: Уольси и Компеджіо, предложившіе королевѣ удалиться въ монастырь, такъ какъ бракъ ея и сожительство съ мужемъ были дѣломъ противозаконнымъ... Королева отвѣчала отказомъ; папа римскій медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. 21 іюня 1529 года происходило первое засѣданіе суда надъ королевою. Ложные свидѣтели въ числѣ 37 человѣкъ (почти всѣ родные или клевреты Анны Болейнъ) обвиняли Катерину

въ нарушеніи супружеской вѣрности, духовныя лица упоминали о кровосмѣшеніи, такъ какъ она, будучи вдовою одного брата, вышла за другаго; король и гражданскіе судьи ссылались на его протестъ 1505 года—и общій говоръ принуждалъ королеву, сложивъ съ себя свой санъ, удалиться въ монастырь. Безвинно позоримая, унижаемая, но еще не униженная, Катерина Арагонская сказала, со всѣмъ величіемъ правоты:

— Что я въ теченіе двадцатилѣтняго супружества была вѣрна моему супругу и государю, это онъ можетъ подтвердить и самъ. Бракъ нашъ былъ разрѣшенъ святымъ отцомъ-папою именно потому, что я и не раздѣляла ложа со старшимъ братомъ короля, но чистою дѣвственницею, со спокойною совѣстью пошла съ нимъ къ алтарю. Отвѣчать согласіемъ на предложеніе поступить въ монастырь я не могу до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта отъ родныхъ моихъ изъ Испаніи и отъ его святѣйшества изъ Рима.

Засѣданіе было прервано. Большинство судей поняли, что судъ неправый, противный законамъ Божію и гражданскому. Когда король послѣ того объявилъ кардиналу Уольси о своемъ намѣреніи жениться на Аннѣ Болейнъ, временщикъ, упавъ на колѣни, со слезами заклиналъ его не унижать такъ ужасно достоинства королевскаго и взять себѣ въ супругу сестру французскаго короля или Ренату, дочь покойнаго Людовика XII. Этотъ протестъ раздосадовалъ Генриха VIII и онъ разумѣется не замедлилъ сообщить о немъ своей возлюбленной. Прелестная, граціозная Анна Болейнъ съ яростью фуріи потребовала увольненія кардинала Уольси отъ всѣхъ его высокихъ должностей, предлагая на его мѣсто Кренмера, капелана своего почтеннаго родителя. Паденіе Уольси было рѣшено, однако же Генрихъ не увольнялъ его, ожидая отвѣта изъ Рима. Отвѣтъ не замедлилъ: папа признавалъ бракъ короля съ Катериною Арагонскою законнымъ и нерасторжимымъ. Тогда-то Генрихъ VIII все свое бѣшенство излилъ на кардинала, уволивъ его отъ службы и предавъ суду за превышеніе власти, казнокрадство и множество преступленій (вымышленныхъ), изложенныхъ въ 45 пунктахъ обвинительнаго акта. Личнымъ врагамъ кардинала, герцогамъ Норфолькъ и Сеффолькъ, было препоручено присутствовать въ слѣдственной комиссіи и при конфискаціи всего имуще-

ства недавняго королевскаго любимца... Разоренный, униженный, убитый Уольси отправился въ изгнаніе въ одну изъ бѣднѣйшихъ епархій. На дорогѣ его нагналъ Норрисъ, камердинеръ короля, нарочно посланный, чтобы передать отъ Генриха нѣсколько словъ утѣшенія--и бѣдный временщикъ сошелъ съ своего коня, преклонилъ колѣни посреди грязи передъ королевскимъ посланнымъ, смиренно прося поблагодарить его величество за эту послѣднюю милость.

По мѣрѣ своего удаленія отъ столицы, изгнанникъ, еще недавно выказавшій жалкое малодушіе, свойственное каждому павшему временщику, мужался и успокоивался. По прибытіи къ избранному имъ самимъ мѣсту своего пребыванія, преобразованный въ убогаго благочиннаго, Уольси и душевно преобразился къ лучшему, посвятивъ себя на служеніе Богу и страждущимъ. Онъ посѣщалъ бѣдныхъ и больныхъ, принося имъ помощь и утѣшеніе, заботился о воспитаніи дѣтей, о нуждахъ поселянъ, такимъ образомъ искренними слезами и христіанскими подвигами заглаживая свои проступки во времена своего могущества. Любовь и уваженіе паствы, принятой кардиналомъ на свое попеченіе—возбудили ревность въ Аннѣ Болейнъ и Генрихѣ VIII; они поняли, что и въ изгнаніи своемъ Уольси нашелъ свою долю счастія и миръ душевный, замѣнившій ему всѣ недавнія сокровища—а король и его любовница желали отнять у него все, можетъ быть даже и самую жизнь! Недолго было настрочить на бывшаго канцлера новое обвиненіе, на этотъ разъ въ государственной измѣнѣ и вызвать его въ Лондонъ для заточенія въ Башню (Тоуэръ), изъ которой была одна дорога—на эшафотъ. Герцогу Нарсомберлэнду, тому самому, который двадцать лѣтъ тому назадъ за счастье почиталъ отдать своего сына въ пажи кардиналу, ему было препоручено привезти плѣнника. Послѣдній путь кардинала изъ его епархіи въ Лондонъ былъ его торжествомъ вполнѣ заслуженнымъ, далеко оставившимъ за собою тѣ пышныя процесіи съ ихъ мишурнымъ блескомъ, на которыхъ онъ первенствовалъ когда-то. Во всю дорогу до Лейчестера, народъ, тѣснясь по окраинамъ и провожая своего добраго пастыря, напутствовалъ его благословеніями и осыпалъ теплыми выраженіями душевной благодарности. Въ Лейчестерѣ кар-

диналъ заболѣлъ изнурительнымъ поносомъ и остановился въ тамошнемъ монастырѣ въ предчувствіи близкой смерти, прося окружающихъ похоронить его въ стѣнахъ этого послѣдняго своего прибѣжища. Бывшій при немъ смотритель Башни—Кингстонъ, тронутый его страданіями тѣлесными и душевными, сталъ утѣшать и успокоивать его.

— Я у гроба, отвѣчалъ Ульси:—не обнадеживайте меня ни милосердіемъ короля, ни его вниманіемъ къ моимъ прежнимъ заслугамъ... Напомните ему отъ моего имени о томъ, какъ часто я предостерегалъ его отъ покорства страстямъ, отъ увлеченій—и зачѣмъ онъ не слушалъ меня?... Скажите ему еще,—продолжалъ умирающій,—что я искренно сожалѣю зачѣмъ Богу не служилъ я такъ, какъ служилъ королю? Господь не обидѣлъ бы меня на старости лѣтъ, Онъ былъ бы милосердъ къ своему вѣрному служителю...

Кардиналъ Ульси умеръ 29 ноября 1530 года. При извѣстіи о его смерти Генрихъ VIII заплакалъ и воздалъ должную справедливость памяти честолюбца, жизнію своею явившаго не первый и не послѣдній примѣръ превратности судебъ временщика, примѣръ, изъ котораго впрочемъ ни одинъ временщикъ послѣдующихъ временъ не извлекъ для себя предохранительнаго нравоученія. Во время могущества кардинала Ульси его боялись всѣ сословія, но и проклинали почти всѣ. Духовенство католическое негодовало на него за дѣло о разводѣ короля, протестанты—за преслѣдованія; монахи досадовали на кардинала за его лихоимство, дворяне—за темное его происхожденіе, народъ—за обременительные налоги. Одно только ученое сословіе, пользуясь покровительствомъ временщика, могло сказать о немъ доброе слово. Стараніями кардинала Ульси въ Оксфордскомъ университетѣ было учреждено семь каѳедръ, была основана колегія Христа; Ипсуичскій университетъ былъ обязанъ ему многими преобразованіями и существеннымъ улучшеніемъ быта студентовъ.

Катерину Арагонскую тѣснила съ престола Анна Болейнъ; вакантное мѣсто фаворита при Генрихѣ VIII занялъ клевретъ послѣдней—Кренмеръ. Рѣшительный отвѣтъ папы Климента VII не отклонилъ Генриха отъ его намѣренія развестись съ супругою и

онъ, по совѣтамъ Кренмера, перенесъ свое дѣло на разсмотрѣніе суда гражданскаго, или правильнѣе ученаго. Вопросъ о законности брака переданъ былъ Кренмеромъ на разсмотрѣніе всѣхъ европейскихъ университетовъ. Это явное неуваженіе къ волѣ римскаго первосвященника подняло ропотъ негодованія со стороны духовенства. Король, признавая католическое вѣроисповѣданіе владычествующимъ въ Англіи, началъ именоваться въ документахъ *покровителемъ и верховнымъ главою церкви англиканской*, чѣмъ сдѣлалъ первый шагъ къ отпаденію отъ власти папы римскаго; кромѣ того въ присягу онъ ввелъ новый и еще небывалый терминъ: „на сколько дозволяетъ законъ Христовъ"... Послѣднее уже носило на себѣ явный отпечатокъ лютеранскаго ученія, а въ глазахъ Климента VII и всего католическаго міра не могло не показаться ересью; но именно для отклоненія отъ себя подобнаго упрека Генрихъ VIII преслѣдовалъ лютеранъ и въ 1531 году, по примѣру католическихъ государствъ, сжегъ на кострѣ трехъ послѣдователей новаго ученія Лютера. Положеніе короля было самое скандалезное: съ женою онъ разстался безъ формальнаго развода; съ Анною Болейнъ, пожалованною въ маркизы Пемброкъ, сожительствовалъ безъ брака. Въ 1532 году при свиданіи своемъ въ Булони съ Франциском I, Генрихъ VIII представилъ ему Анну, какъ невѣсту. Король французскій какъ нельзя любезнѣе обошелся съ бывшей фрейлиной своей жены и сестры (говорили даже бывшей своей любовницей)—будущей королевой; подарилъ ей драгоцѣнный бриліантъ и обѣщалъ свое ходатайство у папы римскаго о разрѣшеніи Генриху вступить съ нею въ бракъ. Съ своей стороны король англійскій, видимо довольный новымъ, собственнаго изобрѣтенія титуломъ „главы англиканской церкви", предлагалъ и Франциску I послѣдовать его примѣру, назвавшись „главою церкви галликанской." По возвращеніи въ Англію Генрихъ, не дожидаясь папскаго разрѣшенія, тайно обвѣнчался съ Анною Болейнъ (14 ноября), бывшею тогда уже въ интересномъ положеніи. 23 мая 1533 года Кренмеръ, архіепископъ Кентрберійскій, объявилъ бракъ короля съ Катериною Арагонскою—недѣйствительнымъ и расторгнутымъ, а черезъ пять дней Анна Болейнъ признана законною супругою и коронована. Катеринѣ былъ

оставленъ титулъ герцогини уэльской; дочь ея Марія (родившаяся въ 1510 году) могла быть наслѣдницею въ такомъ только случаѣ, если у отца ея не было бы дѣтей мужскаго пола отъ втораго брака; жилищемъ развѣнчанной королевѣ-супругѣ вмѣстѣ съ дочерью назначенъ монастырь Эмфтилль, въ Дунстэбльширѣ. Королева отвергла всѣ эти предложенія, на которыя папа римскій Климентъ VII отвѣчалъ въ свою очередь угрозою отлучить отъ церкви короля-самоуправца. Францискъ вымолилъ Генриху прощеніе съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ явился съ повинною въ Римъ, о чемъ и сообщилъ Генриху нарочный посолъ отъ короля французскаго—Жанъ Беллэ... Генрихъ обѣщалъ. Папа увѣдомилъ его, чтобы онъ въ опредѣленный срокъ далъ письменный отвѣтъ, и Генрихъ не далъ никакого. Тогда негодующій римскій первосвященникъ обнародовалъ буллу 22 марта 1534 года, отлучившую Генриха отъ церкви и лишающую правъ законной жены и дочери—Анну Болейнъ и новорожденную Елисавету... Король, какъ бы издѣваясь надъ папою, указомъ объявилъ бракъ свой съ Катериною—недѣйствительнымъ, а дочь ея Марію незаконною и отрѣшенною отъ всѣхъ правъ на престолонаслѣдіе.

Преемникомъ папы Климента VII былъ Павелъ III (13 сентября 1534 г.), доброжелатель короля англійскаго, примиреніе котораго съ Римомъ было еще дѣломъ весьма возможнымъ; но Генрихъ VIII уже осуществлялъ великую идею отпаденія отъ папы, присвоивъ себѣ окончательно духовную власть, именуя въ документахъ папу римскаго — „епископомъ", упраздняя монастыри и конфискуя ихъ имущество въ государственную казну.

Этимъ временемъ Катерина Арагонская, приближаясь къ гробу, написала къ королю письмо, въ которомъ излилась ея кроткая, незлобливая душа и выразились прекрасныя чувства, которыми эта святая женщина отличалась всю свою жизнь. Письмо было адресовано изъ замка Кимбэльтона, послѣдняго мѣстопребыванія Катерины:

— Я приближаюсь къ часу смертному—писала она—и любовь, которую я все еще чувствую къ вамъ, государь, побуждаетъ меня умолять васъ озаботиться о спасеніи души вашей и предать забвенію всѣ плотскія и житейскія попеченія. Повинуясь побужде-

ніямъ страстей вашихъ вы ввергли меня въ пучину великихъ бѣдствій и сами на себя навлекли не меньшія тревоги и работы.... Я все забываю, государь, и молю Господа да предастъ Онъ забвенію все что было! Поручаю вамъ дочь нашу Марію и заклинаю васъ: будьте ей добрымъ отцомъ—въ этомъ единственное мое желаніе. Не оставьте также моихъ фрейлинъ, которыя не будутъ вамъ въ тягость: ихъ только три. Прикажите выдать годовой окладъ жалованья всѣмъ лицамъ, бывшимъ при мнѣ въ услуженіи, иначе они останутся безъ куска хлѣба..." Далѣе умирающая выразила желаніе увидѣть своего короля и мужа и въ подписи назвалась его женою. Генрихъ читая письмо плакалъ... Раскаяніе и жалость его были можетъ быть тѣмъ искреннѣе, что Катерина на слѣдующій день (6 января 1535 г.) скончалась. Львиное сердце короля было тронуто; о королевѣ сожалѣли всѣ, самые ея недоброжелатели, кромѣ прелестнѣйшей Анны Болейнъ, которая имѣла безстыдство высказать самую живѣйшую радость при вѣсти о кончинѣ соперницы — и вырядиться умышленно въ цвѣтное платье, когда по повелѣнію короля при дворѣ былъ наложенъ трауръ, а по церквамъ возсылались моленія объ успокоеніи души усопшей королевы Катерины.

Не распространяемся о великой религіозной реформѣ, совершавшейся въ это время въ Англіи, при ревностномъ содѣйствіи королю Кренмера, Ѳомы Кромуэля и многихъ другихъ. Ѳома Морусъ, Форестъ и Джонъ Фишеръ, духовникъ покойной королевы— пали на эшафотѣ, отстаивая католицизмъ, или лучше сказать папскую власть. Наступило царствованіе ужаса, не прекращавшееся до самой кончины Генриха VIII въ 1547 году. Въ теченіе семнадцати лѣтъ число жертвъ деспота достигло почтенной цифры *семидесяти трехъ тысячъ восьмидесяти семи человѣкъ* казненныхъ, запытанныхъ, умершихъ въ темницахъ. Въ этомъ числѣ, при раскладкѣ его по сословіямъ, находились: два кардинала, двадцать съ однимъ духовныхъ лицъ въ санѣ епископовъ и архіепископовъ, тринадцать абатовъ, сто канониковъ и докторовъ богословія; герцоговъ, графовъ и бароновъ—сорокъ одинъ человѣкъ; триста дворянъ, сто десять знатныхъ женщинъ и семь-

десять двѣ тысячи простыхъ гражданъ. Эти цифры, кажется, не нуждаются въ коментаріяхъ!

Милая, граціозная Анна Болейнъ въ это время (1535 г.) рѣзвымъ мотылькомъ порхала на празднествахъ, не обращая своего вниманія ни на кровь, ни на костры, ни на вопли казнимыхъ и истязуемыхъ. Этотъ демонъ въ образѣ женщины не занимался подобными пустяками, избравъ цѣлью дальнѣйшей своей жизни веселье и удовольствія. Надѣвъ на себя корону, Анна въ то же время сняла маску и изъ застѣнчивой скромницы превратилась въ ту вольнаго обхожденія красавицу, каковою была при дворѣ Франциска I десять лѣтъ тому назадъ. Существенная разница была только въ томъ, что тогда за нею ухаживали мужчины, а теперь она окружила себя цѣлой свитой придворныхъ красавцевъ, между которыми особенно были замѣтны: родной ея братъ лордъ Рочестеръ, Норрисъ, Брартонъ, Уэстонъ и нѣкто Смиттонъ, миловидный юноша, забавлявшій королеву игрою на лютнѣ. Королева со своими любимцами обходилась безъ чиновъ, въ полной увѣренности, что супругъ ея эту наглость сочтетъ наивностью; но выскочка-королева забывала то, что въ ея годы немножко поздно разыгрывать изъ себя наивную дѣвочку. Генрихъ хмурился и ласки его замѣтно были не тѣ, что года четыре тому назадъ.... Анна ему надоѣла, а послѣ рожденія ею мертваго урода, окончательно опротивѣла, и король въ кругу придворныхъ дѣвицъ уже избралъ себѣ новую подругу въ лицѣ красавицы Іоанны Сеймуръ. Анна Болейнъ вздумала-было выказать ревность и на всѣ упреки получила въ отвѣтъ ледяной, безстрастный взглядъ не мужа, но властелина. Въ этомъ взглядѣ болѣе проницательная женщина могла бы угадать угрожавшую ей участь, могла бы понять, что левъ близокъ къ бѣшенству.... Анна вздумала еще подразнить его.

На турнирѣ, данномъ 21 мая 1535 года, королева, сидя въ своей ложѣ, нечаянно — а можетъ быть и умышленно — уронила свой платокъ проѣзжавшему мимо ея на конѣ Норрису. Тайный ея любимецъ былъ настолько неблагоразуменъ, что поднявъ платокъ не возвратилъ ее королевѣ, а отеръ имъ свое лицо. Генрихъ VIII, вставъ съ своего мѣста, пристально посмотрѣлъ на же-

ну и, не говоря ей ни слова, уѣхалъ во дворецъ. На другой же день по его повелѣнію были арестованы: королева, братъ ея и всѣ вышепоименованные любимцы. Анна отъ ужаса впала въ помѣшательство: то смѣясь, то заливаясь слезами она проклинала Норриса, предрекая погибель ему и себѣ самой; умоляла стражу, охранявшую ее въ Башнѣ, допустить ее къ королю; звала дочерей своихъ Елисавету и Марію. Обвинительный актъ гласилъ, что королева Анна съ сообщниками злоумышляла на жизнь короля-супруга; что поведеніе ея было всегда болѣе чѣмъ предосудительно не только до замужества, но и послѣ; что наконецъ между ея сообщниками находятся лица, съ которыми она состоитъ въ преступной связи. Начались допросы и пытки. Музыкантъ Смиттонъ сознался въ томъ, что пользовался неограниченною благосклонностью Анны Болейнъ и трижды бывалъ у нея на тайномъ свиданіи; прочіе упорно молчали. Позоръ Генриха VIII былъ полный и неизгладимый! Для обвиненія покойной Катерины Арагонской надобно было сочинять клеветы и пріискивать лжесвидѣтелей; для Анны Болейнъ это было вовсе не нужно, такъ какъ достаточно было одной правды. Архіепископъ Кренмеръ, ея креатура, писалъ королю въ ея защиту, и надобно отдать справедливость—весьма неловко. „Подражайте Іову, государь", говорилъ Кренмеръ въ своемъ посланіи:—„Богъ сторицею наградилъ его за покорность своему жребію, точно также Онъ воздастъ и вамъ. Супругу вашу уличаютъ въ нарушеніи вѣрности и это безспорно великое безчестіе, но безчестіе лично *ея*, а отнюдь не ваше."

Защита Кренмера не повела ни къ чему; судопроизводство шло своимъ порядкомъ и 17 мая 1536 года слѣдственная комиссія изъ двадцати шести перовъ королевства, признавъ бывшую королеву Анну Болейнъ виновною, а равно и сообщниковъ ея, постановила: преступницу казнить смертію, *по усмотрѣнію короля* сожженіемъ на кострѣ или четвертованіемъ; брату ея съ тремя сообщниками—отрубить головы; музыканта Смиттона—повѣсить. Тѣла пятерыхъ казненныхъ разрубить на части съ выставкою на позорище народу и въ назиданіе злоумышленникамъ. Бракъ короля, по опредѣленію архіепископа Кренмера, объявить недѣйствительнымъ; доче-

рей его, рожденныхъ Анною Болейнъ: Елисавету и Марію признать незаконными.

Выслушавъ приговоръ, Анна—по примѣру закоснѣлыхъ преступниковъ желая затянуть дѣло, припутавъ къ нему новую кляузу—объявила, что въ числѣ членовъ комиссіи находится лордъ Перси, герцогъ Норсомберлэндъ, тайно съ нею обвѣнчанный еще до выхода ея замужъ за короля. Она расчитывала на то, что судьи, принявъ эту выдумку за правду, снимутъ съ нея обвиненіе въ измѣнѣ Генриху VIII: только бѣдная интригантка жестоко обочлась въ расчетѣ. Перси торжественно въ дворцовой капеллѣ поклялся, пріобщаясь святыхъ таинъ, что всѣ его отношенія къ королевѣ до ея замужства ограничивались ласками, никогда не преступавшими предѣловъ благоразумія... Уведенная въ Башню, Анна Болейнъ предалась самому малодушному отчаянію. Какъ то было съ нею годъ назадъ началась истерика со страннымъ бредомъ и вѣроятно непритворнымъ. Наканунѣ казни 19 мая 1533 г. она попросила въ свою комнату жену коменданта Башни и, упавъ передъ нею на колѣни, рыдая сказала ей:

— Повидайте принцессу Марію, дочь покойной королевы Катерины и точно также на колѣняхъ вымолите у нея прощеніе мнѣ за всѣ обиды, причиненныя мною ей и ея несчастной матери!..

Ночь, предшествовавшую дню казни (20 мая), Анна провела безъ сна и съ самаго ранняго утра до прибытія къ эшафоту она тѣмъ болѣе упадала духомъ, чѣмъ ближе наступала роковая минута. Сначала Анна молилась вслухъ задыхающимся голосомъ, потомъ принималась хохотать, тамъ впадала въ оцѣпенѣніе или глубокое раздумье. Въ эти страшныя минуты она, между прочимъ, вдругъ очень спокойно стала говорить окружавшимъ, что палачъ-мастеръ своего дѣла и мучить ее долго не будетъ. „Топоръ острый и тяжелый“—заключила она—„а шейка у меня такая нѣжная, тоненькая...“ И опять раздирающія душу рыданія и вопли.

Одни историки говорятъ, будто Анна Болейнъ шла на мѣсто казни мужественно и сложила голову на плаху съ величіемъ праведницы; другіе напротивъ—будто бы малодушіе ея перешло въ ярость, и осыпаемая проклятіями присутствовавшаго народа, она

сказала ему: „королевой жила, королевой и умру, хотя бы вы всѣ лопнули съ досады!“ Которое изъ двухъ сказаній правдивѣе, рѣшить этого вопроса мы не беремся; что же касается до разнорѣчія историковъ, причина ему весьма проста: память Анны благословляли протестанты, проклинали католики.

Четыре друга королевы были обезглавлены въ тотъ же день; горло музыканта Смиттона, издававшее когда-то нѣжные, мелодическіе звуки подъ акомпаниментомъ лютни, было затянуто позорной петлей на висѣлицѣ. Церемоніалъ мрачной процесіи на казнь былъ начертанъ собственною рукою Генриха VIII; палачъ былъ нарочно выписанъ имъ изъ Калэ... Въ Ричмондскомъ паркѣ донынѣ показываютъ пригорокъ, на которомъ король стоялъ ожидая вѣсти о совершеніи казни своей второй, незаконной супруги.

На другой же день казни онъ обвѣнчался съ Іоанною Сеймуръ. Эта личность, подобно Аннѣ Болейнъ, большинству образованнаго міра представляется въ весьма ложномъ свѣтѣ, и въ этомъ случаѣ опять виноваты романисты, авторы мелодрамъ и композиторы. Анну они изображаютъ обыкновенно угнетенной невинностью, тогда какъ на дѣлѣ было совсѣмъ наоборотъ; Іоанну Сеймуръ — злой интриганткой, клеветницей и лукавой кокеткой, происками своими погубившей свою жертву—что чистѣйшій вздоръ. Красавица Сеймуръ была дѣвушка тихая, кроткая, покорная волѣ тирана и всего менѣе домогавшаяся короны, снятой съ обезглавленной Анны Болейнъ. Надобно предполагать въ этой женщинѣ неестественное мужество и геройскую смѣлость, чтобы допустить съ ея стороны возможность домогательства короны, когда передъ ея глазами только что разыгралась кровавая катастрофа, закончившая жизнь другой женщины, путемъ интригъ достигшей престола и свергнутой съ него, чтобы опять взойдти на эшафотъ. Дрожа отъ ужаса Іоанна Сеймуръ шла къ алтарю со своимъ державнымъ женихомъ и не на радость ей былъ санъ королевы, въ который онъ возводилъ ее; не ослѣпляли ее ни блескъ короны, ни багрянецъ порфиры, служившей гробовымъ покровомъ первой жены короля и обрызганной кровью второй. Іоанна Сеймуръ не могла любить Генриха какъ человѣка (въ это время онъ былъ обрюзглымъ, чудовищной толщины субъектомъ, страдавшимъ одышкою), но настолько боя-

лась его, чтобы не осмѣливаться и думать объ измѣнѣ. Во все кратковременное ея замужество, Іоанну не покидала мысль, что супружеское ея ложе воздвигнуто на гробницѣ Катерины Арагонской и на плахѣ Анны Болейнъ.

Эта мрачная обстановка, хуже всякаго Дамоклесова меча, могла отравить и вѣроятно отравила существованіе третьей жены Генриха VIII, которая не успѣла надоѣсть ему и унесла за собою въ гробъ (24 октября 1537 г.) его искреннее сожалѣніе, подаривъ ему наслѣдника—Эдуарда.

Четвертый бракъ короля англійскаго, въ который онъ вступилъ черезъ два года съ небольшимъ послѣ смерти Іоанны Сеймуръ, можно было назвать смѣшнымъ фарсомъ, разыграннымъ Генрихомъ VIII послѣ трагедіи. На этотъ разъ король рѣшился взять себѣ въ супруги не подданную, но принцессу одного изъ владѣтельныхъ домовъ Европы. Политическія соображенія почти не руководили имъ; онъ искалъ жены себѣ по вкусу и для этого окружилъ себя портретами разныхъ принцессъ, заочно сравнивая и выбирая. Хотя живопись и называютъ художествомъ „свободнымъ", тѣмъ не менѣе она имѣла тогда, какъ имѣетъ и теперь, два существенные недостатка: или рабски подражаетъ подлиннику, или рабски ему льститъ, особенно если подлинникъ—особа женскаго пола. Художникъ, изобразившій на холстѣ черты принцессы Анны Клевской, на которую палъ выборъ Генриха VIII, долгомъ себѣ поставилъ польстить ей, и вмѣсто дебѣлой дѣвы, ростомъ и дородностью способной поспорить съ своимъ массивнымъ женихомъ, изобразилъ чуть не Юнону—волоокую, съ выраженіемъ на лицѣ томной нѣги, едва ли когда оживлявшей круглое, какъ полнолуніе, лицо принцессы. Плѣненный портретомъ, Генрихъ послалъ формальное посольство сватовъ за оригиналомъ, и Анна прибыла въ будущія свои владѣнія въ январѣ 1540 года.

— Что это за фламандская *кобыла*? сказалъ король окружавшимъ, послѣ перваго же своего свиданія съ новой королевою. Богъ съ ней; я ее видѣть не могу!..

Неизвѣстно, дошелъ ли этотъ отзывъ до ушей флегматической Анны, но если бы и дошелъ, едва ли она была способна имъ обидѣться. Полгода Генрихъ однако сожительствовалъ съ нею и

наконецъ рѣшился развестись. На оскорбительное предложеніе короля о расторженіи брака и замѣнѣ титла королевы титломъ пріемной сестры съ приличной пенсіею—Анна отвѣчала самымъ простодушнымъ согласіемъ. Бракъ былъ расторгнутъ 12 іюля 1540 года. Генрихъ VIII забраковалъ ее... не скажемъ его же словами: „какъ кобылу“—но какъ кормилицу, нанятую въ господскій домъ и отпущенную съ вознагражденіемъ за то, что не умѣла „потрафить“ на господъ. Жажда любви, или просто животное сластолюбіе, которое онъ желалъ облечь въ законную форму, побудило короля немедленно вступить въ пятый бракъ, по примѣру втораго и третьяго — морганатическій, съ племянницею герцога Норфолькъ, Катериною Гоуардъ. Странности характера Генриха VIII и частыя смѣны женъ невольно заставляютъ сказать о немъ: съ женщинами истинно честными и по происхожденію своему достойными быть его супругами, онъ обходился какъ съ потерянными, а содержанокъ своихъ возводилъ въ достоинство королевское, уважая ихъ какъ равныхъ себѣ. Сравненіе короля англійскаго съ султаномъ турецкимъ можетъ быть очень невыгодно первому: у поклонника Магомета султанша-валидѐ — обыкновенно бывала одна, у Генриха VIII ею случалась—первая встрѣчная... Тоже можно сказать и о нашемъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Чѣмъ объяснить подобныя сумасбродства этихъ *великихъ* государей шестнадцатаго вѣка? Желаніемъ ли унизить свое достоинство, надругаться надъ законами, или просто оправданіемъ поговорки самодуровъ: „ндраву моему не препятствуй“?.. И въ рукахъ подобныхъ деспотовъ находились судьбы государствъ... Пушкинъ назвалъ нашего Грознаго „вѣнчанымъ гнѣвомъ“; Генриха VIII можно назвать: „вѣнчанымъ бѣшенствомъ.“

Въ описываемую нами эпоху на великаго короля англійскаго напала окончательно религіозная манія, осложненная съ помѣшательствомъ эротическимъ. Черезъ три недѣли послѣ развода съ Анною Клевскою, Генрихъ VIII торжественно объявилъ своей супругою Катерину Гоуардъ, съ которой еще до развода повѣнчался тайно. Эта красавица, родственница Анны Болейнъ, нравомъ оказалась еще хуже этой послѣдней. Въ угоду своему достойному дядѣ герцогу Норфолькъ, Катерина нашептала королю

на ненавистнаго Норфольку Ѳому Кромуэлля и возвела его на эшафотъ; тайно благоволя католикамъ она возстановляла державнаго своего супруга на реформатовъ и лютеранъ, умножая число казней и усиливая гоненія. По повелѣнію Генриха парламентъ обнародовалъ *кровавый указъ* (bloody bill), въ шести пунктахъ, излагавшій религіозныя обязанности вѣрноподданныхъ его величества. Въ силу этого указа—приверженцевъ папы вѣшали, а послѣдователей лютеранизма или анабаптистовъ жгли на кострѣ... Исповѣдывать слѣдовало вѣру *англиканскую*, изобрѣтенную королемъ, въ которой дикія фантазіи его величества были возведены въ степень неопровержимыхъ истинъ и догматовъ. „Я дѣйствую по вдохновенію свыше!“ говорилъ тиранъ окружающимъ—и эта раболѣпная дворня вполнѣ съ нимъ соглашалась... Просимъ читателя найти разницу между Генрихомъ и Геліогабаломъ, заставлявшимъ воздавать себѣ божескія почести?.. Казни католиковъ и лютеранъ происходили съ канибальской утонченностью: несчастныхъ возводили на костеръ съ вязанкой хворосту за плечами, или связывая спина со спиною лютеранина и католика. Жертвъ не перечисляемъ, чтобы не потерять имъ и счета: мать кардинала Полуса, врага реформы, дряхлую старицу графиню Салисбюри, послѣднюю отрасль Плантагенетовъ, приговорили къ смертной казни. Чувство самосохраненія придало ей силы бороться съ палачемъ, который наконецъ зарѣзалъ ее тутъ же на эшафотѣ. Кромѣ ея назовемъ: лорда Монтэгю, маркиза Эксчестеръ, Эдуарда Нельдиля, Керью, Леонарда Грея, намѣстника ирландскаго, генерала Корси; изъ духовныхъ: А. Брорбея, Ѳ. Кортуса, Ѳ. Бельчіома, Ѳ. Эбль, доктора Лемберта и юродивую Елисавету Бартонъ!.. Вполнѣ довольный своей пятой супругою, Генрихъ VIII приказалъ читать по церквамъ особыя молитвы о ниспосланіи ему супружескаго счастія увы!—непродолжительнаго.

Нѣкто Лешльсъ (Lascelles) представилъ Кренмеру доносъ на Катерину Гоуардъ, обвиняя ее въ распутствѣ еще до брака съ королемъ и послѣ брака. Ссылаясь на свою сестру, горничную герцогини Норфолькъ, въ семействѣ которой воспитывалась Катерина, доносчикъ счастливыми ея обожателями называлъ Диргема и Менпока, съ которыми она была въ преступной связи до брака. Крен-

меръ сообщилъ королю эти нерадостныя вѣсти и хотя въ первую минуту Генрихъ усомнился въ ихъ правдивости, тѣмъ не менѣе поручилъ канцлеру навести справки, собрать свѣденія. Доносъ Лешльса оказался истиною отъ слова до слова: Катерина Гоуардъ за брачный свой вѣнецъ и за корону увѣнчала голову своего супруга весьма неприлично... тѣмъ болѣе, что рогатый тигръ даже и ненормальное явленіе. Сообщницею и помощницею Катерины въ ея любовныхъ похожденіяхъ была невѣстка Анны Болейнъ, сестра ея брата, лэди Рошфортъ — существо гнусное и развращенное. Судъ былъ не долгъ: и Катерину, и ея сводчицу казнили въ Башнѣ 12 февраля 1542 года. Желая впредь застраховать себя отъ непріятныхъ ошибокъ при выборѣ супругъ, Генрихъ VIII обнародовалъ неблагопристойный указъ, повелѣвавшій всѣмъ и каждому, въ случаѣ знанія какихъ либо грѣшковъ за королевской супругой до ея брака — немедленно доносить королю. Второй пунктъ обязывалъ каждую дѣвицу, въ случаѣ избранія ея въ супруги его величества короля (читайте *султана*) англійскаго, заблаговременно исповѣдываться ему въ своихъ минувшихъ погрѣшностяхъ, ежели таковыя за нею водились.

— Теперь нашему королю остается жениться на вдовѣ! пошла шутливая молва въ народѣ.

Ровно годъ вдовѣлъ Генрихъ VIII, ведя его въ политическихъ распряхъ съ Шотландіей и Франціей и прилежно занимаясь дѣломъ преобразованія церкви. Въ это время изданъ былъ переводъ Библіи для употребленія при литургіи и для чтенія — знатныхъ господъ: народу чтеніе Библіи было воспрещено подъ опасеніемъ смертной казни. Сверхъ того, для поясненія вѣрноподданнымъ короля англійскаго догматовъ новой вѣры, изданы были: „Постановленія для христіанина“ (Institutions of a christian man) вскорѣ замѣненныя не менѣе безтолковымъ „ученіемъ“ (Erudition of a christian man). По части внѣшней политики подвигами великаго короля были: его успѣшныя войны съ Шотландіей (во время которыхъ, для покрытія издержекъ были упразднены и ограблены монастыри) и союзъ съ Карломъ V противъ Франциска I, охолодѣвшаго къ своему бывшему пріятелю вслѣдствіе его безобразничанья. Предъ отбытіемъ въ армію, въ февралѣ 1543 года, ко-

роль англійскій изволилъ жениться въ шестой разъ на Катеринѣ Парръ, вдовѣ лорда Летимера, женщинѣ пользовавшейся репутаціей безукоризненной. Молва народная, предрекавшая королю женидьбу на вдовѣ—сбылась! Къ этому можно прибавить слово о странной судьбѣ Генриха при его многочисленныхъ бракахъ. Первая его супруга, вдова его брата—была чистою и непорочною дѣвственницею; Анна Болейнъ и Катерина Гоуардъ, выдавая себя за честныхъ дѣвицъ—не были ими, а будучи замужемъ не умѣли быть даже и честными женами; отзывы Генриха о цѣломудріи Анны Клевской до ея брака—были также не совсѣмъ благосклонны; Катерина Парръ была вдова... Такимъ образомъ, за исключеніемъ Катерины Арагонской и Іоанны Сеймуръ, король англійскій не обрѣлъ въ своихъ женахъ того высокаго идеала чистоты, женственной прелести и кротости, котораго онъ такъ упрямо добивался. Добрая, истинно любящая женщина могла-бы исправить этого человѣка, но таковой онъ не нашелъ; разочарованіе въ женщинѣ было конечно одною изъ существенныхъ причинъ того скотообразія, до котораго онъ унизился въ послѣдніе годы своей жизни.

Женщина умная, Катерина Парръ втайнѣ благоволила лютеранамъ и была дружна съ Анною Эскью (Askew)—запытанною королемъ за ея отзывы о религіи, несогласные съ идеями самодура. На престолъ шестая жена Генриха VIII не выказывала никакихъ умысловъ, такъ какъ женясь на ней король далъ права законныхъ дочерей принцессамъ Маріи и Елисаветѣ, объявивъ наслѣдникомъ своимъ принца Эдуарда. Катерина Парръ надѣялась образумить короля касательно вопроса религіознаго и душевно желала что-бы, вмѣсто безначалія въ дѣлахъ церковныхъ, Генрихъ VIII остановился на ученіи Лютера... То, что король дѣлалъ въ это время съ духовенствомъ, едва-ли могло быть извинительно даже Чингисхану или Тохтамышу. 7 іюня 1547 года, онъ заключилъ миръ съ Франціей и Шотландіей и по этому случаю приказалъ въ церквахъ пѣть благодарственные молебны и совершать процесіи со всѣми драгоцѣнными принадлежностями богослуженія: крестами, дароносицами, ковчегами и иконами... На другой же день всѣ эти драгоцѣнности были отняты въ казну.

Изъ богослуженія вычеркнутыя молитвы о папѣ римскомъ были замѣнены молитвами о предохраненіи короля отъ „тирана римскаго.“ Съ докторами богословія Генрихъ велъ диспуты съ неизмѣнной готовностью за противорѣчіе—казнить своего антагониста. Костры пылали; тюрьмы были переполнены узниками; безъ казней не проходило дня...

Оплакавъ втихомолку казнь своего друга—Анны Эскью, Катерина Парръ приступила къ дѣлу обращенія короля въ лютеранизмъ, дерзая вступать съ супругомъ въ богословскіе диспуты. Въ одну изъ подобныхъ бесѣдъ Катерина уже слишкомъ явно высказалась за аугсбургское исповѣданіе, на что король съ адской ироніей замѣтилъ ей:

— Да вы докторъ, милая Китти!..

И немедленно по уходѣ супруги, Генрихъ вмѣстѣ съ канцлеромъ составилъ противъ нея обвинительный актъ въ ереси. Добрые люди немедленно увѣдомили Катерину о готовящейся грозѣ и королева своей находчивостью спасла голову отъ плахи. На другой же день она, придя къ мужу опять, затѣяла съ нимъ диспутъ и постепенно уступая, сказала наконецъ:

— Мнѣ-ли спорить съ вашимъ величествомъ, первымъ богословомъ нашего времени? Дѣлая возраженія я только желаю просвѣтиться отъ васъ свѣтомъ истины!

Генрихъ нѣжно обнявъ ее отвѣчалъ, что онъ всегда готовъ быть ея наставникомъ и защитникомъ отъ злыхъ людей.

Будто въ подтвержденіе этихъ словъ на порогѣ показался канцлеръ, пришедшій за тѣмъ, чтобы арестовать королеву.

— Вонъ! крикнулъ король—и какъ ты смѣлъ придти? Кто тебя звалъ *мошенникъ... дуракъ! скотина!!* (Knave, fool, beast!).

Великій король вообще былъ неразборчивъ на выраженія.

Жизнь Катерины Парръ была спасена, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и надъ ея головою висѣла сѣкира палача до времени припрятанная, но Богъ сжалился надъ нею и надъ всѣми подданными Генриха VIII: 28 января 1547 года этотъ извергъ испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ своего клеврета Кренмера, завѣщая похоронить его въ Уэстминстерскомъ Абатствѣ рядомъ съ Іоанною Сеймуръ. Воспоминаніе о своей единственной любви

было искрою человѣческаго чувства въ умирающемъ. Народъ, вслѣдствіе тридцатиосьмилѣтняго ига до того оподлился, до того привыкъ къ раболѣпству, что оплакивалъ этого великаго короля.

Существуетъ убѣжденіе, что всѣ тучные люди—добры, такъ какъ жиръ будто-бы поглощаетъ желчь. Генрихъ VIII, лѣтъ за пять до смерти, былъ до того жиренъ, что не былъ въ состояніи сдвинуться съ мѣста: его возили въ креслахъ на колесахъ. Самая смертная его болѣзнь была слѣдствіемъ этой чудовищной тучности. Видно, нѣтъ правила безъ исключенія.

Анна Клевская пережила его десятью годами и умерла въ Англіи же, пользуясь своей пожизненной пенсіей.

Катерина Парръ, черезъ тридцать четыре дня послѣ смерти Генриха VIII, вышла за Ѳому Сеймура, адмирала королевскаго флота, и черезъ полгода внезапно скончалась 7 сентября 1547 года. Существуетъ преданіе, будто она была отравлена мужемъ, имѣвшимъ виды на руку принцессы Елисаветы, будущей королевы Англійской.

Эдуардъ VI. — Іоанна Грей.

ЭДУАРДЪ СЕЙМУРЪ, ГЕРЦОГЪ СОММЕРСЕТЪ.—ІОАННЪ ДОДЛЕЙ ГЕРЦОГЪ НОРѲОМБЕРЛЕНДЪ.

(1547—1554)

По непреложному закону судебъ, преемниками тирановъ и деспотовъ были почти всегда либо женщины, либо люди безхарактерные, тупоумные, либо, наконецъ — дѣти. Другими словами, послѣ жестокости, народы обыкновенно терпѣли отъ слабости или отъ злоупотребленій опекуновъ и попечителей. Тяжела тираннія государя законнаго; но во сколько разъ ея тяжеле гнетъ деспота-самозванца, изъ ничтожества вскарабкавшагося на престолъ и царствующаго подъ псевдонимомъ державнаго младенца?

Генрихъ VIII умеръ; но бѣдствія, причиненныя имъ Англіи, не пресѣклись съ его дыханіемъ; раны, нанесенныя имъ государству, не закрылись вмѣстѣ съ его гробницей: онѣ долго еще источали кровь, ослабляя силы народныя, угрожая всему государственному организму гангреною, омертвѣніемъ. Казна была истощена. Разграбивъ церковныя и монастырскія имущества, король роздалъ ихъ вельможамъ: вслѣдствіе этого число крупныхъ землевладѣльцевъ умножилось, но число землепашцевъ и скотоводовъ уменьшилось; земледѣліе и скотоводство пришли въ упадокъ и раззоренный народъ бѣдствовалъ. Вопросъ о реформѣ, поднятый Генрихомъ VIII, но имъ окончательно не разрѣшенный, раздѣлилъ Англію на два враждебные лагеря: лютеранъ и папистовъ. Къ первому, имѣвшему во главѣ архіепископа Кренмера, принадлежали: малолѣтній король, принцесса Елисавета, большинство вельможъ,

дворянства и народа; ко второму: принцесса Марія, лишенные своихъ правъ католическіе священники, дисиденты и партія недовольныхъ олигарховъ. Сѣмя раздоровъ религіозныхъ, брошенное покойнымъ королемъ, давало хорошіе всходы, обѣщавшіе въ недалекомъ будущемъ кровавую жатву.

Духовное завѣщаніе Генриха VIII было третьимъ и страшнѣйшимъ источникомъ распрей и неурядицы. Преемникомъ себѣ деспотъ назначилъ сына Іоанны Зеймуръ, девятилѣтняго *Эдуарда VI* (родившагося 12 октября 1538 года), подъ опекою совѣта изъ шестнадцати членовъ, подъ предсѣдательствомъ роднаго дяди короля со стороны матери, Эдуарда Сеймура, виконта Бошанъ. При буквальномъ исполненіи посмертной воли покойнаго короля, Англіи слѣдовало превратиться изъ монархіи въ республику; но этого не было, вышло хуже: дядя Эдуарда VI прибралъ къ рукамъ власть монархическую.

Королевскій шуринъ, Эдуардъ Сеймуръ, былъ особенно взысканъ милостями державнаго своего зятя. Въ годъ свадьбы сестры (1536) онъ былъ пожалованъ въ виконты Бошанъ; въ 1540 году получилъ орденъ Подвязки; черезъ два года чинъ оберъ-камергера двора. Всѣ эти щедроты королевскія онъ оправдалъ своими подвигами во время войнъ съ Франціей и Шотландіей, въ 1544 году овладѣвъ Литомъ и Эдимбургомъ, отличался при осадѣ Булони и вообще снискалъ славу превосходнаго полководца и полезнаго слуги королевскаго. Народъ его любилъ, вельможи не уважали, духовные ненавидѣли. Братъ его Ѳома Сеймуръ, завидуя его назначенію въ попечители Эдуарда VI, присоединился къ партіи недовольныхъ и не упускалъ случая, чтобы не отзываться о братѣ съ самой невыгодной стороны, нерѣдко обвиняя его въ превышеніи власти, а главное—въ неисполненіи духовнаго завѣщанія Генриха VIII. Не обращая вниманія на всѣ эти кляузы Эдуардъ Сеймуръ, на слѣдующій же годъ воцаренія племянника, получилъ отъ него (т. е. просто самъ взялъ) 10 февраля 1548 года — должность лорда великаго казначея, титулъ герцога Соммерсетъ; 17 числа того же мѣсяца—званіе графа фельдмаршала; а 12 марта назначенъ протекторомъ королевства, попечителемъ короля съ правомъ отрицанія (veto) постановленій совѣтовъ: государственнаго,

опекунскаго и Парламента. Въ томъ же мѣсяцѣ братъ его Ѳома, по обвиненію въ оскорбленіи величества, въ лицѣ протектора, былъ казненъ, а чинъ его — великаго адмирала, переданъ Іоанну Додлею, сперва подстрекавшему его на происки, а потомъ бывшему на него же доносчикомъ. Если бы Эдуардъ Сеймуръ былъ, хотя вполовину на столько проницателенъ, на сколько былъ честолюбивъ, онъ бы понялъ, что Іоаннъ Додлей, содѣйствовавшій убійству его брата, ту же участь готовитъ и ему. Къ несчастію, ослѣпленный почестями на высотѣ своего могущества, протекторъ не обратилъ должнаго вниманія на этого изверга, пресмыкавшагося передъ нимъ... онъ забылъ, что именно пресмыкающіеся-то люди, подобно гадамъ, всего чаще и бываютъ самые ядовитые.

Гнусная личность Іоанна Додлея заслуживаетъ подробнаго біографическаго обзора.

Отецъ его, Эдмондъ Додлей, любимецъ Генриха VII—казнокрадъ, лихоимецъ, вмѣстѣ съ Эмпсономъ грабившій народъ, былъ вмѣстѣ съ нимъ и казненъ 18 августа 1510 года, по повелѣнію Генриха VIII, когда сыну Эдмонда, Іоанну, было всего восемь лѣтъ отъ роду. Лишенный наслѣдственныхъ правъ, ребенокъ выросъ въ ничтожествѣ, поступилъ въ военную службу и подвигами во время французской войны загладилъ позоръ отца и обратилъ на себя вниманіе Генриха VIII. Въ 1523 году онъ былъ принятъ ко двору, гдѣ льстилъ кардиналу Уольси, раболѣпствовалъ предъ Ѳомою Кромуэлемъ и, черезъ двадцать лѣтъ, всѣми правдами и неправдами, добился титла виконта де-Лиля и чина великаго адмирала; былъ награжденъ конфискованными церковными помѣстьями, породнился со знатью и занялъ въ кругу вельможъ весьма видное мѣсто. По духовной Генриха VIII Додлей былъ назначенъ въ число шестнадцати членовъ опекунскаго совѣта. Здѣсь-то онъ столкнулся съ дядями короля, Эдуардомъ и Ѳомою Сеймурами. Слишкомъ осторожный и подло трусливый, чтобы вступать въ открытую борьбу съ честолюбцами, Додлей вкрался въ довѣріе къ обоимъ братьямъ, наушничая одному на другаго, окруживъ протектора шпіонами, слѣдившими за каждымъ его шагомъ. Осѣтивъ Эдуарда Сеймура, Додлей безъ труда добрался и до его державнаго питомца. Къ чувствамъ зависти въ душѣ злодѣя веко-

рѣ примѣшалось чувство мести: протекторъ возвелъ въ чинъ великаго адмирала, брата своего, Ѳому, давъ Додлею, въ замѣнъ отнятаго у него чина, титулъ графа Уоруикъ. Этимъ временемъ Додлей заслужилъ особенное вниманіе правительства, усмиривъ въ графствѣ Норфолькъ мятежъ кожевника Роберта Кета; братъ же протектора, Ѳома Сеймуръ сложилъ голову на плахѣ.

Сбывъ съ рукъ одного соперника, Додлей принялся за другаго. Наговорами и нашептываньями королю-мальчику, Додлею удалось охладить его къ опекуну; не трудно было разжечь къ герцогу ненависть въ дворянахъ и католическомъ духовенствѣ; но Додлей призадумался передъ той силою, которая въ случаѣ надобности могла постоять за протектора и въ пухъ и въ прахъ разнести его недоброжелателей. Сила эта была народная любовь... Къ несчастію Додлею удалось лишить соперника этой могучей опоры, и самъ герцогъ Соммерсетъ былъ тому главною причиною.

Не смотря на плачевное положеніе казны, на смуты, на моровую язву, мѣстами свирѣпствовавшую въ Англіи, протекторъ вздумалъ строить себѣ новый дворецъ, въ части Лондона, называемой Страндъ, обиловавшей упраздненными католическими церквами, а при нихъ кладбищами.

Для постройки дворца понадобилось разрушить нѣсколько первыхъ и были разрыты гробницы на вторыхъ. Народъ въ годины бѣдствій раздражителенъ; онъ тогда не понимаетъ даже добра, дѣлаемаго ему правительствомъ, на ошибки же его, можетъ быть и невольныя, смотритъ враждебно, преувиличивая и объясняя ихъ злонамѣренностію. Разрушеніе церквей и упраздненіе кладбища были, со стороны протектора, только неблагоразуміемъ; но клевреты Додлея, по его наущенію, съумѣли придать этому характеръ злоумышленія.

— Онъ оскверняетъ ваши церкви! шепнули они католикамъ.

— Онъ беретъ камни съ могилъ вашихъ отцовъ для фундамента своего дворца! твердили они же простолюдинамъ, послѣдователямъ лютеранизма. Вы голодаете, а онъ вмѣсто того, чтобы помогать вамъ, безпутно соритъ деньгами!

Возбужденный ропотъ негодованія постепенно перешелъ въ яростные вопли. Толпы народа бросились на работавшихъ при построй-

кѣ каменьщиковъ и разогнали ихъ съ бранью и побоями. Нѣсколько человѣкъ осталось на мѣстѣ, и въ смерти ихъ тѣ же клевреты Додлея обвинили протектора: изъ народной среды не возвысилось голоса въ его защиту.

Отнявъ у могучаго соперника эту послѣднюю опору, Додлей, снявъ съ себя личину его доброжелателя, явился въ парламентъ въ качествѣ обвинителя. Онъ утверждалъ, что герцогъ Соммерсетъ, протекторъ королевства—умышленно исказилъ прямой смыслъ духовнаго завѣщанія покойнаго короля, съ цѣлію присвоить верховную власть; что имъ и сдѣлано. Вторымъ пунктомъ обвиненія было — оскорбленіе величества, растрата казны и неуваженіе къ духовенству... Получивъ извѣстіе обо всемъ что происходитъ въ парламентѣ, протекторъ наскоро вооружилъ своихъ слугъ, созвалъ приверженные къ нему военные отряды, понадѣялся на поддержку со стороны народа, но принужденъ былъ отложить всѣ эти отчаянныя мѣры, узнавъ, что приказъ парламента о его арестѣ утвержденъ королемъ; скажемъ болѣе, узнавъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, герцогъ Соммерсетъ совершенно упалъ духомъ и далъ себя безпрепятственно арестовать, 14 октября 1549 года. Начался судъ, пошли допросы: протекторъ, не находя себѣ оправданія, чистосердечно сознавался во всемъ, на колѣняхъ умоляя о пощадѣ, малодушно ссылаясь на неосторожность, необдуманность, глупость... Четыре мѣсяца продолжались эти истязанія самолюбія герцога Соммерсетъ; наконецъ, 16 февраля 1550 года, онъ былъ прощенъ королемъ, или правильнѣе—ему пощадили жизнь, не тронули его имущества; но голова его, покуда еще на плечахъ, послужила послѣдней ступенькою въ возвышеніи Додлея. Желая доказать сопернику небывалое великодушіе и благородство, послѣдній предложилъ ему женить своего старшаго сына на его дочери, и протекторъ, считая это за особенную честь и милость, съ восторгомъ согласился. Свадьбу отпраздновали 3 іюня 1550 года. Додлею, герцогу Норѳсомберлендъ хотѣлось видно, казнить ни чужаго, но роднаго человѣка; съ этой мыслію онъ съ нимъ и породнился! Былъ тутъ еще и другой расчетъ: женивъ свое грязное отродье на двоюродной сестрѣ короля, Іоаннъ Додлей, на нѣсколько шаговъ приблизился къ престолонаслѣдію, хотя по сверженіи герцога Соммер-

сетъ былъ уже и безъ того чуть что не на престолѣ. Именемъ Эдуарда VI онъ каралъ и жаловалъ; приписалъ къ своимъ владѣніямъ многія казенныя земли; государственную казну пересыпалъ въ свои карманы, считая ее своею собственностью и никто не осмѣливался поднять голоса противъ этого мошенничества. Именно всѣ тѣ преступленія, въ которыхъ герцогъ Норѳсомберлендъ обвинялъ бывшаго протектора, онъ совершалъ самъ, еще въ наибольшихъ размѣрахъ, но молчали всѣ, раболѣпствуя предъ временщикомъ, повинуясь ему безпрекословно, ловя его милостивую улыбку, предъ угадывая малѣйшія желанія. Въ его рукахъ ребенокъ-король былъ жалкой марьонеткой, изъ которой герцогъ Норосамберлендъ дѣлалъ все что ему было угодно.... Такимъ образомъ, одною изъ первостепенныхъ державъ Европы игралъ, какъ мячикомъ, сынъ казненнаго взяточника и казнокрада, теперь облеченный въ герцогскую мантію... чтобы не сказать, въ королевскую порфиру. Родственное его сближеніе съ бывшимъ, теперь побѣжденнымъ, соперникомъ, было ему тѣмъ полезнѣе, что дало ему возможность имѣть герцога Соммерсета подъ своимъ неусыпнымъ надзоромъ. Вся прислуга бывшаго протектора состояла изъ шпіоновъ Додлея; достойный его сынокъ, зять герцога Соммерсетъ, тоже не выдавалъ родителя и исправно доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось, говорилось, даже—думалось въ домѣ у тестя. Королевскія милости спадали съ него, какъ осенніе листья: всѣ важныя должности, одна за другою, отнимались для передачи герцогу Норѳсомберлендъ и наконецъ, бывшій полудержавный протекторъ долженъ былъ довольствоваться званіемъ члена государственнаго совѣта, въ тотъ самый годъ (1551), въ который Додлей самозванно пожаловалъ себя въ генералъ-фельдмаршалы.

Тогда, подавленныя въ Соммерсетѣ чувства негодованія и оскорбленнаго самолюбія воспрянули съ былою силою, но выразились къ несчастію не въ честной и въ открытой борьбѣ, а въ тайномъ и предательскомъ умыслѣ — отравить герцога Норѳсомберлендъ. Убійству изъ-за угла, кого бы то ни было, не можетъ быть оправданія, и къ претерпленному позору, герцогу Соммерсетъ, у подножія эшафота пришлось запятнать себя преступленіемъ, хотя только задуманнымъ, но тѣмъ не менѣе чернымъ пятномъ, заклеймив-

шимъ его память. Приглашенный на обѣдъ къ лорду Педжету вмѣстѣ съ герцогомъ Норѳсомберлендъ, несчастный Соммерсетъ рѣшился, было, отравить своего врага, но отдумалъ, обезоруженный, по собственному его признанію: „ласковымъ обхожденіемъ герцога и его добродушной улыбкой.“ По возвращеніи домой злоумышленникъ могъ проговориться о своей неудачѣ; за доносчиками остановки не было и въ томъ же, уже однажды гибельномъ для него, октябрѣ мѣсяцѣ 1551 года, герцогъ Соммерсетъ былъ арестованъ и заключенъ въ Башню вмѣстѣ съ четырьмя ему преданными дворянами. Кромѣ послѣднихъ, захвачены были нѣкоторые изъ слугъ герцога; домашніе его шпіоны явились обвинителями. Чего не досказали на допросахъ лица къ дѣлу прикосновенныя, то исторгла изъ нихъ пытка, эта неизбѣжная приправа судопроизводства временъ и не совсѣмъ отдаленныхъ. Обвиняемый шпіонами, уличаемый слугами, еле дышущими послѣ истязанія, герцогъ Соммерсетъ сознался и въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ, и въ томъ, въ чемъ было угодно обвинить его герцогу Норѳсомберлендъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ слѣдствія, бывшій протекторъ былъ приговоренъ къ смертной казни—обезглавленіемъ, вмѣстѣ съ четырьмя своими сообщниками. Эдуардъ VI, король-дитя, учившійся калиграфіи, подписывая смертные приговоры, не заблагоразсудилъ помиловать своего дядю и, 22 февраля 1552 года, голова герцога Соммерсетъ пала на плахѣ! Торжествовалъ герцогъ Норѳсомберлендъ, радовались вельможи—его добровольные холопы; возблагодарили Господа безпріютные католическіе абаты и праздношатавшіеся монахи, ненавидѣвшіе казненнаго за его доброжелательство лютеранамъ. Одинъ только народъ, помня заслуги бывшаго протектора, провожалъ его искренними слезами до лобнаго мѣста, рыданіями заглушилъ ударъ сѣкиры и, омочивъ платки и лоскутья холста въ крови герцога, разнесъ ихъ по домамъ на память о бѣдной жертвѣ презрѣннаго временщика. Страшенъ народъ въ минуты своей ярости, являясь звѣремъ, бѣшеною собакою, готовою ринуться на своего хозяина и кормильца; но самый же этотъ народъ, подобно вѣрному и благородному животному, иногда помнитъ добро и искренно сочувствуетъ страданьямъ своего властелина. Мысль, одушевившая тысячи людей, присутствовавшихъ при казни Соммерсета, мысль—омочить

платки въ его кровь и сберечъ ихъ какъ святыню—полна высокой, религіозной поэзіи, и въ лицѣ народа англійскаго дѣлаетъ честь всему человѣчеству.

Руками, обрызганными кровью королевскаго дяди, герцогъ Нортсомберлендъ еще крѣпче прежняго затянулъ бразды правленія. Король, хворый и сухоточный, видимо угасалъ съ каждымъ днемъ и тогда-то его опекунъ приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты. Зная, что Эдуардъ VI имѣетъ намѣреніе объявить своею преемницею одну изъ своихъ сводныхъ сестеръ, Марію, дочь Катерины Арагонской, или Елисавету, дочь Анны Болейнъ — герцогъ внушалъ ему, что въ обоихъ случаяхъ, это было бы нарушеніемъ воли покойнаго Генриха VIII, отдалившаго обоихъ принцессъ отъ престола и объявившаго ихъ незаконными. Кромѣ того онъ поставилъ на видъ королю, что Марія—католичка, которая, въ случаѣ своего восшествія на престолъ неминуемо будетъ гнать лютеранъ и стараться возстановить католическое вѣроисповѣданіе. Тоже утверждалъ и архіепископъ Кренмеръ. Престолъ, по мнѣнію герцога, по всѣмъ правамъ, должна была наслѣдовать внучатая племянница Генриха VIII, Іоанна Грей, старшая изъ трехъ дочерей маркизы Дорсетъ, дочери принцесы Маріи, бывшей вдовы короля французскаго, Людовика XII. Герцогъ Нортсомберлендъ отстаивалъ права Іоанны Грей отнюдь не ради принципа законности, а единственно по той причинѣ, что онъ женилъ на ней четвертаго своего сына, Гильфорда. Король, уступая Кренмеру и опекуну, рѣшился отдать вопросъ о престолонаслѣдіи на обсужденіе парламента. Послѣдній, вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на прямыя права Маріи Тюдоръ и на духовное завѣщаніе Генриха VIII. Король, подстрекаемый герцогомъ, настаивалъ; приказалъ составить актъ, объявлявшій его преемницею Іоанну Грей. Актъ былъ составленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пэры и члены парламента и государственнаго совѣта, въ огражденіе себя отъ отвѣтственности, представили королю другой актъ, въ которомъ было сказано, что они только повинуются его волѣ, а потому отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія. Эдуардъ VI утвердилъ оба

документа своею подписью, скрѣпивъ государственной печатью и вскорѣ послѣ того скончался въ Гринвичѣ 16 іюля 1553 г.

Шестнадцатилѣтняя Іоанна Грей, красавица собою, — была безъ всякаго преувеличенія, совершенствомъ въ образѣ женщины. Ея доброта и кротость ровнялись ея уму, а образованіе--благородству. Кромѣ нѣсколькихъ живыхъ языковъ, Іоанна знала въ совершенствѣ латинскій и греческій, свободно изъясняясь на нихъ, какъ на своемъ родномъ. Мужа своего Гильфорда, она обожала, въ чистотѣ души, подобно ему самому, и не подозрѣвая тайныхъ умысловъ своего изверга-свекора. Въ древней и новѣйшей исторіи много было невинныхъ жертвъ политики и честолюбія — начиная отъ младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ въ Виѳлеемѣ, и оканчивая Максимиліаномъ, императоромъ мексиканскимъ—но въ этихъ потокахъ чистой крови, Іоанна Грей на вѣки останется чистѣйшею жемчужиною.

Не обнародывая вѣсти о кончинѣ Эдуарда VI, герцогъ Норѳсомберлендъ, сопровождаемый первѣйшими сановниками двора, отправился во дворецъ Сейонъ-Гоузъ, гдѣ жили Гильфордъ съ Іоанною Грей и привѣтствовалъ ее, какъ наслѣдницу престола. Несчастная Іоанна, въ минуту прибытія къ ней вѣстниковъ ея грядущей, страшной участи, спокойно занималась чтеніемъ, и еслибы надъ нею разразился громовый ударъ и молнія упала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея—едва-ли тогда Іоанна была бы болѣе поражена ужасомъ.. Нѣсколько минутъ она не въ силахъ была выговорить ни слова и отвѣтила наконецъ своему свекору, герцогу Норѳсомберлендъ и отцу, Маркизу Дорсетъ, отказомъ отъ предлагаемой короны. Будучи превыше всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, гнушаясь преступныхъ происковъ и уважая законъ, Іоанна весьма основательно доказывала, что не имѣетъ ни малѣйшаго права быть наслѣдницей престола, помимо принцессы Маріи, законной дочери Генриха VIII и Катерины Арагонской. Маркизъ Дорсетъ и герцогъ Норѳсомберлендъ показали ей актъ о престолонаслѣдіи, утвержденный подписью покойнаго Эдуарда VI, назначавшій корону Іоаннѣ Грей. Еще болѣе прежняго испуганная, но теперь, не имѣя уже возможности ссылаться на законъ, несчастная женщина прибѣгала къ послѣднему оружію слабыхъ—слезамъ, за-

клиная отца, свекора и всѣхъ лордовъ не губить ея, не надѣвать на ея хорошенькую головку королевскаго вѣнца, казавшагося Іоаннѣ вѣнкомъ терновымъ и не обѣщавшаго ей ничего, кромѣ страданій... Но что могла шестнадцатилѣтняя, какъ агница кроткая, женщина, противъ временщика посѣдѣлаго въ интригахъ и злодѣйствахъ; противъ отца, ею любимаго и преклонившаго передъ нею колѣни, съ мольбами принять корону? Какъ жертва на закланіе, отправилась Іоанна въ Башню, гдѣ по обычаю должна была провести нѣсколько дней до коронаціи. За нею шествовали присягнувшіе ей члены государственнаго совѣта и парламента. Народъ тѣснившійся по сторонамъ процессіи, похожей отчасти на похоронную, молчалъ; онъ не привѣтствовалъ новую королеву радостными криками. Въ этомъ краснорѣчивомъ безмолвіи выразилось негодованіе народное не къ Іоаннѣ, ни въ чемъ не виноватой, но къ временщикамъ, посягавшимъ на престолъ королевскій.

Въ одно и то же время, когда Норосомберлендъ возводилъ такимъ образомъ невѣстку свою на престолъ, онъ озаботился объ устраненіи всѣхъ препятствій, хотя бы цѣною злодѣйствъ и цареубійства. Отъ имени Эдуарда VI (будто еще находившагося въ живыхъ) Норосомберлендъ увѣдомилъ принцессъ: Марію Тюдоръ и Елисавету, находившихся въ Гартфордѣ, чтобы онѣ немедленно прибыли въ Лондонъ по желанію больнаго. Не подозрѣвая ловушки, принцессы отправились въ столицу, но не доѣзжая Гринвича, были увѣдомлены приверженцами, что опасность угрожаетъ не только свободѣ ихъ, но и самой жизни. Марія возвратилась въ графство Сёффолькъ, гдѣ народъ привѣтствовалъ ее какъ королеву и откуда она писала въ Лондонъ парламенту и всему дворянству, требуя отъ нихъ присяги на вѣрноподданничество... Весь Лондонъ принялъ сторону Маріи; войска, видя въ ней законную наслѣдницу, рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать ея права; парламентъ колебался, но еще не дерзалъ отречься отъ присяги только что принесенной Іоаннѣ Грей. Оставивъ невѣстку, государственный совѣтъ и парламентъ въ Башнѣ—будто подъ арестомъ, герцогъ Норосомберлендъ, собравъ до восьми тысячъ пѣхоты и конницы, двинулся на встрѣчу вѣрнымъ войскамъ и сталъ въ виду ихъ въ Сент-Эдмондé Бьюри. Здѣсь, не вступая въ бой,

устрашенный численностью непріятеля, безъ всякой надежды на поддержку со стороны народа преданнаго Маріи—Норосомберлендъ отправилъ курьера въ Лондонъ съ требованіемъ помощи и резервовъ у Парламента... Послѣдній, вмѣсто того, покинувъ Башню и находившуюся въ ней Іоанну — единодушно присягнулъ Маріи Тюдоръ! Его примѣру послѣдовалъ и самъ Норосомберлендъ со всей своей ратью находившейся въ Кембриджѣ.

Подлостью и предательствомъ злодѣй надѣялся спасти свою голову отъ давно заслуженной ею плахи, но на эту пошлую штуку трудно было поддѣть Марію Тюдоръ, во первыхъ, знакомую со всѣми интригами временщика, а во вторыхъ, не имѣвшую понятія о какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствахъ вообще, милосердіи же въ особенности. Арестованный своимъ недавнимъ приверженцемъ, лордомъ Аренделемъ, герцогъ Норосомберлендъ, съ главными сообщниками, былъ представленъ Маріи Тюдоръ — уже вступившей въ Лондонъ 3 августа 1553 года. Судъ надъ мятежниками былъ непродолжителенъ—и 22 августа того же года, голова изверга пала подъ сѣкирою палача ([1]). Это была первая и послѣдняя *справедливая* казнь, ознаменовавшая начало кроваваго царствованія Маріи Тюдоръ.. Жизнь Іоанны Грей, мужа ея Гильфорда и отца, герцога Сеффолькъ, до времени была пощажена, хотя мужъ и жена въ тайнѣ уже были обречены плахѣ. Несчастные оставались въ Башнѣ, этомъ страшномъ дворцѣ—и вмѣстѣ темницѣ, изъ которой короли и королевы англійскіе выходили то на тронъ, то на эшафотъ.. Какъ въ древнемъ Римѣ Тарпейская скала находилась неподалеку отъ Капитоліи.

Марія Тюдоръ, сорокалѣтняя дѣва, воспитанная въ школѣ не-

([1]) Ведомый на казнь и взойдя на эшафотъ, герцогъ Норосомберлендъ, громогласно сознавался, что онъ всю жизнь свою былъ вѣрнымъ сыномъ римско-католической церкви, хотя наружно и слѣдовалъ ученію лютеранскому. Это была его «послѣдняя лесть, горше первыя», которою онъ надѣялся заслужить пощаду отъ безпощадной Маріи Тюдоръ. Тысяча первое доказательство великой истины, что человѣкъ тѣмъ болѣе дорожитъ своей жизнію, чѣмъ она презрѣннѣе и чѣмъ болѣе запятнана низостями и злодѣйствами.

счастія, съ сердцемъ окаменѣлымъ, закаленымъ въ слезахъ, неистовая ханжа, покорная дочь и раба церкви католической—съ первыхъ же дней своего царствованія доказала своимъ вѣрнымъ подданнымъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ *законная* и достойная дочь своего родителя Генриха VIII. Владычествующимъ вѣроисповѣданіемъ Англіи объявлено было римско-католическое; церкви были возстановляемы, упраздненные монастыри отдѣлываемы за ново; отечественный языкъ при богослуженіи замѣненъ латинскимъ. Генрихъ VIII жегъ и вѣшалъ приверженцевъ католицизма; Марія Тюдоръ жгла и вѣшала послѣдователей ученія лютеранскаго, уже укоренившагося въ народѣ. Въ четырехлѣтнее царствованіе Маріи Тюдоръ было сожжено на кострахъ и казнено ею по всему королевству триста шестьдесятъ протестантовъ обоего пола, въ этомъ числѣ были: восьмидесятилѣтній Кренмеръ, Летимеръ архіепископъ Уорчестерскій, Ѳома Уироль, Ѳома Гоуксъ, Бертлетъ Гринъ... Въ Контербюри беременная женщина протестантка родила на кострѣ: палачъ, движимый чувствами человѣчества, выхватилъ младенца изъ пламени, но судья, присутствовавшій при казни, вырвавъ новорожденнаго изъ рукъ палача, бросилъ его обратно въ пылавшій костеръ!..

Въ этомъ фактѣ выражается весь характеръ царствованія Маріи Тюдоръ. Въ палачѣ было болѣе чувствъ нежели въ этой королевѣ... Могъ ли этотъ демонъ въ образѣ женщины пощадить остававшуюся въ его власти Іоанну Грей?

Способъ возстановленія католицизма въ Англіи, употребленный Маріею Тюдоръ, возмутилъ все королевство, и протестанты повели ожесточенную борьбу съ *папистами*... Ad majorem Dei gloriam, какъ говорятъ іезуиты—братъ вооружался на брата, сынъ возставалъ на отца. Для усмиренія междоусобій Марія задумала, изъ среды европейскихъ государей, выбрать себѣ помощника и супруга... Этой мегерѣ всего приличнѣе было бы, по примѣру покойнаго своего родителя, вступить въ бракъ морганатическій и выйдти замужъ хоть бы за судью, который жегъ дѣтей, но она нашла жениха и того лучше. Выборъ ея палъ на ея внучатаго племянника инфанта испанскаго Филиппа, сына Карла V. Для Маріи Тюдоръ, лучшей партіи, конечно быть не могло.

Эта вѣсть была масломъ пролитымъ на огонь, и ненависть народная достигла крайняго предѣла. Въ повсемѣстныхъ воплях неудержимаго ропота слышалось имя Іоанны Грей, въ заговорахъ непричастной, но достойно оцѣненной народомъ въ эту годину бѣдствій и гоненій. Воцареніе Маріи Тюдоръ было для Англіи кровавымъ потопомъ, и гибнувшій народъ смотрѣлъ на Іоанну Грей, какъ на кроткую голубицу, вѣстницу прощенія и милосердія божія. Мысль, свергнуть Марію и возвести на престолъ Іоанну, утѣшительная для большинства, выразилась наконецъ на дѣлѣ. Нѣкій дворянинъ Ѳома Уайэтъ (Wyat), возмутивъ графства Кентъ и Сеффолькъ, съ четырехтысячнымъ ополченіемъ двинулся къ Лондону и уже занялъ предмѣстья Уэстминстера, но преданный своими близъ Темпль-Бара, былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ десятью сообщниками. Этотъ бунтъ, сначала ужаснувшій Марію Тюдоръ былъ по усмиреніи своемъ весьма полезенъ для пагубы Іоанны Грей. Кромѣ соображеній политическихъ, королевою руководила та адская ненависть, которую каждый уродъ питаетъ къ красотѣ; та зависть— которую большинство старыхъ, мумифицированныхъ дѣвъ чувствуетъ обыкновенно къ молодымъ, семейнымъ женщинамъ. Іоанна Грей, ея отецъ, маркизъ Дорсетъ и мужъ ея Гильфордъ—были отданы подъ судъ, по обвиненію въ соучастіи въ мятежѣ и злоумышленіяхъ на свободу и жизнь королевы; не былъ упущенъ изъ виду и вопросъ религіозный, такъ какъ мужъ и жена исповѣдывали лютеранизмъ. Съ благой мыслію обратить заблудшихъ на путь истинный, королева послала къ нимъ своихъ патеровъ, для увѣщанія и для предложенія купить жизнь цѣною отступничества... Гильфордъ и Іоанна были непреклонны! Послѣдняя имѣла даже геройство написать своей сестрѣ письмо (на греческомъ языкѣ), въ которомъ заклинала ее оставаться вѣрною однажды принятому исповѣданію. Обвиняемая на судѣ, Іоанна созналась чистосердечно въ единственной своей винѣ:

— Зачѣмъ, говорила она, я не имѣла твердости отказаться отъ ненавистной короны? Зачѣмъ любовь къ роднымъ заглушили во мнѣ голосъ долга и совѣсти?... Государыня имѣетъ полное право казнить меня за то, что помимо ея, я осмѣлилась принять неподобавшій мнѣ титулъ королевскій!...

Кротость и смиреніе жертвы не только не обезоружили, но какъ

будто еще пуще ожесточили Марію. Безтрепетной рукой она подписала смертный приговоръ Дорсету, Гильфорду и Іоаннѣ Грей, приказавъ втораго казнить на площади, а жену его въ стѣнахъ Башни.—Къ этому побудила королеву боязнь, чтобы народъ, видя передъ собою двѣ молодыя жертвы, не исторгъ ихъ изъ рукъ палачей.

Послѣднія минуты Іоанны, не исторія — но легенда мученицы, чуждая вымышленныхъ прикрасъ и трогательная по своей — если смѣемъ такъ выразиться—евангельской простотѣ.

Приговоръ свой Іоанна выслушала спокойно и прослезилась только тогда, когда пришли за ея мужемъ, Гильфордомъ Додлеемъ. За нѣсколько часовъ передъ казнію, ему было разрѣшено придти проститься съ женою, но Іоанна имѣла мужество отказать ему, не желая предсмертнымъ прощаніемъ поколебать его и свою твердость.

— Разлука наша, сказала она при этомъ, слишкомъ кратковременна... Черезъ часъ или черезъ два, мы свидимся и соединимся въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни страданій!

Ставъ у окна, Іоанна дождалась минуты, когда мимо ея провели Гильфорда: онъ, увидя жену, рыдая протянулъ къ ней руки, а она махнула ему влажнымъ отъ слезъ платкомъ и послѣ того какъ бы погрузилась въ предсмертную тоску и какое-то самозабвеніе, изъ котораго пробудилась, когда подъ окномъ ея темницы простучали колеса телеги, на которой лежалъ обезглавленный трупъ Гильфорда.

— Не упадалъ ли онъ духомъ? спросила она пришедшихъ къ ней свидѣтелей казни.

Ей отвѣчали, что присутствіе духа до послѣдней минуты не измѣнило Гильфорду и эта вѣсть воскресила въ Іоаннѣ мужество, не покидавшее ея до самого склоненія головы на плаху.

Взявъ записную свою книжку, Іоанна набросила въ ней нѣсколько строкъ, выражавшихъ смутное состояніе ея души въ послѣдній часъ жизни. Думала ли она тогда о позднѣйшемъ потомствѣ, въ памяти котораго она надѣялась жить многіе вѣка; или это было движеніе лихорадочное, почти безсознательное?

Между тѣмъ, въ нижнемъ этажѣ Башни оканчивались приготовленія для казни юной страдалицы: прочно сколоченныя подмостки

были обиты чернымъ сукномъ, посыпаны соломою; на нихъ была установлена плаха; на плаху положенъ тяжелый, хорошо направленный топоръ... Все, все было въ надлежащемъ порядкѣ и тѣмъ прочнѣе, что эшафотъ этотъ служилъ основаніемъ англійскому престолу, на которомъ возсѣдала Марія Тюдоръ.

Дверь темницы Іоанны Грей отворилась въ послѣдній разъ. Вошелъ комендантъ Башни, за нимъ показались члены суда; въ полумракѣ коридора блеснули шлемы и нагрудники стражи.

Приближаясь къ Іоаннѣ, комендантъ упавъ передъ нею на колѣни, заливаясь слезами, вмѣсто того чтобы пригласить ее внизъ, умолялъ дать ему на память что нибудь изъ вещей, принадлежавшихъ Іоаннѣ... Съ кроткой младенческой улыбкой, она отдала коменданту свою записную книжку; потомъ, съ помощью двухъ прислужницъ совершила предсмертный туалетъ: подобрала свои роскошные волосы, обнажила шею и плечи и стала спускаться по лѣстницѣ, каждая ступенька которой приближала ее къ вѣчности.

Черезъ нѣсколько минутъ, глухой ударъ, отъ котораго загудѣлъ эшафотъ, раздался въ нижнемъ этажѣ Башни... Вѣчность, которой такъ жаждала Іоанна Грей, приняла ее въ свои таинственныя пучины.

Это происходило 12 февраля 1554 года.

Существуетъ преданіе, что Іоанна Грей была казнена, будучи въ первомъ періодѣ беременности. На подобныя мелочи не обращала вниманія суровая дѣвственница, сорокалѣтняя Марія Тюдоръ, при которой, какъ мы говорили, женщины рожали на кострахъ, но новорожденные ихъ младенцы служили только лишними полѣньями для сожженія матерей...

Въ заговорѣ Ѳомы Уайэта, какъ оказалось по слѣдствію, принимали участіе многіе вельможи и въ немъ же была замѣшана сводная сестра королевы, дочь Анны Болейнъ, принцесса Елисавета. Питая къ ней непреодолимую ненависть, какъ къ лютеранкѣ и какъ къ дѣвицѣ восемнадцатью годами ея моложе и собою гораздо ея красивѣе, Марія Тюдоръ удалила ее отъ двора въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ, гдѣ Елисавета жила, впрочемъ, окруженная довольствомъ и имѣла свой особый штатъ. Опасаясь, чтобы Марія Тюдоръ не подвергла ее участи Іоанны Грей, за исповѣданіе *лю-*

теранской ереси, Елисавета перешла въ католицизмъ и стала выказывать самое ревностное усердіе къ его обрядамъ. Отступничество не только спасло Елисаветѣ жизнь, но снискало ей даже расположеніе Маріи Тюдоръ, впрочемъ, столько же искреннее, сколько искренно было обращеніе Елисаветы.

Не распространяемся болѣе о царствованіи Маріи Тюдоръ, такъ какъ инквизиціонные ея подвиги, отъѣздъ ея супруга Филиппа въ Испанію и неудачная война съ Франціей — не имѣютъ отношенія къ предмету нашихъ историческихъ очерковъ. Замѣтимъ только, въ заключеніе, что Марія Тюдоръ, подобно Аннѣ Болейнъ и Іоаннѣ Сеймуръ принадежитъ къ числу историческихъ личностей, обезображенныхъ поэтическими прикрасами. Сорокъ лѣтъ тому назадъ Викторъ Гюго, въ своей эфектной трагедіи: *Марія Тюдоръ*, вывелъ англійскую королеву въ видѣ страстной женщины, мстящей казнію своему невѣрному любовнику—никогда не бывалому, но порожденному пылкимъ воображеніемъ французскаго поэта. Марія Тюдоръ, въ молодости питала самую постную, платоническую страсть къ графу Девонширъ, обожателю принцессы Елисаветы; выйдя же за Филиппа привязалась къ нему, со всѣмъ пыломъ страсти, обыкновенно питаемой старыми женами къ молодымъ мужьямъ. Говоримъ, разъ навсегда: если объ историческихъ личностяхъ судить по произведеніямъ итальянскихъ композиторовъ или французскихъ драматурговъ и романистовъ—исторія превратится въ сказку или кукольную комедію.

Христіернъ II.

Король Датскій.

СИГЕБРИТТА—ДИВЕКЕ.

(1513 — 1559)

Христіернъ родился въ Ниборгѣ, въ Фіоніи, 2 іюля 1481 г. Онъ былъ сыномъ короля датскаго Іоанна и супруги его Христины, дочери Эрнста электора саксонскаго. Королю сначала прочили Іоанну Валуа, дочь Людовика XI, но бракъ этотъ не состоялся; послѣ того Іоаннъ сватался за Марію Плантагенетъ, дочь англійскаго короля Эдуарда IV: она скончалась; Христина была третьей невѣстой и наконецъ женою короля датскаго.

Христіернъ провелъ молодость свою очень бурно. Строптивый, заносчивый онъ водился съ товарищами изъ простонародной среды, выказывая постоянно любовь къ свободѣ и независимости. Въ дѣтствѣ его собесѣдникомъ и постояннымъ товарищемъ игръ и забавъ былъ огромный орангъ-утангъ. Животное это, одаренное богатырской силой, играло иногда маленькимъ принцемъ какъ мячикомъ, подбрасывая его къ потолку и проворно ловя въ объятья, безъ малѣйшаго вреда для Христіерна, который, можно сказать, росъ на попеченіи своего четырехрукаго дядьки. Случалось, къ ужасу мамокъ и нянекъ, орангъ-утангъ вытаскивалъ Христіерна изъ колыбели и убѣгалъ съ нимъ на кровлю дворца, откуда скалилъ зубы и злобно угрожалъ бѣжавшимъ за нимъ въ погоню. По басословнымъ сказаніямъ римскихъ лѣтописей Ромула и Рема вскор-

мила волчиха; бывали примѣры воспитанія человѣка въ медвѣжьихъ берлогахъ, но чтобы когда либо, гдѣ нибудь, обезьяна была нянькою королевскаго сына, наслѣдника престола—это случай до временъ короля датскаго Іоанна—небывалый и едва ли не единственный въ исторіи. Послѣдующая жизнь Христіерна, со всѣми ея ужасами, можетъ только служить подтвержденіемъ той несомнѣнной физіологической аксіомы, что животное прирученное, на столько же смягчается нравомъ, на сколько дичаетъ и свирѣпѣетъ человѣкъ, вырастающій въ собесѣдничествѣ съ животнымъ. Эта простая истина, какъ видно, была неизвѣстна родителямъ Христіерна.

Ребенокъ подросъ; пришла пора разлучить его съ мохнатымъ сверсникомъ и дать Христіерну инаго, болѣе приличнаго наставника. Суровый каноникъ, учитель латинскаго языка, замѣнилъ орангутанга, о которомъ Христіернъ долго и неутѣшно плакалъ. Учителю было вмѣнено въ непремѣнную обязанность быть при питомцѣ безотлучно и развлекать его по мѣрѣ возможности. По мнѣнію педагога, наилучшимъ развлеченіемъ для Христіерна могло быть пѣніе псалмовъ, которымъ каноникъ и занималъ своего питомца по нѣскольку часовъ сряду. Отъ природы способный и понятливый, Христіернъ сладилъ съ гармоническимъ языкомъ Виргилія и Горація; усердно распѣвалъ псалмы и литаніи, подтягивая своему ментору, но не могъ не тяготиться полу-монастырскимъ образомъ жизни, будучи рѣзовъ и еще не утративъ страсти къ гимнастическимъ упражненіямъ, которыми забавлялся съ милымъ орангутангомъ. Усердному канонику достаточно было отвернуться отъ питомца и онъ могъ быть увѣренъ, что принцъ Христіернъ убѣжавъ изъ учебной своей комнаты, уже бѣгаетъ гдѣ нибудь по кровлѣ или лазаетъ по деревьямъ дворцоваго сада. Обезьяньи привычки были второй натурой будущаго короля; онѣ не покидали его до тѣхъ поръ, покуда онъ не превратился въ другаго звѣря, болѣе лютаго и кровожаднаго.

Однажды, каноникъ собравъ хоръ пѣвчихъ, вмѣстѣ съ Христіерномъ занялся спѣвкою въ дворцовой капеллѣ, гдѣ музыкальныя упражненія длились битыхъ пять часовъ. Учитель-меломанъ до хрипоты распѣвая свои рапсодіи не замѣтилъ какъ принцъ тотчасъ по приходѣ въ капеллу вмѣшался въ толпу маленькихъ пѣв-

чихъ, прокрался къ дверямъ, скрылся куда-то и не возвращался даже и по окончаніи концерта. Перепуганный учитель отправился на поиски и увидѣлъ Христіерна на кровлѣ сосѣдняго дома.

— Принцъ, воскликнулъ каноникъ, скажите по совѣсти—ваше ли здѣсь мѣсто? Прилично ли?..

— Какъ нельзя болѣе! отвѣчалъ мальчикъ—низкія мѣста созданы для ничтожества, а высокія для лицъ высокаго происхожденія!

По мѣрѣ приближенія къ годамъ юности, шаловливый Христіернъ становился неукротимѣе и шалости его дѣлались серьезнѣе и рискованнѣе. Каноникъ, сознавая свое безсиліе, просилъ короля Іоанна дать ему въ помощники еще другаго наставника. Изъ Бранденбурга выписали ученаго Конрада, человѣка строгаго, душою и тѣломъ преданнаго наукамъ. Онъ ознакомилъ Христіерна съ астрономіей, математикой, географіей и исторіей; развилъ въ ученикѣ любовь къ богословію, нерѣдко вызывая его на диспуты. Успѣвая въ наукахъ, принцъ непозволительно вѣтренничалъ и велъ себя какъ нельзя хуже. Тайкомъ уходя изъ дворца онъ бродилъ по городу съ толпой молодежи, преимущественно изъ черни, раздѣляя съ нею грубыя удовольствія, но въ тоже время вникая въ народный бытъ, присматриваясь къ нуждамъ простонародья, прислушиваясь къ его ропоту и жалобамъ на притѣсненія отъ дворянъ и высшаго духовенства. Лѣтописи повѣтствуютъ, что однажды, восемнадцатилѣтній Христіернъ, сманивъ стоявшаго у дворца часоваго, цѣлую ночь гулялъ съ нимъ по городу, пьянствуя въ тавернахъ, распѣвая пѣсни и всячески безчинствуя въ сообществѣ обоего пола бродягъ, подонковъ общества. Узнавъ о проказахъ сына, король Іоаннъ призвавъ его къ себѣ, не поскупился на брань и даже замахнулся на Христіерна тростью. Тогда принцъ, упавъ на колѣни, просилъ отца дать ему занятіе, сообразное его способностямъ и общественному его положенію. Вспыхнувшій вскорѣ мятежъ въ Норвегіи, побудилъ короля принять рѣшительныя мѣры къ его прекращенію, и Іоаннъ поручилъ Христіерну усмирить возстаніе. Принцъ исполнилъ возложенное на него порученіе успѣшно и съ усердіемъ ретиваго новичка, даже немножко черезъ-чуръ поусердствовалъ: начальникъ возстанія Герлофъ-Гиддефаль былъ за-

пытанъ, съ нимъ погибло множество дворянъ норвежскихъ, имущества которыхъ были конфискованы. Нельзя въ этомъ случаѣ обвинять Христіерна, такъ какъ въ его варварское время пытки, смертныя казни или пожизненныя заточенія почитались самыми законными и единственными возмездіями за преступленія; милосердіе было тогда изгнано изъ уголовнаго кодекса всѣхъ странъ и на смягчающія вину обстоятельства судъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Крутыя, безчеловѣчныя мѣры, принятыя Христіерномъ въ Норвегіи, имѣли благую цѣль; онъ хотѣлъ укротить духовенство и олигарховъ угнетавшихъ народъ и попиравшихъ подъ своими ногами его интересы и чувства достоинства человѣческаго... При всемъ томъ, благая цѣль никогда не можетъ быть оправданіемъ средствъ безчеловѣчныхъ.

Усмиривъ Норвегію, Христіернъ впослѣдствіи задумалъ присоединить къ датской державѣ отпавшую отъ нея Швецію, но дѣло это было не легкое и успѣхъ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ стараніямъ принца. Устилая свой путь трупами казненныхъ Христіернъ не пощадилъ епископа, имѣвшаго сношеніе съ мятежниками и за это, какъ увидимъ, былъ отлученъ отъ церкви папою римскимъ. Отлученія отъ церкви или отпущеніе грѣховъ прошедшихъ и будущихъ были, какъ извѣстно, главными орудіями римскихъ папъ при ихъ враждебныхъ или дружелюбныхъ отношеніяхъ къ европейскимъ государямъ. Желая воротить благосклонность его святѣйшества, Христіернъ казнилъ нѣсколько сотъ шведовъ за то, что они подобно ему самому были отлучены папою. Этимъ жертвоприношеніемъ, достойнымъ друида-язычника, римскій первосвященникъ былъ глубоко тронутъ и снялъ съ Христіерна свою пастырскую опалу... впрочемъ не надолго; папа точно такъ же игралъ своимъ благословеніемъ, какъ Христіернъ жизнію людей.

По возвращеніи своемъ въ Норвегію, Христіернъ познакомился съ женщиной, которой суждено было играть въ его жизни весьма важную роль; съ женщиной, цѣною безчестія родной дочери, купившей себѣ права быть руководительницей Христіерна на пути злодѣйствъ, опозорившихъ его царствованіе.

Эта побочная теща будущаго короля датскаго была простая содержательница харчевни въ Бергенѣ, амстердамская уроженка,

Сигебритта. Въ молодости она промышляла развратомъ и торговала рыбою въ Амстердамѣ. Скопивъ деньжонокъ прибыла въ Норвегію и въ Бергенѣ, какъ мы уже говорили, открыла харчевню, въ которую собирались матросы, ремесленники, мелкіе воришки, уличные скоморохи, искатели приключеній, ворожеи и знахари — въ шестнадцатомъ вѣкѣ образовывавшіе цѣлые цехи, подъ покровительствомъ невѣжества и суевѣрія.

При всемъ своемъ распутствѣ, Сигебритта была женщина умная, одаренная удивительнымъ соображеніемъ и чудесной памятью. Къ духовенству и дворянству она питала непримиримую ненависть, зная лицемѣріе одного и безпутства другаго. Въ ея харчевню заходили иногда лица важныя, того и другаго сословія, чтобы напиться тамъ, не хуже самыхъ послѣднихъ плебеевъ, а главное приволокнуться за дочерью шинкарки, красавицей Дивеке (голубкой), прозванной такъ за ея чистоту и невинность, зорко охраняемая матерью. Дѣйствительно, въ грязномъ кабакѣ Сигебритты, дочь ея была жемчужиной въ смрадной прибережной тинѣ, или прелестнымъ цвѣткомъ возросшимъ на кучѣ сору и нечистотъ.

Христіернъ, хотя и отлученный папою, по прибытіи своемъ въ Бергенъ, окружилъ себя патерами, которые раболѣпно льстили ему и всячески угождали, какъ бы въ вознагражденіе за папскую немилость. Одинъ изъ нихъ, занимавшій при принцѣ - намѣстникѣ должность канцлера, Эрикъ Валькендорнъ, частый посѣтитель харчевни Сигебритты, сообщилъ Христіерну о прелестной „голубкѣ" и расписалъ ее такими плѣнительными красками, что выбилъ изъ каменнаго сердца наслѣдника датскаго престола искру любви и пробудилъ въ Христіернѣ живѣйшее желаніе увидѣть красавицу. Первое свиданіе произошло въ присутствіи опытной Сигебритты. Красавица Дивеке очаровала Христіерна своей наружностью и остроуміемъ, съ которымъ она поразсказала ему о продѣлкахъ лицъ духовнаго и дворянскаго званій, посѣщавшихъ таверну инкогнито. На другой же день Дивека была формальной фавориткой Христіерна, а ея достойная маменька заняла при немъ должность перваго министра. Дочь овладѣла сердцемъ принца, мать — его умомъ и такимъ образомъ Христіернъ попалъ подъ опеку сирены и мегеры.

Дивеке была первой и послѣдней любовью Христіерна. Его

связь съ этой женщиной имѣла для государства то громадное значеніе, что фаворитка была изъ простонародья и вмѣстѣ съ матерью постоянно отстаивала интересы родного своего сословія, вооружая возлюбленнаго противу сословій ей ненавистныхъ, т. е. дворянства и духовенства. Вотъ главный и чуть ли не единственный источникъ ненависти Христіерна къ клерикаламъ и олигархамъ. Сигебритта и дочь ея, возросшія въ народной средѣ, ознакомили будущаго короля съ тѣми бѣдствіями и страданіями народа, которыя отъ глазъ государей всегда загорожены живой стѣной царедворцевъ; мать и дочь объяснили Христіерну, что такъ называемые радостные клики, которыми народъ иногда привѣтствовали королей, сплошь да и рядомъ заглушаютъ стоны страждущихъ и вопли угнетенныхъ. Указывая на благоденствіе своей родины Сигебритта и Дивеке указали Христіерну на причины бѣдствій народныхъ въ Даніи; причины заключавшіяся въ злоупотребленіяхъ правъ сословій привилегированныхъ, живущихъ въ сытомъ бездѣйствіи, благодаря неустаннымъ трудамъ простаго народа и овечьей покорности мѣщанства. Эти бесѣды посѣвали въ умѣ и сердцѣ Христіерна великія идеи о необходимости преобразованій въ государственномъ строѣ и организаціи сословій датскаго королевства. Но какъ разрѣшитъ Христіернъ эту великую задачу? Вмѣсто *уравненія* правъ своихъ подданныхъ, онъ возвысилъ народъ въ ущербъ униженному дворянству; вмѣсто перестройки, онъ опрокинулъ сословную пирамиду—основаніемъ вверхъ, вершиною внизъ, упустивъ изъ виду, что вся тяжесть зданія должна, такимъ образомъ, опираться на вершину, т. е. на него же самого...

Эта простая мысль не могла не придти въ голову Христіерна впослѣдствіи, во время его продолжительнаго заточенія въ стѣнахъ Зондерборга.

Восьмаго февраля 1513 года Христіернъ взошелъ на престолъ умершаго отца своего Іоанна. Вмѣстѣ съ нимъ, въ лицѣ Сигебритты и Дивеке, воцарилась народная партія. Пришла пора осуществить тѣ благіе замыслы, которые занимали Христіерна въ послѣдніе два года жизни его отца. Въ видахъ пріобрѣтенія вѣрнаго союзника въ лицѣ эрцгерцога австрійскаго Карла (будущаго императора Карла V) Христіернъ посватался за родную его се-

стру принцессу Елисавету. Предложеніе датскаго короля было принято и 12 августа 1515 года сыграли свадьбу въ Копенгагенѣ. Понимая, что бракъ этотъ дѣло политики, Дивеке не выказывала ни малѣйшаго опасенія; она продолжала владѣть сердцемъ Христіерна нераздѣльно до самой своей загадочной смерти. Дивеке была отравлена, какъ доказывали несомнѣнные предсмертные симптомы, но кѣмъ именно? Злодѣйство это, всего вѣроятнѣе дѣломъ олигархической партіи; можетъ быть приверженцевъ королевы Елисаветы, желавшихъ избавить ее отъ опасной соперницы. Дивеке еще наканунѣ смерти, цвѣтущая здоровьемъ, красотой, неожиданно страшно измѣнилась въ лицѣ и умерла въ ужасныхъ судорогахъ, едва имѣя силы пожать руку королю и прошептать ему:

— Прости, мой возлюбленный! Меня отравили!...

— Кто? кто тебя отравилъ? повторилъ отчаянный Хрестіернъ сжимая ее въ объятіяхъ...

Отвѣтомъ ему былъ послѣдній вздохъ красавицы. Покрывая поцѣлуями ея оледенѣлый трупъ, король далъ клятву отыскать виновнаго. Подозрѣнія его пали на его же любимца Торбена Оксе, коменданта копенгагенскаго замка, пользовавшагося расположеніемъ покойной фаворитки. Секретарь Торбена, шепнулъ королю, что расположеніе это простиралось далеко за предѣлы благоразумія. Принявъ во вниманіе доносъ, но въ то же время негодуя на доносчика, а можетъ быть еще и на клеветника—Христіернъ приказалъ его повѣсить. Принеся эту жертву памяти своей фаворитки король какъ будто позабылъ о ней и даже не любилъ, чтобы ему когда напоминали о покойницѣ. Прошло года полтора со времени ея смерти, какъ однажды вечеромъ, король въ присутствіи многихъ придворныхъ, подойдя къ Торбену и дружелюбно положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Слышали вы, мой милый, что про васъ говорятъ?

— Не могу знать, государь!

— Будто Дивеке умерла отъ яду, приготовленнаго въ вашемъ семействѣ, именно изъ опасенія, чтобы вы не вздумали на ней жениться... Какая глупая выдумка, не правда ли? Вамъ, природному дворянину, могло ли когда въ голову придти жениться на дочери бывшей шинкарки?

— Такъ точно, государь; я знаю, что есть подозрѣнія, будто мои родные отравили Дивеке, но это гнусная клевета!...

— Однако вы не отрицаете, что она была отравлена?

— Такъ говорили...

— Поговоримъ откровенно, любезный Торбенъ, продолжалъ король.—Правда ли, что вы были неравнодушны къ Дивеке?

— Ваше величество изволили приказать казнить моего секретаря, клеветника...

— Казнить я его казнилъ, правда; но я могъ и ошибаться. Его во всякомъ случаѣ слѣдовало повѣсить, хотя бы уже за то, что онъ подрывался подъ васъ, своего благодѣтеля. Но, дѣло прошлое, потеряннаго не воротишь и забвеніе удѣлъ мертвецовъ... Скажите же мнѣ теперь что было между вами и Дивеке?

— Я уже говорилъ вамъ, государь...

— Торбенъ, вы все уклоняетесь отъ прямаго отвѣта. Предположимъ, что вы любили Дивеке... что жъ тутъ необыкновеннаго? Она была очень хороша собой, даромъ что родилась и выросла въ простонародьѣ...

— Она была не только хороша, но истинная красавица!...

— Да; кромѣ того была умна, умѣла завлекать и сама была способна увлечься... Кроткая, ласковая и простодушная она легко привязывалась къ каждому, кто только оказывалъ ей вниманіе... а вы, говорятъ, были къ ней особенно внимательны...

— Правда, государь; въ жизни моей я не встрѣчалъ женщины очаровательнѣе и устоять отъ обольстительницы едва ли было возможно...

— Вы ее любили? произнесъ король глухимъ, будто изъ могилы выходящимъ голосомъ.

— Если вы желаете непремѣнно знать?...

— Желаю и приказываю!

— Я любилъ ее государь, любилъ такъ, что не могу и выразить.

— Господа, обратился Христіернъ къ придворнымъ — послушайте же нѣжную, хотя и немножко запоздалую исповѣдь чувствительнаго Торбена... очень любопытно! И такъ, вы объяснились съ Дивеке?

— Да, государь!

— И прекрасно!... Что же она отвѣчала вамъ?

— Сначала она отвергла мои признанія...

— Чтобы потомъ вознаградить взаимностью! досказалъ король, блѣдный и дрожа отъ ярости. Обычный маневръ коварнаго женскаго отродья, всѣ онѣ таковы, всѣ... Ну, а потомъ, она конечно, уступила вашимъ нѣжнымъ требованіямъ... Какъ же, когда? гдѣ?... Да договаривайте же, позабавьте насъ... Не правда ли, господа, продолжалъ Христіернъ —обводя присутствовавшихъ взглядомъ, напоминавшемъ имъ вспышки молніи—очень забавная исторія?

— Очень забавная! отвѣчалъ хоръ придворныхъ, вторя державному запѣвалѣ.

— Дѣло было лѣтомъ — началъ Торбенъ, увлекаясь воспоминаньями, и не подозрѣвая, что исповѣдь, на которую его вызвалъ король, будетъ исповѣдью предсмертною—лѣтомъ въ одну изъ тѣхъ тихихъ, душистыхъ ночей, когда сердце особенно воспріимчиво къ нѣжной бесѣдѣ. Во дворцѣ, помнится, былъ балъ; я вышелъ изъ покоевъ на главную аллею, гдѣ встрѣтилъ Дивеке... Счастливый случай, совершенно неожиданный...

— Случай—божество всемогущее! ввернулъ Христіернъ.

— Я спросилъ, почему ей вздумалось оставить бальную залу? она отвѣчала мнѣ, что тамъ жарко; что она къ тому же красоту природы всегда предпочитаетъ всѣмъ ухищреніямъ искуства...

— Скажите пожалуйста, какая поэзія... Далѣе?

— Далѣе, государь, мы вмѣстѣ съ нею восхищались и землею покрытою богатой растительностью, и небомъ усыпаннымъ звѣздами; легко дышалось намъ и невыразимо отрадно было смѣшивать вздохи любви съ волнами ароматнаго воздуха... Я осмѣлился подать руку Дивеке и тогда съ большой аллеи мы своротили на тѣнистую, боковую. Шли молча не желая нарушать таинственнаго безмолвія спящей природы, такъ чудно противорѣчившаго звукамъ бальной музыкѣ, изрѣдка доносившейся до нашего слуха... Наконецъ умолкла и музыка; ее замѣнили гармоническія рѣчи Дивеке, неровные удары нашихъ сердецъ... Дивеке созналась мнѣ въ своей страсти! Незабвенный вечеръ...

Торбенъ прочелъ свой смертный приговоръ. Цвѣты поэзіи, ко-

торыми онъ прикрасилъ свой восторженный разсказъ онъ точно приготовилъ для собственной могилы. Легче было-бы ему безнаказанно погладить спящую змѣю, нежели пробудить въ сердцѣ Христіерна два ядовитыя чувства — ревности и разочарованія.

Блѣдный какъ мертвецъ, Христіернъ вышелъ изъ комнаты не говоря ни слова. Торбенъ на другой же день былъ арестованъ и на созванномъ государственномъ совѣтѣ обвиненъ въ отравленіи Дивеке... Нельзя же было обвинить его въ счастливомъ соперничествѣ съ королемъ?

— Хотя-бы у него была *бычачья* шея [1], сказалъ король на первомъ же засѣданіи слѣдственной комиссіи, палачъ ее отмахнетъ однимъ ударомъ!

Вопреки закону, постановлявшему, чтобы дворянина судили депутаты отъ дворянства, король въ присяжные засѣдатели назначилъ двѣнадцать крестьянъ, имѣя въ виду ихъ ненависть къ дворянству. Защищаясь на судоговореніи Торбенъ доказалъ свою неприкосновенность къ дѣлу отравленія Дивеке, прибавивъ, что ему нельзя вмѣнять въ преступленіе любви къ женщинѣ простаго званія, хотя и фавориткѣ, но все же не законной супругѣ короля. Присяжные страшась гнѣва королевскаго объявили, что виновнаго уличаютъ его поступки. Торбенъ Оксе былъ обезглавленъ (1517) на эшафотѣ, воздвигнутомъ рядомъ съ висѣлицей, на которой еще покачивались полуистлѣвшіе останки секретаря доносчика.

Проклиная память Дивеке, такъ безсовѣстно наругавшейся вмѣстѣ съ Торбеномъ надъ его нѣжнѣйшими чувствами, король не только не лишилъ своей благосклонности Сигебритты, но еще болѣе прежняго подчинился вліянію этой фуріи. Твердо увѣренный, что дворяне виновники смерти Дивеке, Христіернъ объявилъ непримиримую ненависть и кровавое мщеніе всему дворянству. Сигебритта, какъ олицетворенная Немезида, поддерживала въ сердцѣ короля адское пламя злобы на все сословіе. Государственный совѣтъ и сенатъ умолкли предъ хриплымъ голосомъ бывшей шинкарки... Она побудила Христіерна возобновить военныя дѣйствія въ Швеціи.

---

(1) Игра словъ: фамилія *Оксе* происходитъ отъ слова Ochs: быкъ.

Смиряясь предъ Сигебриттой, вельможи и знатнѣйшіе дворяне (кромѣ ненавистнаго ей, истинно благороднаго героя, адмирала Оттона Круппена), забывъ всякій стыдъ, пресмыкались передъ нею. Лѣтописецъ Сваннигъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ — свидѣтелемъ, какъ однажды придворные толпились на лужайкѣ передъ загороднымъ дворцомъ Сигебритты, ожидая впуска во внутренніе покои, въ этой прихожей подъ открытымъ небомъ. Была сильная зимняя стужа и посѣтители, цвѣтъ аристократіи, чтобы не замерзнуть, постукивали каблуками объ стѣны забора и похлопывали въ ладони не хуже извощиковъ. Послѣ прилично-продолжительнаго ожиданія ихъ впустили въ пріемную, гдѣ съ улыбкой и лестью на устахъ они излагали Сигебриттѣ свои просьбы и приносили поздравленія.

Стараніямъ Сигебритты внутренняя и внѣшняя торговля королевства датскаго была одолжена достиженіемъ самаго цвѣтущаго состоянія въ короткое время. Торговому сословію даны были многія льготы; съ Англіею былъ заключенъ договоръ, имѣвшій немалыя благотворныя послѣдствія для внѣшней торговли. Многіе негоціанты, переселясь въ Копенгагенъ, открыли свои конторы, завели торговыя суда; мѣщане и низшій классъ народа усердно занялись промышленностью, обогащаясь теперь лично для себя, а не для набивки сундуковъ дворянъ-тунеядцевъ. Не столько желаніе добра простому народу, сколько желаніе всего дурнаго дворянству руководило Христіерномъ II. Любовь къ торговымъ оборотамъ привилась и къ духовенству, ажіотировавшему индульгенціями его святѣйшества. Папскій легатъ въ сѣверныхъ государствахъ Европы Джіованни-Анджело Арчемболи, подаривъ Христіерну 1200 рейнскихъ флориновъ, получилъ отъ него (хотя и отлученнаго отъ церкви) разрѣшеніе къ свободной продажѣ индульгенцій по всему королевству. Арчемболи наторговалъ несмѣтныя суммы и за исключеніемъ бѣдняковъ, вся Данія, удостоенная отпущенія грѣховъ, превратилась, такимъ образомъ, по милости папы — въ страну праведниковъ. За эту стрижку овецъ римскаго пастыря, Арчемболи обѣщалъ Христіерну содѣйствіе всего духовенства въ задуманномъ имъ дѣлѣ покоренія Швеціи. На первый случай Христіернъ казнилъ шведовъ, подобно ему отлученныхъ отъ церкви римскимъ

папою. Королевство въ это время состояло изъ двухъ враждебныхъ партій: правителя Степона Стурре и Эрика Тролле; первая была партіей народной и желая примирить съ нею своего врага, Стенонъ назначилъ упсальскимъ архіепископомъ Густава Тролле, сына Эрика. Этимъ онъ сдѣлалъ страшную ошибку: Густавъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Христіерномъ; Арчемболи, прибывшій въ Швецію для продажи индульгенцій, сообщилъ Стенону Стурре о предательствѣ упсальскаго архіепископа и за это получилъ отъ правителя дозволеніе сбывать товаръ ватиканской фабрикаціи по всей Швеціи... Набивъ и здѣсь умѣстительный кошель своего владыки, Арчемболи возвратился въ Римъ „аки пчела медомъ нагруженная"...

Свѣдавъ объ измѣнѣ Густава Тролле, Стенонъ созвалъ сенатъ и земскую думу; предатель, призванный къ отвѣту, укрѣпился въ своемъ замкѣ съ значительнымъ гарнизономъ, гдѣ его осадилъ Стенонъ и взявъ въ плѣнъ заточилъ въ монастырь. Христіернъ и Эрикъ Тролле увѣдомили папу Льва X объ этомъ самоуправствѣ, за которое Стенонъ Стурре, со всѣми своими приверженцами, былъ отлученъ отъ церкви и сверхъ того, присужденъ къ уплатѣ архіепископу пени въ сто тысячъ червонныхъ и возобновленію его замка, разрушеннаго во время осады. Какъ бы для содѣйствія папѣ, Христіернъ со своими войсками двинулся къ Стокгольму, но былъ отраженъ и возвратился къ себѣ, въ Данію. Желая однако же отомстить непріятелю, онъ вступилъ въ переговоры, требуя отъ Стенона благонадежныхъ заложниковъ. Довѣрчивый правитель послалъ къ Христіерну на корабль десять человѣкъ дворянъ и въ числѣ ихъ Густава Вазу, будущаго освободителя Швеціи. Вопреки законамъ совѣсти и въ противность данному слову, Христіернъ приказалъ заковать заложниковъ въ цѣпи и объявить Стенону, что всѣ они будутъ казнены, если повелѣніе его святѣйшества папы не будетъ въ точности исполнено... Совершивъ этотъ подвигъ, Христіернъ пользуясь попутнымъ вѣтромъ, вмѣстѣ съ плѣнниками отплылъ въ Копенгагенъ.

Здѣсь всѣ заложники были заключены въ крѣпость, а Христіернъ занялся дѣятельными приготовленіями къ совершенному порабощенію Швеціи. Нужны были деньги. Король велѣлъ начека-

нить фальшивой монеты; подъ видомъ налоговъ ограбилъ Данію и Норвегію; отнявъ у Антонелли, брата Арчемболи, всѣ деньги наторгованныя имъ отъ продажи индульгенцій, и такимъ образомъ изворотился безъ обременительнаго для королевства внѣшняго займа... Подобныя финансовыя операціи въ XVI вѣкѣ были повсемѣстно въ большомъ употребленіи и все сходило съ рукъ, такъ какъ люди тогда были терпѣливы. 1520 годъ былъ ознаменованъ сборомъ громаднаго ополченія, съ которымъ Христіернъ вторгся въ Швецію и ужасной рѣзней, *кровавой баней* — въ Стокгольмѣ ничѣмъ не уступающей Варѳоломеевской ночи, бывшей черезъ пятьдесятъ два года въ Парижѣ. До того времени, на сѣверѣ Европы, еще не видано было такого смѣшенія войскъ всякихъ націй и такого многочисленнаго флота. Подъ знаменами Христіерна, кромѣ датчанъ и норвежцевъ были войска изъ Бранденбургіи, Шотландіи, Франціи... Представителями послѣдней были 2000 пѣхотинцевъ, предводимыхъ Гастономъ де-Брезе и выбранныхъ изъ полковъ Франциска I. Главнокомандующимъ былъ назначенъ адмиралъ Оттонъ Крумпенъ, который и выступилъ въ походъ въ началѣ января. Участь Швеціи была рѣшена битвою при Богезундѣ (20 января 1520 года); Стенонъ Стурре былъ смертельно раненъ, войска Христіерна приступили къ Стокгольму. Отъ имени папы, король датскій объявилъ отлученными отъ церкви Стенона и всѣхъ его приверженцевъ... Дворянство шведское заключило съ Христіерномъ миръ, подкрѣпленный обѣщаніемъ со стороны побѣдителя забвенія прошлаго и полной амнистіи всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи. Вдова Стенона Стурре—Христина Гильденстіерна, возстановивъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, тщетно пыталась свергнуть датское иго: мятежъ повсемѣстно былъ усмиренъ, Кальмарскій союзъ возобновленъ во всей силѣ и въ октябрѣ того же 1520 года, Христіернъ короновался, принявъ тройственный титулъ короля датскаго, шведскаго и норвежскаго. Утвердивъ такимъ образомъ свою власть надъ Швеціей, Христіернъ, неизмѣнно вѣрный идеѣ уничтоженія дворянства, рѣшился приступить къ мѣрамъ достойнымъ Нерона или нашего Ивана Грознаго. Духовникъ короля Слагхёкъ, племянникъ Сигебритты, человѣкъ лукавый, злой

и честолюбивый, посовѣтовалъ Христіерну примирить требованія политики съ нарушеніемъ торжественно даннаго слова.

— Какъ король, сказалъ онъ: — вы, государь, обѣщали дать всепрощеніе и должны сдержать свое обѣщаніе; но какъ сынъ единоспасающей католической церкви обязаны сами повиноваться велѣніямъ папы, присуждающаго шведовъ къ наказанію, вполнѣ заслуженному.

— Слагхекъ! воскликнулъ король, обнимая духовника: — ты человѣкъ *святой*; лучшій и единственный мой совѣтникъ!

Послѣ коронаціи Христіернъ, принимая поздравленія отъ дворянъ, подтвердилъ послѣднимъ всѣ обѣщанныя имъ льготы и привилегіи. Пожалованная при этомъ грамата была скрѣплена собственноручной подписью короля датскаго съ приложеніемъ государственной печати. Въ граматѣ король именовался: *отцемъ Швеціи...* Затѣмъ послѣдовали празднества, во время которыхъ Христіернъ тайно совѣщался со своимъ духовникомъ и ему подобными извергами о предстоящихъ убійствахъ; собралъ духовный судъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа Густава Тролле. Судъ этотъ объявилъ, въ силу папской буллы, отлученными отъ церкви: вдову Стенона Стурре, весь сенатъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ послѣднемъ возстаніи и всѣмъ имъ изрекъ смертный приговоръ съ конфискаціею ихъ имуществъ. Осужденные апеллировали и требовали переслѣдованія. Христіернъ, желая доказать имъ свое безпристрастіе, согласился на ихъ просьбу, увеличившую длинный списокъ жертвъ нѣсколькими лишними именами. Въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей, Христина, оправдывая память Стурре, сказала, что онъ отрѣшивъ архіепископа, дѣйствовалъ по внушенію сената; при этомъ вдова Стенона Стурре представила и документъ за подписью сенаторовъ. Слѣдственная комиссія, объявивъ этотъ актъ „дѣломъ діавольскимъ,“ распорядилась арестованіемъ и отдачею подъ судъ всѣхъ сенаторовъ, приложившихъ къ нему свои подписи. Изъ нихъ спасся одинъ только Іоаннъ Браскъ, епископъ Линкопинга, благодаря своему криводушію и предусмотрительности. Подписывая увольненіе Густава Тролле, онъ, прилагая свою печать, подложилъ подъ нее клочекъ бу-

маги съ надписью: *по принужденію...* Этотъ лоскутъ спасъ Браска отъ плахи.

На зарѣ, 8 ноября, герольды, разъѣзжая по городу, возвѣщали жителямъ, чтобы они не осмѣливались выходить изъ домовъ на улицы. Никто не могъ понять цѣли этой мѣры, хотя всѣ жители Стокгольма предугадывали что-то ужасное. Ровно въ полдень изъ крѣпости вывели заключенныхъ на мѣсто казни; всѣ эти заключенные принадлежали къ знатнѣйшимъ семействамъ королевства, всѣ они были представителями или послѣдними отраслями древнѣйшихъ родовъ дворянскихъ. Въ то же время жителямъ было разрѣшено выйдти изъ домовъ и присутствовать при совершеніи казни. Среди могильной тишины, датскій сенаторъ Ликке объявилъ народу, что всѣ приведенные на лобное мѣсто дворяне, чиновники и епископы виновны въ ереси и для славы Божіей и ради интересовъ церкви заслуживаютъ смертной казни. „Архіепископъ Упсальскій,—заключилъ Ликке: — трижды преклоняя колѣни передъ государемъ, вымолилъ у него утвержденія смертнаго приговора!...“

Отвѣтомъ былъ единодушный вопль ужаса, исторгшійся изъ грудей десятковъ тысячъ зрителей, но никто не могъ исторгнуть жертвъ изъ рукъ палачей, усердно принявшихся за работу... Застучали топоры, голова за головою падали на окровавляемые помосты и насчитано было отрубленныхъ головъ—*девяносто четыре...* но этой цифрой побоище не ограничилось? Готовя новыя казни, Христіернъ объявилъ, что правосудіе удовлетворено и что отнынѣ прощаются всѣ виновные, заключенные въ Стокгольмѣ, укрывающіеся отъ ареста, или эмигрировавшіе изъ родныхъ предѣловъ.

Обольщенные льстивымъ тономъ этого предательскаго манифеста, бѣглецы и изгнанники возвратились въ свои жилища. Всѣ они были переловлены и безъ суда повлечены на казнь... На этотъ разъ была уже настоящая бойня, понятіе о которой даютъ лѣтописи, говоря, что топоры тупились и палачи задыхались отъ утомленія. Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ по уличнымъ канавкамъ, проведеннымъ къ морю и озеру Меларъ, журчали ручьи теплой крови, которую локали собаки и стада свиней! Слово жалости, срывавшееся съ устъ жителей, слезы, являвшіяся на глазахъ зрителей или выраженіе ужаса на ихъ лицахъ — служили смертными

приговорами: сожалѣвшихъ тутъ же умерщвляли; вѣшали слугъ казненныхъ, вѣшали наконецъ каждаго гражданина, имѣвшаго на одеждѣ признаки принадлежности его къ дворянскому сословію; нѣсколько монаховъ было брошено въ озеро Меларъ, связанныхъ попарно... Казнили цѣлыя семьи, не щадя ни пола, ни возраста. Трупы Стенона Стурре и его полугодовалаго сына были вырыты изъ могилъ и брошены на груды истерзанныхъ труповъ, оставленныхъ поверхъ земли на съѣденіе собакамъ и обрѣченныхъ на смрадное тлѣніе.

Разгромъ буйнаго Новгорода при Иванѣ Грозномъ былъ у насъ въ Россіи повтореніемъ этой кровавой трагедіи, или вѣрнѣе моровааго повѣтрія казней.

Страшно было на землѣ въ эту эпоху, но ужасъ царилъ и на моряхъ. Морскіе разбойники грабили и жгли торговыя суда, опустошали прибережныя деревни. Во внутреннихъ областяхъ крестьяне стонали подъ тиранскимъ гнетомъ помѣщиковъ и духовенства. Гибла Швеція, но Богъ сжалился надъ нею, въ лицѣ Густава Вазы послалъ ей избавителя отъ иноземнаго ига. Устрашенный возстаніемъ и успѣхами защитника и мстителя, Христіернъ бѣжалъ въ чужіе края просить помощи у своего шурина Карла V, 14 апрѣля 1523 года. Пользуясь отсутствіемъ тирана, дядя его, Фредерикъ герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, прибывъ въ Данію взошелъ на опустѣлый престолъ подъ именемъ Фредерика I. Желая достойно отблагодарить избравшее его дворянство, новый король возстановивъ всѣ его права, далъ ему новыя льготы и привилегіи, подписавъ представленную ему, самимъ же дворянствомъ редактированную грамату. Одинъ изъ ея параграфовъ предоставлялъ помѣщикамъ *права смерти и живота* надъ ихъ крѣпостными; другой разрѣшалъ имъ же отнимать у крѣпостныхъ движимость и налагать на нихъ пени въ четыре марки.

Между тѣмъ Христіернъ, послѣ долгихъ скитаній по чужимъ землямъ, возвратился въ свое королевство, пытаясь отстаивать свои права на престолъ силою оружія. Побѣжденный и выданный Фредерику онъ былъ заточенъ въ крѣпость Зондерборгъ, вопреки обѣщанію дяди водворить его на жительство въ замкѣ Фленсбургъ. Двадцатидвухлѣтнее заточеніе тирана, о которомъ мы считаемъ не

лишнимъ порассказать читателю, можетъ служить могучимъ аргументомъ въ защиту гуманной современной идеи о замѣнѣ смертной казни—пожизненнымъ заточеніемъ. Если при описаніи злодѣйствъ короля Христіерна читатель чувствовалъ ужасъ и негодованіе—онъ, безъ сомнѣнія, будетъ тронутъ разсказомъ о страданіяхъ Христіерна-узника. За-живо погребенный въ каменной гробницѣ Зондерборга, этотъ человѣкъ-чудовище переродился въ ней и воскресъ изъ нея дряхлый тѣломъ, но обновленный, просвѣтленный душою, слезами раскаянія смывшій со своей памяти позорное имя мучителя и снискавшій имя мученика.

Первые шесть мѣсяцевъ заточенія Христіерну было дозволено прогуливаться въ стѣнахъ замка въ сопровожденіи его единственнаго шута карлика, привезеннаго имъ изъ Норвегіи. Пользуясь слабымъ присмотромъ низведенный король писалъ изъ темницы германскимъ принцамъ, прося у нихъ помощи, и за это былъ замурованъ въ небольшую келью, въ которую ему подавали пищу черезъ рѣшетчатое окно. Круглый каменный столъ, скамья и двѣ кровати составляли все убранство жилища бывшаго короля. Расхаживая по комнатѣ изъ угла въ уголъ, Христіернъ проводилъ пальцемъ по доскѣ каменнаго стола: чрезъ двадцать лѣтъ отъ этихъ прикосновеній на камнѣ образовалась желобочная борозда въ четверть дюйма глубиною... „Капля и камень долбитъ“ говоритъ пословица; но про эту борозду на камнѣ, можно сказать, что она была продолблена не рукою, а слезами Христіерна.

Карликъ, его собесѣдникъ, вскорѣ заболѣлъ отъ недостатка воздуха и движенія; спасеніемъ его могла быть только свобода, которой онъ добровольно лишился изъ привязанности къ королю, будучи при немъ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ собачка въ клѣткѣ у звѣря, выставленнаго въ звѣринцѣ. Христіернъ уговорилъ карлика разстаться съ нимъ и остался одинъ въ своей кельи одинъ,—наединѣ съ неумолкавшей совѣстью. Дверь, на минуту отворенная для выпуска больнаго карлика, снова замкнулась, снова была заложена камнями и опять зашагалъ Христіернъ по своей кельѣ, проводя пальцемъ по столу, считая шаги, внимая голосу совѣсти, тревожимый по ночамъ страшными сновидѣніями, служившими иллюстраціями къ тому, что днемъ говорила узнику неумолимая совѣсть.

Онъ потерялъ счетъ днямъ и что творилось на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ и кто царствовалъ—ничего этого не было извѣстно Христіерну и только вой бури да глухой плескъ моря, будто стоны убіенныхъ, будто ропотъ потоковъ пролитой крови, изрѣдка достигали до слуха узника. Разобщенный съ людьми онъ чаще и чаще сталъ размышлять о той силѣ, которая свергла его съ престола; о силѣ, въ рукахъ которой Густавъ Ваза и Фредерикъ I были только орудіями...

Онъ сознался наконецъ, что эта сила имѣетъ имя; что имя этой силы—Богъ.

Однажды, въ замурованную дверь посыпались частые удары кирки и лома. Отбивъ смазку и разобравъ камни, работники впустили въ келью Христіерна новаго добровольнаго собесѣдника, стараго солдата, когда-то служившаго въ королевской гвардіи. Радостна была ихъ встрѣча; но вскорѣ здоровье солдата, подобно здоровью карлика, разстроилось. Желая развлечь больнаго и въ тоже время чистосердечной исповѣдью облегчить свою душу, Христіернъ часто бесѣдовалъ съ нимъ, сознавая свои ошибки, объясняя ему ту добрую цѣль общаго блага, къ которой онъ стремился ложными путями, залитыми кровью, вымощенными головами казненныхъ. Зло, надѣланное людямъ датскимъ королемъ, намъ извѣстно; посмотримъ однако что было имъ сдѣлано добраго и полезнаго и на сколько послѣднее вознаградило за первое? что перетянетъ?

Дворянству и духовенству, имъ нетерпимымъ, Христіернъ нанесъ жестокій ударъ двумя узаконеніями: запрещеніемъ поголовной продажи крѣпостныхъ и уничтоженіемъ береговаго права, т. е. облеченнаго въ законную форму грабежа грузовъ съ разбитыхъ бурею кораблей. Управленіе городами было возложено на верховныхъ судей — *скультусовъ*, назначаемыхъ на три года. Подъ ихъ предсѣдательствомъ были учреждены суды присяжныхъ изъ четырехъ бургомистровъ и семи членовъ ратуши. Осужденнымъ было предоставлено право подавать апеляцію прямо на королевское имя. Для оживленія внутренней торговли были учреждены ярмарки; таможенный тарифъ былъ измѣненъ, пошлины были сбавлены, а съ нѣкоторыхъ товаровъ и вовсе сняты; трактиры и гостинницы обложены таксою за постой и продовольствіе пріѣзжающихъ; сбавлены были налоги съ сельдяныхъ промышленниковъ. Сверхъ всего этого

Христіернъ учредилъ почтовыя сообщенія; повелѣлъ заботиться объ опрятномъ содержаніи обывательскихъ домовъ, объ уборкѣ падали, о снабженіи наемной прислуги атестатами, о кроткомъ съ нею обхожденіи. Обученіе дѣтей грамотѣ и ремесламъ было вмѣнено родителямъ въ непремѣнную обязанность; для убогихъ и больныхъ были учреждены богадѣльни и больницы... Мѣры, принятыя Христіерномъ противъ алчности духовенства, были вполнѣ раціональны: онъ преслѣдовалъ странниковъ, юродивыхъ вымогавшихъ послѣдніе гроши у суевѣрной черни и обязалъ приходскихъ священниковъ не отказывать бѣднымъ, нуждающимся въ ихъ помощи, и исполнять требы безплатно. Не распространяемся о многихъ другихъ узаконеніяхъ Христіерна и скажемъ, въ заключеніе, что всѣ вышеупомянутыя узаконенія, имѣвшія цѣлью благо простаго народа, были слѣдствіемъ внушеній королю — дочери народа, Сигебритты.

Предоставляемъ самому читателю отвѣтить на вопросъ: много-ли добра и зла королевству датскому принесло ея могучее вліяніе на Христіерна? Подобно королю французскому Людовику XI, онъ одной рукою душилъ олигархію, другою расточалъ и сѣялъ благодѣянія простому народу... эти посѣвы, могли бы сторицею вознаградить державныхъ сѣятелей, если бы они не орошали ихъ человѣческой кровью и не утучняли почвы трупами ослушниковъ своей волѣ.

Сострадалецъ Христіерна, старый солдатъ видимо угасалъ, снѣдаемый чахоткою и вскорѣ узникъ на вѣки разстался съ нимъ и опять погрузился въ страшное одиночество. Онъ просилъ, чтобы ему дали хоть собаку, чтобы въ присутствіи безсловеснаго, но живаго существа найдти утѣху... ему отказали; онъ просилъ бумаги и перьевъ, но и того не дали; томимый скукою Христіернъ заговаривалъ съ тюремщикомъ, подававшимъ ему пищу черезъ оконце: тюремщикъ молчалъ, такъ какъ ему, подъ смертной казнію, было запрещено говорить съ узникомъ. Желая хоть чѣмъ нибудь пополнить тоскливое, вѣчно досужее время, Христіернъ нацарапалъ, отрощеннымъ ногтемъ, на стѣнѣ, изображеніе копенгагенскаго дворца съ отчетливостью искуснѣйшаго гравера... Годъ уходилъ за годомъ. Король Фредерикъ скончался, 29 марта 1533 года; ему наслѣдовалъ Христіанъ III. Въ двѣнадцатый годъ своего воца-

*

ренія онъ вспомнилъ объ узникѣ Зондерборгской крѣпости и озаботился о смягченіи его участи. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, въ которые Христіернъ былъ погруженъ въ мрачное раздумье, его пробудили удары въ стѣну и стукъ падающихъ камней. Торопливость каменьщиковъ ужаснула затворника и ему пришла въ голову мысль, что наступилъ его послѣдній часъ. Чувство животолюбія проснулось въ шестидесяти девяти-лѣтнемъ старцѣ, однако же преодолѣвая страхъ онъ ждалъ развязки, по видимому спокойно.

— Свобода, свобода, государь! вскричали каменьщики вбѣгая въ келью.

— Свобода? мнѣ?!

— Да; король приказалъ освободить васъ!

Нѣсколько минутъ Христіернъ стоялъ неподвижно, потомъ медленно опустился на колѣни и рыдая сталъ молиться, какъ конечно не маливался никогда въ жизни. Для предохраненія его глазъ, пріученныхъ къ сумраку тюрьмы, отъ вліянія дневнаго свѣта, Христіерну завязали глаза; посовѣтывали, во избѣжанія удушья, при выходѣ на вольный воздухъ, заслонить себѣ ротъ рукою... Такимъ образомъ вывели живаго мертвеца изъ его зондерборгской гробницы. Новымъ его мѣстопребываніемъ назначенъ былъ городокъ Каллунельборгъ на сѣверо-западной окраинѣ Зееланда, гдѣ отведенъ былъ для его жилища замокъ съ прекрасными садами и живописными окрестностями. Прогулка и охота были ему дозволены, но приставленные надзиратели отвѣчали головой за малѣйшую попытку Христіерна къ побѣгу.

Куда ему было бѣжать; кто могъ-бы принять участіе въ забытомъ, развѣнчанномъ королѣ? Однажды, гуляя, онъ спрятался отъ своихъ надзирателей въ кусты, желая подшутить надъ ними. Надѣлалъ онъ имъ тревоги и они сбились съ ногъ отыскивая мнимаго бѣглеца, который смѣясь вышелъ изъ своего убѣжища. Это была шалость, свойственная сѣдому ребенку, такъ какъ Христіернъ достигъ уже старческаго возраста, называемаго дѣтствомъ вѣчности. Онъ любилъ бесѣдовать съ сосѣдними поселянами; его занимали полевыя работы, простые разсказы о бытѣ любимаго его сословія. Девять лѣтъ прожилъ онъ въ Каллунельборгѣ, гдѣ и скончался, 4 февраля 1559 года, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду.

Елена Васильевна Глинская, государыня и великая княгиня, правительница всея Руси.—Дѣтство и отрочество царя Ивана Васильевича Грознаго.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОВЧИНА-ТЕЛЕПНЕВЪ.—ОВОЛЕНСКІЙ.—КНЯЗЬЯ ВАСИЛІЙ И ИВАНЪ ШУЙСКІЕ.—КНЯЗЬ ИВАНЪ БѢЛЬСКІЙ.—ГЛИНСКІЕ.

(1533—1547)

Послѣ смерти государя и великаго князя Василія Ивановича (4 декабря 1533 года), у насъ въ Россіи была точно такая же неурядица какъ во Франціи при Францискѣ II или въ Англіи, при Эдуардѣ VI. Именемъ наслѣдника младенца управляли царствомъ: сначала его мать, государыня Елена Васильевна Глинская, а послѣ ея смерти быстро смѣнявшіе другъ друга—временщики, бояре *крамольники*, раболѣпной угодливостью развившіе въ младенческомъ сердцѣ будущаго Грознаго порочныя наклонности, своими интригами и злодѣйствами посѣявшіе въ томъ же сердцѣ ненависть къ боярству, впослѣдствіи выразившуюся неслыханными злодѣйствами. Гонитель дворянъ, совмѣщавшій въ лицѣ своемъ должности неумолимаго судьи, а подчасъ и палача—Иванъ Грозный, подобно Христіерну II датскому и Людовику XI французскому, былъ демократъ въ душѣ и сочувствовалъ народу. Простые люди русскіе отвѣчали ему взаимностью, доказательствомъ которой служатъ во первыхъ преданія о царѣ, въ которыхъ онъ является чаще героемъ, нежели тираномъ; во вторыхъ, самое его прозвище—*грознаго*, такъ вѣрно его характеризующее. Народъ уподобилъ своего царя грозѣ божіей: она ужасомъ леденитъ сердце че-

ловѣка, но въ то же время освѣжаетъ воздухъ, оживляетъ растительность, разгоняетъ гнилостныя, удушливыя испаренія. — Такъ понималъ русскій народъ своего царя Ивана Васильевича, но это уподобленіе его божьей грозѣ, при всей своей поэтической красотѣ, не выдерживаетъ суда потомства. Божій громъ, ударяя въ жилье, хотя нерѣдко зажигаетъ его, но дождь неизмѣнный спутникъ грозы заливаетъ пожаръ, напоминая людямъ пословицу: гдѣ гнѣвъ тутъ и милость;—грозы же Ивана Васильевича были грозами сухими или сопровождались кровавыми дождями и разливами кровавыхъ рѣкъ; онѣ щадили избы простаго народа, но никогда не миновали домовъ боярскихъ, даже церкви божіей въ лицѣ мученика, митрополита Филиппа. Чтобы добраться до двухъ, трехъ крамольниковъ, царь Иванъ Васильевичъ истреблялъ бояръ цѣлыми сотнями, изъ за одной нечистой овцы рѣзалъ все стадо; ради истребленія одного куста куколя—выжигалъ цѣлую ниву... Не плахами, не висѣлицами упрочивается самодержавіе, какъ это дѣлалъ Грозный—но милостями и благодѣяніями; сила царя всегда должна быть въ любви народной. Сердце царево въ рукѣ божіей, говоритъ Писаніе, Богъ-же есть любовь!,..

Царь Иванъ Васильевичъ выросъ на престолѣ—наслѣдуя его трехъ лѣтъ послѣ отца; шапку Мономаха держали надъ нимъ: Елена Глинская и верховная Боярская Дума, въ которой засѣдали дяди государевы и двадцать знатнѣйшихъ бояръ. Такъ по завѣщанію покойнаго государя Василія Ивановича было организовано правленіе царствомъ... скажемъ лучше: *должно было быть* организовано, на самомъ же дѣлѣ правителями государства были: Елена, дядя ея Михаилъ Глинскій и ея возлюбленный, князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Матери царя-младенца своимъ и его именемъ предоставлено было рѣшать дѣла внутреннія; Дума рѣшала его именемъ дѣла внѣшнія.—Не ждалъ народъ русскій добра отъ этихъ новыхъ порядковъ, чуя здравымъ умомъ и любящимъ сердцемъ грядущія распри и неурядицы.

Предавъ тѣло Василія Ивановича землѣ, въ Архангельскомъ Соборѣ, правители, бояре и духовенство поспѣшили въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ благословилъ младенца-царя властвовать

надъ Россiею, отдавая отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Во всѣ предѣлы царства были разосланы гонцы-чиновники, для приведенiя народа къ присягѣ, принесенной единогласно и единодушно. Однако же, стоустая молва предупредила гонцевъ и разнесла по всѣмъ концамъ Руси, что государыня Елена Васильевна—глазами князя Оболенскаго видитъ, его ушами слышитъ; что онъ, не токмо по ней первое лице, но чуть ли и не повыше ея самой; что князь, да сестра его, няня царя и брата его, царевича Юрiя, боярыня Аграфена Өедоровна Челяднина, всѣмъ при дворѣ управляютъ и своевольничаютъ, будто чѣмъ государыню приворожили... Эта ворожба заключалась въ связи князя Ивана Өедоровича съ правительницей; связи, при которой боярыня-сестрица играла весьма неприличную роль свахи. Эта интрига—явленiе весьма обыкновенное въ западныхъ государствахъ того времени, у насъ на Руси было рѣдкостью, чтобы не сказать, небывальщиной. Великiя княгини, до Елены Глинской, были въ глазахъ народа образцами цѣломудрiя, стыдливости и всѣхъ добродѣтелей женскихъ; русскiй народъ, не вѣдая словъ Юлiя Цесаря о Кальпурнiи — всегда говорилъ о своихъ государыняхъ его фразу: „супруга царя—внѣ подозрѣнiй!" Древнiе наши государи и цари, до временъ Петра Великаго, избирали себѣ супругъ изъ боярскихъ фамилiй, но избранницы эти бывали всегда совершенствомъ въ физическомъ и моральномъ отношенiяхъ, однако же дочери великокняжескiя и царскiя за бояръ не выходили, а ужъ и того менѣе, связью съ ними себя не позорили. Елену Васильевну, какъ видно, не удержали отъ грѣха ни стыдъ, ни титулъ правительницы, ни имя вдовы государевой: бѣглая литвинка литвинкой и осталась и, вмѣстѣ съ сердцемъ, отдала князю Оболенскому въ руки и судьбу сына и почти что державу царскую. Всѣ послѣдующiя событiя были дѣлами этого временщика, фаворита Елены Глинской.

Ровно черезъ недѣлю по принесенiи народомъ присяги (11 декабря) старшiй дядя государя, князь дмитровскiй, Юрiй Ивановичъ, вмѣстѣ со своими боярами, былъ заточенъ въ темницу, ту самую, въ которой при Иванѣ III былъ задушенъ или уморенъ голодомъ внукъ его, Димитрiй. За что князь Юрiй подвергся опалѣ? объ этомъ въ нашихъ лѣтописяхъ существуетъ два сказанiя:

одно обвиняетъ, другое оправдываетъ князя. По первому онъ, на другой же день присяги младенцу-племяннику подсылалъ дьяка своего, Тишкова, къ князю Андрею Шуйскому, чтобы уговорить его перейдти къ себѣ на службу и способствовать возведенію его на престолъ. Шуйскій донесъ о томъ князю Борису Горбатому; тотъ—Еленѣ, а Елена, созвавъ боярскую думу, приказала ей дѣйствовать по закону. По другому сказанію, Андрей Шуйскій оклеветалъ Юрія, чуждаго всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, и это сказаніе всего вѣроятнѣе, такъ какъ Андрей Шуйскій, заточенный въ тюрьму, могъ сдѣлать извѣтъ на князя Юрія, въ надеждѣ заслужить милость и прощеніе... Всего же вѣрнѣе, дядя государевъ былъ помѣхою Еленѣ и князю Оболенскому и въ ихъ самоуправствѣ и нѣжныхъ отношеніяхъ, сдѣлавшихся окончательно чуть не явными. Участь Юрія ужаснула боярскую думу и возбудила въ ней ропотъ, а въ народѣ жалость. Бывшіе съ войсками въ Серпуховѣ князь Симеонъ Ѳедоровичъ Бѣльскій и окольничій Иванъ Лятцкій — бѣжали въ Литву и передались Сигизмунду. Слѣдствіемъ этой измѣны были новыя жестокости правительницы: князь Воротынскій съ сыновьями и братъ Симеона Бѣльскаго, Иванъ, членъ верховнаго совѣта были схвачены въ Коломнѣ, за сообщество будто бы съ измѣнниками привезены въ Москву и посажены въ темницы; опала правительницы не пощадила роднаго ея дядю, Михаила Глинскаго и ближняго боярина, Михаила Семеновича Воронцова: Глинскій былъ заточенъ въ темницу, Воронцовъ удаленъ отъ двора. Эти вельможи были двумя, совершенно невинными жертвами, принесенными Еленою Глинскою своему князю Оболенскому. Старикъ дядя не давалъ ей покоя, укоряя ее постоянно за неприличное поведеніе, требуя разрыва съ фаворитомъ и удаленія его отъ занимаемыхъ должностей. Страсть заглушила въ Еленѣ Глинской чувства родства и уваженія къ старику дядѣ: не довольствуясь его заточеніемъ, она въ угоду Оболенскому приказала уморить Михаила Глинскаго голодомъ... Характеръ правленія принималъ кровавый оттѣнокъ тираніи, возмутительной тѣмъ болѣе, что она проявлялась въ женщинѣ, руководимой любовникомъ. Боярская дума значительно убыла, за то увеличилось число узниковъ и эмигрантовъ. Братъ князя Юрія,

Андрей—князь старицкій, страшась подвергнуться одинаковой съ нимъ участи уѣхалъ въ свой удѣлъ, ропща и негодуя на правительницу, о чемъ услужливые наушники ей исправно доносили. 26 августа 1536 года, князь Юрій скончался въ темницѣ, т. е. подобно Михаилу Глинскому былъ уморенъ голодомъ. Князь Андрей, извѣщенный объ этомъ, со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Старицы и сдѣлавъ привалъ въ шестидесяти отъ нея верстахъ рѣшился собрать войско и свергнувъ правительницу занять ея мѣсто... можетъ быть, даже, и мѣсто государя-племянника. Къ областнымъ дѣтямъ боярскимъ онъ разослалъ граматы, призывая ихъ къ себѣ на службу и побуждая свергнуть ненавистное иго боярской думы: „великій князь—младенецъ; не ему, а боярамъ вы служите!“ говорилъ Андрей въ своихъ граматахъ. Онѣ сдѣлали свое дѣло: многіе изъ боярскихъ дѣтей приняли сторону мятежника; другіе, болѣе предусмотрительные, препроводили возмутительныя граматы въ Москву. Правительница приняла рѣшительныя мѣры: въ Новгородъ, съ сильнымъ гарнизономъ былъ отправленъ князь Никита Оболенскій, а Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ со своей дружиной пустился въ погоню за Андреемъ, котораго и настигъ въ Тюхоли, за Старой Русой. Войска встали другъ къ другу лицомъ къ лицу, приготовились къ битвѣ и въ эту самую рѣшительную минуту недавняя отважность князя Андрея смѣнилась малодушіемъ и онъ смиренно вступилъ съ Телепневымъ въ переговоры, требуя отъ него клятвы, что въ случаѣ сдачи въ плѣнъ, ему мстить не будутъ... Клятву эту Телепневъ далъ ему и привезъ князя въ Москву. Елена строго выговоривъ своему любимцу за своевольную дачу клятвы, въ противность ей, велѣла оковать и заключить Андрея; семейство его посадить подъ стражу; бояръ его и совѣтниковъ немилосердно пытать—наконецъ, тридцать дѣтей боярскихъ, взявшихъ его сторону, перевѣшать вдоль по новгородской дорогѣ въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Полгода томился Андрей въ тюрьмѣ, гдѣ былъ тайно удавленъ, по повелѣнію той же великодушной Елены Глинской. Современница Франциска I, Генриха VIII, Карла V и Солимана II, она, хотя и слабая женщина, не уступала имъ въ жестокосердіи...

Но самое это жестокосердіе и совершенное отсутствіе сострадания

къ ближнимъ, не мѣшали Еленѣ Глинской быть нѣжною, дѣтски уступчивою и женственно сладострастною въ объятьяхъ князя Телепнева... Въ нихъ находила она самый приличный для себя отдыхъ отъ казней и злодѣйствъ.

Ужасая дворянство и народъ своими жестокостями, явными и тайными; возбуждая въ нихъ справедливое негодованіе своимъ распутствомъ, наша литовско-русская Мессалина, выказывала много ума и такта во внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдними державами. Она подтвердила дружественные договоры Россіи со Швеціей, Ливоніей, Молдавіей, царствомъ Астраханскимъ и князьями Ногайскими; въ послѣдній годъ своего правленія сносилась дружественно съ императоромъ Карломъ V и братомъ его Фердинандомъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ; вела успѣшныя войны съ Крымомъ и Литвою (1534). Подвиги нашихъ воеводъ: Пункова, Гатева, Немирова, Лавина, Кашина, князей Ѳедора Мезецкаго и Никиты Оболенскаго—не могутъ быть забыты исторіей, а нашествіе князя Телепнева на Литву (въ октябрѣ и ноябрѣ 1534 г.) снискало и ему—если репутацію не даровитаго полководца, то по крайней мѣрѣ отличнаго рѣзаки, зажигателя и грабителя. Говоримъ это ему не въ упрекъ: безполезная рѣзня, пожаръ, грабежъ и насиліе были неизмѣнными спутниками войнъ не только въ шестнадцатомъ столѣтіи, но и гораздо, гораздо позже. Князь Телепневъ, какъ бы желая оправдать избытокъ милостей къ себѣ Елены Глинской, принималъ также дѣятельное участіе и въ послѣдующихъ нашихъ войнахъ съ литовцами и крымцами. 29 августа 1535 года отличился братъ временщика Ѳедоръ Телепневъ, при осадѣ литовцами Стародуба, хотя и попалъ въ плѣнъ съ княземъ Сицкимъ. Этотъ плѣнъ послужилъ на пользу Литвѣ и Россіи при заключеніи между ними перемирія, въ 1537 году.

Пользуясь неограниченнымъ расположеніемъ правительницы, князь Телепневъ-Оболенскій главенствовалъ въ правленіи и, какъ человѣкъ предусмотрительный, вкрался въ довѣренность юнаго царевича Ивана и снискалъ его любовь и искреннюю пріязнь. На дворянъ и бояръ онъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, издѣваясь надъ ихъ безсильнымъ гнѣвомъ, горделиво попирая подъ ногами тѣхъ изъ нихъ, которые передъ нимъ пресмыкались. Народъ воз-

ненавидѣлъ и его и Елену; послѣдняя, желая ханжествомъ воротить себѣ утраченную любовь народную и задобрить общественное мнѣніе—строила храмы, ѣздила по монастырямъ... но, этимъ лицемѣріемъ она возбуждала къ себѣ только пущее презрѣніе. Князь Телепневъ, надменный съ боярами, не имѣлъ на столько такта, чтобы прилично держать себя въ отношеніи Елены: постоянно сопутствуя ей въ ея разъѣздахъ по обителямъ, онъ останавливался въ однихъ съ нею покояхъ, садился въ одну колымагу, даже при богослуженіи становился рядомъ съ нею; малолѣтняго царя Ивана и царевича Юрія ласкалъ—какъ добрый вотчимъ ласкаетъ пасынковъ... Мѣсто правителя царства, которое князь Иванъ Ѳедоровичъ занималъ при жизни Елены Глинской, по его мнѣнію, было упрочено за нимъ и въ случаѣ ея смерти. Задобрить народъ—не велика хитрость; бояре, которые, теперь—тише воды, ниже травы, тогда не осмѣлятся вымолвить слово, тѣмъ болѣе, что царь подростаетъ и первымъ по немъ, конечно, пребудетъ князь Оболенскій.

Расчеты временщика оказались однако же воздушными замками. Заслужить любовь войска—онъ ее заслужитъ; задобрить народъ—онъ могъ бы его задобрить... но онъ ошибся въ сужденіяхъ о боярахъ; онъ позабылъ, что согнутая олигархія, въ случаѣ переворота, тѣмъ стремительнѣе воспрянетъ, чѣмъ болѣе онъ теперь ее гнетъ.

Третьяго апрѣля 1538 года, правительница проснулась въ свой обычный часъ, занималась дѣлами, была свѣжа какъ весеннее утро и не жаловалась ни на скуку, ни на нездоровье. Въ первомъ часу полудня ей сдѣлалось дурно: дышавшее молодостью и красотою лице—исказилось, дрожь и судороги начали пробѣгать по стройному ея тѣлу и чрезъ часъ, не взирая на помощь врачей она скончалась — *отъ яду*, какъ справедливо замѣчаетъ Герберштейнъ ([1]). Пораженный ужасомъ князь Телепневъ, его сестра боярыня Аграфена Челяднина и восьмилѣтній царь Иванъ Васильевичъ, рыдая стояли у смертнаго одра правительницы и вопли ихъ глухо и безотвѣтно раздавались подъ сводами царской опочиваль-

---

(1) Rer. Moscovit. Comm. 80.

ни... бояре молчали не высказывая ни жалости къ покойницѣ, ни уваженія къ ея сыну, ни недавняго страха къ ея любимцу. Елену, въ самый день смерти, похоронили въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; въ теченіе недѣли глубокое безмолвіе и затишье, предвѣщавшее бурю, царило при дворѣ. Толпы бояръ, живыя волны— готовыя поглотить временщика, а съ нимъ вмѣстѣ можетъ быть и царя отрока, извергли наконецъ, изъ своей пучины, боярина Василія Васильевича Шуйскаго, потомка князей суздальскихъ, бывшаго членомъ совѣта еще при покойномъ супругѣ Елены Глинской и подозрѣваемаго въ ея отравленіи. Онъ объявилъ себя правителемъ царства и опекуномъ царя Ивана и началъ свое правленіе тѣмъ, что велѣлъ заковать князя Телепнева и сестру его, Челяднину: ни того, ни другую не охранили отъ насилія даже объятія державнаго отрока, изъ которыхъ ихъ исторгли; Шуйскій не обратилъ вниманія ни на слезы, ни на мольбы царя Ивана... Это былъ не арестъ, но прямой разбой и самое неуважительное къ царю безчинство. Боярыня Челяднина была пострижена въ монахини въ отдаленномъ каргопольскомъ монастырѣ; князя Ивана Ѳедоровича Телепнева-Оболенскаго уморили голодомъ. Адскія муки этой смерти, испытанныя четыре года тому назадъ его жертвами: Михаиломъ Глинскимъ и княземъ Юріемъ Ивановичемъ, суждено было извѣдать ему самому. Василій и Иванъ Шуйскіе встали во главѣ правительства; вмѣсто одного временщика ихъ явилось двое, и вдвое хуже прежняго стало Думѣ, государству и самому царю. Въ угоду родственнику Іоанна, князю Димитрію Ѳедоровичу Бѣльскому, временщики, освободивъ изъ темницы брата его Ивана, допустили его къ занятію прежней должности въ Думѣ. Василій Шуйскій, желая упрочить за собою мѣсто правителя, будучи вдовъ, имѣя болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, женился на молоденькой княжнѣ Анастасіи, дочери казанскаго царевича Петра, въ полной увѣренности, что его своевольству не будетъ конца ни предѣла. Къ счастію для царства, Василій Шуйскій властвовалъ только шесть мѣсяцевъ и умеръ, вѣроятно отравленный, въ октябрѣ того же 1538 года. Это полугодіе было ознаменовано подвигами наглости безпримѣрной и совершеннаго забвенія законовъ божескихъ и человѣческихъ. Князь Иванъ Бѣльскій, митрополитъ Даніилъ и дво-

рецкій Михаилъ Тучковъ, вмѣстѣ съ другими вельможами, негодуя на временщиковъ, рѣшился ослабить ихъ власть въ пользу законной, царской. Иванъ Бѣльскій непосредственно просилъ царя дать чинъ боярина князю Булгакову-Голицыну и санъ окольничаго сыну Хабара-Симскаго. Узнавъ объ этомъ, Шуйскіе на первомъ же засѣданіи Боярской Думы, напустились на Бѣльскаго съ укоризнами и бранью, упрекая въ неблагодарности. Какъ бы въ подтвержденіе справедливости этихъ упрековъ, братья Шуйскіе опять заточили Ивана Бѣльскаго въ темницу, приверженцевъ его разослали по деревнямъ, а дьяку Ѳедору Мишурину, послѣ жестокихъ пытокъ, отрубили голову! Всѣ эти приговоры были утверждены Шуйскими и Думой безъ вѣдома царя Ивана, даже не его именемъ. Этими подвигами Василій Шуйскій закончилъ свое земное поприще — умеръ, какъ мы говорили, передавъ присвоенную самодержавную власть брату своему, Ивану. Продолжая мстить врагамъ своимъ, новый глава царства, превращеннаго въ олигархическую республику, свергнулъ митрополита Даніила, замѣнивъ его игуменомъ Троицко-Сергіевской лавры, Іосифомъ Скрыпицынымъ. Грубъ и наглъ былъ Василій Шуйскій, но Иванъ его превзошелъ, являя въ своей гнусной особѣ даже не типъ временщика, но просто чванливаго холопа, грабящаго малолѣтняго барина и еще хвалящагося своимъ нахальствомъ. Иванъ Шуйскій, входя въ опочивальню царя Ивана, никогда не стоялъ передъ нимъ, а садился облокачиваясь на постель или закидывая ноги на ближайшую скамью; грабилъ казну и народъ, безъ зазрѣнія совѣсти; въ намѣстники назначалъ своихъ клевретовъ, давая имъ право творить что имъ ни заблагоразсудится... Такъ князь Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій ограбили Псковъ до тла, не хуже набѣглыхъ татаръ былаго времени. Внутренняя неурядица не могла не привлечь въ русскіе предѣлы нашихъ давнишнихъ враговъ татаръ, крымскихъ и казанскихъ. Саипъ-Гирей, ханъ крымскій дерзскими граматами угрожалъ царю Ивану, издѣваясь надъ его молодостью и безсиліемъ и Шуйскій не постыдился вступить съ нимъ въ соглашенія, обѣщая не воевать съ царемъ казанскимъ, его союзникомъ. Пользуясь этимъ, казанцы вторгались въ области Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи,

Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки и Перми: выжигали города и села, грабили храмы и монастыри, пытали священниковъ, насиловали монахинь, увѣчили и уводили въ неволю жителей... А Дума Боярская молчала и по собственному выраженію: „не двигала ни волоса“ для отраженія союзниковъ разбойника, Саипъ-Гирея. Въ сношеніяхъ съ европейскими державами достоинство царства русскаго унижено не было, но могъ ли утѣшаться этимъ народъ-страдалецъ, изъ подъ рукъ малолѣтняго царя угнетаемый злодѣемъ-правителемъ.

Въ 1540 году въ правительствѣ произошелъ переворотъ, сравнительно, къ лучшему: бояре столкнули Ивана Шуйскаго съ высокаго, имъ занимаемаго мѣста. Митрополитъ Іоасафъ, со многими боярами, послѣ ходатайства предъ юнымъ царемъ за Ивана Бѣльскаго, царскимъ именемъ освободили узника изъ темницы и посадили на мѣсто прежде имъ занимаемое въ Думѣ. Воображая, что царь промѣняетъ на него всю партію недовольныхъ, желая устрашить его, Иванъ Шуйскій съ того же дня, оставивъ всѣ дѣла удалился изъ Думы... Его никто не удерживалъ и, такимъ образомъ, партія Бѣльскихъ торжествовала. Внезапное свое возвышеніе (чтобы не сказать *воцареніе*) Бѣльскій ознаменовалъ многими благодѣтельными преобразованіями. Уволивъ Андрея Шуйскаго, грабителя и обидчика, отъ должности намѣстника въ Псковѣ, онъ возстановилъ въ этомъ древнемъ городѣ судъ присяжныхъ или *цѣловальниковъ*, рѣшавшій дѣла независимо отъ воли намѣстника; освободилъ царскаго двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, вмѣстѣ съ его матерью, заключенныхъ еще Еленою Глинскою; облегчилъ тяжкую участь другаго полудержавнаго узника, Димитрія Андреевича Углицкаго, внука Василія Темнаго. Эти истинно добрыя дѣла Иванъ Бѣльскій затмилъ однако же ходатайствомъ своимъ за своего брата Симеона, бѣглеца и переметчика. Симеонъ не воспользовался впрочемъ прощеніемъ русскаго царя, предпочитая возврату на родину позорное служеніе въ рядахъ крымскаго хана Саипъ-Гирея, угрожавшаго вторженіемъ въ наши предѣлы, приглашая къ себѣ въ союзники и царя казанскаго. Нашествіе крымцевъ произошло лѣтомъ 1541 года. Саипъ-Гирей, съ измѣнникомъ Симеономъ Бѣльскимъ и без-

численной ратью, перешелъ Донъ и 28 іюля осадилъ Зарайскъ, отъ котораго былъ отраженъ воеводою Назаромъ Глѣбовымъ. Русскія дружины, расположенныя на берегахъ Оки, поджидали непріятеля; въ Москвѣ происходили молебствія о дарованіи намъ побѣды; одиннадцати-лѣтній царь Иванъ объявилъ боярской Думѣ о намѣреніи своемъ встать во главѣ своихъ воиновъ, однако же уступилъ благоразумнымъ совѣтамъ митрополита и остался въ Москвѣ, приведенной въ оборонительное положеніе и готовившейся къ осадѣ. Небывалое единодушіе господствовало въ дружинахъ царскихъ: воеводы, позабывъ свое мѣстничество, распри и личные расчеты дали другъ другу слово, крѣпко постоять за царя и утвердили договоръ клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ. Іюля 30-го ханъ показался на берегахъ Оки и занялъ нагорья; луговой берегъ защищенъ былъ передовыми дружинами князей—Ивана Турунтая Пронскаго и Василія Охлебина Ярославскаго. Они съ помощью подоспѣвшихъ запасныхъ полковъ, отразили крымцевъ, принудивъ ихъ отказаться отъ переправы и искать спасенія въ бѣгствѣ. Послѣ трехдневной неудачной осады Пронска (съ 3 по 6 августа) Саипъ-Гирей бѣжалъ окончательно изъ предѣловъ царства русскаго, гонимый нашими воеводами.

Когда мужественныя дружины возвратились въ Москву, столица встрѣтила ихъ съ почестями; царь, заливаясь слезами благодарилъ воеводъ, на что они отвѣчали ему:

— Государь, мы одолѣли врага твоими *ангельскими* молитвами и твоимъ *счастіемъ*!

Недавнее бѣдствіе, угрожавшее царству, смирило гордецовъ, сблизило соперниковъ и въ сердцахъ бояръ-крамольниковъ пробудило чувства любви къ царю и родинѣ... Это благодатное настроеніе умовъ было, однако же, не продолжительно: крута гора да забывчива!

Вознесенный боярами, по милости доброхотствовавшаго ему митрополита, Иванъ Бѣльскій, не только пощадилъ соперника своего Шуйскаго, но даже далъ ему воеводство, въ надеждѣ окончательно побѣдить его великодушіемъ. Дорого поплатился Бѣльскій за эту ошибку. Пользуясь мягкосердіемъ Бѣльскаго и его благороднымъ довѣріемъ, Иванъ Шуйскій составилъ заговоръ къ низверженію

его и митрополита. Сторону крамольника приняли князья Кубенскіе (Михаилъ и Иванъ), Димитрій Палецкій и казначей Третьяковъ; къ нимъ вскорѣ присоединились многіе бояре въ Москвѣ и другихъ областяхъ, особенно въ Новгородѣ. Начальствуя войсками, Шуйскому не трудно было и ихъ привлечь къ себѣ. Отдѣливъ триста всадниковъ, злодѣй прислалъ ихъ въ Москву вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Петромъ, въ помощь своимъ клевретамъ на случай возстанія. Бунтъ вспыхнулъ въ Кремлѣ, въ ночь на 3 января 1542 года. Вторгнувшіеся въ домъ Ивана Бѣльскаго, заговорщики захватили его и преданныхъ ему, Хабарова и князя Щенятева; градомъ каменьевъ осыпали окна дома митрополитова и едва не умертвили Іоасафа, бѣжавшаго въ Троицкое подворье, оттуда во дворецъ, къ царю Ивану... Отрокъ, пробужденный воплями мятежниковъ и стукомъ оружія, заливаясь слезами, дрожалъ всѣмъ тѣломъ! Бояре ворвались въ царскіе покои, схватили Іоасафа и отправили въ ссылку въ Кириловъ бѣлорусскій монастырь; велѣли священникамъ храмовъ кремлевскихъ, за три часа до свѣта, служить заутреню; всполошили весь городъ — отъ царя до послѣдняго нищаго. На разсвѣтѣ Иванъ Шуйскій, прибывъ изъ Владиміра и занявъ прежнее мѣсто правителя, сталъ немедленно чинить судъ и расправу: князя Ивана Бѣльскаго сослалъ на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Чутко прислушиваясь къ народному говору, временщикъ услышалъ сѣтованія объ участи Бѣльскаго: опасаясь движенія въ его пользу, Шуйскій послалъ въ Бѣлоозеро трехъ убійцъ, покончить съ нимъ, и съ Бѣльскимъ *покончили*...

Дума боярская безмолвствовала, покорная Шуйскому; церковь два мѣсяца оставалась безъ архипастыря, еще не избраннаго на мѣсто Іоасафа; выборъ Шуйскаго палъ, наконецъ, на преданнаго ему архіепископа новгородскаго, Макарія. На воеводства, какъ и въ прежнее время, посажены были клевреты и приверженцы Шуйскаго; опять пошли грабежи, притѣсненія народа, словомъ, царило безначаліе, но вмѣстѣ съ тѣмъ занималась и заря перемѣны въ правленіи. Временщикъ дряхлѣлъ, а царь Иванъ Васильевичъ изъ отроковъ становился юношею. Первый удалился отъ дѣлъ, сдавъ ихъ на попеченіе своимъ родственникамъ Шуйскимъ же: Ивану и

Андрею Михайловичамъ и Θедору Ивановичу Скопину. Иной умирающій временщикъ напоминаетъ гидру - на мѣсто одной отрубленной своей головы, порождающей десять новыхъ; такъ вмѣсто одного Шуйскаго явилось ихъ трое. Возникла партія недовольныхъ, душою которой былъ совѣтникъ думы Θедоръ Семеновичъ Воронцовъ, любимый царемъ и ненавидимый Шуйскими. Съ нимъ они обошлись точно также, какъ Иванъ Шуйскій съ Бѣльскимъ. На одномъ изъ засѣданій думы въ присутствіи царя и митрополита, крамольники, поддерживаемые Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, стали въ глаза Воронцову возводить на него оскорбительныя небылицы и послѣ жестокаго спора, съ площадной бранью бросились на него, поволокли въ сосѣднюю комнату и тамъ хотѣли умертвить. Царю едва удалось вымолить ему пощаду; тогда Шуйскіе приказали стащить его въ темницу. Царь послалъ къ нимъ бояръ и митрополита *просить* оставить Воронцова на службѣ въ Москвѣ. Крамольники отвѣчали грубостями, отказомъ, а одинъ изъ ихъ клевретовъ, Θома Головинъ, заспоривъ съ митрополитомъ, порвалъ на немъ мантію! Эти безобразія переполнили мѣру терпѣнія въ тринадцатилѣтнемъ Іоаннѣ и зажгли въ его сердцѣ ту неугасимую ненависть къ олигархамъ, которую впослѣдствіи не въ состояніи были залить цѣлыя рѣки боярской крови. Возросшій на рукахъ разврата, Иванъ Васильевичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ порочныя наклонности и дикую лютость. Забава охотою развила въ немъ равнодушіе къ страданіямъ живыхъ существъ, видъ крови производилъ на него сладостное впечатлѣніе. Льстецы хвалили его за шалости, за которыя всякій умный наставникъ строго взыскиваетъ съ питомца, кто бы онъ ни былъ. Царь истязалъ щенковъ, котятъ, наслаждаясь ихъ визгомъ, а хоръ придворной челяди хвалилъ его изобрѣтательность на муки; царь, разъѣзжая верхомъ по московскимъ улицамъ, топталъ подъ копытами своего коня дѣтей и женщинъ—и тѣ же бояре славили его молодечество, не понимая, что молодой тигръ пробуетъ и остритъ свои когти, чтобы впослѣдствіи лучше терзать тѣхъ же льстецовъ, недальновидныхъ пѣстуновъ и потатчиковъ. Такъ развивалось сердце Ивана Васильевича; объ образованіи его ума, отъ природы обширнаго—не

говоримъ: невѣжество, въ которомъ умышленно заставляли его коснѣть крамольники, было ихъ надежнымъ союзникомъ во всѣхъ козняхъ и проискахъ.

Отъ партіи боярской мало по малу стали отдѣляться приверженцы единодержавія. Дяди царя, Глинскіе, Юрій и Михайло Васильевичи, непрестанно внушали племяннику, что пришла ему пора обявить себя самодержцемъ, свергнуть иго боярское и съ себя и съ угнетаемаго народа; что вся Русь ждетъ его призывнаго клика, чтобы возстать на временщиковъ и разнести ихъ въ прахъ. Совѣты эти не пропали даромъ. На Рождествѣ 1543 года, именно 29 декабря, былъ пиръ во дворцѣ, на которомъ присутствовали вельможи и бояре. Здѣсь царь Иванъ Васильевичъ объявилъ имъ свой гнѣвъ и исчислилъ всѣ ихъ проступки противъ него и царства; въ заключеніе приказалъ казнить, по его мнѣнію виноватѣйшаго изъ всѣхъ—Андрея Шуйскаго. Его, въ ту же минуту, вывели изъ царскихъ покоевъ и отдали на растерзаніе псарямъ. Эта первая жертва ярости царя Ивана была съ восторгомъ принята озлобленнымъ народомъ. Затѣмъ всѣхъ клевретовъ Шуйскихъ разослали по отдаленнымъ мѣстамъ, заточили въ темницы; Аѳонасію Бутурлину урѣзали языкъ; временщикамъ, именемъ царскимъ, объявлена опала. Стоя укрѣпленнымъ лагеремъ подъ Коломною, царь тѣшась охотою, былъ остановленъ пятьюдесятью новгородскими пищальниками, желавшими принести ему какую-то жалобу; онъ приказалъ ихъ разогнать—они заупрямились; приближенные царя употребили силу и десять человѣкъ легло на мѣстѣ. Въ этомъ Иванъ Васильевичъ заподозрилъ заговоръ и поручилъ дьяку Василію Захарову изслѣдовать дѣло. Захаровъ, приверженецъ Глинскихъ, сообщилъ царю, что новгородцевъ къ мятежу подстрекнули князь Кубенскій, Ѳедоръ и Василій Воронцовы. Не разобравъ, дѣйствительно ли они виноваты, царь приказалъ казнить ихъ и 21 іюля 1546 года всѣ трое были обезглавлены. Побуждая царя къ жестокостямъ, Глинскіе ни мало не заботились (хотя и говорили) объ утвержденіи единовластія; они свергли Шуйскихъ затѣмъ, чтобы занять ихъ мѣсто.

Лѣтомъ 1546 года, подъ предлогомъ ближайшаго ознакомленія съ бытомъ народнымъ, царь ѣздилъ съ огромной свитой и

братьями своими: роднымъ — Юріемъ Васильевичемъ и двоюроднымъ — Владиміромъ Андреевичемъ, по разнымъ областямъ своего царства. Эта прогулка окончательно разорила посѣщенныя Иваномъ Васильевичемъ области, отнявъ у жителей послѣднія крохи; для охоты вырубали лѣса, вытаптывали нивы, потравляли луга... Видѣлъ народъ, что хотя бояре и угомонились, да царь-то не больно о немъ радѣетъ и на тоску и нужду народную рукой махнулъ. Самые терпѣливые упали духомъ и перестали ждать себѣ добра, даже и отъ новыхъ порядковъ.

Царю исполнилось 16 лѣтъ, 25 августа 1546 года. Въ половинѣ декабря, по совѣщаніи съ митрополитомъ, онъ объявилъ боярамъ о намѣреніи своемъ приступить къ обряду священнаго коронованія на царство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступить въ брачный союзъ, но не съ иноземкою, а съ дѣвицею изъ русскаго, боярскаго рода, такъ какъ „въ младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могъ не сойтись нравомъ съ женою иной страны.“ Января 16 го, 1547 года Иванъ Васильевичъ вѣнчался *царскимъ* вѣнцомъ въ Успенскомъ соборѣ, съ пышностью и торжествомъ невиданными; а 13 февраля вѣнчался вѣнцомъ брачнымъ съ дочерью вдовы Захарьиной — кроткою, благочестивою Анастасіею Романовною. Послѣ пировъ и ликованья, новобрачные ходили въ Троицко-Сергіевкую Лавру, гдѣ провели всю первую недѣлю поста, молясь надъ гробомъ Св. Сергія.

Однако же ни молитвы въ стѣнахъ монастырскихъ, ни бесѣды съ пастырями, ни кроткія убѣжденія супруги не смягчали ожесточеннаго сердца юнаго государя. Тяготясь дѣлами онъ жаждалъ праздности и забавъ; власть свою проявлялъ не въ милостяхъ, а въ жестокостяхъ; бояръ ненавидѣлъ, но слушался Глинскихъ, которые, пользуясь родствомъ съ государемъ, безнаказанно угнетали народъ и своевольничали не хуже Шуйскихъ. Челобитчиковъ до царя не допускали; если же бывали смѣльчаки, дерзавшіе жаловаться на притѣсненія, царь жестоко ихъ наказывалъ, называя мятежниками. Бояре молчали, цѣлые сотни шутовъ и скомороховъ забавляли царя своими глупыми играми, а льстецы восхваляли его мудрость. Кроткая Анастасія видя, что она безсильна въ великомъ

дѣлѣ исправленія царя, молилась Богу, чтобы онъ просвѣтилъ Ивана Васильевича и смягчилъ его ожесточенное сердце.

Пожаръ Москвы озарилъ царю ту бездну пороковъ, въ которой онъ утопалъ; желѣзное его сердце размягчилось при видѣ пламени, расплавившаго колокола столичныхъ церквей и до бѣла раскалившаго ихъ златокованныя главы.

Изо дня въ день, черезъ три мѣсяца послѣ бракосочетанія царя Ивана Васильевича, 12 апрѣля 1547 года, вспыхнулъ пожаръ въ Китаѣ-городѣ, истребившій въ нѣсколько часовъ тамошнія лавки, казенные гостиные дворы и множество домовъ, отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ и вмѣстѣ съ рухнувшею городскою стѣною обломками запрудилъ рѣку. Черезъ недѣлю огонь обратилъ въ пепелъ всѣ улицы за Яузою, населенныя гончарами и кожевниками. Оба эти пожара были предтечами третьяго—страшнѣйшаго и, по сказаніямъ лѣтописей, безпримѣрнаго ([1]). Въ полдень 21 іюня, при сильной бурѣ и жестокомъ вихрѣ начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, въ церкви Воздвиженія. Рѣкою разливаясь по улицамъ, огонь достигъ Кремля, Китай-города и Большаго Посада. Вся Москва превратилась въ костеръ, пылавшій подъ тучами густаго, удушливаго дыма. Деревянные дома обращались въ золу; каменные распадались въ известь; желѣзо рдѣло, колокольная мѣдь таяла и лилась какъ воскъ. Съ ревомъ бури сливались отчаянные вопли народа, грохотъ пороховыхъ взрывовъ и клокотанье неукротимаго пламени, пожиравшаго царскія палаты, казну, сокровища, оружія, иконы, хартіи, книги, гробы съ мощами святыхъ. Митрополитъ, страшно изувѣченный, едва могъ выбѣжать изъ Успенскаго собора и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Пожаръ утихъ къ тремъ часамъ ночи по недостатку дальнѣйшей для себя пищи! До двухъ тысячъ человѣкъ, кромѣ младенцевъ, погибло въ пламени и на мѣстѣ Москвы лежали груды дымящихся развалинъ. Царь съ своимъ семействомъ оставался на Воробьевыхъ горахъ, откуда ему видно было зарево, но куда не достигали стоны погорѣльцевъ.

([1]) Пожаръ 1812 года въ сравненіи съ нимъ то же, что ручей въ сравненіи съ рѣкою.

Пользуясь скорбнымъ и раздраженнымъ состояніемъ духа въ народѣ, царскій духовникъ Ѳеодоръ, князь Скопинъ-Шуйскій, бояринъ Ѳедоровъ, князь Темкинъ, Нагой и дядя царицы Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, желая свергнуть ненавистныхъ Глинскихъ, подстрекнули народъ къ мятежу. Когда на другой день пожара, царь посѣтилъ митрополита въ монастырѣ Новоспасскомъ, туда явился Скопинъ-Шуйскій съ сообщниками и объявилъ царю, что Москва сгорѣла отъ злодѣевъ. Царь поручилъ боярамъ произвести слѣдствіе, и черезъ два дня, на ихъ вопросъ народу, созванному на площади: кто сжегъ Москву? Тысячи голосовъ отвѣчали: „Глинскіе! Ихъ мать, государева бабка княгиня Анна, кропила улицы водою, въ которой мочила сердца мертвецовъ!“

Княгиня Анна съ сыномъ своимъ Михаиломъ находилась тогда въ своемъ ржевскомъ помѣстьѣ, но другой ея сынъ Юрій, былъ на лице и на него-то ринулись разъяренные жители Москвы. Они убили его въ Успенскомъ соборѣ, разграбили все его имущество и не пощадили ни бояръ его, ни слугъ! На мѣстѣ недавняго пожарища пылалъ бунтъ со всѣми своими ужасами... Подстрекатели сами ужаснулись ярости народной, такъ безразсудно разожженной ими. Царь бѣжалъ въ свой дворецъ на Воробьевыхъ горахъ, страшась за участь свою и своего семейства.

Въ эти критическія минуты къ Ивану Васильевичу, будто посланникъ божій и глашатай совѣсти царской, явился простой священникъ, Сильвестръ, съ книгою священнаго писанія въ рукахъ, рѣчью смѣлою и строгою. Князь Курбскій въ своихъ сказаніяхъ упоминаетъ о какихъ-то видѣніяхъ, которыми Сильвестръ будто бы ужаснулъ и образумилъ царя Ивана Васильевича — но эта фантастическая прикраса не заслуживаетъ вниманія исторіи. Никакія видѣнія не могли такъ ужаснуть царя, какъ зрѣлище недавняго пожара; никакіе призраки не могли говорить ему такъ внушительно, какъ говорилъ Сильвестръ, или вѣрнѣе — какъ устами Сильвестра говорили ему: собственная совѣсть, здравый смыслъ и божія правда. Сильвестръ, шагъ за шагомъ прослѣдилъ всю жизнь царя отъ его сиротской колыбели до данной минуты, угрожавшей ему могилою; онъ пробудилъ въ Иванѣ Васильевичѣ чувство долга и

сознанія истиннаго назначенія царя — быть отцемъ народа, а не мучителемъ его.

Сподвижниками Сильвестра явились—Алексѣй Өедоровичъ Адашевъ и царица Анастасія. Въ пожарѣ московскомъ, какъ въ адскомъ пламени, вмѣстѣ съ окончившимся владычествомъ временщиковъ, сгорѣли порочныя наклонности царя Ивана. Онъ переродился; онъ воскресъ для новой, счастливой жизни, для славы и счастія царства русскаго.

Тринадцать лѣтъ благоденствовала Россія. Начало этой эпохи въ сумракѣ вѣковъ озарено пламенемъ московскаго пожара, а конецъ ея надгробными свѣчами надъ трупомъ царицы Анастасіи Романовны. Въ слѣдующей части нашего труда мы увидимъ Ивана Васильевича, но уже далеко не таковымъ, какимъ теперь оставимъ его.

Солиманъ II ([1]).

РОКСОЛАНА.

(1532—1557)

Слава и гордость Турціи, гроза и ужасъ южной и юго-восточной Европы, Солиманъ II (правильнѣе I-й) принадлежитъ къ числу тѣхъ властителей исполиновъ, явленіе которыхъ на землѣ, можно уподобить явленію кометы или страшнаго метеора на небѣ. Эта личность умѣщаетъ въ себѣ самыя противорѣчивыя качества и пороки, соединяя обширный образованный умъ съ пылкими, необузданными, животными страстями; великодушіе съ безчеловѣчіемъ; непреклонную волю съ ребяческой уступчивостію; подозрительность съ довѣрчивостію; коварство съ прямизною. Нѣкоторыми чертами характера, особенно же казнію сына, Солиманъ напоминаетъ нашего великаго Петра и для Турціи онъ былъ дѣйствительно тѣмъ же, чѣмъ Петръ для Россіи, съ тою, однако же, существенною разницею, что въ жестокосердіи далеко оставляетъ за собою нашего преобразователя. Петръ—*альфа* русской славы; Солиманъ —*омега* славы турецкой: при немъ луна оттоманская свѣтила въ полномъ

([1]) Солиманъ царствовалъ съ 10 сентября 1520 года по 23 августа 1566 г. Мы озаглавили нашъ разсказъ годами владычества Роксоланы, біографія которой составляетъ только эпизодъ изъ жизни страшнаго завоевателя.

блескѣ и затѣмъ стала клониться къ ущербу, въ недальнемъ будущемъ угрожающему ей окончательнымъ затмѣніемъ.

Австрія, Венгрія, Славянскія земли, Молдавія, Валахія, Польша, Венеціанская республика, Архипелагъ, Родоссъ, Южная Италія, Алжиръ, Египетъ, Персія, Грузія—трепетали передъ Солиманомъ; сотни городовъ и крѣпостей были обращены имъ въ пепелъ и развалины; сотни тысячъ людей были принесены имъ въ жертву его ярости или непомѣрному честолюбію... и этотъ самый исполинъ, герой чудовище былъ игрушкою женщины, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ дѣлавшей изъ Солимана все, что ей было угодно.

Бусбекъ, австрійскій посланникъ при Высокой Портѣ, первый въ своихъ запискахъ ознакомилъ Европу съ личностью султанши Росколаны, изъ простой рабыни достигшей званія законной супруги Солимана, благодаря своей красотѣ, уму и лукавству. Слѣдующій нашъ разсказъ о жизни этой замѣчательной женщины мы основываемъ на самыхъ достовѣрныхъ данныхъ, такъ какъ многія сказанія о ней частію несправедливы, частію же и вымышленны. Обманываясь созвучіемъ именъ: собственнаго и нарицательнаго— нѣкоторые историки видятъ въ Роксоланѣ—*русскую*, такъ какъ *роксоланами* называли въ западной Европѣ славянъ жившихъ по прибрежьямъ Дона; другіе, преимущественно французы, основываясь на комедіи Фавара: „Три султанши“ утверждаютъ, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана природная турчанка, была куплена для гарема еще дѣвочкою на невольничьемъ базарѣ, для прислуги одалыкамъ, при которыхъ и занимала должность простой рабыни. При воцареніи Солимана, султаншею валидé была грузинка Босфорона, родившая ему наслѣдника Мустафу; за Босфороною, любимицею султана, была Зулема, которую онъ и промѣнялъ на Роксолану, очаровавшую его молодостью, красотой и пламенными ласками. Въ первыя пять лѣтъ своего сожительства съ Роксоланою, Солиманъ имѣлъ отъ нея сыновей: Магомета, Баязета, Селима и Джехангира и дочь Хамеріе. Семейство еще болѣе привязало султана къ любимицѣ и тогда-то Роксолана приступила къ осуществленію хитраго замысла посадить на престолъ оттаманскій, помимо Мустафы, сына своего Баязета, обожаемаго ею до безумія, особенно послѣ смерти старшаго его

брата, скончавшагося въ юныхъ лѣтахъ. Интригу свою Роксолана вела съ тѣмъ умомъ и тактомъ, которые могутъ быть свойственны женщинѣ, твердо увѣренной въ своемъ всемогуществѣ надъ мужчиною. Выдавъ четырнадцатилѣтнюю дочь свою Хамеріе за великаго визиря Рустамъ-Пашу, Роксолана безъ труда привлекла его на свою сторону и пріобрѣла въ немъ самаго вѣрнаго клеврета и сподвижника. Осенью 1542 года, въ отсутствіе Солимана, бывшаго въ походѣ въ Венгріи, Роксолана призвавъ къ себѣ муфтія, стала совѣщаться съ нимъ о своемъ намѣреніи построить великолѣпную мечеть съ богадѣльнею (имаретомъ), ради спасенія души своей и въ угоду Аллаху. Муфтій, одобряя благое намѣреніе, замѣтилъ любимицѣ султана, что постройка мечети не можетъ послужить ей во спасеніе души, такъ какъ по закону, всякое доброе дѣяніе *рабыни* вмѣняется въ заслугу ея *повелителю* и что только свободная женщина властна въ своихъ поступкахъ. Роксолана очень хорошо знала о существованіи этого закона; тѣмъ не менѣе она выказала глубокое огорченіе и въ теченіе нѣсколькихъ дней была грустна и задумчива. Солиманъ, по возвращеніи своемъ въ Константинополь, не узналъ въ Роксоланѣ прежней веселой, страстной красавицы. Равнодушный къ недавнему зрѣлищу проливаемой крови, глухой къ мольбамъ матерей и женъ и воплямъ истязаемыхъ младенцевъ, Солиманъ былъ тронутъ слезами и воздыханіями своей Роксоланы и не хуже нѣжнаго юноши сталъ приступать къ ней съ распросами о причинѣ ея грусти.

— Причина моей тоски, отвѣчала фаворитка — сознаніе рабства и лишенія правъ человѣческихъ!

Солиманъ, за улыбку Роксоланы, способный поработить цѣлое царство, или наоборотъ — освободить изъ подъ своего ига тысячи невольниковъ, объявилъ ей тотчасъ же, что слагаетъ съ нея позорное званіе рабыни и даруетъ ей желанную свободу. Прежняя улыбка явилась на лицѣ Роксоланы и съ небывалой нѣжностью, осыпавъ поцѣлуями руку повелителя, она быстро удалилась въ свои покои. Настала ночь. Евнухъ, присланный къ Роксоланѣ съ приглашеніемъ въ опочивальню повелителя правовѣрныхъ, принесъ ему рѣшительный отказъ. Разгнѣванный Солиманъ вытребовалъ однако же ослуш-

ницу на свою половину и спросилъ что значитъ это неповиновеніе?

— Оно означаетъ мою покорность велѣніямъ Аллаха! отвѣчала Роксолана.—Раба исполняетъ приказанія господина, но женщина свободная грѣшитъ, раздѣляя ложе не съ законнымъ мужемъ... Ты ли, высокій образецъ для всѣхъ правовѣрныхъ, нарушишь заповѣдь пророка?

Солиманъ призадумался; послалъ за муфтіемъ и тотъ вполнѣ одобрилъ дѣйствія Роксоланы, подтвердилъ, что они согласны съ закономъ Магомета.

Чрезъ два дня Роксолана была объявлена законною супругою своего государя, съ предоставленіемъ ей всѣхъ правъ и преимуществъ султанши валиде. Такъ достигла Роксолана той высоты, съ которой ей легче прежняго было властвовать надъ оттоманской имперіей въ лицѣ султана. Суевѣры всѣхъ странъ говорятъ о возможности будто бы приколдовывать къ себѣ человѣка, приворотными зельями да корешками. Читая о Роксоланѣ, можно не шутя подумать, что она „обнесла“ чѣмъ нибудь Солимана, такими несокрушимыми цѣпями приковавъ къ себѣ его сердце. Ему въ то время было за шестьдесятъ лѣтъ; Роксоланѣ подъ сорокъ: какъ бы ни были кипучи его страсти, онѣ во всякомъ случаѣ не могли равняться со страстями юноши, который слушаясь ихъ голоса, всегда глухъ къ возраженіямъ разсудка, иногда и совѣсти; какъ бы ни была хороша собою Роксолана; но едва ли въ сорокъ лѣтъ она, южанка, могла сохранить себя отъ вліянія безпощаднаго времени. Что же могло привязывать къ ней Солимана? Перебирая всѣ возможныя узы, останавливаемся на могущественнѣйшихъ, сплетаемыхъ *привычкою*, такъ справедливо называемой второю натурою; привычкою, смѣняющею въ старческомъ сердцѣ любовь, какъ плодъ на деревѣ смѣняетъ цвѣтокъ. И кто изъ насъ въ своей жизни не испытывалъ или не испытываетъ на себѣ самомъ силы привычки; да и что наконецъ вся жизнь человѣка, если не привычка души къ ея хрупкой оболочкѣ?

Семейство Солимана при его законномъ сочетаніи супружествомъ съ Роксоланою состояло изъ сына Босфороны, Мустафы, наслѣдника престола; трехъ сыновей Роксоланы и ея дочери, жены ве-

ликаго визиря. Мустафа, занимавшій должность правителя Сиріи, жилъ въ Діарбекирѣ обожаемый народомъ и войсками, неизмѣнно покорный волѣ своего родителя и государя. Солиманъ любилъ его, всегда отдавая должную справедливость его высокимъ душевнымъ качествамъ. Погубить Мустафу во мнѣніи отца было дѣломъ почти невозможнымъ... только не для Роксоланы.

Отправивъ сына своего Джеангира въ Діарбекиръ, гдѣ онъ сошелся и подружился съ Мустафою, Роксолана принялась восторженно восхвалять своему супругу добродѣтели его наслѣдника, именно тѣмъ вкрадчивымъ голосомъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя даже въ отцовскомъ сердцѣ возбуждаютъ зависть и ревнивыя опасенія. Она говорила, напримѣръ, что народъ ждетъ не дождется дня, когда обожаемый имъ Мустафа взойдетъ на отцовскій престолъ; что войска готовы пролить за него послѣднюю каплю крови; что даже сосѣдніе управляемой имъ области персіяне не нахвалятся имъ и способны отстаивать его, въ случаѣ надобности, какъ роднаго государя. Послѣ всѣхъ этихъ прелюдій, Роксолана вспоминала, какъ горько было султану Баязету II, когда противъ него взбунтовался Селимъ, отецъ Солимана, но что кроткій и благородный Мустафа конечно на это не способенъ...

Разжигая этими рѣчами въ сердцѣ отца ненависть и подозрительность къ сыну, Роксолана приказала зятю своему увѣдомить пашей подвластныхъ Мустафѣ, чтобы они сколь возможно чаще извѣщали Солимана о его добрыхъ дѣлахъ и заботахъ о народѣ. Правители мало-азіатскихъ областей, повинуясь великому визирю, осыпали Диванъ посланіями переполненными похвалами наслѣднику Солимана. Эти посланія Роксолана показывала султану въ тѣ минуты, когда въ немъ особенно проявлялись опасенія, чтобы сынъ не вздумалъ поднять знамени мятежа. „Какъ его единодушно всѣ любятъ!“ говорила при этомъ Роксолана — „его, право, можно назвать не намѣстникомъ, но государемъ; паши повинуются ему какъ велѣніямъ самого султана. Хорошо, что онъ не употребляетъ во зло своего вліянія, но если бы на его мѣстѣ былъ человѣкъ лукавый, честолюбивый, тотъ, могъ бы...“

И тутъ эта коварная женщина слѣдила за дѣйствіемъ яда сво-

ихъ рѣчей на Солимана и видѣла, что каждое слово жгучей каплей впивалось въ его сердце. Съ другой стороны, Баязетъ и Селимъ, принятые отцомъ ко двору, выказывали ему самую дѣтскую покорность, осыпая его нѣжнѣйшими ласками... Эти маневры, свойственныя и европейскимъ мачихамъ для отторженія пасынковъ отъ отцовскаго сердца, увѣнчались, наконецъ, полнымъ успѣхомъ.

Волненія возникавшія въ Персіи заставили Солимана послать въ сосѣднія ей области обсерваціонный корпусъ подъ начальствомъ Рустама-паши и съ тайнымъ приказаніемъ послѣднему умертвить Мустафу въ предупрежденіе его соучастія въ мятежѣ. Зять Роксоланы, по прибытіи на мѣсто, отписалъ султану, что въ Сиріи настроеніе умовъ самое враждебное, что не только всѣ паши, народъ и войска намѣрены провозгласить Мустафу султаномъ турецкимъ, но даже въ полкахъ подначальныхъ ему, Рустаму, замѣтно опасное волненіе. Усмирить грозящееся возстаніе, по мнѣнію доносчика, могъ только самъ Солиманъ. Прибывъ немедленно въ Алеппо съ войсками и расположась съ ними въ лагерѣ, султанъ потребовалъ мнимаго мятежника къ себѣ въ шатеръ, къ отвѣту. Мустафа зналъ о проискахъ Роксоланы, но твердо увѣренный въ своей невинности, съ надеждою на отцовскую любовь отправился къ Солиману, безъ всякой свиты и спокойно вошелъ въ его пышный шатеръ, состоявшій изъ двухъ отдѣленій, разгороженныхъ коврами. Въ передней части шатра, вмѣсто отца, Мустафа нашелъ нѣмыхъ чаушей съ шелковыми петлями въ рукахъ, приблизившихся къ нему съ несомнѣннымъ намѣреніемъ накинуть ему арканъ на шею. Выхвативъ ятаганъ, Мустафа, со всѣмъ отчаяніемъ самосохраненія, нѣсколько времени отмахивался отъ палачей и принудилъ ихъ отступить; но въ эту самую минуту, коверъ отдѣлявшій пріемную отъ почивальни султана, быстро отдернулся и въ полутѣни показалась грозная фигура отца Мустафы. Не говоря ни слова, Солиманъ только взглянулъ на оробѣвшихъ чаушей, а съ нихъ медленно перенесъ свой взглядъ на сына, покорно опустившаго ятаганъ и склонившаго голову... Пользуясь этимъ, чауши смѣло накинулись на него; одинъ изъ мѣтко брошенныхъ аркановъ сжалъ горло несчастнаго Мустафы; его лице побагровѣло, дыханье пре-

сѣклось и черезъ двѣ, три минуты все было кончено! Дѣтоубійца Солиманъ, передъ отъѣздомъ въ Алеппо, получилъ отъ муфтія, фетфу (разрѣшеніе) умертвить мятежника безъ страха отвѣтить за то на страшномъ судилищѣ. Участи Мустафы подвергся въ Бруссѣ и малолѣтный сынъ его; путь Баязету къ престолу былъ очищенъ. Одновременно съ убіеніемъ наслѣдника Солимана умеръ и другъ Мустафы, Джеганхиръ, сынъ Роксоланы: *отъ горя*, говорятъ романисты, *отъ яду* — гласитъ исторія. Кровавыя эти событія совершились лѣтомъ 1553 года.

Трупъ Мустафы былъ выставленъ у палатки Солимана для прощанія съ нимъ войскъ. Безмолвное уныніе воцарилось въ лагерѣ; солдаты добровольно наложили на себя двухдневный постъ и благословляя память невинно-убіеннаго не осмѣливались проклинать убійцу. Опасаясь бури предвѣщаемой этимъ затишьемъ, Солиманъ уволилъ Рустама-пашу отъ должности великаго визиря и назначивъ на его мѣсто любимаго войсками Ахмета-пашу, возвратился въ Константинополь. Эта мѣра не только не отклонила бунта, но еще способствовала ему, хотя войска и не принимали въ немъ никакого участія. Та же любовь къ убитому Мустафѣ послужила Роксоланѣ и Баязету орудіемъ къ мятежу, имѣвшему цѣлію—сверженіе Солимана съ престола. Эта адская махинація заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія.

По наущенію матери, Баязетъ, вскорѣ по убіеніи Мустафы, пріискалъ человѣка однихъ съ нимъ лѣтъ и разительно на него похожаго. Золотомъ и клятвенными увѣреньями въ совершенной его безопасности, Баязетъ убѣдилъ двойника Мустафы, выдать себя за убіеннаго, спасшагося будто-бы отъ смерти. Весною 1554 года Никополисъ, прибережья Дуная, Валахія и Молдавія были взволнованы вѣстью, что Мустафа живъ, являлся многимъ, призывалъ ихъ къ возстанію и къ сверженію Солимана. Видѣвшіе и слышавшіе самозванца, обманутые сходствомъ, передавали жителямъ городовъ и деревень, будто Мустафа, въ прошломъ году приглашенный отцомъ въ Алеппѣ, не самъ явился къ нему, но вмѣсто себя послалъ раба, двѣ капли воды на него похожаго; самъ же бѣжалъ изъ азіатской Турціи въ европейскую. Образовались шай-

ки, вскорѣ слившіяся въ цѣлую армію: Самозванецъ, какъ говорила молва, намѣревался идти прямо на Константинополь, захватить Солимана и истребить вмѣстѣ съ нимъ Роксолану и все ея семейство. Ахметъ-паша со своими войсками двинулся на встрѣчу ополченію лже Мустафы, разсѣялъ его, самозванца же захватилъ въ плѣнъ—чего никакъ не ожидали ни Баязетъ, ни Роксолана. Они расчитывали на одно изъ двухъ: или самозванцу удастся овладѣть Солиманомъ и тогда, по убіеніи того и другаго, Баязетъ займетъ мѣсто отца; или двойникъ Мустафы убитый въ сраженіи унесетъ тайну заговора—въ могилу, а Солиманъ окончательно убѣдится въ виновности сына убитаго по подозрѣнію. Плѣнъ самозванца разрушилъ всѣ эти ковы. Преданный истязаніямъ самозванецъ чистосердечно сознался въ обманѣ и указалъ на Баязета, какъ на главнаго виновника возстанія. Лже-Мустафу по повелѣнію Солимана утопили, а Баязетъ былъ позванъ къ отвѣту. Ахметъ-паша ненавидѣвшій его и Роксолану уличалъ измѣнника; чауши ждали знака султана, чтобы накинуть на Баязета позорную петлю... но Солиманъ медлилъ, смягчаемый мольбами и слезами Роксоланы — и Баязетъ былъ помилованъ и Роксалана не утратила въ глазахъ своего супруга обаятельной своей прелести!.. Головою поплатился за свое усердіе Ахметъ-паша, удавленный черезъ годъ по повелѣнію Солимана, за тайныя сношенія, будто-бы, съ рыцарями Іоанна Іерусалимскаго о сдачѣ имъ Родоса; на самомъ же дѣлѣ — оклеветанный Ахметъ-паша былъ жертвою, принесенною султаномъ своей супругѣ.

Съ этой минуты Роксолана, не боясь ни враговъ ни соперниковъ, смотрѣла на своего Баязета какъ на государя, можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, но не такъ думалъ второй ея сынъ Селимъ, завидовавшій брату и изыскивавшій всѣ способы къ его пагубѣ. Этого соперничества, погубившаго Баязета, можетъ быть и не подозрѣвала, на все предусмотрительная и дальновидная Роксолана. Она умерла въ 1557 году оплаканная неутѣшнымъ Солиманомъ и была погребена съ подобающими почестями. Счастливѣе Генриха VIII и Христіерна II, въ своей слѣпой привязанности къ женщинѣ недостойной, Солиманъ не разочаровался въ ней, ни

при ея жизни, ни послѣ ея смерти... Да и кто осмѣлился-бы запятнать память Роксоланы въ глазахъ ея супруга?

Вражда Селима съ Баязетомъ разрѣшилась кровавой усобицей, 30 мая 1559 года. Сорокъ тысячъ человѣкъ легло съ обѣихъ сторонъ, при этомъ поединкѣ двухъ братьевъ-честолюбцевъ. Баязетъ со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Персію, гдѣ его, по повелѣнію Солимана, удавили или отравлили ядомъ и, такимъ образомъ, вмѣсто Баязета сдѣлался наслѣдникомъ престола Селимъ, на который онъ и взошелъ, послѣ смерти отца, 23 августа 1566 года.

Не хотимъ утомлять вниманія читателя разсказами о тѣхъ звѣрствахъ, которыми позорили себя и Солимана его войска въ странахъ завоеванныхъ: ни возрастъ, ни полъ не защищали жертвъ отъ насилія и мучительной смерти. Донынѣ въ славянскихъ земляхъ существуетъ множество преданій о кровопролитіи и истязаніяхъ, которымъ Солиманъ безжалостно подвергалъ сопротивлявшихся ему непріятелей, плѣнниковъ и даже мирныхъ горожанъ и поселянъ, уступавшихъ ему безъ боя. Повторимъ то что мы сказали во вступленіи къ нашему труду: въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Европѣ былъ потопъ, кровью человѣческою залившій всѣ царства — отъ устьевъ Тахо до устьевъ Печоры; отъ Финмаркена до Кандіи; отъ сѣверозападной Шотландіи до береговъ Каспійскаго моря. Войны внѣшнія и междоусобныя, религіозныя распри и ко всему этому частыя моровыя повѣтрія — такова была обстановка гражданскаго быта всѣхъ европейскихъ государствъ, въ конецъ не опустошенныхъ однако же смертію потому, что ей противодѣйствовала *любовь* — грубая, чувственная, чисто животная, доходившая до распутства; любовь свирѣпствовавшая, въ видѣ нравстенной эпидеміи, повсемѣстно... Но эта нравственная эпидемія реагировала противъ эпидемій физическихъ и противъ смертности, которая въ видѣ войнъ, междоусобій или государей-тирановъ тогда такъ часто постигала человѣчество.... Одно зло было противоядіемъ другому и упадокъ нравственности въ Европѣ шестнадцатаго столѣ-

тія былъ, если можно такъ выразиться, едва-ли не *необходимостью*, сохранявшей равновѣсіе въ цифрѣ размноженія рода человѣческаго.

1560 – 1610.

Катерина Медичи. Карлъ IX.

БРАТЬЯ ГЮИЗЫ, ГЕРЦОГЪ ФРАНЦИСКЪ И КАРЛЪ, КАРДИНАЛЪ ЛОТАРИНГСКІЙ.—АЛЬБЕРТЪ ГОНДИ.—МАРІЯ ТУШЕ.

(1560 — 1574)

Послѣднія сорокъ лѣтъ шестнадцатаго вѣка и первое десятилѣтіе семнадцатаго были ознаменованы во Франціи кровавыми распрями между католиками и протестантами, или, какъ ихъ тогда называли, *гугенотами* (¹). Бѣшеное изувѣрство съ одной стороны, неуступчивость съ другой; обоюдныя интриги, нетвердость въ словѣ, взаимное предательство и вѣроломство; войны смѣняв-

(¹) Въ исторіи Франціи Петра Матьё (Pierre Matthieu: Histoire de France sous François I et Henri II. Paris 1631 2 vol. in fol.) происхожденіе слова гугенотъ объясняется тѣмъ, что прибывшіе ко двору Франциска I посланники изъ Германіи, для ходатайства за угнетенныхъ лютеранъ, начали свою рѣчь фразою: «Мы сюда пришли» (huc nos venimus...). Первые два слова; гук-носъ (huc nos) разсмѣшили присутствовавшихъ придворныхъ, давшихъ прозвище гукносовъ сначала посланникамъ, а послѣ того всѣмъ безъ различія иновѣрцамъ, т. е. и лютеранамъ и кальвинистамъ. Постепенно слово гукносъ перешло въ гугнотъ, гугенотъ. По другому толкованію, весьма сомнительному, это слово произошло отъ имени короля Гугона, тѣнь котораго будто бы являлась въ Парижѣ во время перваго гоненія лютеранъ въ царствованіе Франциска I. Изъ двухъ этимологій предоставляемъ любую на выборъ читателя. Третье мнѣніе, общепринятое, будто слово гугенотъ, происходитъ отъ заставы св. Гугона въ Турѣ, у которой происходили сборища кальвинистовъ; четвертое—будто гугенотъ, искаженіе нѣмецкаго: eidgenossen, связанный присягою—совершенно неосновательно.

шіяся постоянно нарушаемыми перемиріями; западни, отравленія, убійства изъ за угла; наконецъ, Варѳоломеевская ночь и избіеніе гугенотовъ, поглотившее во Франціи свыше семидесяти тысячъ невинныхъ жертвъ фанатизма; знаменитая *Лига*, отточившая ножи двумъ цареубійцамъ—таковы характеристическія черты этой страшной эпохи.

На этомъ кровавомъ фонѣ мы представимъ читателю, попеременно, нѣсколько силуэтовъ, по наружному облику — человѣческихъ, по злодѣйствамъ — адскихъ чудовищъ. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ женщинѣ, уже не молодой, но статной, красивой. На лицѣ ея привѣтливая улыбка, въ бѣлой рукѣ, увѣшанной четками, кубокъ яду; на полной высокой груди, на одной и той же золотой цѣпочкѣ крестъ со святыми реликвіями, волшебныя амулетки и ладонки съ заклинаньями. Черные, пламенные глаза обращены къ небу, не для благоговѣйнаго созерцанія, а для наблюденія надъ астрологическимъ сочетаніемъ звѣздъ, для обрѣтенія въ немъ отвѣта на вопросъ о будущемъ. Утро женщина эта посвящаетъ молитвѣ, или правильнѣе чтенію узаконеннаго числа молитвъ; день—государственнымъ дѣламъ; вечеромъ она совѣщается съ астрологами, чернокнижниками, алхимиками и знахарями, снабжающими ее косметическими снадобьями... и ядами; ночью, она предается порывамъ необузданнаго сладострастія. По изувѣрству—Изабелла испанская, по кровожадности—Паризатида персидская, по властолюбію—Агриппина римская, по распутству—Клеопатра египетская, женщина эта, вдова короля французскаго Генриха II, королева родительница *Катерина Медичи*. Тридцать лѣтъ (съ 1559 по 1589 г.) именами своихъ сыновей: Франциска II, Карла IX и Генриха III, участью государства располагала она, играя въ правительствѣ при короляхъ ту же самую роль, которую въ древнихъ капищахъ играли жрецы, скрывавшіеся въ пустыхъ истуканахъ, называвшихся оракулами. Единодушныя проклятія сопровождали ее въ гробъ; современники Катерины и ихъ правнуки не могли безъ ужаса вспоминать о ней; однако же съ вѣками взглядъ на нее измѣнился. Нашлись историки, которые, обсуждая дѣянія Катерины, отважились замолвить слово въ

ея пользу, а трудолюбивый исторіографъ-компиляторъ, Капфигъ ([1]), въ наше время, явился адвокатомъ королевы-злодѣйки предъ судомъ потомства. По его словамъ, Катерина была совершенно права во всѣхъ своихъ интригахъ, явныхъ и тайныхъ преступленіяхъ, кровавыхъ распряхъ ею разжигаемыхъ, даже въ рѣзнѣ Варѳоломеевской ночи. Все это, по мнѣнію Капфига было необходимостью, единственнымъ раціональнымъ средствомъ *умиротворенія* Франціи. Съ точки зрѣнія людей, для которыхъ плахи, висѣлицы и разстрѣливанія—вѣрныя средства умиротворенія; которые, напримѣръ, въ парижской бойнѣ втораго декабря 1851 года видятъ геройскій подвигъ и геніальность;—съ точки зрѣнія подобныхъ господъ, Катерина Медичи, разумѣется, великая женщина; спорить съ ними было бы пустою тратою времени. „Таковъ былъ вѣкъ,“ говорятъ другіе снисходительные судьи въ оправданіе Катерины, но и это оправданіе нелѣпо, и оно не лучше предыдущаго. Титъ, цесарь римскій, жилъ за полторы тысячи лѣтъ до Катерины Медичи, однако же снискалъ себѣ прозвище утѣшителя рода человѣческаго...

О родѣ тосканскихъ деспотовъ Медичи существуетъ два сказанія; правдивое, т. е. историческое, и ложное, фантастическое, сплетенное лестью. Приводимъ и то и другое, какъ одинаково заслуживающія вниманія читателя. Историки Павелъ Іовій и Гвичардини фактически доказываютъ, что родоначальникомъ фамиліи Медичи былъ флорентинскій врачъ-шарлатанъ, торговавшій разными лекарственными снадобьями и этимъ нажившій огромное состояніе. Пользуясь смутами, свирѣпствовавшими въ республикѣ, благодаря своему золоту, врачъ втерся во дворянство, замѣнивъ свое малоизвѣстное имя фамиліею *Медичи* ([2]), намекая на свою прежнюю професію; кромѣ того онъ сочинилъ себѣ гербъ, состоявшій изъ щита съ изображеніемъ на немъ пяти шариковъ, въ которыхъ не трудно угадать пилюли. Внуками и правнуками врача-дворянина были герцоги урбинскіе и великіе герцоги тосканскіе:

([1]) Capefigues. Les Reines de la main droite: Catherine de Medicis. P. 1860 in 8°.

([2]) Medici, на итальянскомъ языкѣ, значитъ: врачи.

Александръ, Іоаннъ, Козьма, Лаврентій, Францискъ, и папы римскіе Левъ X и Климентъ VII. Стыдясь откровенности предка—потомки, гордые собственными заслугами, никакъ не хотѣли сознаться, что ихъ фамилія происходитъ отъ слова медикъ, что пять шариковъ на ихъ гербѣ ничто иное какъ прозаическія пилюли... Геральдика, вѣчная угодница гордости, вывела герцоговъ изъ непріятнаго положенія, протрубивъ во всѣ концы Европы нижеслѣдующую сказку о происхожденіи герба великихъ герцоговъ тосканскихъ:

— Одновременно съ Геркулесомъ, удивлявшимъ своими подвигами Грецію, въ Италіи жилъ великанъ-богатырь по имени Муджелло. Этотъ герой, соперничая съ сыномъ Алкмены, имѣлъ съ нимъ довольно частыя столкновенія, обыкновенно оканчивавшіяся обоюдными потасовками, изъ которыхъ однако же Муджелло почти всегда выходилъ побѣдителемъ. Однажды, во время ратоборства, Геркулесъ ударилъ своей палицей по щиту противника и отъ этого удара на щитѣ образовалось пять круглыхъ впадинъ... Такъ, по словамъ геральдики, произошелъ гербъ Медичи. Сказаніе, какъ видитъ читатель, весьма остроумное, не лишенное своего рода поэзіи, положительно невѣроятное и можетъ быть по этой самой причинѣ принятое въ Европѣ XVI вѣка безъ апеляціи. Говорятъ, впрочемъ, будто нашлись скептики, замѣтившіе, что если бы шарики на гербѣ Медичи произошли отъ удара палицы, то они были бы вдавлены внутрь, а не выпуклы; но на это геральдика отвѣчала презрительнымъ молчаніемъ—и весьма умно сдѣлала. Что касается лично до насъ, мы придерживаемся перваго сказанія, т. е. что предокъ славныхъ Медичи былъ врачъ и что пять шариковъ на ихъ гербѣ изображаютъ пилюли; если Павелъ Іовій (исторіографъ-взяточникъ, за щедрыя благостыни писавшій какіе угодно панегирики) не заслуживаетъ вѣры, то Гвичардини правдивъ, на сколько можетъ быть правдивымъ лѣтописецъ XVI вѣка.

Извѣстно, что характеръ предка запечатлѣвается на потомкахъ до третьяго и четвертаго колѣна, даже далѣе. Всматриваясь въ семейство Медичи не трудно угадать въ нѣкоторыхъ его членахъ родство со врачемъ-эмпирикомъ. Врачъ, всего прежде, долженъ быть образованъ — Козьма, Лаврентій и папа Левъ X любили

науки и покровительствовали ученымъ; Франдискъ всю свою жизнь занимался алхимическими опытами. Катерина, какъ мы уже говорили, была весьма свѣдуща въ изготовленіи всякихъ ядовъ, косметическихъ средствъ, въ особенности же выказывала непреодолимую страсть ко всякаго рода *кровопусканіямъ*... Это ли не достойнѣйшая правнука своего пращура? Аптекарь, миланецъ Рене и астрологъ Козьма Руджіери были ея безсмѣнными спутниками на грязномъ поприщѣ интригъ любовныхъ и политическихъ. Кромѣ ядовъ и возбудительныхъ средствъ Катерина Медичи орудіемъ своей политики употребляла и систематическій развратъ, имѣя для того вѣрныхъ помощницъ и сотрудницъ въ лицѣ своихъ фрейлинъ. Это великая женщина?.. Протестантъ, парижскій книгопродавецъ, ***Генрихъ Этьеннь*** (или, какъ онъ латинизировалъ свое имя: Стефанусъ), авторъ любопытнаго памфлета о жизни Катерины Медичи, не даромъ сказалъ о ней (хотя и немножко рѣзко) въ своемъ вступленіи: „Я, нѣкоторымъ образомъ, боялся перепачкать себѣ руки и почувствовать тошноту, раскапывая эти смрадныя мерзости!“ ([1]). О хитрости и лукавствѣ Катерины Медичи авторъ выразился такого рода прогрессіей: „Итальянцы лукавы вообще, жители Тосканы — въ особенности; изъ тосканцевъ лукавѣйшіе — флорентинцы, изъ послѣднихъ лукавѣйшею и хитрѣйшею женщиною была Катерина Медичи!“

Единственная дочь славнаго Лаврентія Медичи, племянница папы Климента VII, Катерина родилась во Флоренціи въ 1519 году. По обычаю того времени, при появленіи ея на свѣтъ астрологи, въ томъ числѣ знаменитый Василій-математикъ, составили ея гороскопъ, и всѣ въ одинъ голосъ объявили, что Катерина будетъ виновницей гибели того семейства, въ которое со временемъ попадетъ. Испуганные родственники рѣшили не выдавать ея ни за кого за

([1]) J'ai craint de souiller aucunément mes mains et me faire mal au coeur en remuant et sentant une matière tant vilaine et puante (Page 4). Мы дѣлали выборки изъ этой книги съ возможной осмотрительностью, такъ какъ она написана противникомъ Катерины и приверженцемъ гугенотской партіи. Заглавіе ея: Discours merveilleux de la vie, actions et déportements de Catherine de Medicis etc. P. 1649, petit in 6°.

мужъ и обрекли на вѣчное одиночество. Когда ей исполнилось одиннадцать лѣтъ и она была отправлена въ Римъ, ея родные совѣщались о томъ, куда ее пристроить: одни предлагали повѣсить въ корзинкѣ на зубцахъ городской стѣны подъ непріятельскіе выстрѣлы; другіе, не менѣе жестокіе—отдать въ домъ разгула; третьи — заточить въ монастырь. Къ счастію для Катерины и къ несчастію для Франціи, послѣднее мнѣніе превозмогло. Три года провела она въ стѣнахъ монастыря, откуда была вызвана дядею Климентомъ VII, для выдачи замужъ за орлеанскаго герцога Генриха, втораго сына короля французскаго Франциска I. Этотъ бракъ, чисто политическій, былъ заключенъ во вредъ и на зло императору Карлу V и ради увеличенія областей Франціи присоединеніемъ къ нимъ герцогства Миланскаго, *обѣщаннаго* Климентомъ VII въ приданое за Катериною. Свадьбу праздновали 28 октября 1533 года въ Марсели, куда невѣста прибыла съ многочисленной свитой обоего пола итальянскихъ пройдохъ, подобно ей самой, пріѣхавшихъ во Францію искать счастія, почестей и поживы. Намъ уже извѣстенъ бытъ двора Франциска I, при которомъ тогда въ полномъ блескѣ сіяла герцогиня д'Этампъ, окруженная цѣлой арміей льстецовъ и приверженцевъ. Другая, слабѣйшая партія группировалась вокругъ дофина Франциска; третью, ничтожнѣйшую составляли сторонники герцога Орлеанскаго, имѣвшіе во главѣ своей Діану де Пуатье... Мысль, первенствовать при дворѣ при этой неблагопріятной обстановкѣ, была бы чистѣйшимъ безуміемъ, особенно со страны новаго лица, только что принятаго въ королевскую семью. Катерина какъ нельзя лучше выпуталась изъ этого неловкаго положенія: раболѣпствуя передъ державнымъ своимъ свекоромъ и его полудержавной фавориткой, она льстила дофину, ласкала любовницу своего мужа, Діану де Пуатье, держала себя передъ всѣми тише воды, ниже травы и, такимъ образомъ, ладила со всѣми. Своей итальянской челяди она выхлопотала выгодныя мѣста при большомъ дворѣ и при дворѣ дофина Франциска; къ послѣднему, между прочимъ, попалъ въ мундшенки нѣкто Себастіанъ Монтекукколи, которому особенно протежировала Катерина. Дофинъ полюбилъ угодливаго итальянца и не могъ

достаточно нахвалиться его усердіемъ. Въ 1536 году лѣтомъ, сопровождаемый Себастіаномъ, дофинъ отправился въ Ліонъ и здѣсь недѣли черезъ двѣ, забавляясь игрою въ лапту, сильно распотѣвъ, выпилъ стаканъ холодной воды, поданный ему услужливымъ Монтекукколи. Эта неосторожность имѣла самыя гибельныя послѣдствія: черезъ пять дней Дофинъ скончался отъ воспаленія въ легкихъ. Болѣзнь, безспорно, весьма обыкновенная, но не смотря на это итальянскаго мундшенка притянули къ отвѣту. При обыскѣ въ его квартирѣ найдена была книга о ядахъ, по объясненію Монтекукколи ему необходимая, такъ какъ онъ, по своей должности мундшенка обязанъ былъ знать какіе напитки вредны, за тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды подать необходимую помощь. Этимъ объясненіемъ не могли удовольствоваться; Монтекукколи, заподозрѣннаго въ отравленіи дофина пытали. Итальянецъ показалъ, подъ пыткою, что онъ отравилъ дофина по наущенію клевретовъ императора австрійскаго Карла V; лютѣйшія истязанія не могли у него исторгнуть никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Отравитель былъ четвертованъ въ Ліонѣ 7 октября 1536 года; яростная чернь разнесла его трупъ по клочьямъ и побрасала ихъ въ Рону. Гробъ дофина послужилъ супругу Катерины Медичи ступенью къ престолу: Генрихъ, герцогъ орлеанскій, былъ объявленъ дофиномъ. Это *первое* преступленіе флорентинки, искусно замаскированное благодаря упорству преданнаго ей Монтекукколи, не можетъ подлежать сомнѣнію, не смотря на опроверженія многихъ историковъ. *Воспаленіе легкихъ*, какъ увидимъ далѣе, было исключительной болѣзнію, отъ которой умирали соперники и соперницы Катерины Медичи: братъ Колиньи, кардиналъ Шатійонъ, видамъ Шартрскій, Антоній де Круа, принцъ Порсіанъ (Porcian), Іоанна д'Альбре, мать Генриха IV и чуть-ли не самъ Карлъ IX, такъ какъ и его смерть, по многимъ уважительнымъ причинамъ, была необходимостью для Катерины Медичи.

Возвышеніе Генриха и превращеніе его изъ герцога орлеанскаго въ наслѣдника престола умножили его партію и придали смѣлости его фавориткѣ Діанѣ де Пуатье; главная же виновница этого переворота по прежнему оставалась въ тѣни и чуть Это

не въ загонѣ. Негодуя на нее за продолжительное ея неплодіе, Генрихъ въ первый годъ воцаренія замышлялъ о разводѣ и отсылкѣ ея на родину. Свѣдавъ объ этомъ королева рѣшилась прибѣгнуть къ покровительству Діаны де Пуатье, котовая дѣйствительно взяла ея сторону въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ (см. стр. 70). Въ царствованіе своего супруга Генриха II, Катерина Медичи какъ-то стушевывалась и умалялась сперва передъ Діаной, а потомъ Гюизами, дофиной Маріей Стюартъ, даже Сарой Флемингъ-Леуистонъ (стр. 77). Намъ точно также уже извѣстно, что и въ кратковременное царствованіе Франциска II дѣла Франціи прибрали къ рукамъ братья Гюизы. Дѣйствительное начало владычества Катерины совпадаетъ съ восшествіемъ на престолъ ея десятилѣтнаго сына Карла IX, стараніями фаворита его матери Альберта Гонди (впослѣдствіи маршала Ретца) уже развращеннаго и бездушнаго изверга. Карла, когда онъ былъ младенцемъ, забавляли пѣтушьими боями и звѣриными травлями; Карлъ отрокъ находилъ особенное наслажденіе однимъ взмахомъ палаша отсѣкать головы собакамъ, кошкамъ, баранамъ и жеребятамъ (значитъ, руку набивалъ, и то занятіе!). На охотѣ, лютостью и звѣрствомъ, десятилѣтній Карлъ могъ потягаться съ самымъ закоренѣлымъ ловчимъ, умѣлъ отлично трубить въ охотничій рогъ, подковывать лошадей и стрѣлять необыкновенно мѣтко. Впослѣдствіи, сознавая въ себѣ отсутствіе чувствъ жалости, онъ этимъ хвалился, часто повторяя окружающимъ безсмысленную аксіому: „Жестокъ тотъ, кто милосердъ; тотъ милосердъ, кто жестокъ!“ (C'est cruauté d'être clément, c'est clémence d'être cruel). Кромѣ этого, милаго молодаго человѣка въ королевскомъ семействѣ Валуа были еще герцоги: анжуйскій (впослѣдствіи Генрихъ III) и алансонскій; принцессы Елисавета (просватанная за испанскаго инфанта Дона Карлоса, но выданная за его отца, короля Филиппа II) и Маргарита, впослѣдствіи супруга короля Генриха IV. Всѣ они, наслѣдовавъ отъ отца и матери ихъ пороки, были съ юныхъ лѣтъ испорчены воспитаніемъ при дворѣ, при которомъ распутство считалось достоинствомъ, а любовныя интриги доблестями... Таковы были послѣдніе Валуа.

Послѣ смерти короля Франциска II, во главѣ правовѣрной ка-

толической партіи красовались братья Гюизы, герцогъ Францискъ и Карлъ, кардиналъ лотаргингскій; во главѣ партіи гугенотовъ: адмиралъ Колиньи и принцъ Людовикъ Конде́. Антоній Бурбонъ король наварскій, коннетабль Монморанси и маршалъ Сент-Андре образовали третью партію, *умѣренныхъ*, т. е. не служившихъ ни нашимъ ни вашимъ, а собственнымъ своимъ интересамъ. Канцлеръ Михаилъ де л'Опиталь, единственная добрая и благородная личность, до этого времени участвовавшая въ дѣлахъ внутренней политики, по проискамъ Гюизовъ былъ удаленъ, а съ его удаленіемъ, для борьбы двухъ партій открылось свободное поле. Очень хорошо понимая, что какъ Гюизы такъ и Конде со своими приверженцами стремятся къ достиженію королевской короны, Катерина Медичи рѣшила поддерживать вражду въ тѣхъ и другихъ, въ полной надеждѣ, что соперники погубятъ другъ друга и поле сраженія останется за нею.

На первый случай она сблизилась съ Антоніемъ Бурбономъ и Конде, предоставивъ первому важный санъ правителя. Гугеноты восторжествовали, а герцогъ Гюизъ, оскорбленный этой несправедливостью, удалился въ Лотаргинію. Всячески потворствуя гугенотамъ, Катерина при каждомъ удобномъ случаѣ высказывала живѣйшее сочувствіе ихъ вѣроисповѣданію; допустила торжественное собраніе духовныхъ лицъ, католиковъ и протестантовъ, для диспута о догматахъ, въ августѣ 1561 года (colloque de Poissy). Пользуясь благосклонностью королевы, гугеноты стали притѣснять католиковъ, и тогда Катерина вмѣстѣ съ королемъ наварскимъ присоединилась къ партіи Гюизовъ, призвавъ герцога Франциска въ Парижъ. Ненавистникъ гугенотовъ ознаменовалъ свой путь къ столицѣ избіеніемъ протестантовъ въ Васси (въ Шампани), чѣмъ отдалилъ всякую надежду на миролюбивое соглашеніе враждовавшихъ партій. Чтобы послѣдовательно разсказать объ адскихъ интригахъ этого времени, чтобы выбраться изъ этого лабиринта, въ которомъ ноги по колѣна вязнутъ въ лужахъ крови, нужно имѣть перо даровитаго абата Верто или Сен-Реаля. Слѣдя за ходомъ междоусобія мы невольно отдалились бы отъ героини нашего очерка и легко могли бы потерять ее изъ виду. Возвратимся же къ ней и попытаемся передать читателю всѣ уловки и

увертки этой змѣи, по разсказамъ Соваля, въ его любопытной исторіи любовныхъ интригъ королей французскихъ (¹).

Пригласивъ къ своему двору короля наварскаго, а съ нимъ и принца Конде, Катерина Медичи пустила въ ходъ всѣ обольщенія любви и нѣги для успѣшнѣйшаго подчиненія себѣ начальниковъ партіи враждебной Гюизамъ. Она ослѣпила своихъ гостей пышными праздниками, домашними спектаклями, на которыхъ ея фрейлины, являясь въ видѣ полу-нагихъ нимфъ и миѳологическихъ героинь, исполняли самые сладострастные танцы, способные поколебать нравственныя правила самого суроваго стоика. Двумъ красавицамъ, дѣвицѣ Руэ (Rouet) и дѣвицѣ де-Лимейль, королева поручила, во чтобы то ни стало, вскружить головы королю наварскому и принцу Конде, и обѣ дѣвицы принялись за дѣло съ усердіемъ, а главное — съ опытностью, достойныхъ прислужницъ лукавой флорентинки. Та и другая шли разными путями къ одной и той же цѣли. Мадмуазель Руэ явно высказывала свою симпатію Антонію Бурбону; мадмуазель Лимейль, напротивъ, отзывалась о принцѣ Конде съ самой невыгодной стороны, твердя всѣмъ и каждому, что развѣ только съ отчаянія можно рѣшиться имѣть такого несчастнаго обожателя. Простодушный король наварскій дался въ обманъ и позабывъ о своей милой женѣ, Іоаннѣ д'Альбре, доброй и заботливой матери его дѣтей Генриха (²) и Катерины, увлекся какъ юноша и привязался къ мадмуазель Руэ со страстію, тѣмъ сильнѣйшею, что она держала себя съ нимъ неумолимо строго. Эта строгость, спѣшимъ оговориться, была ничѣмъ инымъ какъ самымъ хитрымъ расчетомъ, такъ какъ въ это же самое время одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ д'Эскаръ пользовался неограниченной благосклонностью лукавой кокетки. Филиппъ II испанскій, зорко слѣдившій за ходомъ междоусобій во Франціи, чрезъ своего посланника Манрикеца, предложилъ королю наварскому свой союзъ и содѣйствіе, съ условіемъ чтобы онъ развелся съ Іоанною д'Альбре, женился на Маріи Стюартъ и вытѣ-

(¹) Sauval. Les amours des rois de France, La Haye 1738 in 12° Tome I, p.p. 271 et seq.

(²) Будущаго короля Генриха IV.

спилъ протестантовъ изъ Франціи. Это предложеніе разбивало въ прахъ всѣ замыслы Катерины Медичи. Не теряя времени она поручила мадмуазель Руэ употребить всѣ зависящія отъ нея средства для разстройства предполагаемаго союза короля наварскаго съ Испаніей и Шотландіей. Покорная велѣніямъ своей государыни, вѣрная фрейлина принудила Антонія Бурбона къ отказу—уступивъ наконецъ его страстнымъ желаніямъ... Плодомъ этой любви былъ Карлъ Бурбонъ, впослѣдствіи архіепископъ Руана, признанный и провозглашенный королемъ, подъ именемъ Карла X, во время мятежей Лиги.

Между тѣмъ война кипѣла; города изъ рукъ гугенотовъ переходили въ руки католиковъ; первыхъ преслѣдовали Гюизы, вторымъ не давали пощады Колиньи и Конде. Король наварскій, смертельно раненный подъ стѣнами Руана, умеръ 7 октября 1562 года, близъ Андильи на рукахъ Катерины Медичи, поручая ей своихъ дѣтей и супругу. Заливаясь слезами, королева клятвенно обѣщала заботиться о нихъ какъ о своихъ единокровныхъ. Начало 1563 года было ознаменовано событіемъ кровавымъ, но для Катерины Медичи радостнымъ. Адмиралъ Гастонъ-де-Колиньи, котораго не такъ-то легко было обольстить ласками фрейлинъ или очаровать балетами да домашними спектаклями, рѣшился избавить гугенотовъ отъ ихъ непримиримаго гонителя, герцога Франциска Гюиза, посредствомъ тайнаго убійства. Гюизъ, взявъ Руанъ и одержавъ надъ гугенотами блестящую побѣду при Дрё, подступилъ къ Орлеану. Въ это самое время къ нему явился бѣдный дворянинъ-гугенотъ, Польтро-дю-Мерэ, съ предложеніемъ своихъ услугъ противъ своихъ же единовѣрцевъ. Гюизъ принялъ переметчика какъ нельзя лучше и согласился оставить у себя на службѣ. Дня черезъ два послѣ того, 15 февраля, позднимъ вечеромъ, Гюизъ вмѣстѣ съ приближеннымъ своимъ Ростенгомъ, проходилъ по лагерю. Внезапно изъ ближайшаго куста сверкнулъ выстрѣлъ и Гюизъ упалъ со стономъ, тяжело раненый, какъ впослѣдствіи оказалось, отравленною пулею (¹). Убійца Польтро-дю-Мерэ былъ тотчасъ-

---

(¹) Братъ Франциска Гюиза, кардиналъ Лотарингскій, умеръ горячкою 26 декабря 1574 года. Де-Ту въ своей исторіи подозрѣваетъ, будто

же схваченъ, подвергнутъ допросу, пыткамъ. На послѣднихъ онъ показалъ, что дѣйствовалъ по наущенію адмирала Колиньи, снабдившаго его деньгами и совѣтами. Герцогъ Францискъ Гюизъ умеръ на девятый день послѣ раны (24 февраля), убійца его былъ четвертованъ; что же касается до Колиньи, не смотря на всѣ улики, онъ, по распоряженіямъ Катерины Медичи, даже не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. У королевы не хватило духу мстить тому, кто избавилъ ее отъ такого могучаго врага, какимъ былъ герцогъ Гюизъ; къ тому же до самого Колиньи тогда еще не дошла очередь. 18 марта 1563 года королева заключила съ гугенотами миръ въ Амбуазѣ. Интрига фрейлины Лимёйль съ принцемъ Конде, на время войны прерванная, возобновилась съ прежнею силою. Коварная сирена созналась, что злословила принца единственно потому, что досадовала на его равнодушіе къ ней. На это признаніе Конде отвѣчалъ ей самыми страстными увѣреньями въ любви и вѣчной вѣрности. Супруга принца, до слуха которой дошли нерадостныя вѣсти о невѣрности Конде, затосковала и умерла съ горя. Искательницами руки вдовца явилась, кромѣ дѣвицы Лимёйль, вдова недавно убитаго на войнѣ маршала Сент-Андре, прочившая передъ тѣмъ свою дочь за старшаго сына покойнаго Гюиза, Генриха. Отказавъ обѣимъ невѣстамъ, Конде женился на Францискѣ орлеанской, сестрѣ герцога Лонгвилля. Катерина Медичи, досадуя на дѣвицу Лимёйль за неудачное ея сватовство, удалила ее отъ двора въ оссонскій монастырь миноритокъ, гдѣ изгнанница разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ, а потомъ вышла за мужъ за своего давнишняго обожателя Жофруа-де-Козакъ, сеньёра де-Фремонъ. Вообще этотъ годъ, послѣ недавнихъ войнъ, былъ годомъ торжествъ Амура и Гименея; дворъ Катерины Медичи, для героевъ междоусобій, былъ тѣмъ же, чѣмъ для войскъ Аннибала ихъ разврати-

---

его отравила Катерина Медичи посредствомъ духовъ, которыми опрыскала подаренный ему кошелекъ съ рѣдкими монетами; но это несправедливо. Связь Катерины съ кардиналомъ продолжалась до самой его кончины. О подробностяхъ см. Journal de Henri III par P. de l'Etoile ed. La Haye in 12° 1746. pp. 112—115 et nota 55.

тельница, Капуа: Королева старалась прикрывать розами и миртами тѣ могилы, которыя она въ это же время готовила гугенотамъ! Она сама, не смотря на свои сорокъ четыре года, не довольствуясь дорого покупаемыми ласками своего возлюбленнаго Альберта Гонди ([1]), вошла въ связь съ братомъ Франциска Гюиза, кардиналомъ Карломъ Лотарингскимъ.

Въ 1565 году Карлъ IX, объявленный совершеннолѣтнимъ, вмѣстѣ съ матерью, братьями и Генрихомъ, двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ покойнаго короля наварскаго, ѣздилъ по разнымъ областямъ Франціи и, между прочимъ, посѣтилъ Байонну, гдѣ Катерина Медичи видѣлась и совѣщалась съ любимцемъ Филиппа II, страшнымъ герцогомъ Альбою. На тайномъ совѣщаніи (подслушанномъ сыномъ покойнаго Антонія Бурбона) кровопійца Нидерландовъ, испанскій палачъ-генералисимусъ, отъ имени достойнаго своего государя предложилъ Катеринѣ Медичи умировторить волнующуюся Францію, посредствомъ повторенія въ ней *сицилійской вечерни*, т. е. истребить гугенотовъ такъ, какъ французы были истреблены во времена оны въ Палермо. Это предложеніе, разумѣется, пришлось какъ нельзя болѣе по сердцу Катеринѣ Медичи и такимъ образомъ въ головѣ ея возникла и созрѣла мысль избіенія гугенотовъ, осуществленная въ роковую и позорную для Франціи ночь Св. Варѳоломея. Генрихъ Бурбонъ немедленно увѣдомилъ свою мать Іоанну д'Альбре, принца Конде и адмирала

([1]) Альбертъ Гонди родился во Флоренціи 4 ноября 1522 года и вмѣстѣ съ отцомъ переселился въ Ліонъ, гдѣ первый содержалъ банкъ, но дважды разорялся. Мать Гонди, воспитывавшая дѣтей Катерины Медичи, ввела Альберта ко двору, гдѣ королева отплатила ему за связь съ нею званіями наставника короля Карла IX и обер-каммергера. Плохой воинъ, но порядочный дипломатъ, онъ пользовался покровительствомъ Генриха III, пожаловавшаго ему орденъ Св. Духа и возведшаго изъ маршала Ретцъ въ генералисимусы. Онъ умеръ 12 апрѣля 1602 года. Никакими заслугами Гонди не могъ искупить злодѣйствъ, совершенныхъ имъ во время гоненія гугенотовъ. Братъ его Петръ, родившійся въ Ліонѣ въ 1533 году, благодаря протекціи Альберта, былъ канцлеромъ и милостинораздавателемъ супруги Карла IX, Елисаветы австрійской, а въ 1587 году пожалованъ въ кардиналы. Умеръ 17 февраля 1616 года. По душевнымъ качествамъ былъ несравненно лучше старшаго брата и зла никому не дѣлалъ.

Колиньи о страшныхъ замыслахъ Катерины. По предложенію престарѣлаго вождя своего, гугеноты рѣшили захватить королевскую фамилію въ плѣнъ, при обратномъ ея возвращеніи въ Парижъ, куда она прибыла однакоже 29 сентября совершенно благополучно, благодаря надежной охранѣ бывшаго при ней большаго отряда швейцарцевъ. Опять начались междоусобія, но на этотъ разъ ознаменованныя постоянными пораженіями гугенотовъ: 10 ноября 1567 года коннетабль Монморанси разбилъ ихъ при Сен-Дени; затѣмъ, послѣ перемирія въ Лонжюмо они опять были побѣждены при Жарнакѣ (13 марта 1569 года) и Монконтурѣ (3 октября). Аржансъ, взявшій принца Конде въ плѣнъ при Жарнакѣ, честнымъ словомъ завѣрилъ его въ милосердіи къ нему короля и пощадѣ его жизни, но не смотря на это въ ту минуту когда плѣнный принцъ слѣдовалъ за нимъ верхомъ и обезоруженный, на него сзади напалъ гвардейскій капитанъ Монтескьу и пистолетнымъ выстрѣломъ разможжилъ ему голову. Такъ, по повелѣнію Катерины Медичи, были покончены расчеты съ опаснѣйшимъ изъ всѣхъ ея соперниковъ. Еще года за два передъ этимъ, королева пыталась отравить его посредствомъ яблока, побывавшаго въ рукахъ ея парфюмера, миланца Рене [1], но неудачно вышло; лейбъ-медикъ принца Конде докторъ Ле-Лонъ, подозрѣвая злой умыселъ, не дозволилъ ему прикоснуться къ отравленному плоду, а отрѣзавъ небольшой кусокъ и завернувъ его въ хлѣбный мякишь далъ съѣсть собакѣ, которая черезъ нѣсколько минутъ околѣла въ жестокихъ судорогахъ. Лицо самого доктора, имѣвшаго неосторожность только понюхать отравленное яблоко, на нѣсколько дней опухло [2]. Ядъ Рене, какъ видитъ читатель, былъ надежный, но пуля Монтескьу оказалась и того лучше. Одновременно съ неудавшейся попыткою отравить принца Конде, слуга адмирала Колиньи Доминикъ д'Альбъ, по порученію Катерины, покушался отравить ад-

---

(1) Придворный парфюмеръ и аптекарь Катерины Медичи Рене былъ миланецъ, а не флорентинецъ, какъ ошибочно называютъ его, въ своихъ романахъ даровитый Дюма и его бездарнѣйшій подражатель Понсонъ дю Террайль.

(2) Discours merveilleux etc. p.p. 19—21.

мирала и его брата д'Андело, однако же во время принятое противоядіе спасло Колиньи отъ смерти; братъ же его умеръ 27 мая 1569 года. Отравителя схватили, онъ сознался во всемъ и, по повелѣнію Карла IX, былъ колесованъ.... надобно полагать — за неловкость. Ссылаясь на признаніе своего слуги-предателя адмиралъ Колиньи могъ-бы, конечно, сдѣлать Катеринѣ Медичи довольно непріятный для нея вопросъ касательно ея соучастія въ этомъ черномъ дѣлѣ, но смолчалъ, по деликатности, такъ какъ и его не безпокоили распросами послѣ убіенія герцога Гюиза.

Третій миръ между католиками и гугенотами былъ подписанъ въ Сен-Жерменѣ, 15 августа 1570 года. На этотъ разъ, не смотря на явный перевѣсъ партіи Катерины Медичи и Карла IX надъ партіей Колиньи и Іоанны д'Альбре, гугенотамъ были даны всѣ тѣ права, которыхъ они домогались и предоставлена была совершенная свобода вѣроисповѣданія и богослуженія. Кардиналъ Лотарингскій, даже и тотъ выказалъ необыкновенную кротость и уступчивость. „Это не даромъ! Тутъ, что нибудь да не такъ!" говорили дальновиднѣйшіе приверженцы Колиньи, влагая въ ножны свои мечи, иззубренные въ бою и затускнувшіе отъ крови фанатиковъ-иновѣрцевъ. Іоанна д'Альбре вмѣстѣ съ сыномъ удалилась въ свое наварское королевство; адмиралъ Колиньи отправился на отдыхъ въ кругу семьи, въ родное помѣстье.

Здѣсь на минуту остановимся, чтобы сказать нѣсколько словъ о первой любви короля Карла IX, изъ жестокосердаго ребенка ставшаго теперь девятнадцатилѣтнимъ юношей-извергомъ, совершеннолѣтнимъ и для злодѣйствъ и для грубыхъ наслажденій, о которыхъ смутное понятіе было ему внушено еще въ лѣта безгрѣшнаго младенчества. За развитіемъ его страстей, за первымъ ударомъ его сердца, забившагося любовью, слѣдила королева-родительница, слѣдили и ея прелестныя фрейлины. Первая, вѣрная своей системѣ развращать съ политической цѣлью, рекомендовала сыну заблаговременно нѣкоторыхъ изъ *своихъ* дѣвицъ, въ надеждѣ пріобрѣсти вѣрную шпіонку въ фавориткѣ королевской.—Къ совершенной досадѣ заботливой матери Карлъ, не обративъ вниманія на ея доморощенныхъ, казенныхъ красавицъ, выбралъ себѣ фаворитку изъ народной среды, обративъ свой первый страстный взглядъ

на дочь орлеанскаго аптекаря, Марію Туше, фламандку по происхожденію, полную двадцатилѣтнюю блондинку. Утромъ онъ ее увидѣлъ, а вечеромъ Ла Туръ, гардеробмейстеръ короля, привелъ красавицу въ его комнату. Менѣе всего склонный къ идеальной любви, чуждый всякаго чувства изящества, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о стыдливости женской, такъ какъ онъ выросъ въ кругу безстыдницъ — Карлъ IX былъ слишкомъ нетерпѣливымъ циникомъ, чтобы тратить время на переговоры и сентиментальныя объясненія. До своего сближенія съ Карломъ IX, Марія Туше была неравнодушна къ Монлюку, брату епископа валенцскаго, и сдѣлавшись фавориткою продолжала вести съ нимъ переписку. Узнавъ объ этомъ король (какъ повѣствуетъ Соваль), желая убѣдиться въ истинѣ, употребилъ хитрость. Онъ созвалъ къ себѣ на ужинъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, въ томъ числѣ Марію Туше, и въ тоже время приказалъ шайкѣ цыганъ, призванной для увеселенія компаніи, тихонько отрѣзать отъ поясовъ присутствовавшихъ дамъ ихъ кошельки. Цыгане удачно исполнили это порученіе и Карлъ обыскавъ кошелекъ своей фаворитки нашелъ въ немъ письма Монлюка. Уличивъ Марію и прочитавъ ей дружеское наставленіе, король внушилъ ей быть ему вѣрною и впредь не шалить. Сдержала ли Марія Туше данное ему слово или продолжала вести переписку съ должною осторожностью, неизвѣстно, но какъ бы то ни было, болѣе не попадалась съ поличнымъ. Король мало по малу привязался къ ней, особенно послѣ рожденія ею сына и, по своему, любилъ ее горячо до самой своей смерти. Къ чести Маріи Туше прибавимъ, что она не употребляла во зло своего вліянія на Карла IX, не выводила въ люди своихъ ближнихъ и дальныхъ родственниковъ, даже сама не домогалась ни титуловъ, ни щедрыхъ даяній. Когда шли переговоры о бракѣ Карла IX съ австрійской принцесой Елисаветой и портретъ послѣдней былъ присланъ къ жениху, Марія Туше, взглянувъ на изображеніе будущей королевы, потомъ въ зеркало, сказала съ усмѣшкой: „Ну, эта нѣмка мнѣ не опасна!“ Дѣйствительно, бѣдная Елисавета, кроткая, добрая, но некрасивая, въ теченіе четырехъ лѣтъ замужства, не умѣла ни привязать къ себѣ своего супруга, ни охладить его къ Маріи Туше. Какой-то при-

дворный грамотѣй, желая польстить фавориткѣ, составилъ изъ ея имени: MARIE TOUCHET, любезную анаграмму: JE CHARME TOUT (я все очаровываю), что̀ отчасти было даже справедливо, такъ какъ никто изъ придворныхъ не могъ пожаловаться на обходительность фаворитки. Выборъ короля былъ весьма счастливой случайностью, или дѣломъ весьма умнаго расчета. Что было бы съ королевствомъ, въ это несчастное время, если бы фавориткою короля была какая нибудь госпожа въ родѣ герцогини д'Этампъ или одна изъ казенныхъ красавицъ, рекомендованныхъ ему его услужливой маменькой?

Съ самаго начала 1570 года Катерина Медичи была занята множествомъ государственныхъ дѣлъ, одно другаго важнѣе. Возникли какія-то интимныя сношенія съ польскимъ дворянствомъ и въ то-же время кардиналъ Шатійонъ (братъ Колиньи) велъ переговоры объ избраніи герцогу Анжуйскому въ супруги королевы англійской; съ римскимъ и испанскимъ дворами шла дѣятельная секретная переписка... вѣроятно о подавленіи возстанія въ Нидерландахъ. На донесенія правителей французскихъ областей о частыхъ столкновеніяхъ между гугенотами и католиками, королева не отвѣчала никакими особенно строгими инструкціями; напротивъ, всего чаще, оправдывала гугенотовъ, подтверждая права, данныя имъ недавними эдиктами умиротворенія. Парижскій кабинетъ, очевидно, желалъ сохранить самое доброе согласіе съ адмираломъ Колиньи и Іоанной д'Альбре, единственными защитниками кальвинистовъ. При всемъ томъ, смутное предчувствіе чего-то страшнаго тревожило сердца людей осторожныхъ, не довѣрявшихъ этому затишью и принимавшихъ его за предтечу бури. Суевѣровъ безпокоили „небесныя знаменія," т. е. явленіе кометы, метеоровъ; частыя сѣверныя сіянія и необыкновенные ураганы, о которыхъ въ лѣтописяхъ того времени сохранилось множество чудесныхъ, фантастическимъ росказней. Астрологи предрекали, въ близкомъ будущемъ, новыя распри и кровопролитнѣйшія побоища; въ *книгѣ Центурій* покойнаго Михаила Нострадамуса отыскали нѣсколько четверостишій весьма зловѣщаго содержанія (¹).

(¹) Нострадамусъ (род. 1503 ум. 1566 г.) для Франціи то же что у нас Брюсъ или Мартынъ Задека. Какую богатѣйшую пищу суевѣрію

Вся Франція была въ напряженномъ состояніи томительнаго, лихорадочнаго ожиданія горя, или радости.. „Радости," поспѣшила отвѣтить Катерина Медичи, возвѣстивъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ о предстоящемъ бракосочетаніи короля Карла IX съ Елисаветою австрійскою. Желая сдѣлать соучастниками семейной своей радости и католиковъ и гугентовъ, королева радушно пригласила на брачное торжество тѣхъ и другихъ. Было много званныхъ, но мало избранныхъ. На свадьбѣ Карла IX приверженцы Колиньи и Іоанны д'Альбре блистали своимъ отсутствіемъ; довольствуясь миромъ, гугеноты очевидно избѣгали тѣснаго сближенія съ католиками, не обращая вниманія на любезности и заигрыванія Катерины Медичи. Старикъ Колиньи безпрестанно напоминалъ окружавшимъ, что королевскій дворъ, со всѣми своими обольщеніями въ мирное время, едва ли не опаснѣе ратнаго поля во время усобицъ и въ подтвержденіе истины своихъ словъ указывалъ на недавніе примѣры покойныхъ Антонія Бурбона и Людовика Конде. Іоанна д'Альбре, женщина честная, еще красавица, не смотря на годы, но строгихъ правилъ, инстинктивно ненавидѣла дворъ, при которомъ, какъ она писала къ своему сыну, „женщины сами вѣшаются на шею мужчинамъ (1)."

Въ началѣ 1571 года Катерина Медичи радушнѣйшимъ образомъ опять приглашала къ себѣ адмирала и королеву наварскую, обѣщая первому довѣрить предводительство надъ войсками, которыя намѣревалась тогда послать на помощь Фландріи; но Колиньи и Іоанна д'Альбре опять уклонились отъ приглашенія королевы-родительницы. Видя, что это не беретъ, она отправила къ Іоаннѣ д'Альбре, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, маршала Бирона, съ предложеніемъ руки принцессы Маргариты сыну Іоанны д'Альбре, Генриху. Бракъ этотъ, по мнѣнію Катерины Медичи, былъ единственнымъ средствомъ для окончатель-

---

даютъ его знаменитыя центуріи, въ которыхъ есть между прочимъ предсказанія о революціи 1789 года и Наполеонѣ... Разумѣется, справедливость предсказаній зависитъ отъ догадливости читателей.

(1) Le Laboureur: Additions aux Mémoires de Castelnau, tome II, p 903.

наго примиренія всѣхъ партій, религіозныхъ и политическихъ; въ дозволеніи папы Пія V не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ его святѣйшество, по словамъ маршала Бирона, душевно желалъ примиренія партій, волновавщихъ Францію. Это сватовство, льстившее самолюбію вдовы Антонія Бурбона, соотвѣтствовавшее ея задушевному желанію видѣть, современемъ, своего сына на французскомъ престолѣ, поколебало ея недавнюю рѣшимость отнюдь не сближаться съ семействомъ Валуа. Въ то же время Колиньи, уступая просьбамъ своихъ друзей, принца Нассаускаго и маршала Коссе, согласился ѣхать въ Блуа, гдѣ тогда находились Карлъ IX и Катерина Медичи со всѣмъ дворомъ. На это послѣднее обстоятельство указывалъ маршалъ Биронъ, какъ на явное доказательство искренности и любви королевы-родительницы. „Она сама и державный ея сынъ,“ говорилъ маршалъ Іоаннѣ д'Альбре—„не колеблясь дѣлаютъ первый шагъ къ родственному свиданію съ вами. Зачѣмъ же вы будете оскорблять ихъ ничѣмъ неизвинительнымъ недовѣріемъ?“ Вдовствующая королева наварская болѣе не колебалась, изъявила маршалу свое согласіе на предполагаемый бракъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщая пріѣхать ко двору въ непродолжительномъ времени. Пріемъ, оказанный Карломъ IX адмиралу Колиньи, превзошелъ всѣ его ожиданія. „Это счастливѣйшій день въ моей жизни!“ восклицалъ король, бросаясь къ адмиралу на шею—„Я вижу моего милѣйшаго *папашу*. Наконецъ-то вы въ нашихъ рукахъ, наконецъ-то вы нашъ и теперь, какъ себѣ хотите, а уже мы васъ не выпустимъ!“ Затѣмъ Карлъ IX объявилъ дорогому гостю, что поздравляетъ его членомъ государственнаго совѣта, жалуетъ 50,000 экю на покрытіе путевыхъ издержекъ, уступаетъ ему движимое имущество недавно умершаго въ Англіи кардинала Шатійона (1) и весь годовый доходъ съ недвижимаго. Не менѣе щедрыми милостями были осыпаны прибывшіе съ адмираломъ дворяне-гугеноты и молодой зять его Телиньи. Въ знакъ особеннаго почета и для

(1) Кардиналъ былъ отравленъ, по повелѣнію Катерины Медичи, 14 февраля 1571 года.

*

удостовѣренія его въ личной безопасности, адмиралу было разрѣшено имѣть при себѣ отрядъ тѣлохранителей изъ полу-сотни алебардистовъ; но это еще не все: единственно въ угоду своему *папашѣ*, 14 октября 1571 года, Карлъ IX именнымъ указомъ подтвердилъ гугенотамъ своего королевства всѣ прежнія права, съ присоединеніемъ многихъ новыхъ льготъ и привилегій. Остальные сыновья Катерины Медичи, ея дочь и она сама ласкали Колиньи, угождали ему и ухаживали за старикомъ такъ, какъ ухаживаютъ за богатымъ дѣдомъ недостаточные внуки, т. е. съ нѣжностью, доходящею до приторности; съ угодливостью, впадающею въ докучливость. Тронутый Колиньи, принявъ всѣ эти ласки за чистую монету, довѣрился злодѣямъ съ простодушіемъ ребенка. Это было торжество флорентинской политики Катерины Медичи, наконецъ-то уловившей стараго льва въ свои сѣти сплетенныя, на этотъ разъ, изъ шелку и золота. Обольстивъ лицемѣріемъ своимъ старика-адмирала, Карлъ IX приготовился къ свиданію съ Іоанною д'Альбре. Онъ самъ съ Катериной Медичи и блестящей свитой выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Бургейль; со слезами радости цѣловалъ ей руки, называя возлюбленною тетушкою, обожаемой красавицей... а вечеромъ того же дня спрашивалъ у своей достойной родительницы:

— Хорошо-ли я сыгралъ мою рольку? (ai-je bien joué mon petit rolet?).

— Какъ нельзя лучше, отвѣчала Катерина, но что же дальше?

— Дальше, увидите сами; главное дѣло сдѣлано. Какъ опытный охотникъ, я заманилъ птичекъ въ западню, остальныя залетятъ сами!

Въ Парижѣ король и его родительница, въ одно и тоже время, одинаково дѣятельно занялись устройствомъ великолѣпныхъ праздниковъ и перепиской съ римскимъ дворомъ о разрѣшеніи Маргаритѣ выдти за гугенота, короля наварскаго. Пій V медлилъ отвѣтомъ; Іоанна д'Альбре сомнѣвалась въ успѣхѣ, но Карлъ IX успокоивалъ ее словами: „сестра Марго будетъ за Генрихомъ, хотя бы папа римскій лопнулъ съ досады! Если же онъ не позволитъ, тогда мы обойдемся и безъ его позволенія; я не

гугенотъ, но также и не дуракъ; вы же и сестра для меня, конечно, дороже нежели его святѣйшество!“ Для устраненія, однако, всякихъ недоразумѣній, рѣшили отправить въ Римъ, для переговоровъ о бракѣ, кардинала Карла Лотарингскаго ([1]), а въ ожиданіи категорическаго отвѣта, тѣшили Іоанну д'Альбре и всѣхъ ея приверженцевъ, съѣхавшихся въ Парижъ — пирами да балами. Катерина Медичи, какъ добрая, радушная хозяйка и нѣжная мать, заботилась и о доставленіи гостямъ всевозможныхъ удовольствій и о заготовленіи приданаго своей милой Марго, совѣщаясь о послѣднемъ пунктѣ со своей возлюбленной сватьюшкой, Іоанной д'Альбре. Наряды послѣдней, щегольскіе для скромнаго беарнскаго двора и приличные для королевы наварской, были не довольно богаты и изящны для двора короля французскаго. Та же внимательная, обходительная Катерина Медичи давала дружескіе совѣты Іоаннѣ д'Альбре на счетъ ея туалета, дарила ей обновы, снабжала духами, пышными фрезами по модѣ того времени, перчатками вышитыми шелкомъ и золотомъ. Сорокалѣтняя королева наварская, по своей красотѣ и моложавости, казалась не матерью, но сестрою юнаго Генриха Бурбона; ея величавость и полнота не мѣшали ей въ танцахъ отличаться ловкостью и граціей. Скрѣпя сердце, однако, королева наварская принимала участіе въ придворныхъ празднествахъ, вполнѣ сознавая всю ихъ пустоту, сумасбродную роскошь и нравственную распущенность, замаскированную этикетомъ. Ее не покидала мысль, чтобы Генрихъ, вмѣстѣ съ Маргаритой, немедленно послѣ бракосочетанія уѣхалъ изъ Парижа въ родимый Беарнъ или Неракъ, гдѣ образъ жизни хотя и гораздо проще и не было при тамошнемъ дворѣ сотой доли той роскоши, которая владычествовала при дворѣ парижскомъ, но за-то, гдѣ люди похожи на людей, а не на раззолоченныхъ куколъ, или ненасытно сластолюбивыхъ обезьянъ. Бѣдная Іоанна д'Альбре еще не знала, что дворъ Катерины Ме-

---

[1] Онъ уѣхалъ въ Римъ въ послѣднихъ числахъ мая 1572 года, и во время убійствъ Варѳоломеевской ночи, его не было въ Парижѣ, хотя кардиналъ этотъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ этой рѣзни, рѣшенной еще въ Блуа, зимою 1571 года.

дичи и Карла IX не только царство разврата, но прямой разбойничій притонъ, изъ котораго добрыхъ людей живыми не выпускаютъ.

Четвертаго іюня 1572 года, градской глава Марсель давалъ великолѣпный балъ королевской фамиліи въ зданіи ратуши парижской. Праздникъ продлился далеко за полночь, а на зарѣ, по возвращеніи въ Лувръ, Іоанна д'Альбре почувствовала себя сильно нездоровою. Призванные доктора объявили, что у королевы наварской воспаленіе легкихъ... Обращаемъ вниманіе читателя на это обстоятельство: тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ отъ воспаленія легкихъ скончался сынъ Франциска I, по милости своего мундшенка Монтекукколи. При первомъ же извѣстіи о болѣзни Іоанны д'Альбре, Катерина Медичи сказала окружавшимъ, что королева наварская *вѣроятно* простудилась, такъ какъ въ послѣдніе дни много выѣзжала, не смотря на ненастную и холодную погоду. Было бы гораздо вѣроятнѣе, еслибы Катерина сказала, что на больной, бывшей на балу въ ратушѣ, были надѣты перчатки, раздушенныя миланцемъ Репе, и высокій крахмальный воротникъ съ фрезами, опрысканный ароматами той же лабораторіи... На пятый день, 9 іюня, Іоанна д'Альбре скончалась. При вскрытіи трупа оказался параличъ легкихъ — неизбѣжное слѣдствіе воспаленія, причины же воспаленія не было открыто; такъ и порѣшили, что во всемъ была виновата простуда. Генрихъ наварскій, Колиньи и всѣ дворяне-гугеноты были поражены ужасомъ, подозрѣвая отравленіе; Катерина Медичи и Карлъ IX успокоивали ихъ, ссылаясь на показанія людей ученыхъ и свѣдущихъ, между прочимъ на свидѣтельство знаменитаго Амвросія Паре, которое должно было разсѣять всякія сомнѣнія. Колиньи, а за нимъ и другіе (кромѣ Генриха) повѣрили, что Іоанна д'Альбре скончалась своею смертью, по волѣ Божіей (1). На ста-

(1) Отравленіе посредствомъ духовъ, весьма обыкновенное въ Италіи, было введено во Франціи стараніями Катерины Медичи. Каждый, мало-мальски знакомый съ медициною, безъ труда пойметъ, что при вдыханіи остраго яда, всего прежде поражаются легкія. Смерть — неизбѣжный исходъ подобнаго рода воспаленія, настоящая причина котораго легко можетъ укрыться отъ изслѣдованій самаго опытнаго анатома.

раго адмирала тогда точно затмѣніе напало; онъ вѣрилъ коварнымъ рѣчамъ короля французскаго, ласкамъ его матери, но не вѣрилъ очевидности. Кардиналъ Пельве, клевретъ Карла Лотарингскаго, бывшаго въ Римѣ, увѣдомилъ послѣдняго о подробностяхъ хода заговора противъ гугенотовъ; послѣдніе перехватили письмо, уличавшее злодѣевъ — и этому письму Колиньи не повѣрилъ! Онъ ссылался на неизмѣнную къ нему внимательность Карла и Катерины, на ихъ охлажденіе къ Генриху Гюизу, на досаду и негодованіе послѣдняго. Въ концѣ іюля прибыло изъ Рима письмо отъ кардинала Лотарингскаго съ давно желаннымъ разрѣшеніемъ папы Пія V на бракосочетаніе короля наварскаго съ Маргаритою; письмо подложное, написанное кардиналомъ единственно для ускоренія страшной развязки заговора на гугенотовъ, сопряженной съ этой свадьбою. Отъ этого грѣха, его святѣйшество далъ кардиналу свое пастырское разрѣшеніе — *зане* цѣль оправдывала средства. Гугеноты, разумѣется, не усомнились въ подлинности папскаго благословенія на бракъ короля наварскаго и стали цѣлыми семьями стекаться въ Парижъ на близкое торжество... Расчеты Карла IX были вѣрны; сбылись его слова, сказанныя Катеринѣ: *я заманилъ птичекъ въ западню, остальныя залетятъ сами*.

Восемнадцатаго августа совершилось бракосочетаніе короля наварскаго Генриха Бурбона съ Маргаритой Валуа и сопровождалось пышными празднествами. Тутъ произошло то желанное *сліяніе партій*, котораго такъ жаждали, хотя и съ противуположными цѣлями, Колиньи, Карлъ и Катерина Медичи. Гугенотъ пилъ изъ одного бокала съ католикомъ; жены и дочери дворянъ наварскихъ порхали въ танцахъ вмѣстѣ съ фрейлинами и статсъ-дамами Катерины Медичи, и какъ невинность довѣрчиво подавала руку разврату, такъ будущіе убійцы шутили и смѣялись со своими, ничего не подозрѣвавшими жертвами. Гугеноты со своими семьями веселились и плясали надъ волканомъ, прикрытымъ блестящимъ паркетомъ ярко освѣщеннаго Лувра. Сіяя самодовольной улыбкой, король Франціи и королева-родительница для каждаго гостя находили ласковое слово, любезность, лестный комплиментъ и въ тоже время размѣнивались выразительными взглядами со своими

сообщниками... Кровавая трагедія готовилась подъ этой личиною веселой комедіи! Праздникъ смѣнялся праздникомъ, одинъ балъ другимъ, и если бы въ тѣ времена существовали въ Парижѣ газеты, подобныя нынѣшнимъ французскимъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что какой нибудь фельетонистъ-лизоблюдъ отпустилъ бы стереотипную фразу: „эти дни ликованія парижскаго двора были днями радости всей столицы“... Бывали политическія злодѣйства во всѣ вѣка вообще, въ шестнадцатомъ въ особенности, но чтобы убіенію нѣсколькихъ тысячъ жертвъ предпослать пиры, заставлять плясать свои жертвы, поить ихъ, откармливать буквально на убой, чтобы потомъ перерѣзать, наругаться надъ ними... до подобнаго цинизма въ злодѣйствѣ могли дойдти только Катерина Медичи и достойное ея отродье, Карлъ IX! Дня черезъ три послѣ свадьбы, раннимъ утромъ, въ кабинетѣ короля происходило таинственное совѣщаніе между нимъ, Катериною и Генрихомъ Гюизомъ [1]. О чемъ именно оно происходило, это мы увидимъ, прослѣдивъ за послѣднимъ во весь его путь отъ Лувра до своего дома. По возвращеніи отъ короля, Гюизъ, призвавъ къ себѣ гвардейскаго капитана, преданнаго ему Мореветя, и бывшаго своего наставника Вилльмюра, объявилъ имъ, что король и королева „разрѣшили ему *то*, о чемъ онъ ихъ просилъ.“ Въ отвѣтъ на это Моревель вынулъ изъ кармана двѣ мѣдныя пули и показалъ ихъ Гюизу; осмотрѣвъ ихъ съ видомъ знатока, герцогъ возвратилъ ихъ Моревелю, съ придачею кошелька, туго набитаго золотомъ. Потомъ, приказавъ Вилльмюру позаботиться объ устройствѣ *всего*, какъ слѣдуетъ, отпустилъ обоихъ клевретовъ. На другой день (въ пятницу 22 августа) адмиралъ Колиньи, по окончаніи засѣданія въ государственномъ совѣтѣ, возвращался домой черезъ улицу Бетизи, гдѣ встрѣтилъ короля. Взявъ адмирала подъ руку, король пригласилъ его на партію въ лапту (jeu de paume), на нарочно устроенную для игры эспланаду, на которой въ это время находились Генрихъ Гюизъ и Телиньи, зять адмирала. Окончивъ игру, Колиньи, со-

[1] Сынъ покойнаго Франциска, убитаго Польтро-дю-Мере. Подробная біографія Генриха Гюиза находится въ обозрѣніи слѣдующаго царствованія.

провождаемый двѣнадцатью дворянами изъ своей свиты, пошелъ домой обѣдать и дорогою читалъ какую-то бумагу, переданную ему королемъ. На углу улицы св. Германа оксеррскаго, путники были оглушены выстрѣломъ изъ мушкетона, раздавшимся въ нѣсколькихъ шагахъ изъ окна дома Виллььюра. Колиньи зашатался: одна изъ мѣдныхъ пуль раздробила ему указательный палецъ правой руки, другая сильно поранила лѣвую. Наскоро перевязавъ раны, опираясь на прислужниковъ, Колиньи кой какъ дотащился до дому, откуда немедленно послалъ нарочнаго къ Карлу IX, съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся. При первыхъ словахъ вѣстника король поблѣднѣлъ и съ художественно-поддѣланнымъ отчаяніемъ вскричалъ:

— Опять! Нѣтъ, это уже слишкомъ... Этому не будетъ конца! Пора до корня истребить эти проклятыя распри!..

Король наварскій и принцъ Генрихъ Конде поспѣшили навѣстить раненаго и присутствовали при перевязкѣ. Лейбъ-хирургъ Амвросій Паре призналъ необходимымъ отнять палецъ, но ампутировалъ такъ неловко, что причинилъ адмиралу невыразимыя страданія. Старикъ однако же мужественно перенесъ операцію и, благодаря Бога за сохраненіе жизни, послалъ 1000 золотыхъ экю для раздачи бѣднымъ гугенотамъ своего прихода. Отъ адмирала Генрихъ и Конде отправились въ Луврѣ къ королю, покорнѣйше прося его отпустить ихъ изъ Парижа...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! перебилъ Карлъ IX —этого преступленія нельзя оставить безъ наказанія, и вы обязаны присутствовать при производствѣ слѣдствія. Клянусь вамъ честью и Богомъ, что убійца будетъ наказанъ примѣрно и такъ, что его муки отобьютъ у мятежниковъ дальнѣйшую охоту покушаться на жизнь моихъ друзей!..

— Непремѣнно, непремѣнно! подтвердила Катерина Медичи — если это дѣло оставить безъ послѣдствій, то наконецъ и мы, въ Луврѣ, не будемъ увѣрены въ нашей безопасности.

Немедленно, по королевскому повелѣнію, всѣ парижскія заставы, за исключеніемъ двухъ, были закрыты; всѣмъ временнымъ жителямъ столицы гугенотамъ, знатнымъ и простымъ, было приказано переселиться въ кварталъ, гдѣ находился домъ адмирала;

затѣмъ чтобы находиться подъ охраненіемъ его стражи, теперь усиленной. О всѣхъ этихъ *благодѣтельныхъ* распоряженіяхъ король сообщилъ адмиралу лично, посѣтивъ больнаго со всѣмъ дворомъ. Герцогъ анжуйскій и Катерина плакали, увидя раненаго старика, а король, ударяя себя въ грудь, твердилъ:

— Милый батюшка, я страдаю душой такъ, какъ вы тѣломъ! Меня злодѣи ранили, меня оскорбили вмѣстѣ съ вами!

— Благодареніе Господу, произнесла Катерина, подымая глаза къ небу, что онъ сохранилъ намъ нашего неоцѣненнаго Колиньи!

— Какъ, неоцѣненнаго? усмѣхнулся старикъ. Давно ли вы, государыня, предлагали 50,000 экю за мою голову? Къ слову сказать, этимъ же самымъ искателямъ моей гибели вы теперь поручили исполненіе эдикта умиротворенія по областямъ, почти несоблюдаемаго...

— Папаша, не сердитесь, Бога ради! перебилъ заботливо король — теперь вамъ вредно сердиться. Клянусь вамъ честью, мы назначимъ новыхъ комисаровъ и все, все уладимъ къ совершенному вашему удовольствію.

Колиньи завелъ рѣчь о походѣ въ Нидерланды противъ испанцевъ; но Катерина и Карлъ, уклоняясь отъ отвѣта, только убѣждали его беречь себя, клялись Богомъ и честью розыскать убійцу и предать его самымъ адскимъ истязаніямъ. Передъ отъѣздомъ въ Лувръ, король сказалъ адмиралу, что для совершеннѣйшей его безопасности онъ прикажетъ оцѣпить его домъ, и дѣйствительно прислалъ стражу подъ начальствомъ Коссена (Cosseins), заклятаго врага Колиньи и ненавистника гугенотовъ. Вечеромъ у адмирала было собраніе всѣхъ его друзей и приверженцевъ. Іоаннъ де Феррьеръ, видамъ [1] шартрскій, объявилъ, что покушеніе на жизнь адмирала—первый актъ трагедіи, которая окончится избіеніемъ всѣхъ его родныхъ и друзей; напомнилъ о подозрительной кончинѣ королевы наварской, о странныхъ мѣропріятіяхъ для безопасности гугенотовъ... Какъ въ древней Троѣ, Кассандра пред-

---

(1) Начальникъ епископскихъ войскъ и главный управитель духовныхъ имѣній.

остерегала семейство Пріама, но никто не послушалъ ея совѣтовъ, такъ ни друзья Колиньи, ни онъ самъ не обратили вниманія на пророческія слова видама; Телиньи особенно горячо защищалъ короля, ссылаясь на его клятвы и увѣренія. То же самое повторилось и на другой день (въ суботу 23 августа), когда къ голосу Телиньи присоединились Генрихъ Конде и король наварскій.

Между тѣмъ и въ Луврѣ происходили совѣщанія, совсѣмъ иного рода. Карлъ, Катерина, герцоги Анжуйскій, Наварскій, канцлеръ Бирагъ, Таваннь, Гонди и *пригулокъ* Ангулемскій ([1]) обсуждали важный вопросъ: убить или пощадить, при предстоящей рѣзнѣ, Конде и короля наварскаго?

— Увидимъ, какъ разыграется дѣло! порѣшилъ Карлъ IX.

Въ послѣобѣденную пору около Лувра показались толпы вооруженныхъ людей, весьма подозрительной наружности. На вопросъ короля наварскаго, король французскій отвѣчалъ, что это все продѣлки Гюизовъ, замышляющихъ что-то недоброе — „но я ихъ угомоню,“ успокоивалъ онъ своего зятя. Замѣтивъ, что во дворъ Лувра тридцать шесть дрягилей сносятъ копья, бердыши и мушкетоны, Генрихъ тревожно спросилъ, „что это значитъ?“ — „Приготовленія для завтрашняго спектакля!“ двусмысленно отвѣчалъ ему сынъ Катерины Медичи. — Онъ опять навѣстилъ Колиньи; опять увѣрялъ его въ своемъ искреннемъ участіи и жаловался ему на Гюиза, Богъ-вѣсть по какой причинѣ, располагающаго удалиться изъ Парижа. Еще съ утра особые комисары ходили по домамъ, составляя перепись жившимъ въ нихъ гугенотамъ, увѣряя послѣднихъ, что все это дѣлается по королевскому повелѣнію для ихъ же собственной пользы. Городскіе обыватели католики, въ это же самое время, невѣдомо зачѣмъ, нашивали себѣ бѣлые бумажные кресты на шляпы и перевязывали лѣвыя руки платками; одни точили топоры, другіе осматривали

([1]) Побочный сынъ Генриха II и Сары Флемингъ-Леуистонъ (см. стр. 77). Мы замѣнили французское слово bâtard равносильнымъ русскимъ простонароднымъ терминомъ, который по своей вѣрности и нѣкоторой благопристойности заслуживаетъ права гражданства въ разговорномъ языкѣ.

замки у мушкетоновъ и лезвія у мечей; — на распросы своихъ женъ и дочерей отвѣчали мрачными улыбками. Тихо догорѣлъ жаркій день и вскорѣ ночной мракъ сталъ опускаться на постепенно смолкавшій городъ; по окнамъ домовъ замигали огоньки; башни собора Богоматери и сосѣднихъ храмовъ, чернѣя на темномъ небѣ, казались исполинами, стерегущими обывателей. Часу въ одиннадцатомъ Генрихъ Гюизъ оцѣпилъ Лувръ швейцарскими стражами, приказавъ имъ не пропускать слугъ короля наварскаго или принца Конде. Купцы и цеховые, вооруженные чѣмъ попало, собирались въ залахъ городской ратуши, гдѣ купеческій старшина Іоаннъ Шаронъ, клевретъ Гюиза и Катерины Медичи, говорилъ имъ рѣчь, проникнутую фанатизмомъ, и призывалъ къ отмщенію гугенотамъ за всѣ минувшіе мятежи, а главное—за ихъ неуваженіе къ истинной вѣрѣ Христовой... Карлъ IX, блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, расхаживалъ по своему кабинету, изрѣдка заглядывалъ изъ окна на набережную, кой гдѣ освѣщенную фонарями, кровавыми искрами отражавшимися на черныхъ зыбяхъ тихо плескавшейся Сены. Сидѣвшая у стола Катерина Медичи, со спокойствіемъ закоснѣлой злодѣйки, медленно говорила сыну:

— Не раздумывай, пользуйся случаемъ, подобный которому не представится болѣе... Отступить—значило-бы погубить себя и все наше семейство. Смерть еретиковъ спасетъ не только насъ, но и все королевство... Приказы по областямъ разосланы и должны быть приведены въ исполненіе завтра же, на зарѣ; столица должна подать примѣръ всѣмъ прочимъ городамъ!...

Время близилось къ полуночи. При всей таинственности, которою злодѣи окружали свои умыслы подъ покровомъ ночи, вѣсть о сборищѣ войскъ во дворахъ Лувра и вокругъ дворца дошла до квартала, гдѣ жилъ Колиньи. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ отправились къ Лувру узнать о причинѣ сборища, но у самыхъ воротъ часовые перегородили имъ дорогу; на разспросы гугенотовъ грубая солдатчина отвѣчала ругательствами... Несчастные потребовали караульнаго офицера, и тотъ явился—за тѣмъ чтобы приказать солдатамъ угомонить незваныхъ гостей. Первыя жертвы кровопійцъ пали подъ ударами бердышей усердной швейцарской стражи.

— Духъ войскъ превосходный! донесла Катерина своему сыну, узнавъ о началѣ убійствъ · надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; раздумывать нечего!..

Ударъ набата въ церкви Св. Германа Оксеррскаго прервалъ рѣчь королевы-родительницы; черезъ нѣсколько минутъ съ ревомъ колокола слился смутный гулъ тысячи голосовъ, ропотъ народныхъ волнъ, разлившихся бурнымъ потокомъ по улицамъ. Со смолянными факелами и оружіемъ въ рукахъ, солдаты, горожане и яростная чернь—устремились на кварталы, въ которыхъ пріютились гугеноты...

Глядя въ эту минуту на Парижъ, можно было подумать, что въ немъ празднуютъ свой шабашъ сотни демоновъ, извергнутыхъ преисподнею. Но мы оставимъ, на время, Луврь съ Катериной и Карломъ, стоявшими у растворенняго окна, и посмотримъ что въ эту минуту происходило въ домѣ адмирала Колиньи.

Движимый чувствомъ мщенія за убійство своего отца—убійство, въ которомъ Польтро-дю-Мере былъ орудіемъ адмирала Колиньи, герцогъ Генрихъ Гюизъ, съ пригулкомъ Ангулемскимъ и вооруженнымъ отрядомъ, устремился въ кварталъ, гдѣ жили гугеноты. Ворвавшись во дворъ дома Колиньи, Гюизъ именемъ короля требовалъ, чтобы спутникамъ его отворили двери. У адмирала, въ это время, находился Амвросій Паре и перевязывалъ раны, нанесенныя старику два дня тому назадъ Моревелемъ ([1]). Услыхавъ необыкновенный шумъ, бряцанье оружія на дворѣ и замѣтивъ красноватый отблескъ факеловъ сквозь опущенныя оконныя занавѣси, адмиралъ поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ узнать о причинѣ... Трескъ ломаемыхъ убійцами парадныхъ дверей предупредилъ отвѣтъ убитаго посланнаго; остальное досказали слуги, толпой вбѣжавшіе въ спальню адмирала.

— Спасайтесь, отецъ нашъ! Это Гюизъ и убійцы!.. кричали они обожаемому ими Колиньи. Смерть ваша стучится у дверей!...

([1]) Моревель, разумѣется, не былъ подвергнутъ наказанію и, послѣ неудачнаго своего покушенія, спокойно пріютился въ домѣ Гюиза. Всѣ увѣренія Карла IX—отыскать злодѣя и примѣрно его наказать, были комедіей, въ которой король прекрасно игралъ «свою рольку» (son petit rolet).

— Я давно готовъ принять эту гостью, невозмутимо отвѣчалъ Колиньи. Мнѣ, искалеченному, дряхлому, безъ того немного жить и бѣжать трудно, а лучше спасайтесь вы сами...

Чувство самосохраненія подавило въ слугахъ адмирала чувство привязанности; многіе изъ нихъ бѣжали на чердакъ, откуда пробрались на кровли дома; нѣкоторые спаслись.

Въ эту самую минуту, бывшіе въ отрядѣ Гюиза: капитанъ Аттенъ (Attin), Бемъ (Besme), Сарлабу и нѣсколько солдатъ, съ проклятьями всходили на лѣстницу и шли прямо къ спальной адмирала, который, поднявшись съ креселъ въ халатѣ, съ рукою на перевязкѣ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Ты адмиралъ? спросилъ Бемъ ломаннымъ французскимъ языкомъ (онъ былъ уроженецъ альзасскій), приставляя факелъ къ самому лицу старика.

— Молодой человѣкъ, отвѣчалъ Колиньи, имѣй уваженіе къ моимъ сѣдинамъ...

Вмѣсто отвѣта, Бемъ схватилъ его за бороду, воткнулъ ему шпагу въ животъ, а потомъ, нѣсколько разъ ударилъ эфесомъ по головѣ и по лицу; примѣру Бема послѣдовали бывшіе съ нимъ солдаты—и Колиньи палъ подъ ихъ ударами.

— Бемъ, покончилъ ли? крикнулъ Гюизъ, стоявшій на дворѣ.

— Конечно! отозвался тотъ выглянувъ въ окно.

— Бросай его сюда...

Трупъ Колиньи, покрытый ранами, залитый кровью, былъ выброшенъ изъ окна во дворъ, къ ногамъ Гюиза и пригулка Ангулемскаго. Они, носовыми платками отерѣвъ окровавленное лице мертвеца и внимательно осмотрѣвъ его и перевязанныя руки трупа, убѣдились, что жертва не избѣгла своей роковой участи; нѣсколько разъ пнули покойника ногами въ лице и, сѣвъ на коней, ускакали въ городъ, гдѣ, вмѣстѣ съ герцогомъ Неверскимъ, Таваномъ и Гонди, ободряли убійцъ словомъ и собственнымъ примѣромъ. Трупъ Колиньи, на зарѣ, былъ отвезенъ на живодерню Монфокона и повѣшенъ на желѣзныхъ цѣпяхъ головою внизъ на тамошней каменной висѣлицѣ (¹). Дня черезъ три Карлъ IX, Катерина Ме-

(¹) По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, у трупа Колиньи отрубили голову и принесли ее показать Карлу IX и Катеринѣ; а потомъ, на-

дичи, герцогъ Анжуйскій и многія дамы и дѣвицы ѣздили полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Сохранилось преданіе, что здѣсь Карлъ IX, въ отвѣтъ на замѣчаніе кого-то изъ присутствовавшихъ—о зловоніи уже разложившагося трупа, отвѣчалъ смѣясь:

— Пустяки, пустяки! Трупъ врага всегда хорошо пахнетъ!

Намъ пришлось бы написать цѣлую книгу, если бы мы вздумали подробно исчислить всѣ злодѣйства Варѳоломеевской ночи и представить читателю именной списокъ жертвъ обоего пола и всякаго возраста. Участи Колиньи подвергся его зять Телиньи, умерщвленный отрядомъ герцога Анжуйскаго; приближенные Конде и Генриха наварскаго, дворяне: Сегюръ, баронъ Пардайянъ, Сен-Мартенъ, Бурсъ, капитанъ Пилль —убиты Нансеемъ, капитаномъ королевской стражи, въ стѣнахъ Лувра, подъ окнами королевскаго кабинета, изъ которыхъ любовались рѣзнею Карлъ IX и его матушка... Любовались! Этого мало: королю видъ крови и стоны умирающихъ внушили остроумную мысль придать убійствамъ окончательно видъ охотничьей травли и, такимъ образомъ, соединить пріятное съ полезнымъ. Призвавъ въ кабинетъ своего биксеншпаннера (заряжальщика ружей на охотѣ) съ двумя мушкетонами и приказавъ ему заряжать ихъ поочередно, Карлъ IX стрѣлялъ изъ окна въ бѣжавшихъ по набережной гугенотовъ, сваливая ихъ мѣткими пулями, будто зайцевъ. Блѣдный, съ пѣной у рта, но съ улыбкой самодовольствія, его величество король Франціи кричалъ убійцамъ дикимъ голосомъ:

— Бей! бей!! Стрѣляйте въ нихъ, чортъ побери! (Tue! tue!! tirons, mordieu!)

Столь ревностно, возлюбленный сынъ римской церкви служилъ двумъ своимъ повелителямъ, т. е. римскому папѣ и флорентинкѣ Катеринѣ Медичи. Она сама блаженствовала въ эти минуты, опьянѣлая отъ запаха крови, очарованная воплями и выстрѣлами, ка-

---

бальзамировавъ ее, отослали къ папѣ Григорію XIII. Это клевета и излишняя грязная прибавка къ факту и безъ того возмутительному. Если бы голова у трупа была отрублена, Карлъ не ѣздилъ бы смотрѣть на трупъ повѣшенный въ Монфоконѣ. Бальзамировать же голову адмирала нельзя было по той причинѣ, что лице его было въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорублено.

завшимися ей чудной симфоніей. На другой день убійствъ (продолжавшихся послѣднюю недѣлю августа, весь сентябрь, до половины октября) королева-родительница, со своими фрейлинами, любовалась нагими трупами убіенныхъ обоего пола, дѣлая при этомъ замѣчанія весьма игриваго свойства о тайныхъ прелестяхъ покойныхъ. Соединяя неслыханныя злодѣйства съ дѣломъ богоугоднымъ, королева-родительница и сынъ ея приказали роздать окровавленныя одежды, содранныя съ убитыхъ — бѣднѣйшимъ жителямъ города Парижа, и тѣ щеголяли въ шелкахъ, бархатахъ и кружевахъ, не отмытыхъ отъ крови прежнихъ владѣльцевъ. Этотъ подарокъ былъ названъ *кровавою милостынею* (1).

Изъ всей королевкой семьи, одна Маргарита, королева наварская, выказала себя женщиною съ сердцемъ. Дворянинъ Тежанъ, раненный убійцами, обезсилѣвшій отъ боли и отчаянія, бросился въ спальню Маргариты, и она скрыла его у себя подъ кроватью! Знаменитый Амвросій Паре былъ пощаженъ единственно благодаря тому обстоятельству, что въ это время лечилъ Карла IX отъ сифилиса (2)...

Кромѣ королевскаго семейства, запятнавшаго себя на вѣки невинной кровью мучениковъ Варѳоломеевской ночи, прославились усердіемъ и звѣрствомъ нижеслѣдующіе герои:

Любовникъ Катерины Медичи, Альбертъ Гонди, собственноручно удавилъ въ Бастиліи статсъ-секретаря Марціала де Ломени, владѣльца версальскаго замка, чтобы овладѣть его помѣстьями. Фаворитъ Маргариты, Бюсси д'Амбуазъ, умертвилъ своего двоюроднаго брата, маркиза Ренеля. Миланецъ Рене вламывался въ лавки богатыхъ купцовъ-гугенотовъ, предлагая имъ спасеніе за громадный выкупъ; когда же несчастные отдавали ему всѣ свои сокровища, Рене рѣзалъ ихъ, какъ овецъ. Професоръ университета Шарпантье, соперникъ славнаго ученаго Петра Рамуса (Pierre de la Ramée), предалъ его въ руки убійцъ и взбунтовавшихся школь-

---

(1) Aumône de sang. См. Simond Goulard: Thresor d'histoires admirables et mémorables P. 1617. 2 v. in 8° tome I, p. 264, также: Mélanges de Camusat pp. 22 et seq.

(2) Brantôme: édition de Paris 1787. tome VIII, p. 204.

никовъ. Дряхлаго Рамуса замучили въ страшныхъ истязаньяхъ, сѣкли розгами и волочили по улицамъ обнаженный его трупъ! Золотарь Өома Круазе собственноручно убилъ 400 человѣкъ гугенотовъ; а мясникъ Пезонъ убивалъ ихъ, съ тѣми же самыми пріемами какъ быковъ, т. е. сначала оглушалъ ихъ ударомъ молота въ голову, а потомъ перерѣзывалъ горло... Такимъ образомъ Пезономъ истреблено было 120 человѣкъ. Сардинскій графъ Коконна покупалъ живыхъ гугенотовъ, захваченныхъ солдатами, обѣщая несчастнымъ спасеніе, если они согласны отречься отъ кальвинизма; отказывавшихся душилъ, а отрекавшихся закалывалъ кинжаломъ, говоря имъ: „этого-то мнѣ и надобно; души отступниковъ идутъ прямо къ чорту въ лапы“!

Домовъ было разграблено свыше шестисотъ; число убитыхъ простиралось до десяти тысячъ; женщины, дѣвушки, дѣти, разумѣется, подвергались сначала звѣрскому насилованію и ихъ убійству предшествовало оскверненіе.—Трупы въ теченіе нѣсколькихъ дней свозили возами на берега Сены и сваливали въ воду; зарывали въ ямы за городомъ, жгли или бросали на съѣденье собакамъ! Королевское повелѣніе объ истребленіи гугенотовъ, разосланное по областямъ Франціи, недѣли за двѣ до Варѳоломеевской ночи, къ чести человѣчества еще не повсемѣстно было исполнено. Губернаторъ байонскій отвѣчалъ отказомъ, а Монморенъ (Montmorin), начальникъ военнаго овернькаго округа, писалъ Карлу IX слѣдующее письмо:

— „Государь! Я получилъ приказъ, скрѣпленный печатью вашего величества, объ убіеніи всѣхъ протестантовъ, находящихся въ подвѣдомственной мнѣ провинціи... Слишкомъ уважаю ваше величество, чтобы не догадаться, что приказъ этотъ — подложный; если же, чего Боже сохрани, онъ дѣйствительно отъ васъ, то опять же уваженіе къ вамъ запрещаетъ мнѣ повиноваться!“

Супруга Карла IX, Елисавета австрійская, во все продолженіе убійствъ плакала и молилась въ своей уединенной спальнѣ, окруженная немногими прислужницами. Прислушиваясь къ выстрѣламъ, визгу убиваемыхъ женщинъ, дѣтей, воплямъ ихъ мужей и отцовъ и реву убійцъ-каннибаловъ, бѣдная королева шептала:

— Да что же государь, супругъ мой, не уйметъ ихъ? Какъже онъ позволяетъ совершать такія злодѣйства?!

Несчастная долго не могла повѣрить, что убійства не только были *позволены* Карломъ IX, но были *приказаны* имъ.

Утромъ, 24 августа, принцъ Конде и Генрихъ, король наварскій, которымъ Карлъ IX грозилъ смертью, дали ему слово отступиться отъ кальвинистской ереси; 26 августа, въ соборѣ парижской богоматери, было отслужено благодарственное молебствіе, при которомъ король торжественно хвалился *побѣдою*, одержанною надъ гугенотами. Манифестомъ парламента всѣ убіенные были *приговорены* къ смертной казни... примѣръ—едва-ли не единственный въ исторіи, обратнаго дѣйствія смертнаго приговора. Убійства, какъ уже говорили, продолжались; кто изъ гугенотовъ могъ, тотъ бѣжалъ мы за границу, но пойманныхъ бѣглецовъ и укрывавшихся казнили. Такъ дворяне: рекетмейстеръ Кавань и Брикемо, вечеромъ 20 октября, были повѣшены на площади градской ратуши, въ присутствіи Карла, Катерины, принцесъ и всего двора, при свѣтѣ факеловъ, вмѣстѣ съ куклою, изображавшею Колиньи. Брикемо было отъ роду семьдесятъ пять лѣтъ!..

Вся Европа, за исключеніемъ Россіи, Испаніи и Италіи, содрогнулась отъ ужаса и негодованія при вѣсти о кровавыхъ событіяхъ въ королевствѣ французскомъ. Равнодушію предковъ нашихъ была причина самая уважительная: имъ нечего было ужасаться на Варѳоломеевскую ночь, когда для нихъ самихъ, тогда были *Ивановы дни*, т. е. говоря яснѣе, тогда въ Россіи свирѣпствовалъ Иванъ Грозный. Испанскій король Филиппъ II возрадовался истребленію гугенотовъ во Франціи, во первыхъ, какъ кровопійца, а во вторыхъ, какъ завистникъ внутренняго спокойствія Франціи. На организацію Варѳоломеевской бойни и вообще на поддержку религіозныхъ междоусобій, Филиппомъ II, по собственному его признанію въ его духовной (¹), было, въ теченіе шести лѣтъ (1566—1572) потрачена невѣроятная сумма *шести сотъ миліоновъ червонныхъ*. Папа Григорій XIII „возра-

---

(¹) Economie royales de Sully tome II, seconde partie, chapitre 96.

довался зѣло“ пораженію враговъ церкви, Пія V уже не было въ живыхъ, Богъ не привелъ его дожить до этой радости (1). За то Григорій XIII праздновалъ великое событіе молебствіями, крестными ходами, пальбою съ крѣпости св. Ангела, иллюминаціею Рима и, наконецъ, медалью съ надписью: „Избіеніе гугенотовъ“ (Ugonotarum strages). Кардиналъ Лотарингскій, бывшій тогда при ватиканскомъ дворѣ, подарилъ вѣстнику, прибывшему изъ Парижа отъ герцога Омальскаго, 10000 золотыхъ экю и задалъ великолѣпный пиръ на весь міръ. Скажемъ въ заключеніе, что изувѣры, въ своемъ ослѣпленіи, были душевно убѣждены въ томъ, что рѣзня гугенотовъ подвигъ великій и богоугодный. До насъ дошли сотни брошюръ въ стихахъ и въ прозѣ, оправдывавшихъ, одобрявшихъ злодѣйства Катерины Медичи и Карла IX... Авторами этихъ гнусныхъ панегириковъ были, въ Римѣ: Камилло Капилупи; во Франціи—Жанъ Монлюкъ, исторіографъ Францискъ Белльфоре, Леже Дюшенъ, Шантлувъ, написавшій трагедію: *адмиралъ Колиньи,* въ которой вывелъ покойнаго, прямо сообщникомъ „діавола и аггеловъ его“... Іезуиты, вообще, явились защитниками преступленій короля и королевы французскихъ. При Людовикѣ XV, въ 1758 году, абатъ Кавейракъ не постыдился написать апологію Варѳоломеевской ночи; а въ 1819 году, какая-то семинарская гадина написала тоже самое во французскомъ журналѣ Консерваторъ (le Conservateur)... Да зачѣмъ ходить такъ далеко: спросите въ наше время у любаго клерикала; какого онъ мнѣнія о Варѳоломеевской ночи? и можете быть увѣрены—одобритъ и выразитъ pium desiderium о повтореніи (repetatur)...

Польское дворянство, имѣвшее намѣреніе избрать себѣ въ короли Генриха анжуйскаго, брата Карла IX, призадумалось, такъ какъ палачей на польскомъ тронѣ еще не бывало... Не малыхъ трудовъ и расходовъ стоило Катеринѣ Медичи уговорить пановъ и магнатовъ не лишать короны ея возлюбленнаго дѣтища. Генриху Анжуйскому, въ 1573 году, пришлось ѣхать въ Польшу че-

---

(1) Папа Пій V умеръ за четыре мѣсяца до Варѳоломеевской ночи, 19 апрѣля 1572 года.

резъ Палатинатъ, гдѣ нашли себѣ пріютъ многіе гугеноты и, между прочими родные Колиньи. Электоръ-палатинъ, принимая у себя во дворцѣ втораго сына Катерины Медичи, со всѣми подобающими почестями, подвелъ его къ портрету старика, подъ которымъ на золотой рамѣ было написано латинское двустишіе: „Такова была наружность героя Колиньи, такъ же славно жившаго какъ и умершаго“ (¹).

— Знакомо вамъ это лице? спросилъ электоръ своего гостя.

— Это покойный адмиралъ Колиньи, отвѣчалъ смущенный Генрихъ.

— Да, храбрый, честный, благороднѣйшій Колиньи, истерзанный въ Парижѣ извергами! съ жаромъ подтвердилъ электоръ и продолжалъ съ усмѣшкой: я далъ у себя пріютъ его друзьямъ и дѣтямъ, чтобы и ихъ не загрызли на родинѣ французскіе псы!

Генрихъ робко осмотрѣлся. Его, въ эту минуту, окружили гугеноты, одни съ улыбками презрѣнія, другіе — съ угрожающими взглядами.

Сынъ Катерины покраснѣлъ отъ стыда; съ его подленькой мордочки только осыпались румяна, которыми она была щедро оштукатурена; Генрихъ поблѣднѣлъ отъ страха, вообразивъ, что гугеноты, мстя за Колиньи, не погнушаются выпачкать себѣ руки его грязной, гнилой кровью... Но они удовольствовались единственно, непонятной Генриху Валуа, моральной ему пощечиной.

О смерти Карла IX, 30 мая 1574 года, существуетъ три сказанія. Первое гласитъ, что онъ умеръ подобно своему дѣду, Франциску I (см. стр. 63), въ чемъ, по многимъ причинамъ, можно усомниться; второе преданіе тоже не совсѣмъ вѣроятно, такъ какъ въ немъ замѣтенъ элементъ фантастическій, приплетенный къ истинѣ, ради нравоученія. По этому сказанію, на Карла IX каждую ночь нападала изнурительная испарина, мало по малу перешедшая въ кровавый потъ, отъ котораго онъ и скончался, не смотря на всѣ старанія докторовъ. Третье преданіе, вѣроятнѣйшее, приписываетъ смерть Карла IX грудной болѣзни,

---

(¹) Talis erat quondam vultu Colignius heros,
Quem vera illustrem vitaque morsque facit!

которой онъ страдалъ болѣе года. Исторія сохранила подробности агоніи короля, доказывающія, что передъ смертью, въ виду вѣчности, въ сердцѣ его пробудилось что-то похожее на угрызеніе совѣсти. Онъ умиралъ на рукахъ находившейся при немъ безотлучно бывшей своей кормилицы (гугенотки), простой крестьянки, и, дня за два до смерти, тревожно метался, проклиная тѣхъ, которые подстрекнули его на убійства, дико озираясь потухающими взорами... Ему мерещились убитые гугеноты: Колиньи, Ла Рошфуко, Пардайянъ и тѣ полунагіе бѣглецы по набережной, въ которыхъ онъ стрѣлялъ изъ оконъ Лувра... Что толку въ подобномъ безплодномъ раскаяніи? Оно для Франціи было тѣмъ безполезнѣе, что Катерина Медичи злодѣйствовала послѣ Карла IX еще пятнадцать лѣтъ, по прежней своей программѣ, увеличивая длинный списокъ прежнихъ жертвъ многими новыми, какъ увидимъ, переходя теперь къ царствованію преемника Карла IX, его брата – Генриха III, бѣжавшаго, по приглашенію матери, изъ Польши, для занятія французскаго престола.

Генрихъ III.

ГЕНРИХЪ ПОРУБЛЕННЫЙ (le Balafré). ГЕРЦОГЪ ГЮИЗЪ.—МАРІЯ КЛЕВСКАЯ, ПРИНЦЕССА КОНДЕ.—КРАСАВЧИКИ (les Mignons) (1).

(1584—1589)

За три дня до смерти Карла IX, 27 мая 1574 года, въ Парижѣ были казнены на Гревской площади: графъ Аннибалъ Коконна и Іосифъ Бонифацій де Ла Моль, обвиненные и уличенные въ исполненіи злодѣйскаго умысла, порчи короля, посредствомъ восковыхъ куколокъ, найденныхъ у злодѣевъ при обыскѣ въ ихъ квартирахъ. Порча куколками, въ которую тогда повсемѣстно вѣрили, состояла въ томъ, что изъ воску вылѣпляли фигурку, похожую на того человѣка, котораго желали *изурочить*. Окрестивъ ее, какъ человѣка, со всѣми обрядами и давъ ей имя послѣдняго, куколкѣ съ разными заклинаніями пронзали грудь булавкою, или, продернувъ сквозь всю куколку свѣтильню — зажигали ее... Тотъ, на кого, такимъ образомъ, напускали порчу, сохнулъ, увядалъ, видимо таялъ, и спасти его не было никакой возможности. Всѣ симптомы болѣзни умирающаго Карла IX подтвердили, что онъ былъ испорченъ.

Этой нелѣпой сказкой Катерина Медичи маскировала истинную причину казни Ла Моля и Коконна, причину, огласка которой, могла быть источникомъ новыхъ, кровавыхъ столкновеній

---

(1) Не можемъ прибрать иного слова, равносильнаго французскому прозвищу этой орды содомитянъ, *камелій* въ мужскомъ платьѣ, называвшихся также и ландышками (muguets).

между гугенотами и католиками. Дѣло было въ томъ, что Генрихъ наварскій и принцъ Конде, насильно удерживаемые при дворѣ, составили такъ называемый *скоромный заговоръ* (Complôt des jours gras), имѣвшій цѣлію возведеніе на престолъ младшаго сына Катерины Медичи, Франциска, герцога Алансонскаго, бывшаго тогда королевскимъ намѣстникомъ. Онъ обѣщалъ начальникамъ предполагаемаго возстанія все что они желали, т. е. полную свободу богослуженія кальвинистамъ, уступку имъ нѣсколькихъ крѣпостей, семейству Монморанси — мѣста, занимаемыя Гюизами. Ла Моль, любимецъ герцога, фаворитъ Маргариты наварской и Коконна, возлюбленный Генріетты Клевской, герцогини наварской, были въ заговорѣ главными дѣятелями. Испуганный тѣми размѣрами, которые принималъ заговоръ, малодушный ла Моль довелъ о немъ до свѣденія Катерины Медичи, чѣмъ однако же не спасъ отъ плахи ни своей головы, ни головы товарища. Изъ всѣхъ жертвъ королевы-родительницы эти два искателя приключеній всѣхъ менѣе достойны жалости; одинъ, какъ видимъ, былъ доносчикомъ и трусомъ; а другой — тотъ самый графъ Коконна, который рѣзалъ гугенотовъ въ Варѳоламеевскую ночь.

Пользуясь болѣзнію сына Катерина Медичи деспотствовала какъ ей было угодно и съ неослабнымъ ожесточеніемъ преслѣдовала гугенотовъ. По ея повелѣнію маршалъ Матиньонъ съ сильнымъ отрядомъ былъ отправленъ въ Нормандію, противъ графа Монгоммери и Франциска де Брикевилля, барона де Куломбьеръ. Послѣдній былъ убитъ при осадѣ Сен-Ло, а Монгоммери захваченъ въ плѣнъ и доставленъ въ Парижъ, въ самый день кончины Карла IX. По повелѣнію королевы-родительницы, плѣнника заточили въ Консьержери; допрашивали его, разумѣется, съ пытками; наконецъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, умышленіяхъ на спокойствіе королевства, злодѣйскомъ убіеніи, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, короля Генриха II на турнирѣ (см. стр. 79), Монгоммери былъ приговоренъ къ смертной казни и обезглавленъ 26 іюня. Дѣти его, въ числѣ одиннадцати человѣкъ, были лишены добраго имени и всѣхъ правъ состоянія. Черезъ мѣсяцъ, на Гревской площади сожгли на кострѣ орлеанскаго уро-

женца Жофруа Валле, автора двухъ книжонокъ атеистическаго содержанія. Отъ роду ему было девятнадцать лѣтъ и, по всѣмъ признакамъ, онъ былъ не въ своемъ умѣ. Этими четырьмя казнями Катерина Медичи потѣшала любезно-вѣрный свой городъ Парижъ, въ ожиданіи прибытія изъ Польши новаго короля, Генриха III, съ личностью котораго спѣшимъ ознакомить читателя.

Этотъ французскій Геліогабалъ родился въ Фонтенебло, 19 сентября 1551 года, росъ и воспитывался подъ надзоромъ Катерины Медичи, т. е. другими словами, въ немъ развивали однѣ только порочныя наклонности, за полнымъ отсутствіемъ добрыхъ качествъ, въ которыхъ природа ему отказала. Хитрость замѣняла въ Генрихѣ умъ, а животная чувственность — чувства человѣческія. Хотя наружность обманчива и теоріи физіономики Лафатера, какъ на зло, оказываются несостоятельными при ихъ примѣненіи къ многимъ историческимъ личностямъ, однако же, судя по портретамъ Генриха III, можно сказать, что у него лице было дѣйствительно зеркаломъ души. Генрихъ былъ невысокаго роста, очень нѣжнаго тѣлосложенія, съ мелкими чертами лица и постоянной сладенькой улыбкой на тонкихъ губахъ. Сознавая непригладность своихъ рыжихъ волосъ и бровей, онъ, думая сдѣлаться красивѣе, пуще безобразилъ себя, подкрашивая волосы въ черный цвѣтъ, подводя брови, румянясь и бѣлясь, не хуже отъявленной кокетки. Съ первыхъ годовъ воцаренія, когда для совершеннаго сходства съ Геліогабаломъ король воображалъ себя женщиною, онъ носилъ серьги, ожерелья и лифы съ открытыми плечами и грудью. Наслѣдовавъ отъ матери многія черты гнуснаго ея характера, Генрихъ, вѣрный правиламъ итальянской политики, былъ особенно ласковъ и привѣтливъ съ тѣми, которыхъ онъ ненавидѣлъ или боялся. Восемнадцати лѣтъ онъ принималъ участіе въ столкновеніяхъ съ гугенотами, отличался въ сраженіяхъ при Жарнакѣ, Монконтурѣ, но еще того болѣе во время Варѳоломеевской ночи, такъ какъ рѣзать полусонныхъ и безоружныхъ было ему тѣмъ пріятнѣе, что не сопрягалось ни съ малѣйшей опасностью. Благодаря проискамъ и золоту Катерины Медичи, польскіе дворяне избрали его себѣ

въ короли въ 1573 году. — Теперь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

Герцогъ Генрихъ Гюизъ, сынъ покойнаго Франциска Лотарингскаго, съ 1570 года, былъ женатъ на Катеринѣ Клевской, вдовѣ Антонія де-Круа принца Порсіенъ. Всячески стараясь породниться съ королевскимъ домомъ, Гюизъ, дружный съ Генрихомъ III (тогда еще герцогомъ Анжуйскимъ), обратилъ его вниманіе на свою свояченицу, шестнадцатилѣтнюю красавицу Марію: тотъ влюбился въ нее до безумія и, не откладывая далеко, рѣшился жениться на Маріи, но встрѣтилъ неумолимую опозицію со стороны королевы-родительницы: Марія Клевская была протестантка. Чтобы утѣшить опечаленнаго Генриха Катерина Медичи поручила своей фрейлинѣ Ренатѣ Ріё де Шатонефъ отвлечь его своими ласками отъ Маріи. Рената начала свои маневры кокетствомъ, томными взглядами, нѣжными вздохами — и они произвели на Генриха желанное дѣйствіе: онъ началъ ухаживать за Ренатой, отвѣтившей отказомъ на его страстныя домогательства. Маневръ очень искусный, но тѣмъ неудачный, что въ это же самое время Рената удостоивала своей благосклонностью любимца Генриха, де Линьеролля. Послѣдній, въ откровенную минуту, похвастался герцогу Анжуйскому своими успѣхами и тѣмъ нанесъ жестокій ударъ его самолюбію, за который поплатился головою. Мѣсяца за три до Варѳоломеевской ночи, тотъ же Линьероллъ (а можетъ быть и другой кто нибудь) разболталъ о преднамѣреваемыхъ убійствахъ и за это, по повелѣнію герцога Анжуйскаго, былъ убитъ его приверженцемъ Виллькье. Разочарованный въ Ренатѣ Шатонефъ Генрихъ опять обратился къ Маріи Клевской. Различіе вѣроисповѣданій, бывшее главнымъ препятствіемъ къ ихъ браку, было устранено переходомъ Маріи, 3 октября 1572 года, въ католицизмъ; но явилось другое: Генриху, избранному въ короли польскіе, прочили въ супруги княжну Анну Ягеллонъ... Очарованный Маріей Генрихъ готовъ былъ отказаться и отъ руки княжны и отъ королевства польскаго. Видя, что сынъ ея окончательно потерялъ голову, Катерина Медичи постаралась о скорѣйшей выдачѣ Маріи Клевской за принца Генриха Конде, а герцога Анжуйскаго, убитаго горемъ, отправила въ Польшу, гдѣ онъ и царствовалъ по 19 іюня 1574 года, т. е.

по самый день своего бѣгства во Францію, куда призывала его Катерина Медичи на открывшуюся, послѣ смерти Карла IX, ваканцію. Генрихъ, ѣдучи окольными дорогами на Вѣну, въ Венецію, оттуда въ свое королевство, прибылъ во Францію въ сентябрѣ. Здѣсь онъ всего прежде приступилъ къ расторженію брака Маріи Клевской съ принцемъ Конде, ссылаясь на то, что мужъ ея еретикъ, гугенотъ, и не обращая вниманія на беременность Маріи. Богъ вѣсть, чѣмъ бы окончились старанія Генриха III, еслибы Марія, принцесса Конде не скончалась, 30 октября 1574 года, отъ несчастныхъ родовъ. Король, въ неутѣшной своей горести, дошелъ до карикатуры: онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней безвыходно просидѣлъ въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, нарядился въ траурное платье, состоявшее изъ чернаго бархатнаго колета, съ вышитыми на немъ серебромъ мертвыми головами на скрещенныхъ костяхъ; изъ мертвыхъ же головъ, выточенныхъ изъ слоновой кости, были тогда снизаны и его четки... Добрая утѣшительница, Катерина Медичи, поручила его вниманію Ренату Шатонефъ (на этотъ разъ ему послушную), дѣвицу д'Эльбефъ, наконецъ—знаменитую госпожу де Совъ. Генрихъ, какъ говорится, очертя голову бросался въ объятья и той, и другой, и третьей —затѣмъ чтобы въ пресыщеніи найдти лекарство отъ своего горя... Этотъ переходъ—отъ слезъ къ безумному распутству понятенъ; въ немъ еще видѣнъ былъ человѣкъ, вскорѣ превратившійся въ животное, одержимое извращеніемъ своихъ чувственныхъ побужденій.

До сихъ поръ мы говорили о фавориткахъ, пользовавшихся благосклонностью государей, благодаря любви, которую онѣ умѣли пробуждать въ послѣднихъ; упоминали мы также и о временщикахъ, которыхъ собственная дерзость или слабость королевъ возводила на престолъ... Царствованіе Генриха III, прозванное *царствованіемъ фаворитовъ* (règne des favoris), представляетъ совсѣмъ иную картину, о которой приличіе запрещаетъ намъ распространяться. Какую роль играли при Генрихѣ III его знаменитые красавчики (les mignons): Келюсъ, Можиронъ, Шомберъ, Сен-Люкъ, Сен-Мегренъ, Жуайёзъ и д'Эпернонъ—объ этомъ читатель можетъ догадаться самъ, если мы скажемъ, что эти красавчики были неприлично женоподобны, имѣли что-то задорно-сладострастное въ

манерахъ, во взглядѣ, въ походкѣ. Госпожа де Совъ сосватала королю невѣсту, Луизу, дочь графа де Водемонъ, изъ дома Лотарингскаго, на которой Генрихъ женился 15 февраля 1575 года; женатый, онъ ухаживалъ за падчерицею вдовы президента Буланкура, дѣвицею Бюсси, но ни жена, ни эта дѣвица не пользовались такой неограниченной нѣжностью короля, какъ его милѣйшіе красавчики. Всѣ они занимали знатнѣйшія должности, при совершенной бездарности и гнусной изнѣженности; безнаказанно безчинствовали въ Парижѣ, безчестили женщинъ и дѣвицъ, убивали на дуэляхъ мужей, отцовъ и сами, *будуарные опричники*, оканчивали жизнь или на поединкахъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ, или, еще того хуже, подъ ножами тайныхъ убійцъ! Не стоятъ *онѣ*—эти фаворитки въ образѣ мужчинъ, подробныхъ біографическихъ очерковъ, и ихъ имена заслуживаютъ памяти потомства развѣ только для того, чтобы служить бранными, нарицательными именами имъ подобныхъ гермафродитовъ. Единственнымъ мужчиной, при дворѣ, этой позорной, неблагопристойной эпохи былъ знаменитый герой, *фаворитъ всей Франціи*, претендентъ на престолъ королевскій—герцогъ Гюизъ Генрихъ Порубленный (Henri le Balafré).

Онъ родился 31 декабря 1551 года и удостоенный титла герцога Жуанвилль воспитывался при дворѣ Генриха II. Съ двѣнадцати лѣтъ, подъ руководствомъ отца своего Франциска, онъ ознакомился съ боевой жизнію подъ стѣнами Орлеана, гдѣ въ одно и то же время выказалъ храбрость воина закаленаго въ бою и неукротимую ненависть къ гугенотамъ, убійцамъ своего отца. По усмиреніи междоусобій въ 1567 году, Генрихъ отправился въ Венгрію, гдѣ принималъ участіе въ битвахъ съ турками, а по возвращеніи на родину прославился подвигами въ сраженіяхъ при Массиньякѣ, Жарнакѣ, Монконтурѣ и отразилъ адмирала Колиньи отъ стѣнъ осажденнаго имъ Пуатье. Въ битвѣ при Шато-Тьерри, въ которой онъ разбилъ на голову 30,000 корпусъ нѣмецкихъ войскъ, шедшихъ на помощь гугенотамъ, герцогъ Гюизъ былъ раненъ въ щеку ударомъ палаша, оставившимъ шрамъ на всю жизнь. За этотъ рубецъ, стоившій ордена, Гюизу дано было прозвище *Порубленнаго* (le Balafré). Умный, одаренный увле-

кательнымъ краснорѣчіемъ, простой или надменный въ обхожденіи кстати и у мѣста, наконецъ — красавецъ собою, онъ побѣждалъ умы мужчинъ и, одинаково успѣшно, сердца женщинъ. Маргарита Валуа, выданная за Генриха наварскаго, была его фавориткою. Связь ихъ, которую Гюизъ былъ намѣренъ загладить бракомъ (согласовавшимся и съ его политическими видами), возбудила негодованіе Катерины Медичи и Карла IX, для успокоенія которыхъ Гюизъ женился на вдовѣ принца Порсіенъ. Невѣрный своей супругѣ, какъ и всѣ мужья того времени, Гюизъ однако же не давалъ ей воли и убійствомъ красавчика Сен-Мегренъ отбилъ охоту у всѣхъ и каждаго покушаться на его семейное спокойствіе. Сен-Мегренъ влюбился въ герцогиню Гюизъ и рѣшился сдѣлать ей признаніе, на которое она отвѣчала ему не слишкомъ сурово. Провѣдавъ объ интригѣ герцогъ, подложнымъ письмомъ отъ имени жены, заманилъ ея возлюбленнаго въ западню, гдѣ Сен-Мегренъ былъ убитъ наемными убійцами. По варварскимъ понятіямъ того времени, Гюизъ былъ совершенно правъ, и самъ король не смѣлъ предъявить своихъ претензій за убіеніе одного изъ своихъ фаворитовъ. Гюизъ, въ своемъ самоуправствѣ, дѣйствовалъ даже, не какъ мужъ, мстящій обольстителю своей жены, а вѣрнѣе какъ государь, наказующій преступника за оскорбленіе величества. Гроза гугенотовъ, опора и надежда католиковъ, любимецъ народа, Генрихъ-Порубленный именно въ это время уже прокладывалъ себѣ путь къ королевскому престолу, посредствомъ Священнаго союза, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ *Лиги* (la Sainte-Union, la Sainte-Ligue).

Мы говорили, что мысль о Варѳоломеевской ночи была подана Катеринѣ Медичи герцогомъ Альбою. Ослабляя Францію внутренними междоусобіями, Филиппъ II тайно надѣялся присоединить ее къ своей державѣ. Папа римскій проникалъ эти замыслы, но тайно противодѣйствовалъ видамъ испанскаго деспота, покровительствуя партіи Генриха Гюиза. Маскируя свои настоящія намѣренія усерднымъ служеніемъ церкви, Генрихъ съ 1576 года, съ помощію преданныхъ своихъ сообщниковъ, началъ образовывать въ разныхъ областяхъ Франціи тайныя общества защитниковъ католицизма, сосредоточивъ въ Парижѣ главное надъ ними началь-

ство, подъ именемъ Центральнаго Комитета. При содѣйствіи приходскихъ священниковъ, своими проповѣдями разжигавшихъ фанатизмъ, Лига возрастала неимовѣрно и, такимъ образомъ, Гюизъ осѣтилъ всю Францію. Онъ весьма вѣрно расчитывалъ, что ставъ во главѣ религіознаго движенія, можетъ безъ всякаго труда свергнуть Генриха III и занять его мѣсто. Благодаря бумагамъ, найденнымъ у курьера, умершаго въ Ліонѣ на пути въ Римъ, куда онъ ѣхалъ по приказанію Гюиза, король узналъ о существованіи Лиги и догадался о настоящихъ намѣреніяхъ своего противника. По совѣщаніи съ Катериной Медичи, Генрихъ III, именнымъ указомъ подтвердивъ и одобривъ существованіе Лиги, объявилъ себя ея главою, т. е. самъ же сталъ во главѣ заговорщиковъ, умышлявшихъ его низверженіе. На это обстоятельство ему указалъ президентъ де Ту (de Thou), но къ сожалѣнію поздно. Народъ и всѣ сословія охладѣли къ священному союзу, лишь только король объявилъ себя его соучастникомъ... Безымянныя письма, пасквили, памфлеты и карикатуры градомъ посыпались на Генриха III, и онъ, думая совершить подвигъ, сдѣлалъ промахъ ничѣмъ не поправимый. Признавая короля главою Лиги—въ ея религіозномъ смыслѣ и великодушно предоставляя ему борьбу съ гугенотами, Гюизъ, дѣятельнѣе но и секретнѣе прежняго, занялся вербовкою приверженцевъ и распространеніемъ заговора. Въ Парижѣ, вмѣсто прежняго центральнаго комитета, былъ учрежденъ *Совѣтъ Шестнадцати*, сообразно числу частей города. Для руководства заговорщиковъ, въ Парижъ прибылъ братъ Гюиза, герцогъ Майенскій, и объявилъ, что пора приступить къ дѣйствіямъ. На первый случай было рѣшено захватить короля въ Луврѣ и, заточивъ его въ монастырь, объявить королемъ Генриха Гюиза. Какъ-бы въ отвѣтъ на это намѣреніе, король усилилъ свою дворцовую стражу и принялъ рѣшительныя мѣры къ отраженію мятежниковъ. Герцогъ Майенскій, призванный къ отвѣту, оправдался, сказавъ, что воинскія приготовленія жителей имѣютъ одну цѣль—истребленіе гугенотовъ, но что на свободу короля никто не осмѣливается покушаться... Послѣ этого, нѣсколько разъ лигеры составляли заговоры къ овладѣнію Генрихомъ III—и каждый разъ планы ихъ рушились, благодаря доносамъ Николая Пулена, одного изъ чле-

новъ тайнаго совѣта. Видя, что главными агитаторами были приходскіе священники, король 2 сентября 1587 года приказалъ ихъ арестовать, но прихожане съ оружіемъ въ рукахъ рѣшились защищать своихъ отцевъ духовныхъ. Испуганный Генрихъ объявилъ имъ прощеніе, на которое никто не обратилъ вниманія, такъ какъ онъ не смѣлъ поступить иначе. Онъ приказалъ сестрѣ Гюиза, госпожѣ Монпансье—въ 24 часа выѣхать изъ Парижа, а она смѣясь разъѣзжала по городу, показывая знакомымъ позолоченыя ножницы, которыми грозилась постричь Генриха Валуа въ монахи. Король или, какъ его тогда называлъ народъ, Генрихъ Валуа сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ въ Луврѣ, окруженный тѣлохранителями, боясь показатися народу. Герцогъ Гюизъ написалъ ему весьма любезное письмо, предлагая свое содѣйствіе къ усмиренію мятежа... Еще неокончательно одурѣлый отъ страха, король понялъ, что прибытіе Гюиза въ мятежную столицу будетъ искрой, которая подожжетъ этотъ подкопъ, подведенный подъ его тронъ, и потому отвѣчалъ герцогу запрещеніемъ въѣзжать въ Парижъ. Какъ будто издѣваясь надъ королемъ, Гюизъ прибылъ въ Парижъ, 9 мая 1588 года, и восторженно встрѣченный народомъ явился во дворецъ къ Катеринѣ Медичи. Дряхлая злодѣйка взялась за роль примирительницы и представила Гюиза своему сыну.

Встрѣча соперниковъ была самая комическая. Король блѣдный, дрожащій всѣмъ тѣломъ, задыхался, шипѣлъ какъ придавленная змѣя, а Гюизъ, съ коварной улыбкой, увѣрялъ его въ своей вѣрности и совершенной преданности. Это свиданіе, равно и другое на слѣдующій день, не привели ни къ какому результату, а только подтвердили Генриху III, что Гюизъ не ставитъ его ни въ грошъ и что корона королевская, не сегодня такъ завтра перейдетъ *съ больной головы на здоровую.* Во избѣжаніе этого позора, Генрихъ Валуа приказалъ вступить въ Парижъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ столицы... Воиновъ королевскихъ народъ встрѣтилъ бранью, камнями, выстрѣлами и перегородилъ имъ улицы завалами или барикадами. Этотъ день, 12 мая 1588 года, извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ дня барикадъ (Journée des barricades).

Не принимая личнаго участія въ бунтѣ, Гюизъ явился къ ко-

ролю съ любезнымъ предложеніемъ своихъ услугъ для устраненія мятежниковъ. Онъ же, столкнувшій Генриха III въ яму, радушно подавалъ ему руку, чтобы его изъ нея вытащить. Не давая согласія, а просто повинуясь своему злодѣю, король вмѣстѣ съ нимъ явился народу и оба Генриха верхомъ проѣхали по городу. Мятежъ мгновенно утихъ, но поднялась новая буря—восторженныхъ кликовъ, которыми народъ встрѣтилъ своего возлюбленнаго Гюиза:

— Ура, герцогу! да здравствуетъ защитникъ церкви! виватъ, отецъ нашъ, славный Гюизъ!! ревѣли сотни тысячъ голосовъ.

Любезно откланиваясь народу, виновникъ торжества говорилъ тѣснившимся на пути гражданамъ:

— Довольно, довольно *для меня*... крикните же, наконецъ, что нибудь и *королю*...

Но охотниковъ кричать виватъ Генруху Валуа оказалось немного, да и тѣ были изъ его придворной прислуги.

Униженный, раздавленный Генрихъ III проглотилъ обиду, возвратился въ Тюилльери и на другой же день, давай Богъ ноги—ускакалъ изъ Парижа въ Шартръ. Это бѣгство, весьма основательно показавшееся Гюизу, опаснѣе присутствія короля, испортило все дѣло. Тщетно Катерина Медичи, теперь взявшая сторону Гюиза, писала Генриху III, умоляя его возвратиться; тщетно парламентъ отправилъ къ нему депутацію. — Братъ красавчика Жуайёза, для умягченія короля, прибѣгнулъ къ средству, которое можетъ служить доказательствомъ, какъ тогда во Франціи кощунствовали надъ религіею, ея обрядами и священнѣйшими предметами поклоненія. Братъ Жуайёза, монахъ-капуцинъ, выбравъ тридцать пять товарищей, отправился съ ними процессіею въ Шартръ. Капуцины шли босые; Жуайёзъ, въ терновомъ вѣнцѣ, несъ на плечахъ огромный крестъ, а слѣдовавшіе за нимъ два монаха подгоняли его ударами плетокъ (дисциплинъ) по обнаженнымъ плечамъ. Прибывъ въ Шартръ, кощуны остановились подъ окнами дворца, распѣвая священныя пѣснопѣнія и продолжая бичеванія, отъ котораго на плечахъ Жуайёза оставались кровавыя полосы... Генрихъ III былъ сначала тронутъ этимъ зрѣлищемъ, но потомъ, осыпавъ негодяевъ бранью, велѣлъ ихъ прогнать; дѣйствительно было за что терновый вѣнецъ, надѣтый на Жуайёзѣ, былъ при-

шитъ къ парику; крестъ былъ сдѣланъ изъ картонной бумаги, а мягкіе концы плетей были обмазаны краской кроваваго цвѣта!

Наконецъ 2 августа герцогъ Гюизъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, кардиналомъ Карломъ, прибылъ въ Шартръ, съ предложеніемъ Генриху III своей покорности и вѣрнаго союза противъ гугенотовъ. На это предложеніе король отвѣчалъ Гюизу пожалованіемъ ему званія генералиссимуса. Изъ Шартра дворъ переселился въ Блуа, гдѣ король предполагалъ созвать общую думу. Нарушить миръ съ королемъ казалось Гюизу безчестно, однако же довольствоваться саномъ генералиссимуса вмѣсто короны королевской было ему тоже несовсѣмъ пріятно. На этотъ разъ лигёры настаивали на томъ, чтобы покончить съ Генрихомъ III однимъ рѣшительнымъ ударомъ... Гюизъ колебался.

Слухи о злоумышленіяхъ Лиги дошли до короля. Желая явить Гюизу примѣръ чистосердечія и въ тоже время застраховать себя отъ подозрѣній, болѣе или менѣе основательныхъ, Генрихъ III, призвавъ его въ Блуа, 4 декабря, послѣ торжественнаго молебствія, заставилъ съ клятвою на святыхъ дарахъ, подтвердить свою присягу на вѣрность. Гюизъ повиновался—и враги размѣнялись клятвами, скрѣпивъ ихъ причащеніемъ. Кощунство Жуайёза, сравнительно съ этимъ, едва ли не было извинительно! Въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ послѣ того, у короля съ королевой-родительницей происходили тайныя совѣщанія, о которыхъ доброжелатели Гюиза увѣдомляли его безымянными письмами. — Генрихъ III и Катерина Медичи (теперь сама стоявшая одной ногой въ гробу) совѣщались о томъ, какъ избавиться отъ Генриха Гюиза. Маргарита наварская, опасаясь за дни своего возлюбленнаго, переодѣвшись въ мужское платье, предупреждала его; наканунѣ своей смерти Гюизъ, ужиная у своей фаворитки, госпожи де Совъ, нашелъ подъ салфеткою письмо, въ которомъ его заклинали быть осторожнымъ, такъ какъ есть умыселъ на его жизнь.

— Не посмѣютъ! сказалъ онъ, разрывая записку.

Въ пятницу, 23 ноября 1588 года, къ Гюизу явился посланный изъ дворца, съ приглашеніемъ къ королю. Герцогъ медлилъ, жаловался на нездоровье и на ознобъ; однакоже отправился къ Генриху III и всходилъ на дворцовую лѣстницу, беззаботно жуя кон-

фекты. Въ пріемной и ближайшихъ къ королевскому кабинету покояхъ, въ числѣ 45 человѣкъ, стояли вооруженные тѣлохранители. Начальникъ ихъ Монсери (Montsery) или, по другимъ сказаніямъ, Сенъ-Малинь (S-t Malines), подошедъ къ Гюизу и схвативъ его за эфесъ шпаги, вонзилъ ему въ горло кинжалъ... Падая, обливаясь кровью, Гюизъ прохрипѣлъ только:

— Господи, отпусти мои прегрѣшенія... Прости меня, Господи!...

Многочисленные удары, посыпавшіеся послѣ того на несчастнаго, поражали уже бездушный трупъ. Кардиналъ, сопровождавшій брата и бывшій въ сосѣднемъ покоѣ, бросился было на помощь, но былъ уведенъ подъ стражею. Генрихъ III, выбѣжавшій изъ кабинета, чтобы собственными глазами убѣдиться въ исполненіи своего злодѣйскаго приказа, выразилъ свою радость тѣмъ, что подбѣжалъ къ трупу будто на встрѣчу ожидаемаго друга; пиналъ его ногами, билъ по щекамъ, плевалъ въ потускнувшіе, страшно вытаращенные глаза покойника; потомъ (вѣроятно, чтобы окончательно уподобиться безсмысленному животному) омочилъ его неблагопристойнымъ образомъ.

Братъ Гюиза, кардиналъ, былъ на другой же день зарѣзанъ въ темницѣ; трупы того и другаго были брошены въ яму съ негашеной извѣстью. Мщеніе Генриха III было вполнѣ его достойно и едва-ли иначе могъ мстить сынъ Катерины Медичи. Вѣсть о гибели Гюизовъ поразила ужасомъ весь Парижъ, а съ нимъ почти всю Францію; къ общему ропоту негодованія примѣшались проклятья Генриху Валуа и вопли объ отмщеніи... Главою своею лигёры провозгласили брата убіенныхъ, Карла Лотарингскаго, герцога Майенскаго. Генрихъ III, отважный для предательскаго убійства, но трусливый и нерѣшительный во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать смѣло и открыто, растерялся окончательно. Его совѣтница и руководительница на пути злодѣйствъ, Катерина Медичи, оказала ему послѣднюю услугу, давъ совѣтъ войти въ союзъ противъ Лиги съ Генрихомъ, королемъ наварскимъ; говоримъ *послѣднюю* услугу, потому что Катерина Медичи вскорѣ умерла, 5 января 1589 года. Недавній глава лигеровъ не задумался заискивать расположенія ихъ врага,

а послѣдній, въ свою очередь, разсудилъ за благо составить противъ нихъ коалицію съ державнымъ своимъ шуриномъ. Тридцатаго апрѣля въ Плесси-Ле-Турѣ произошло свиданіе недавнихъ враговъ и ихъ примиреніе. Генрихъ наварскій предложилъ королю французскому идти съ войсками на мятежный Парижъ и привести его къ повиновенію. Въ іюнѣ союзная армія двухъ Генриховъ приблизилась къ столицѣ и расположилась лагеремъ въ Сен-Клу; готовились новыя усобицы, ужаснѣе прежнихъ. Въ Парижѣ царствовало совершенное безначаліе; проповѣдники со своихъ каѳедръ благословляли память Гюизовъ и предавали проклятію имя ихъ убійцы Генриха Валуа; по церквамъ служили обѣдни, съ молебствіями о низведеніи громовъ небесныхъ на голову короля, причемъ богомольцы зажигали свѣчи передъ иконами, ставя ихъ нижней частью вверхъ, или вмѣсто свѣчъ затепливая восковыя куколки, изображавшія Генриха III. Королемъ, вмѣсто его, былъ провозглашенъ Карлъ X, кардиналъ Бурбонъ, побочный братъ короля наварскаго.

Въ это безвременье (29 іюля) къ герцогу Майенскому явился пріоръ якобитовъ, Эдмондъ Бургуанъ (Bourgoing), и сообщилъ ему, что въ числѣ братіи есть одинъ, нѣкто Іаковъ Клеманъ, вызывающійся отомстить Генриху III за лишеніе церкви ея опоры, въ лицѣ покойнаго Гюиза. „Этотъ Клеманъ,“ говорилъ пріоръ — „малый отчаянный, восторженный, даже, кажется, немножко помѣшанный, постоянно расказываетъ братіи о какихъ-то чудныхъ видѣніяхъ, о голосѣ съ небеси, повелѣвающемъ ему избавить родину отъ ея злодѣя...“

— Убійствомъ? перебилъ герцогъ Майенскій. Но, подумалъ ли несчастный о томъ что ожидаетъ его самого?

— Вѣнецъ мученическій, отвѣчалъ пріоръ спокойно. Я, и всѣ якобиты, тѣмъ болѣе одобряемъ намѣреніе Клемана, что онъ, во всякомъ случаѣ, не жилецъ на свѣтѣ!

Де-ла Шартъ и Вилльруа, бывшіе при этомъ разговорѣ, усомнились въ удачѣ намѣренія якобитовъ, такъ какъ Клеману едва-ли было возможно достигнуть до короля подъ благовиднымъ предлогомъ.

— Есть и предлогъ, убѣдилъ ихъ Бургуанъ. Клеманъ пред-

ставитъ Генриху Валуа бумаги съ донесеніемъ о недавнемъ заточеніи въ Бастилію членовъ парламента.

Черезъ три дня дежурные при королевскомъ шатрѣ въ лагерѣ Сен-Клу доложили Генриху III, что какой-то монахъ якобитъ изъ Парижа настоятельно требуетъ видѣть короля по какому-то важному дѣлу.

— Пусть войдетъ, отвѣчалъ король, а то пожалуй скажутъ, что я гнушаюсь монаховъ.

Дежурный офицеръ ввелъ блѣднаго, изсохшаго монаха со впалыми, но огненными глазами и крючковатымъ носомъ. Широкая ряса, опоясанная веревкой, висѣла на его исхудалыхъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ; поступь монаха была медленная, но твердая. Смиренно преклонивъ колѣни передъ Генрихомъ III, Іаковъ Клеманъ, подалъ ему свертокъ бумагъ и когда король углубился въ ихъ чтеніе мгновенно ударилъ его ножемъ въ нижнюю часть живота...

Генрихъ, отолкнувъ убійцу, выхватилъ ножъ изъ раны, бросилъ его Клеману въ лице и падая въ кресла, изгибаясь отъ боли, закричалъ отчаянно:

— Убейте убейте злодѣя! онъ меня ранилъ!

Прибѣжавшіе тѣлохранители, бердышами и мечами изрубили Іакова Клемана на части, трупъ его былъ сожженъ, а пепелъ развѣянъ по воздуху. Врачи, призванные на помощь къ королю, объявили рану безусловно смертельною; мученія Генриха III, длившіяся цѣлыя сутки, были невыносимы... 2 августа 1589 года Генрихъ скончался и съ нимъ пресѣклась королевская династія Валуа, владычествовавшая во Франціи 261 годъ въ лицѣ тринадцати королей. Іаковъ Клеманъ былъ причисленъ къ лику святыхъ; орденъ якобитовъ гордился имъ и за громадныя деньги продавалъ его изображеніе, не смотря на то, что одинъ изъ тогдашнихъ охотниковъ до анаграммъ, изъ буквъ имени его: FRERE JACQUES CLEMENT составилъ весьма позорную для его памяти фразу: C'EST L'ENFER QUJ M'A CRÉE (меня создалъ адъ). Въ дополненіе характеристики Генриха III мы могли бы представить читателю множество выписокъ изъ лѣтописей того времени, въ особенности изъ дневника Л'Этуаля, но воздер-

живаемся, довольствуясь тѣмъ что уже нами сказано о послѣднемъ Валуа.

Радость парижанъ при вѣсти о его убіеніи не имѣла предѣловъ; смерть короля праздновали иллюминаціей и разгульными пиршествами. Госпожа Монпансье и герцогиня наварвская, въ блестящихъ праздничныхъ нарядахъ, разъѣзжали по городу и въ нѣкоторыхъ церквяхъ, восходя на каѳедры, говорили рѣчи народу о всерадостномъ событіи. Преемникомъ Генриха III, по закону престолонаслѣдія, былъ король наварскій, Генрихъ Бурбонъ; однако же корону французскую ему пришлось взять съ бою... 31 октября имъ начата была, достопамятная въ лѣтописяхъ французскихъ, осада Парижа.

Генрихъ IV.

ГОСПОЖА ДЕ СОВЪ.—ФОССЕЗА.—ПРЕКРАСНАЯ КОРИЗАНДА.—ГАБРІЭЛЬ Д'ЭТРЕ.—ГЕНРІЕТТА Д'АНТРАГЪ.—ШАРЛОТТА КОНДЕ.

(1573—1610)

Любовь есть страсть, которой всѣ прочія обязаны повиновеніемъ [1].

Если читателю угодно имѣть самое вѣрное понятіе объ измѣнчивомъ и разнообразномъ образѣ правленія, установившемся во Франціи съ 1789 года, ему стоитъ только представить себѣ стѣнной барометръ съ циферблатомъ, на которомъ слова: *великая сушь*, *ясно*, *перемѣнно*, *буря*, замѣнены символами республики, имперіи, королевской власти деспотической и ея же конституціонной,—фригійскій колпакъ и красное знамя; орелъ и знамена трехцвѣтныя; пѣтухъ и бѣлое знамя съ лиліями,—опять трехцвѣтныя знамена и скрижали конституціонной хартіи. Болѣе или менѣе продолжительная остановка стрѣлки этого политическаго барометра (вмѣсто ртути налитаго не менѣе живою французской кровью) въ прямой зависимости отъ терпѣнія великой націи, а можетъ быть даже и отъ перемѣнъ погоды, судя по тому, откуда вѣтеръ подуетъ. Устроенъ этотъ барометръ около сотни лѣтъ тому назадъ, но, по видимому, прослужитъ Франціи еще многія лѣта. Роковая стрѣлка на *республикѣ*,—Франція поетъ

---

[1] «L'amour est une passion à laquelle toutes les autres doivent obëissance». Слова Генриха IV въ письмѣ къ Елизаветѣ англійской отъ 26 октября 1596 года,

марсельезу и строитъ баррикады; съ политической революціонной бури стрѣлка переходитъ на хорошую погоду *имперіи* и Франція въ медвѣжьей шапкѣ наполеоновскаго гвардейца грозитъ Европѣ, напѣвая: re „l'astre des nuits" или „partant pour la Syrie" (¹). Но вотъ наполеоновскій орелъ (хотя и прирученный кускомъ говядины въ шляпѣ), мало по малу, становится для Франціи прометеевскимъ коршуномъ; онъ клюетъ ей печень, высасываетъ изъ нея лучшіе соки и барометръ падаетъ, стрѣлка показываетъ перемѣну. Дѣйствительно перемѣна костюмовъ и декорацій! Франція мѣняетъ орла на пѣтуха, трехцвѣтное знамя на бѣлое, завѣтный N и золотыхъ пчелъ, на золотыя лиліи и поетъ другую пѣсню: „Vive Henri IV..." Надоѣдаютъ ей однако и пѣсня и лиліи и пѣтухъ и бѣлыя знамена; видитъ Франція, что правленіе Бурбоновъ—видоизмѣненіе наполеоновскаго капральства и добываетъ, откуда нибудь, новаго короля изъ запасной орлеанской династіи; короля либерала на словахъ, деспота на дѣлѣ, и... послѣ засухи деспотизма опять является буря на французскомъ барометрѣ.

Кромѣ знаменъ, гербовъ и символовъ у каждаго образа правленія свой кумиръ. У легитимистовъ, любителей королевской власти во вкусѣ renaissance, три идола, въ родѣ индійскихъ Брамы, Вишну и Сивы; трое королей-волокитъ, къ которымъ легитимисты питаютъ религіозное благоговѣніе, окружая ихъ мишурными ореолами незаслуженнаго величія — Францискъ I, Генрихъ IV и Людовикъ XIV. У каждаго изъ этихъ трехъ кумировъ своя фраза, если не безсмертная, то безсмысленная...

У Франциска I, знаменитое: „все пропало кромѣ чести" (о чемъ мы уже имѣли честь говорить съ читателемъ); у Людовика XIV: „государство — я" (l'état, c'est moi) и, „нѣтъ болѣе Пиренеевъ" (il n'y a plus de Pyrénées); у Генриха IV, самаго популярнаго изъ трехъ: обѣщаніе курицы въ супъ бѣднѣйшему изъ своихъ подданныхъ. Эту курицу ближе всего можно сравнить съ газетной *уткой*; не дождался ея, да едва ли когда и дож-

(¹) Первая пѣсня—знаменитый маршъ временъ первой имперіи; другая рапсодія—отпѣвавшей свою пѣсенку, второй.

дется бѣдный холостякъ, геральдическій французскій пѣтухъ. Фраза Генриха IV превращается даже въ ядовитую иронію, если вспомнить, что этотъ добрый король, осаждая Парижъ, морилъ его голодомъ. Хлѣбъ, который онъ „будто бы" посылалъ осажденнымъ, взрощенъ въ воображеніи поэтовъ и льстецовъ-историковъ. Ничего подобнаго не было; парижане во время осады, съ мая по сентябрь 1590 года, вмѣсто хлѣба, питались лепешками изъ толченаго грифеля съ примѣсью муки изъ костей скелетовъ, отрытыхъ на городскихъ кладбищахъ (pain de Madame de Montpensier); падаль почиталась лакомствомъ; до ста тысячъ человѣкъ умерло отъ голоду и эпидемій; вслѣдствіе тлѣнія непогребенныхъ труповъ въ Парижѣ появились ядовитыя змѣи... (¹) Незлопамятный народъ французскій, позабывъ о голодѣ, которымъ его морилъ Генрихъ IV, помнитъ только курицу имъ обѣщанную; народъ-фразеръ за красное или „жалостное" словцо прощаетъ многое и курица Генриха IV мила французамъ не менѣе наполеоновскаго орла и король великъ, безсмертенъ, незабвененъ. Въ Генрихѣ каждый французъ видитъ себя самаго; Генрихъ типъ истаго сына великой націи и вслѣдствіе этого—*великъ*!

Немного же надобно, чтобы во Франціи удостоиться титла *великаго*. Мы однако не можемъ примирить величія съ тѣми пороками, которыми природа одѣлила Генриха IV въ пропорціи бочки дегтю къ ложкѣ меду. Его двоекратное отреченіе отъ кальвинизма, трусость, нетвердость въ словѣ, плутоватость въ игрѣ, чтобы не сказать—склонность къ воровству, наконецъ сластолюбіе доходившее до забвенія достоинства и человѣческаго и королевскаго, — всѣ эти свойства характера Генриха IV съ истиннымъ величіемъ какъ-то плохо ладятся! А чтобы читатель не счелъ нашихъ словъ за клевету укажемъ на факты, записанные исторіей.

Трусость Генриха доказывается не бѣгствомъ его изъ Парижа, не прятками его во время Варѳоломеевской рѣзни—она обнаружилась въ битвѣ при Иври 14 марта 1590 года, когда на буду-

---

(¹) См. Journal de l'Estoile: mai—septembre 1590 Du Laure. Histoire de Paris Tome V. p. p. 78 à 104. (édition de 1823).

щаго побѣдителя напалъ панический страхъ почти лишившій его возможности держаться на сѣдлѣ. Ударяя себя кулаками подъ бока, Генрихъ твердилъ сквозь зубы, щелкавшіе отъ лихорадки: „впередъ, впередъ, поганый одеръ“! (Avance, avance donc, vilaine carcasse!). Легко можетъ быть, что и настоящіе герои внутренно праздновали трусу въ сраженіяхъ, но только этого не выказывали.

Въ нетвердости въ словѣ Генриха уличаютъ его письменныя обѣщанія любовницамъ, Габріэли д'Этре и Генріэттѣ д'Антрагъ— жениться на нихъ, чего, благодаря стараніямъ Сюлли, исполнено не было. Обольщать женщинъ подобными обѣщаніями неприлично даже какому нибудь писарю или деньщику, королю же и тѣмъ болѣе *великому*... странно!

Забавляясь карточной игрой, великій король не только плутовалъ, но безъ околичности — кралъ чужія ставки со стола. Однажды играя съ Бассомпьеромъ, Генрихъ подмѣнилъ выигранную маршаломъ кучку пистолей таковою же составленною изъ полу-пистолей. Замѣтивъ этотъ подлогъ, Бассомпьеръ выбросилъ весь свой выигрышъ за окно стоявшимъ въ караулѣ солдатамъ, замѣнивъ ее на игорномъ столѣ новою изъ собственнаго кармана. Свидѣтельница этому, Марія Медичи, сказала Генриху: вы съ маршаломъ помѣнялись ролями; онъ отлично представилъ короля, а вы—простаго солдата“! Тому же Бассомпьеру, частому своему партнеру, король не одинъ разъ говаривалъ: „хорошо что я король, а то за мою нечистую игру быть бы мнѣ давно на висѣлицѣ!“

Это сознаніе, конечно, дѣлаетъ честь откровенности Генриха IV, но самыя плутни не дѣлаютъ ему чести... Снимите этого великаго короля съ плечъ его живаго пьедестала — истинно великаго, благороднаго Сюлли и передъ вами явится самый обыкновенный человѣкъ; но въ этомъ-то и вся заслуга Генриха... Да, онъ былъ *человѣкомъ* на тронѣ, послѣ двухъ демоновъ, Карла IX и Генриха III, руководимыхъ достойною ихъ матерью, Катериною Медичи. Мученическая смерть Генриха отъ руки Равайлльяка безспорно примиряетъ до извѣстной степени съ его жизнію, но кровь короля, во всякомъ случаѣ, не можетъ смыть многихъ грязныхъ страницъ исторіи его царствованія. Именно объ этихъ страницахъ

мы и поговоримъ теперь; поговоримъ безпристрастно ни оправдывая ни обвиняя. Передъ нами теперь Генрихъ IV—живой, но не умерщвленный Равайлльякомъ, и черезъ сто восемьдесятъ три года (въ 1793 году), не исторгнутый, яростною чернію, изъ своей могилы въ Сен-Дени: страница неизгладимо позорная въ исторіи французскаго народа!..

Въ моцартовскомъ Донъ-Жуанѣ, Лепорелло, перечисляя жертвъ своего господина, развертываетъ саженный свитокъ, представляющій въ итогѣ: 1003 (milla e tre). Точно такимъ же, хотя и менѣе баснословнымъ спискомъ, приходится и намъ начинать нашъ очеркъ сердечныхъ подвиговъ державнаго французскаго Донъ-Жуана. *Пятьдесятъ шесть!* произносимъ мы голосомъ Лепорелло; имена-же фаворитокъ нижеслѣдующія:

1573—1576: *Шарлотта де Бонъ-Самблансе, госпожа де Совъ, маркиза Нуармутье* (Charlotte de Beaune Samblançay dame de Sauve, marquise de Noirmoustier). 2) Жанна дю Монсо де Тигонвилль, впослѣдствіи графиня Панжа (Jeanne du Moncau de Tigonville comtesse de Pangeas).

1578—3) Дайэлла, фрейлина Катерины Медичи, гречанка кипріотка; 4) въ Аженѣ: Катерина-дю-Люкъ; 5) Анна-де-Бальзакъ-де-Монтэгю (Anne de Balzac de Montaigu); 6) въ Аженѣ: Арнольдина.

1579—7) Мадмуазель де Ребуръ; 8) Флёретта, дочь садовника въ Неракѣ; 9) *Франциска де Монморанси-Фоссе* (Françoise de Montmorency-Fosseux); 10) госпожа Спондъ; 11) дѣвица Мароkенъ; 12) Ксента, горничная Маргариты наварской; 13) булочница въ Сенъ-Жанъ; 14) госпожа де Петонвилль; 15) Бавересса; 16) дѣвица Дюра; 17) Пикотенъ, булочница въ По; 18) графиня Сенъ-Мегренъ (Le Saint-Maigrin); 19) кормилица въ Кастель-Жалу; 20) двѣ сестры де л'Эпсэ (Le l'Epsée).

1582—1591: 21) Діана д'Андуэнъ графиня Грамонъ, прозванная: *Прекрасною Коризандою* (Diane d'Andouins, comtesse de Gramont, dite la belle Corisande); 22) Мартина; 23) Эсѳирь Имберъ (Imbert) въ Ла-Рошелли; 24) Антуанетта де Понъ, маркиза Гершвилль, впослѣдствіи графиня Ліанкуръ (Antoinette de Pons marquise de Guercheville; comtesse de Li-

ancourt) съ 1589 по 1590 годъ. Любовь платоническая и неудачная; 25) Катерина де Вердёнъ монахиня Лоншана, впослѣдствіи абатисса въ Вернонѣ; 26) Марія де Бовійе, абатисса монастыря Монмартръ; 27) Марія Бабу де ла Бурдэзьеръ, впослѣдствіи виконтесса д'Этожъ, двоюродная сестра Габріэли д'Этре.

1591—1599: 28) *Габріэль д'Этре, госпожа де Ліанкуръ, маркиза Монсо, герцогиня де Бофоръ* (Gabrielle d'Estrèe, dame de Liancourt, marquise de Monceaux, duchesse be Beaufort); 29 и 30) ея родныя сестры: Юліанна Ипполита д'Этре, маркиза, а впослѣдствіи герцогиня Вилларъ и Анжелика д'Этре, абатисса въ Мобюиссонѣ; 31) госпожа де Монтобанъ; 32) ла Гландэ — куртизанка; 33) дѣвица д'Аранкуръ; 34) дѣвица де Сепантъ—изъ того-же разряда.

1599—1610: 35) *Генріэтта де Бальзакъ д'Антрагъ, маркиза де Верней̆ль* (Henriette de Balzac d'Entragues marquise de Verneuil): 36) графиня Лиму; 37) Жаклина де Бейль графиня Море (1604—1610); 38) госпожа Ланери; 39) госпожа Мопу; 40) Шарлотта Фулебонъ; впослѣдствіи супруга Франциска Барбетьеръ-Шемеро; 41) куртизанка Бретолина; 42) герцогиня де Неверъ (неудача); 43) герцогиня Монпансье (тоже); 44) Катерина де Роганъ герцогиня цвейбриккенская (разсердилась на любезное предложеніе короля); 45) мадмуазель де Гюизъ принцесса Конти, сочинительница памфлета: *Возлюбленныя великаго Альcандра* (Les amours du grand Alcandre); 46) госпожи Кленъ или Келенъ, жена парламентскаго совѣтника; 47) мамзель Фаншошь—уличная камелія; 48) супруга сборщика податей, госпожа де Буанвилль; 49—53) госпожи: Аарсенъ, де Со, де Раньи, де Шанливð, Камю де Понкарре.

1604—1610: 54) Шарлотта дез'Эссаръ графиня Ромартенъ; 55) *Шарлотта Маргарита де Монморанси принцесса Конде*; 56) дѣвица Полэ (Paulet).

Прибавивъ къ этому числу первую супругу Генриха Маргариту наварскую, знаменитую *королеву Марго*—французскую Лукрецію Борджія получимъ—57, число лѣтъ жизни Генриха IV. На эту странность обращаемъ вниманіе охотниковъ до кабалистическихъ выкладокъ; пусть, ради забавы, присоединятъ эту роко-

вую цифру къ числамъ 4 и 14, игравшимъ такую важную роль въ жизни родоначальника бурбонской династіи (1).

Цыфирные фокусы, конечно, очень занимательны; въ нихъ, досужее суевѣріе можетъ даже найдти себѣ лакомую пищу, но мы, не останавливаясь на подобныхъ пустякахъ, скажемъ нѣсколько словъ объ иныхъ цифрахъ, не кабалистическихъ, но тѣмъ болѣе заслуживающихъ вниманія. Съ 1574 по 1610 годъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, у Генриха IV было пятьдесятъ шесть фаворитокъ.—Любопытно знать, во сколько обошлись Франціи эти удовольствія? Не говоримъ о какой нибудь горничной Ксентѣ, или о мамзеляхъ, въ родѣ Бавересса, Ла Гланде, Бретотины, Фанюшь и имъ подобныхъ; на этихъ госпожъ и тогда, какъ теперь, была своя такса. Кромѣ куртизанокъ и горничныхъ, королю продавали свои ласки графини, виконтессы, маркизы, принцессы, абатиссы знавшія себѣ настоящую цѣну; мужья сводили его со своими женами, матери и отцы — съ дочерьми. Не скупился король на золото, подарки; щедрился онъ на помѣстья, маіораты; на чины и титла, которыми награждалъ услужливыхъ братьевъ, отцовъ и мужей, настоящихъ и подставныхъ. Сумма всѣхъ этихъ щедротъ можетъ представить цифру весьма почтенную; данныя же для составленія этой суммы можно найдти въ запискахъ Сюлли и во многихъ другихъ мемуарахъ того времени.

Женитьба Генриха на Маргаритѣ Валуа, дѣло адской политики Катерины Медичи, породнила честный домъ наварскихъ Бурбоновъ съ французскимъ лупанаромъ. Умною Іоанною д'Альбре (какъ мы видѣли) руководили расчетъ и надежда со временемъ

(1) Въ его имени Henri de Bourbon: Генрихъ Бурбонъ, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ—14 буквъ; онъ родился 13 декабря 1553 года (12-й мѣсяцъ года, число: 1+3=4; годъ: 1+5+5+3=14). Первая его жена (Маргарита Валуа) родилась 14 мая 1552 г. Варѳоломеевская ночь съ 23 на 24 августа 1572 г. (это число дѣлится на 4 безъ остатка). Битва при Иври происходила 14 марта 1590 г. Въ именахъ: Jacques Clément (убійцы Генриха III), Marie de Medicis—по 14 буквъ. Габріэль д'Этре умерла 8 апрѣля 1599 года: число 8 дѣлится безъ остатка на 4, а сумма цифръ всего года=24. Бракъ Генриха съ Маріей Медичи въ 1600 г. (40×40=1600) Генрихъ былъ убитъ 14 мая 1610 года (1+6+1=8).

видѣть сына на французскомъ престолѣ; честолюбіе извинительное въ доброй и нѣжной матери. Катерина Медичи замышляла другое. Она, призывая гугенотовъ на брачное празднество короля наварскаго, готовила имъ предательскую западню Варѳоломеевской ночи; она оттачивала ножи и топоры убійцъ, подъ звуки бальной музыки... прологомъ кровавой трагедіи были, пѣсни, пляски, а за ними—отравленіе Іоанны Альбре, убіеніе Колиньи и рѣзня гугенотовъ. Могъ ли быть проченъ и надеженъ брачный союзъ, заключенный при такой страшной обстановкѣ? Генрихъ и Маргарита шли къ алтарю скрѣпя сердце, съ обоюднымъ отвращеніемъ, чтобы не сказать ненавистью. Говорятъ, будто несходство характеровъ главный источникъ супружескихъ раздоровъ... не правда! Въ Королѣ наварскомъ и его супругѣ видимъ совершенно противное; рѣдко можно было найдти людей, у которыхъ въ характерѣ было бы такъ много родственнаго сходства; какъ въ немъ, такъ и въ ней—одни и тѣ же достоинства и пороки одни и тѣ же. Онъ былъ влюбчивъ; она тоже; Генрихъ за женскую ласку готовъ былъ отдать честь, жизнь, весь міръ и Маргарита не задумывалась надъ принесеніемъ этихъ же самыхъ жертвъ своимъ многочисленнымъ любовникамъ. — Шалости и волокитство непримѣтно довели мужа и жену до распутства, распутство доводило ихъ и до преступленій... Новѣйшіе проповѣдники женской эмансипаціи, быть можетъ, сочтутъ наши слова лицемѣріемъ, но, по крайнему нашему разумѣнію, порокъ, терпимый въ мужчинѣ, отвратителенъ въ женщинѣ: подвыпившій мужчина никогда не возбудитъ того омерзенія, которое внушаетъ намъ пьяная женщина. Тоже самое и во всякомъ порокѣ. Генрихъ, молодой страстный беарнецъ, воспитанный матерью въ страхѣ божіемъ, не могъ устоять отъ искушеній французскаго двора Карла IX и Генриха III; мы его не извиняемъ, только оправдываемъ... Знаменитая королева Марго не заслуживаетъ ни извиненій ни оправданій. Достойная дочь Катерины Медичи, она родилась развратною, всосала съ молокомъ матери неутолимое сладострастіе, выросла въ атмосферѣ, пропитанной порокомъ. Двѣнадцати лѣтъ она впервые вкусила завѣтный плодъ любви чувственной и съ этого возраста ревностно служила Венерѣ, своему единственному божеству. Антрагъ, Шарренъ или Шар-

ри хвалились побѣдою надъ пламеннымъ сердцемъ Маргариты отроковицы, но эту честь могли оспорить у нихъ братья Марго: Карлъ IX, Генрихъ III, Францискъ, герцогъ Алансонскій и кромѣ братьевъ, герцогъ Генрихъ Гюизъ *Порубленный* (le Balafré), другъ дѣтства Маргариты, ея безсмѣнный сверстникъ въ играхъ и забавахъ. Маргарита любила его до самой роковой катастрофы въ Блуа, которую, какъ мы уже говорили, безуспѣшно пыталась отклонить, предупреждая Гюиза объ угрожавшей опасности. Немедленно по выходѣ Маргариты за Генриха наваркаго, Гюизъ возобновилъ съ нею прерванную связь, смѣясь и издѣваясь надъ простоватымъ беарнцемъ, который съ своей стороны умѣлъ кстати зажмуриться или глядѣть сквозь пальцы на продѣлки жены. Если римскій Брутъ прикидывался сумашедшимъ, почему Генриху наварскому было не прикидываться простякомъ, повѣсой, добродушно махнувшимъ рукою на все и на вся и думавшимъ единственно объ игрѣ въ лапту, объ охотѣ и любовныхъ приключеніяхъ? Навлекая на себя этой странной тактикой негодованіе гугенотовъ и презрѣніе католиковъ, онъ спасалъ себѣ жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ тихонько прокрадывался къ королевской коронѣ. Раболѣпствуя передъ Катериной, потворствуя преступнымъ шалостямъ своей жены, лавируя между Сциллой и Харибдой, Генрихъ особенно подружился съ самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ своихъ трехъ шуриновъ, Францискомъ Алансонскимъ. Шуринъ, зять и сестрица, составили самый согласный тріумвиратъ, на который, однако же, обратила вниманіе Катерина Медичи, предугадывая въ немъ опасность, гибельную ея намѣреніямъ. Вѣрная завѣту Макіавеля: всеяй раздоръ и властвуй (divide et impera), флорентинка поручила своей фрейлинѣ, госпожѣ де Совъ и любимцу Генриха III, дю Гасту (du Guast), во чтобы то ни стало разладить мужа съ женою и шуриновъ. Всѣ фрейлины двора королевы матери, какъ мы уже говорили, душою и тѣломъ служили ея видамъ и замысламъ, но г-жа де Совъ любила *искуство для искуства* и, по словамъ историка Мезерэ: „прелестями своими служила нестолько намѣреніямъ королевы, сколько своему собственному удовольствію; играя сердцами своихъ поклонниковъ такъ ловко, что никогда не бывала въ проигрышѣ и имѣла неистощимый запасъ обожателей.“ Эта прелестная дама,

супруга государственнаго секретаря, была счастливой соперницей Маргариты (или какъ ее называлъ Карлъ IX: *толстухи Марго*), пользуясь благосклонностью державныхъ ея братьевъ, наконецъ и мужа, котораго вмѣстѣ съ герцогомъ Алансонскимъ прибрала къ рукамъ. Тонкій, лукавый дипломатъ въ своихъ отношеніяхъ ко французскому двору, Генрихъ наварскій, на этотъ разъ, бросился въ западню, разставленную ему коварною Цирцеею и, согласно желаніямъ Катерины Медичи, разсорился съ герцогомъ Алансонскимъ, чуть не до поединка. Госпожа де Совъ, принимая у себя въ будуарѣ и зятя и шурина, тому и другому клялась въ неизмѣнной вѣрности; зятю наговаривала на шурина, шурину на зятя, мужу на жену. Генрихъ, не питавшій къ Маргаритѣ иныхъ чувствъ кромѣ холодной дружбы, замѣнилъ ее презрительнымъ равнодушіемъ. Глубоко обиженная Марго, чтобы не остаться въ долгу, выбрала себѣ другомъ Бюсси д'Амбуаза, главнаго коновода партіи Алансонскаго. Въ своихъ запискахъ она увѣряетъ, что отношенія ихъ были безукоризненны, чему разумѣется, нельзя вѣрить.

Преемникъ несчастнаго Ла-Моля, удалецъ Бюсси, сынъ своего времени, былъ способенъ на что угодно, кромѣ нѣжныхъ воздыханій и платонической любви. Въ тѣ времена любить женщину значило обладать женщиной; о любви платанической проповѣдывали только тогдашніе романисты и поэты. Душевно преданный герцогу Алансонскому, Бюсси въ объятьяхъ Маргариты нашелъ достойную награду за свою преданность. О связи съ нимъ королевы наварской дю-Гастъ довелъ до свѣденія ея мужа. Генрихъ, занятый госпожею де Совъ, не повелъ и ухомъ. Генрихъ III и Катерина надѣялись, что беарнецъ будетъ мстить Бюсси и жестоко ошиблись. Тогда дю Гастъ (съ ихъ согласія разумѣется) выбралъ изъ своего сардинскаго полка триста человѣкъ отчаянныхъ головорѣзовъ, велѣлъ имъ ночью напасть на Бюсси и его товарищей. Эта горстка молодцовъ выдержала натискъ злодѣевъ; раненный Бюсси защищался какъ левъ и посланные дю Гаста бѣжали. На другой день, побѣдитель явился въ Луврѣ, неизмѣнно веселый, любезный, будто послѣ потѣшнаго турнира. Дорого поплатился дю Гастъ за свой неудавшійся разбойничій умыселъ. Октября 30, то-

го же 1575 года, часу въ десятомъ вечера, когда онъ больной лежалъ въ постели, въ его спальню вломилась толпа замаскированныхъ людей, предводимая Вильгельмомъ дю Пра барономъ де Ватто; шпаги ихъ и кинжалы не дали промаховъ: шпіонъ погибъ честной смертію Юлія Цесаря, Маргарита назвала гибель дю Гаста „судомъ божіимъ“ и это было бы дѣйствительно такъ, еслибъ баронъ де Ватто дѣйствовалъ не по ея порученію.

Вечеромъ 15 сентября 1575 года Францискъ герцогъ Алансонскій бѣжалъ въ свой удѣльный городъ Дре, откуда прислалъ въ Парижъ манифестъ въ оправданіе своему поступку съ выраженіемъ своихъ притязаній. Генрихъ III и Катерина въ безсильной ярости не знали за что взяться; Маргарита слегла въ постель заболѣвъ лихорадкою отъ страха за нѣжно любимаго брата; милый король наварскій тоже лежалъ... у ногъ госпожи де Совъ, осыпая бѣглеца упреками и насмѣшками, которыми маскировалъ свое рѣшительное намѣреніе послѣдовать его примѣру. Усыпивъ бдительность флорентинки и Генриха III, король наварскій, 3 февраля 1576 года, подъ предлогомъ поѣздки на охоту въ Санлисъ, съ небольшой свитой приверженцевъ своихъ, ускакалъ по вандомской дорогѣ въ Алансонъ; оттуда пробрался въ Мэнъ, Анжу, гдѣ явно присоединился къ партіи Конде и опять перешелъ въ кальвинизмъ, отъ котораго отступился послѣ Варѳоломеевской ночи. Мнимый простякъ перехитрилъ умную флорентинку, лукаваго ея сына и коварную г-жу де Совъ, изъ сѣтей которой наконецъ вырвался.

На этотъ разъ, за все про все поплатилась ни въ чемъ невиноватая Маргарита. Королева-мать и король-братецъ обрушивъ на нее свою ярость, обошлись съ нею какъ съ плѣнницей, приставивъ стражу къ ея дворцу. Для нихъ Маргарита была драгоцѣннымъ залогомъ при тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились теперь къ Генриху III его братъ и зять. Король наварскій, равнодушный къ женѣ во время пребыванія своего въ Парижѣ, теперь въ письмахъ своихъ изъ Гаскони прикинулся чрезвычайно нѣжнымъ и внимательнымъ, прося Маргариту, между прочимъ, подробно сообщать ему обо всемъ что дѣлается и замышляется при дворѣ. Дружбы ради, королева наварская охотно взяла на себя роль шпіонки, донося обо всемъ обоимъ бѣглецамъ,

т. е. мужу и Франциску Алансонскому. Желая, во что бы то ни стало, воротить послѣдняго ко двору, Генрихъ III рѣшился вступить съ нимъ въ переговоры. Посредницею была сама Катерина; она ѣздила къ Франциску, но холодно имъ принятая, истощивъ весь запасъ лести и заманчивыхъ обѣщаній возвратилась въ Парижъ ни съ чѣмъ. Быть примирительницею враждующихъ братьевъ попросили Маргариту и она съ удовольствіемъ взялась за это трудное порученіе. Чего не сдѣлала мегера, то удалось сиренѣ. Францискъ, обольщенный ласками сестры (ласками, далеко не родственными), возвратился въ Парижъ, какъ блудный сынъ въ домъ отчій. Генрихъ III принялъ его съ умилительнымъ радушіемъ, Катерина со слезами радости: тотъ и другая смотрѣли въ глаза герцогу Алансонскому, предупреждая, предугадывая малѣйшія его желанія. По этимъ ласкамъ Францискъ могъ заключить, что на этотъ разъ ему не такъ-то легко будетъ вырваться изъ этихъ предательскихъ объятій. Маргарита въ награду за удачное исполненіе даннаго ей порученія просила мать и брата отпустить ее къ мужу, вмѣстѣ съ присланнымъ за нею Женнесакомъ. Ей отвѣчали отказомъ, посланнаго приняли съ грубостями, приказавъ ему сказать мужу Маргариты, что онъ не увидитъ ее до тѣхъ поръ, покуда не перейдетъ въ католицизмъ. Желая утѣшить Маргариту ей предложили прокатиться въ чужіе края, на воды, и она, ссылаясь на недавнюю болѣзнь, выбрала Спа, куда и отправилась въ сопровожденіи княгини Рошъ-сюр-Іонъ. Эта поѣздка была на столько полезна ей въ санитарномъ отношеніи сколько герцогу Алансонскому въ отношеніи политическомъ. Во время своего пребыванія во Фландріи, Маргарита съумѣла расположить въ пользу брата партію недовольныхъ испанскимъ владычествомъ, обѣщавшихъ ей въ случаѣ надобности не только дать ея брату надежный пріютъ, но даже избрать его въ предводители готовившагося возстанія. Это обѣщаніе, льстившее честолюбію герцога Алансонскаго, пришлось какъ нельзя болѣе кстати. По возвращеніи въ Парижъ, Маргарита, вмѣсто прежнихъ ладовъ между матерью и примирившимися братьями, нашла страшную разладицу. Генрихъ III, обвиняя герцога Алансонскаго въ измѣнѣ и злыхъ умыслахъ, теперь обходился съ нимъ, какъ съ плѣнникомъ, вмѣсто объятій его

ржали чуть не за воротъ. Смягчивъ по возможности его незадную участь, ручаясь головою королю и королевѣ матери за агонадежность Франциска, хитрая Маргарита, съ помощью Бюсси Амбуаза, занялась приготовленьями къ побѣгу узника во Фланд. Въ пятницу 14 января 1578 года, герцогъ Алансонскій, ье и Канже, съ помощью Маргариты, трехъ ея горничныхъ и рнаго слуги, по веревочной лѣстницѣ спустились изъ окна темцы въ ровъ, оттуда бѣжали въ абатство святой Геновефы, гдѣ ь ожидалъ вѣрный Бюсси. Во Фландріи, братъ Генриха III не ъ ему опасенъ и король радуясь, что сбылъ съ рукъ опаснаго га, нимало не сердился на Маргариту за ея содѣйствіе побѣгу нциска. Главною причиною послѣдней распри между братьями а не боязнь короля французскаго честолюбивыхъ замысловъ цога, а возобновленная послѣднимъ связь съ госпожею де Совъ, овременной удостоивавшей и короля своей благосклонностью. До ба вѣрная правилу не лишать своей ласки ни единаго мужчи при дворѣ, отъ короля до камеръ-лакея включительно, эта пожа имѣла честь послѣ герцога Алансонскаго быть любовниі Генриха Гюиза. Въ бытность свою въ Гаскони съ Катериі Медичи она пыталась пробудить въ сердцѣ короля наваргаго прежнюю страсть, но онъ, какъ увидимъ, уклонился отъ й камеліи, выбравъ цвѣтокъ посвѣжѣе и привлекательнѣе.

Прежде нежели мы возвратимся къ разсказу о любовныхъ подгахъ героя нашего очерка, окончимъ обзоръ любовныхъ похожній его супруги, до отъѣзда ея въ Гасконь. Съ 1575 по 1578 дъ сердцемъ ея нераздѣльно владѣлъ удалой Бюсси, который, оводивъ свою возлюбленную, не теряя времени, нашелъ новый редметъ обожанія въ лицѣ графини Діаны Монсоро. Мужъ кравицы, взявъ примѣръ съ Гюиза, поступилъ съ Бюсси точно акъ же, какъ тотъ съ графомъ Сен-Мегреномъ. Заманивъ любовика жены въ свой замокъ, Монсоро выпустилъ на него цѣлый трядъ убійцъ, будто стаю бѣшеныхъ собакъ на кабана. Долго тбивался Бюсси отъ этихъ душегубцевъ, сначала шпагою, потомъ я обломкомъ, наконецъ стульями и скамьями попадавшимися ему въ комнатѣ подъ руку... Израненному, полумертвому, ему удалось добраться до окна и выскочить во дворъ, гдѣ онъ повисъ на

копьяхъ рѣшетки и былъ безжалостно дорѣзанъ. Такъ погибъ 19 августа 1579 года храбрецъ, достойный лучшей участи, но такова уже была роковая судьба любовниковъ Маргариты, погибавшихъ большею частію насильственной смертью, начиная съ бѣднаго Ла-Моля и оканчивая Обіакомъ. Обычная угроза: „я готовъ отдать за тебя жизнь!" неизбѣжная въ устахъ влюбленныхъ, у фаворитовъ королевы наварской была пророчествомъ... Дорого обходились имъ ласки Маргариты.

Намъ, въ нашей книгѣ, такъ часто случалось и еще не одинъ разъ случится, обвинять драматурговъ и романистовъ въ искаженіи историческихъ фактовъ и личностей, что мы не можемъ здѣсь отказать себѣ въ удовольствіи отдать должную справедливость талантливому Дюма, автору великаго множества историческихъ романовъ, издавна знакомыхъ нашимъ читателямъ. Учиться французской исторіи по романамъ Дюма было бы, конечно, смѣшно и дико, тѣмъ болѣе, что у него вымыселъ и правда всегда весьма искусно сплавлены въ нераздѣльную амальгаму; но нельзя не признать за нимъ и той заслуги, что онъ, своими разсказами, спасъ отъ забвенія не мало замѣчательныхъ историческихъ личностей. Безъ *королевы Марго* и *графини Монсоро* едвали большинству читающаго міра извѣстны были бы: Ла Моль, Коконна и Бюсси д'Амбуазъ любопытные типы истыхъ французскихъ дворянъ XVI вѣка, со всѣми ихъ достоинствами и пороками. Въ драмѣ своей: *Генрихъ III и его дворъ* (Henri III et sa cour) Дюма, почти безъ измѣненія, мастерскимъ перомъ, изобразилъ исторію красавчика *Сен-Мегренъ*, а въ упомянутыхъ романахъ, полною рукою черпалъ изъ записокъ л'Этуаля, Маргариты, Брантома и исторіи д'Обинье.—Если историческіе романы Вальтеръ Скотта можно назвать фотографіями, то произведенія Дюма имѣютъ полное право на имя историческихъ картинъ, написанныхъ яркими и далеко не линючими красками.

Въ теченіе двухлѣтней разлуки со своей супругою, Генрихъ наварскій не оставался передъ нею въ долгу, и усердно, не менѣе Маргариты, служилъ Эроту и Венерѣ. Въ 1576 году влюбчивые его глаза остановились на дочери госпожи Тигонвилль, наставницы его сестры. Эта „дѣвочка" какъ ее называетъ д'Обинье въ

своихъ запискахъ, полу-дитя, главную заманчивость которой составляли невинность и неопытность, не на шутку отвлекала Генриха отъ занятій дѣлами, поважнѣе волокитства и любовныхъ проказъ, до которыхъ король наварскій былъ вообще такъ падокъ. Сначала онъ обратился съ просьбою помогать ему къ суровому д'Обинье, умоляя его „на колѣняхъ,“ уговорить упрямицу, на всѣ нѣжныя предложенія короля отвѣчавшую отказомъ и бранью. „Я не гожусь въ сваты и подлой этой должности исправлять не умѣю!“ Такъ говорилъ прямодушный д'Обинье, съ своей стороны стараясь отвлечь короля отъ глупой связи; упрямецъ не унимался и одержалъ, наконецъ, желанную побѣду. Два года мадмуазель де-Тигонвилль пользовалась ласками его нераздѣльно и въ награду за свою уступчивость была въ 1581 году выдана за барона Пардайянъ графа Панжа̀, члена государственнаго совѣта, камергера двора, кавалера рыцарскаго ордена, капитана полусотни тѣлохранителей, командира Гюйэнскаго полка и губернатора Арманьяка.

Эти чины были приданымъ, взятымъ барономъ за женою и позолотою роговъ, которыми задолго до свадьбы его увѣнчалъ король наварскій; не даромъ же сестра Генриха называла барона Панжа „толстымъ буйволомъ...“

Черезъ полгода, послѣ бѣгства герцога Алансонскаго въ Фландрію, Катерина Медичи и возлюбленный ея сынокъ рѣшились дозволить Маргаритѣ возвратиться къ ея бѣглому супругу. Втораго августа 1578 года королева наварская изъ замка Оленвилля изволила отбыть въ Гасконь въ сопровожденіи королевы-матери, кардинала Бурбона, герцога Монпансье и президента Пибрака. За ними слѣдовали фрейлины двора Катерины Медичи, обозъ красавицъ, которыми флорентинка надѣялась дѣйствовать на враговъ, вѣрнѣе всякой артилеріи и не ошиблась въ расчетѣ. Не успѣла она со своимъ подвижнымъ лупанаромъ прибыть въ Гюйэнну, какъ король наварскій уже растаялъ отъ огненныхъ взоровъ фрейлины Дайэллы, гречанки, спасшейся отъ плѣна при разореніи Кипра, а Тюреннь плѣнился дѣвицею Ла Вернь (La Vergne). Восемнадцать мѣсяцевъ гостила Катерина Медичи у зятя, напоминая, окруженная своими камеліями-фрейлинами, извѣст-

наго разряда тетеньку съ племянницами. Король и королева наварскіе были просто умилительны въ добромъ согласіи и при совершенномъ отсутствіи ревности: король дружилъ съ фаворитами жены, она—съ фаворитками короля. Житье въ Неракѣ, во время пребыванія тамъ Катерины, было самое привольное и развеселое; послѣ него, прибытіе въ угрюмый городъ По и пребываніе въ этомъ городѣ показались Маргаритѣ невыносимыми... Угодно ли читателю знать истинную причину уступчивости Генриха и его снисходительнаго взгляда на всѣ шашни Маргариты? Вотъ подлинныя его слова:

— Чтобы меня не обвинили въ проповѣданіи безнравственныхъ (?) правилъ приручать ревнивыхъ мужей и пользоваться ихъ довѣріемъ, я объясню причины, побуждавшія меня такъ странно вести себя. Я былъ королемъ безъ королевства и стоялъ во главѣ партіи, которую слѣдовало поддерживать, всего чаще безъ войскъ и безъ денегъ для ихъ найма. Видя приближавшуюся грозу, я для ея отклоненія не имѣлъ иныхъ средствъ, кромѣ покорности. Въ подобныхъ случаяхъ добрая жена приносила мнѣ не малую пользу. Ея ходатайство всегда смягчало досаду на меня ея матери или братьевъ. Съ другой стороны, ея красота привлекала ко мнѣ постоянно множество удальцовъ, которыхъ удерживала при мнѣ легкость ея поведенія; суровостью она могла бы повредить успѣхамъ нашей партіи. Судите послѣ этого, долженъ ли я былъ щадить ее, хотя она и доходила иногда въ своемъ кокетствѣ до смѣшнаго. Бывали между ея обожателями и такіе, надъ которыми она сама смѣялась, удостоивая меня довѣренности и сообщая мнѣ о ихъ забавной страсти. Таковъ былъ старый сумасбродъ Пибракъ. Ради любви онъ сдѣлался ея канцлеромъ, чтобы, пользуясь правомъ службы, писать ей нѣжнѣйшія письма, надъ которыми коварная вмѣстѣ со мною смѣялась."

Этой же самой системы и въ наше время придерживаются многія мужья, торгующіе своими женами, въ чаяніи снисканія великихъ и богатыхъ милостей у своихъ начальниковъ, но что мерзко въ какомъ нибудь министерскомъ чиновникѣ, то отвратительно въ королѣ, этимъ грязнымъ путемъ домогающемся престола... Или будущій Генрихъ IV думалъ, что за высотою занятаго имъ

поста люди ему современные и потомки не замѣтятъ пятенъ? Солнце ярче французской короны и повыше королевскаго престола, однако же его пятна не укрылись отъ глазъ наблюдательной науки. Путь ко славѣ можетъ быть тернистъ, труденъ, извивистъ, но никогда не долженъ быть грязенъ; стыдъ и позоръ тѣмъ славолюбцамъ, которые удобряютъ почву для своихъ лавровъ кровью человѣческою или смрадной грязью.

Съ переѣздомъ въ По, для Маргариты, какъ мы уже сказали, начались черные дни. Въ памяти беарнцевъ еще въ полномъ блескѣ сіяла покойная Іоанна д'Альбре, „въ которой," по словамъ историка, „кромѣ пола, не было ничего женскаго;" Іоанна, умная въ совѣтѣ, храбрая на войнѣ, строгая, цѣломудренная. Сравнивали беарнцы покойную мать ихъ короля съ его женою и невыгодно было это сравненіе для молодой развратницы, мечтавшей единственно о нарядахъ, балахъ, праздникахъ, да любовныхъ интригахъ. Въ По, Генрихъ взялъ жену въ ежевыя рукавицы (что, сказать по правдѣ, чести ему не дѣлаетъ). Въ Парижѣ, онъ — „страха ради іудейска" ходилъ въ католическую церковь; въ По, онъ заставилъ Маргариту слушать обѣдню ея вѣроисповѣданія въ убогой часовенькѣ, куда не допускали мѣстныхъ жителей, единовѣрцевъ Маргариты... Вмѣсто обожателей, королеву окружали педантъ Пибракъ, свирѣпый солдатъ д'Обинье и фанатикъ гугенотъ Жакъ Лаллье. Не кого было ей тѣшить своими кокетливыми кривляньями и пышными нарядами изъ камки, аксамиту, турецкой парчи и венеціанскаго бархата, о которыхъ она съ такимъ чувствомъ распространяется въ своихъ запискахъ. Полезная мужу въ Парижѣ она была ему почти въ тягость въ его владѣніяхъ. Тамъ, дозволяя Маргаритѣ вѣтренничать какъ ей угодно, здѣсь Генрихъ требовалъ отъ нея соблюденія приличія и супружеской вѣрности. Въ обоихъ случаяхъ онъ былъ вѣренъ политической системѣ, имъ высказанной: въ Беарнѣ честное поведеніе жены было точно такой же необходимостью какъ въ Парижѣ ея безнравственность. Стѣсняя жену въ ея привычкахъ, Генрихъ себѣ самому представилъ полную свободу, не давая спуску ни одному смазливенькому личику отъ крестьянки до фрейлины включительно. Въ это время, вмѣстѣ съ д'Амвилемъ и Фронте-

накомъ, король наварскій пользовался расположеніемъ мадмуазель де-Ребуръ, всячески досаждавшей Маргаритѣ. Эта Ребуръ была дѣвица хворая, истощенная и Генрихъ любилъ ее, можетъ быть, единственно ради разнообразія. Она очень скоро ему прискучила и онъ замѣнилъ ее дѣвицею Фоссе, извѣстной подъ именемъ *Фоссезы*. Эта новая связь была затѣяна королемъ незадолго передъ его отъѣздомъ съ Маргаритою въ Неракъ, гдѣ и она вознаградила себя за невольное воздержаніе знакомствомъ съ Іаковомъ Гарлэ (Harlay), сеньеромъ де-Шанваллонъ.

Послѣ скучнаго По, житье въ Неракѣ напомнило Маргаритѣ родимый Парижъ. Праздники смѣнялись праздниками, домашніе спектакли балами, балы поѣздками на охоту. Придворныя дамы и кавалеры кружились въ какомъ-то чаду, покорствуя любви, этому могучему властелину самого короля, божеству соединявшему предъ своимъ алтаремъ и католиковъ и гугенотовъ. Старики не отставали отъ молодежи; суровый и степенный де-Рони, будущій Сюлли, репетировалъ балетныя па подъ руководствомъ сестры Генриха и долгомъ почелъ, по примѣру прочихъ, обзавестись фавориткою.

Въ этомъ адскомъ лабиринтѣ любовныхъ и политическихъ интригъ, душою которыхъ была Маргарита, попавшая опять въ свою сферу—путеводной нитью могутъ служить ея записки. Досадуя на маршала Бирона, правителя Гюйэнны, Генрихъ рѣшился нарушить миръ, заключенный съ парижскимъ дворомъ и, 15 апрѣля 1580 года, снова вступилъ въ борьбу, названную *войною влюбленныхъ*, такъ какъ главныя дѣйствующія лица этой траги-комедіи были влюбленные и любовь была главною пружиною всѣхъ ихъ политическихъ и военныхъ дѣйствій. Д'Обинье пишетъ, что Маргарита, негодуя на своего брата Генриха III за то, что онъ наушничалъ королю наварскому о ея интригахъ съ де Тюренномъ и Шанвалономъ, подстрекнула мужа затѣять съ шуриномъ войну. Орудіемъ для подстрекательства она выбрала молоденькую Фоссезу, свою фрейлину, дочь Петра Монморанси... Другими словами, Маргарита сама сосватала ея своему влюбчивому супругу.

Не смотря на свое смѣшное названіе, война была не шуточ-

ная; независимо отъ подвиговъ храбрости со стороны католиковъ и гугенотовъ, она была ознаменована неизбѣжными звѣрствами и ужасами. Нѣсколько областей терпѣли нужду и голодъ, гибли въ истязаніяхъ женщины, дѣти; сотни храбрыхъ складывали свои головы и все это по милости женщины—волокиты, чужой кровью мстившей своему брату за непрошенное его вмѣшательство въ ея грязныя интриги. По ея просьбѣ городъ и замокъ Неракъ, воюющими сторонами, признаны были неприкосновенными, что однакоже не мѣшало Генриху дѣлать частые наѣзды въ замокъ, въ которомъ между фрейлинами его жены находилась Фоссеза. Въ началѣ этой интриги Генрихъ питалъ къ прелестной отроковицѣ самую платоническую страсть, называя Франциску своею „дочкою." Послушная наставленіямъ королевы, дочка держала своего папашу въ почтительномъ отдаленіи, обѣщая ему—и только обѣщая желанную награду за тѣ воинскіе подвиги, которые онъ совершалъ во время этой срамной войны... Герцогу Алансонскому, возвратившемуся изъ Фландріи, Генрихъ III поручилъ вступить въ мирные переговоры съ королемъ наварскимъ. Семь мѣсяцевъ Францискъ провелъ въ Неракѣ, уладивъ дѣло по желанію короля французскаго, но миръ былъ вскорѣ нарушенъ, по милости Фоссезы. Ревнивый Генрихъ наварскій, замѣтивъ ухаживанье за нею герцога Алансонскаго, заподозрилъ жену въ пособничествѣ. На этотъ разъ невиноватая Маргарита уговаривала брата оставить неумѣстное соперничество. Фоссеза, точно также въ доказательство своей невинности, вознаградила наварскаго короля за долгія ожиданія. Лишь только обнаружились послѣдствія близкихъ отношеній Генриха съ Фоссезою, послѣдняя подобно библейской Агари, возгордилась и зазналась предъ своею законною соперницею, явно оказывая Маргаритѣ неуваженіе. Круто измѣнился характеръ недавней дѣвочки, готовившейся теперь быть матерью. Желая скрыть свою беременность, Фоссеза отпросилась у королевы на воды Эгъ-Шодъ, въ Беарнѣ. Дѣлая видъ, что она ни о чемъ не догадывается, Маргарита дала ей свое позволеніе. Фоссеза, сопровождаемая фрейлинами Ребуръ, Билльсавенъ, гувернанткою и Генрихомъ, отправилась лечиться. Ребуръ, отставная фаворитка, желая отомстить Фоссезѣ, исправно доносила Маргаритѣ обо всемъ

что дѣлалось на водахъ; о дерзкихъ отзывахъ новой фаворитки на счетъ королевы; о намѣреніи Генриха заставить жену пріѣхать въ Эгъ-Шодъ, для отклоненія излишняго скандала... Отклонять было нечего; при дворѣ и по всему Беарну ходили уже соблазнительные слухи о королѣ и его фавориткѣ. Зная, что отдаленіемъ отъ себя Фоссезы, она будетъ только способствовать вящшему злословію, Маргарита съ удивительнымъ тактомъ приблизила ее къ себѣ, великодушно предложивъ свое содѣйствіе къ сокрытію отъ молвы угрожавшей Фоссезѣ катастрафы. Вмѣсто благодарности, Фоссеза, по общепринятому обыкновенію падшихъ, желающихъ выдавать себя за непорочныхъ дѣвственницъ, стала осыпать королеву упреками, клясться въ своей невинности, называя клеветниками тѣхъ, которые осмѣливаются думать, что она беременна... Безстыдство это было тѣмъ извинительнѣе Фоссезѣ, что ея счастливый обожатель Генрихъ, этотъ „великій король" дѣлалъ женѣ своей сцены за нанесенное ею оскорбленіе *чистой* и *невинной* Фоссезѣ! Какое умилительно-патріархальное лицемѣріе!.. Въ лицѣ *жены* Генрихъ защищалъ отъ нападокъ общественнаго мнѣнія свою *любовницу*; замыкая уста Маргаритѣ онъ надѣялся заставить молчать весь свѣтъ... Онъ, его величество, король наварскій, ручался, что его „дочка" Фоссеза чиста, какъ младенецъ, стало—оно такъ быть должно, хотя бы этотъ младенецъ подарилъ божій міръ вторымъ экземпляромъ дѣйствительно невиннаго младенца, что и не замедлило послѣдовать.

Вскорѣ послѣ ссоры съ женою изъ за невинной Фоссезы, король ночью разбудилъ Маргариту и ласково сказалъ ей:

— Милая моя, я отъ васъ скрылъ то, въ чемъ теперь принужденъ сознаться. Простите меня и забудьте все что я говорилъ вамъ. — Будьте такъ добры встаньте и помогите бѣдной Фоссезѣ, которой очень трудно! Я увѣренъ, что вы увидя ее въ этомъ положеніи простите ей все прошедшее. Вѣдь вы знаете, какъ я ее люблю? Прошу васъ, сдѣлайте мнѣ эту милость!

Маргарита, истинно великая въ эту минуту, отвѣчала ему, что она слишкомъ его уважаетъ, чтобы считать его дитя безчестіемъ для себя; что она позаботится о Фоссезѣ, какъ о родной

дочери, ему же совѣтуетъ этимъ временемъ ѣхать съ придворными на охоту, затѣмъ чтобы все осталось шито да крыто ([1]).

Невинная Фоссеза родила мертвую дѣвочку. Королевѣ за ея услуги она отплатила тѣмъ же, чѣмъ большая часть рожениць платитъ бѣднымъ бабушкамъ, т. е. самой низкой неблагодарностью. Креатуры, подобныя Фоссезѣ, въ дѣвушкахъ не засиживаются; на ея счастье нашелся какой-то Сен-Маркъ, сеньёръ де Брокъ, предложившій ей руку и сердце.

До глубины души оскорбленная безстыдствомъ мужа и неблагодарностью Фоссезы, Маргарита съ удовольствіемъ приняла приглашеніе Генриха III и отправилась въ Парижъ для принятія дѣятельнаго участія въ интригахъ противъ короля наварскаго, а самое главное, для возобновленія интриги съ Шапваллономъ, имѣвшей такое роковое вліяніе на судьбу бѣдной королевы наварской. Дорого поплатилась она, какъ увидимъ, за свое справедливое мщеніе своему недостойному супругу.

Теперь изъ легіона фаворитокъ Генриха IV является первая знаменитость — *прелестная Коризанда*, графиня Грамонъ, которую одинъ современный авторъ осыпаетъ такими восторженными похвалами, какихъ не расточалъ блаженной памяти Боссюэтъ въ своихъ панегерикахъ надъ гробами королевъ и принцессъ. Она, по словамъ панегириста ([2]), заслуживаетъ не только вниманія, но и похвалъ исторіи; кромѣ красоты и ума она была мужественна и безкорыстна. Качества эти (продолжаетъ онъ) нельзя назвать добродѣтеля, но во времена обильныя пороками много значитъ имѣть хоть какія нибудь достоинства...“

Посмотримъ, какія же эти достоинства имѣла прекрасная Коризанда, въ дѣвицахъ Діана д'Андуэнъ виконтесса де Лувиньи.

Она родилась около 1554 года и въ 1567 году тринадцати лѣтъ вышла за Филиберта Грамона графа де Гишь сенешаля

([1]) См. Les Mémoires de la reine de Navarre. Далѣе этого, кажется, не могутъ идти ни снисходительность жены ни цинизмъ мужа. О, великій король!..

([2]) M. de Lescure: Les amours de Henri IV. Paris 1864. in 8° p.p. 121 et seq.

беарнскаго. Король наварскій познакомился съ супругами въ первый годъ своего прибытія въ Гюйэнну (1576) посѣтивъ графа, вѣрнаго и преданнаго слугу покойной Іоанны д'Альбре. Генрихъ влюбился въ Діану съ первой же встрѣчи, но она, какъ говорятъ записки современниковъ, была вѣрной женою и не запятнала своего имени связью съ королемъ ранѣе смерти мужа въ 1580 году. Могло быть такъ, могло быть и иначе. До вдовства своего или послѣ, Діана, что называется, ловко окрутила короля наварскаго, до того, что онъ далъ ей письменное обязательство, *подписанное кровью*—жениться на ней; предлагалъ признать своимъ ея сына Антонія (отъ герцога Грамона); горько оплакивалъ своего сына, рожденнаго Діаною и умершаго въ малолѣтствѣ. Д'Обинье въ своихъ запискахъ (¹) не слишкомъ-то благосклонно отзывается объ этой фавориткѣ, отвлекавшей короля своими ласками отъ дѣлъ государственныхъ; угрюмо ворчалъ гугенотъ на эту госпожу, которая *вертитъ королемъ какъ ей угодно*, а въ праздничные дни „ходитъ въ церковь со своимъ сынкомъ отъ Генриха, въ сопровожденіи пажа, пуделя и шута...“

Да! судя по этимъ атрибутамъ и отзывамъ д'Обинье видно, что Діана была высокаго ума женщина и за отсутствіемъ законной жены короля очень недурно разыгрывала ея роль съ прибавкою почтенной роли матери семейства: шутъ, пажъ, пудель и грудной ребенокъ „*явный* плодъ любви несчастной...“ обстановка умилительная, трогательная и Генрихъ былъ очень эфектенъ въ роли отца семейства, хотя и побочнаго, но любимаго не менѣе законнаго. Генриха съ Діаною особенно тѣсно сблизила восьмая, кровавая усобица между католиками и гугенотами. Д'Обинье называетъ ее *войною баррикадъ*, прочіе историки, *войною трехъ Генриховъ* (²). Это столкновеніе партій было слѣдствіемъ интригъ Маргариты, мстившей Генриху III за нанесенную ей обиду.

Прекрасная Коризанда помогала своему возлюбленному королю

(¹) Confessions de Sancy.

(²) Генрихъ III король французскій, Генрихъ король наварскій и Генрихъ-Порубленный герцогъ Гюизъ.

наварскому словомъ и дѣломъ; совѣтами и вещественной помощью, закладывая для найма войскъ и покупки лошадей свои драгоцѣнности и усадьбы. Въ свою очередь Генрихъ, не полагая предѣловъ своей признательности, замышлялъ вознаградить фаворитку, сочетаясь съ ней законнымъ бракомъ; разумѣется, по разводѣ съ Маргаритою. Въ мартѣ 1586 года, отразивъ маршала Матиньона отъ стѣнъ Кастеля, Генрихъ отбилъ у него нѣсколько знаменъ и лично привезъ эти трофеи къ Діанѣ, чтобы въ ея объятьяхъ отдохнуть на лаврахъ. Послѣ кровавой битвы при Кутрасѣ (20 октября 1586 года), не обращая вниманія ни на ропотъ войскъ одушевленныхъ побѣдою, ни на просьбы принца Генриха Конде, желавшаго овладѣть Сомюромъ, король наварскій съ новымъ грузомъ отнятыхъ у непріятеля знаменъ отправился изъ арміи къ Коризандѣ, тратя драгоцѣнное время на идиллическія нѣжности и праздный отдыхъ въ объятіяхъ своей возлюбленной. Дѣлу время, потѣхѣ часъ, говоритъ житейская мудрость; но Генрихъ смотрѣлъ на любовныя интриги, какъ на дѣла, а на войну, какъ на потѣху. Сюлли говоритъ, что товарищемъ короля наварскаго въ его сентиментальныхъ поѣздкахъ къ прекрасной Коризандѣ былъ графъ Суассонскій, любовникъ Катерины сестры короля. Генрихъ ссылался на графа, въ свое оправданіе утверждая, что онъ угождалъ этимъ своему вѣрному помощнику... Хорошо оправданіе!

Года черезъ два послѣ смерти Франциска герцога Алансонскаго (10 іюня 1584 года), Генрихъ, теперь наслѣдникъ французскаго престола, окончательно рѣшился жениться на своей Коризандѣ, противъ чего возстали Тюреннь и въ особенности д'Обинье. Первый пытался отвлечь короля отъ его намѣренія дѣйствіями военными, но другой вступилъ съ Генрихомъ въ открытый споръ, изъ котораго вышелъ побѣдителемъ.

Выразивъ д'Обинье свое намѣреніе, Генрихъ для примѣра указывалъ на тридцать государей древнихъ и новѣйшихъ, сочетавшихся бракомъ съ женщинами ниже ихъ по происхожденію; протестовалъ на браки политическіе, которые называлъ источниками распрей и междоусобій... Д'Обинье, неуловимый софизмами да парадоксами, отвѣчалъ королю-селадону:

— Примѣры хороши, но не для васъ, государь. Короли, на которыхъ вы ссылаетесь, мирно пользовались своими правами; ихъ какъ васъ никто не вытѣснялъ изъ ихъ владѣній, они подобно вамъ не скитались и благоденствіе ихъ царствъ не зависѣло отъ ихъ доброй славы. Вспомните государь, что къ задуманному вами браку существуетъ четыре препятствія, соединенныя въ собственной вашей особѣ: вы, Генрихъ Бурбонъ, король Наварры, наслѣдникъ короны французской и покровитель церквей. У каждой изъ этихъ четырехъ личностей свои слуги, которымъ она и платитъ разною монетою. Какъ Генрихъ Бурбонъ вы должны заботиться о чести вашей фамиліи; какъ король наварскій обязаны соблюдать интересы своей короны; какъ наслѣдникъ французскаго престола принуждены соотвѣтствовать надеждамъ на васъ возлагаемымъ... четвертая же обязанность ваша быть примѣромъ строгаго соблюденія закона и уставовъ церкви! Васъ обуяла любовь, страстная, непреодолимая. Я не говорю чтобы вы исторгли ее изъ сердца—любите, наслаждайтесь любовью, но, въ то же время будьте достойны ласкъ вашей любовницы... Сейчасъ я объясню странный, по видимому, смыслъ моихъ словъ. Пусть ваша любовь служитъ вамъ мѣрою для побужденія васъ къ честному исполненію вашихъ государскихъ обязанностей; ради любви внимайте добрымъ совѣтамъ; время ваше посвящайте дѣламъ необходимымъ; одержите сначала верхъ надъ своими врагами и собственными страстями и порочными наклонностями, а потомъ пожалуй по примѣру королей, на которыхъ вы ссылаетесь, женитесь на вашей возлюбленной. Смерть герцога Алансонскаго еще приблизила васъ къ трону французскому; не останавливайтесь же на половинѣ дороги и занеся ногу на ступени престола—ступайте къ этой великой цѣли!

Генрихъ поблагодарилъ честнаго совѣтника и далъ ему слово на два года отложить вопросъ о женидьбѣ своей на Діанѣ Грамонъ. То же обѣщаніе, подтвержденное клятвою, Генрихъ далъ виконту Тюренню.

Въ письмахъ Генриха къ его возлюбленной—полная прагматическая исторія всей его любви. Отъ Коризанды, у короля наварскаго не было ничего завѣтнаго; онъ сообщалъ ей обо всемъ:

о своихъ воинскихъ подвигахъ и политическихъ замыслахъ, своихъ опасеніяхъ и надеждахъ, о настоящемъ и будущемъ... Въ этихъ письмахъ лавры и тернія переплетены съ благоухающими розами любовной поэзіи, которыя тѣмъ удивительнѣе въ Генрихѣ, что отношеніе его къ Коризандѣ были такъ грубо-чувственны... Въ письмахъ своихъ, Генрихъ, будто влюбленный мальчикъ, старается умилить свою возлюбленную тирадами о смерти ему угрожающей, о своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданьяхъ, вызывая тѣмъ Коризанду на выраженіе ему совершеннаго сочувствія. Особенно непріятное впечатлѣніе при чтеніи этихъ писемъ ([1]) производятъ отзывы Генриха о своей женѣ. Конечно, женатый человѣкъ ничѣмъ не можетъ угодить такъ своей любовницѣ, какъ браня ей свою законную жену—это дѣло извѣстное; дѣло весьма гадкое на словахъ и отвратительное въ письмѣ. Генрихъ въ письмахъ своихъ къ Діанѣ Грамонъ, называетъ Маргариту *пьяницею* (письмо отъ 7 ноября 1585 г.); выражаетъ желаніе свернуть ей шею (18 мая 1589 г.); молитъ Бога о скорѣйшей ея смерти: „Жду не дождусь часа, когда удавятъ эту наварскую королеву. Еслибы протянула ноги она какъ и ея маменька, я бы воспѣлъ благодарственную молитву“ (17 января 1589 г.). Заключительныя фразы писемъ Генриха къ его кумиру замѣчательны какъ граціознѣйшія варіаціи на тему: вѣрность. „Вѣрность моя безукоризненна. — Будьте увѣрены въ моей вѣрности—она, если только возможно, усиливается.—Люблю васъ и до гроба буду вамъ вѣренъ.—Не сомнѣвайтесь въ вѣрномъ вашемъ рабѣ—никогда не измѣнитъ...“

„Слова, слова, слова“ ни мало не мѣшавшія вѣрному Генриху въ тоже время болѣе или менѣе успѣшно ухаживать за №№ 23—27 (просимъ читателя справиться со спискомъ на первыхъ страницахъ предлагаемаго очерка). Начало охлажденія короля наварскаго къ Коризандѣ совпадаетъ со временемъ его восшествія на престолъ французскій (1589 г.). Что бы ни говорили въ его защиту восторженные панегиристы, но этотъ фактъ бросаетъ на

([1]) Prault. Esprit de Henri IV. Musset-Patay: Vie militaire et privée de Henri IV Berger de Xivrey: Correspondance de Henri IV.

героя весьма невыгодную тѣнь. Не надобно быть особенно проницательнымъ, чтобы не догадаться, что Коризанда, обожаемая Генрихомъ, была ему полезна во время его претендентства на престолъ, а по достиженіи его была брошена королемъ за ненадобностью. Тогда онъ думалъ жениться на ней, а теперь лишилъ ее даже званія фаворитки. Постепенно, „по градусамъ," мы прослѣдимъ это охлажденіе, но сперва посмотримъ что въ разлукѣ съ супругомъ подѣлывала не менѣе его *вѣрная* Маргарита и чѣмъ она закончила свою бурную жизнь.

Она прибыла въ Парижъ 8 марта 1582 года; очень сухо была принята братомъ и матерью и нашла при дворѣ большія перемѣны. Бывшіе друзья охладѣли къ ней; милый герцогъ Алансонскій скитался по Фландріи; герцогъ Гюизъ охладѣлъ къ Маргаритѣ, очерствѣлъ сердцемъ и погруженный въ интриги едва обращалъ вниманіе на свою первую любовь. Король при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ королевѣ наварской колкости, нерѣдко и упреки за легкость ея поведенія. Со своей стороны Маргарита, давъ волю злому своему языку, не щадила своего братца, осыпая насмѣшками его фаворитовъ, съ омерзѣніемъ отзываясь объ отношеніяхъ короля къ этимъ „красавчикамъ"... Въ этомъ случаѣ она была права, такъ какъ пылкія ея страсти никогда не доводили ее до противуестественнаго извращенія вкуса. По прибытіи въ Парижъ она возобновила свою связь съ Шанваллономъ, и эта любовь не только вознаградила ее за всеобщее равнодушіе, но доставила ей радость, донынѣ еще невѣдомую... Маргарита родила сына, окрещеннаго подъ именемъ Анжа (Ангела) и отданнаго на воспитаніе усыновившему его москотельщику де-Во. До времени ни королева-мать, ни Генрихъ III ничего объ этомъ не знали. Оскорбляемая ими Маргарита, платила имъ самой звонкой монетой—злословіемъ, пороча ихъ, весь дворъ, и правыхъ и виноватыхъ. Генрихъ III терпѣлъ, по свойственнымъ ему малодушію и трусости, но наконецъ вышелъ изъ себя послѣ важнаго кроваваго событія, въ которомъ по видимому Маргарита принимала весьма дѣятельное участіе. Курьеръ, отправленный королемъ въ Римъ къ тамошнему французскому посланнику герцогу Жуайёзу, былъ убитъ въ окрестностяхъ Парижа, а всѣ бывшія при немъ

депеши были украдены. Въ числѣ послѣднихъ находилось собственноручное письмо короля къ Жуайёзу, въ которомъ онъ, не скупясь на брань, описывалъ любовныя похожденія своей сестры, всѣ ея происки и каверзы. Рѣшивъ, что кромѣ Маргариты участвовать въ убіеніи курьера было некому, такъ какъ депеши кромѣ ея никого не могли интересовать, Генрихъ III, черезъ нѣсколько дней послѣ катастрофы (7 августа 1583 года) въ присутствіи всего двора, *отпѣлъ* Маргаритѣ все, что накипѣло желчнаго и ядовитаго въ его грязномъ сердцѣ. Онъ по пальцамъ пересчиталъ ей всѣхъ ея любовниковъ, упрекнулъ за распутство и, въ заключеніе, вмѣсто лакомой закуски, бросилъ ей въ лице обвиненіе въ рожденіи ею побочнаго сына отъ Шанваллона. Эти жестокія нравоученія, безспорно основательныя, имѣли бы большую цѣну въ устахъ человѣка порядочнаго, а не закоснѣлаго въ распутствахъ содомитянина...

Оскорбленная королева наварская на другой же день выѣхала изъ Парижа, почти безъ свиты и обоза, съ горстью приближенныхъ ей служителей. Заливаясь слезами она твердила, что на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ королевъ или принцессъ, которыя были бы несчастливѣе ея, Маргариты и Маріи Стюартъ, королевы шотландской. Въ Палэзо королева наварская остановилась для ночлега и здѣсь ее нагналъ посланный за нею въ погоню Генрихомъ III капитанъ гвардіи съ шестьюдесятью стрѣлками. Посланный, безъ всякаго уваженія къ сану и полу Маргариты, обыскалъ весь ея багажъ, обшарилъ самую постель, на которой она спала, надавалъ пощечинъ ея прислужницамъ, отдалъ подъ стражу двухъ ея любимицъ, госпожу Дюра и дѣвицу де-Бетюнь, громко обвиняя ихъ отъ имени короля: „въ распутствѣ и умышленныхъ преждевременныхъ родахъ.“ Всѣхъ арестованныхъ, въ числѣ десяти человѣкъ, отвели въ Монтаржи (въ абатство Ферьеръ), гдѣ Генрихъ III самъ ихъ допрашивалъ, пересматривалъ бумаги, захваченныя у сестры и при допросахъ особенно допытываясь о ребенкѣ Маргариты отъ Шанваллона, именно вслѣдствіе этого высланнаго за границу. Маргарита увидѣлась съ нимъ только въ 1605 году послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки.

Что касается до ихъ сына, Анжа, онъ выращенный москотель-

щикомъ де-Во вступилъ въ орденъ капуциновъ, былъ духовникомъ маркизы Вернейль, соучастникомъ во всѣхъ ея интригахъ и заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію лишеніе Генриха IV жизни и присоединеніе его королевства къ Испаніи. Въ лицѣ Анжа судьба послала Генриху IV страшнаго мстителя за всѣ обиды, причиненныя имъ Маргаритѣ.

Обыскъ и допросы свиты королевы наварской убѣдили Генриха III, если не въ ея невинности, то по крайней мѣрѣ въ отсутствіи всякихъ уликъ въ ужасавшихъ короля злоумышленіяхъ. Арестованпыхъ выпустили изъ подъ ареста, Маргаритѣ позволили безпрепятственно продолжать свой путь въ Гасконь къ мужу, котораго однакоже не преминули извѣстить обо всѣхъ этихъ скандалахъ. Король наварскій потребовалъ у Генриха III законнаго удовлетворенія за обиды, причиненныя королевѣ, высказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣреніе окончательно развестись съ нею (...чтобы жениться на великолѣпной Коризандѣ). Испуганный Генрихъ III отвѣчалъ зятю, что все писанное о Маргаритѣ ложь и клевета, что его самого обманули... „Вѣрю“ писалъ ему король наварскій — „но съ женою все же таки разведусь!“ Генрихъ III послалъ къ нему нарочнаго посла, въ лицѣ Белльевра, вручившаго королю наварскому собственноручныя завѣренія короля французскаго въ невинности (?!!) Маргариты. Отъ природы глупый, сынъ Катерины Медичи въ этихъ письмахъ дошелъ до идіотизма. Оправдывая свою сестру онъ, между прочимъ, написалъ, что „мало-ли что говорили о поведеніи покойной матери короля наварскаго, Іоаннѣ д'Альбре, какъ ее порочили...“

— Благодарю покорно! сказалъ Генрихъ Бурбонъ, смѣясь и обращаясь къ посланному.—Только этого и не доставало! въ прежнихъ письмахъ вашъ государь называлъ меня рогоносцемъ, а теперь, въ оправданіе своей сестрицы, не обинуясь, величаетъ меня сыномъ...“

Тутъ король наварскій отпустилъ непечатное словцо.

Долго тянулись переговоры письменные и устные; отъ дипломатіи перешли къ войнѣ; король наварскій овладѣлъ Мон-де-Марсаномъ и тогда дѣла уладились къ обоюдному удовольствію. Всѣ эти семейныя драмы и комедіи разыгрывались въ то время, когда

...ризанда, владѣя сердцемъ Генриха, нераздѣльно мѣтила попасть ...ъ королевы, а онъ изъ короля преобразился въ ея вѣчнаго ра... до гроба ей преданнаго. Позоря законную свою жену за по...шности, которымъ онъ самъ былъ причиною, Генрихъ няньчил...ся со своимъ побочнымъ сынкомъ и любезничая съ его маменькой, проводилъ свободное время то въ дѣтской, то въ будуарѣ. *Безкорыстная* Коризанда обѣими руками держалась за своего возлюбленнаго, гордясь своимъ позоромъ и письменнымъ обѣщаніемъ жениться, даннымъ ей Генрихомъ въ минуту любовнаго одурѣнія. Эта госпожа, женщина практическая, приковала къ себѣ короля прочной цѣпью, послѣднимъ и несокрушимымъ звѣномъ которой, по ...го обѣщанію, должно было быть обручальное кольцо, чего однако ...е, къ чести короны не случилось.

Въ январѣ 1584 года Генрихъ поѣхалъ за Маргаритой, во ...се время распрей мужа съ братомъ остававшейся въ Аженѣ, своемъ удѣльномъ городѣ. Въ Неракѣ, куда ее привезъ Генрихъ, бѣдную Маргариту ожидали тѣ нравственныя истязанія, которымъ мужъ ея почему-то считалъ себя въ правѣ подвергнуть ее за всѣ ...я тяжкія провинности. Пользуясь правомъ сильнаго или пожалуй силою праваго, любовникъ Коризанды на каждомъ шагу осыпалъ жену колкостями и насмѣшками. Припомнилъ первые годы супружества, когда Маргарита не могла видѣть его безъ омерзѣнія, укорялъ ее за неуваженіе къ его роднѣ, передъ которой она возносилась; кололъ ей глаза ея любовниками и побочнымъ сыномъ; издѣвался, наругался надъ женою, а бѣдная Маргарита не имѣла даже духу зажать ротъ своему супругу, хоть бы грязными пеленками сыночка Коризанды или воспоминаніемъ о родинахъ „невинной" Фоссезы. Не довольствуясь старыми дрязгами, безжалостно выставленными теперь на позоръ, король наварскій, вѣрный роли домашняго тирана, подыскивалъ новые сюжеты для домашнихъ сценъ. Онъ обвинилъ Маргариту въ намѣреніи опоить его ядомъ, на что покуда еще не была способна королева, хотя и дочь Катерины Медичи. Въ оправданіе Генриха намъ скажутъ, пожалуй, что виноватъ не онъ, а варварскій вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ... Пустое! Были же въ сердцѣ этого человѣка чувства деликатности, нѣжности; проявлялись же въ немъ проблески идеализма, по-

эзіи... въ письмахъ къ любовницамъ. Неужели на долю жены не нашлось у Генриха капли жалости простаго чувства человѣческаго?

Униженная, втоптанная въ грязь, Маргарита не въ силахъ была долго оставаться въ ненавистномъ Неракѣ, она возвратилась въ Ажанъ, чтобы жить тамъ совершенно независимо и съ этой минуты окончательно превратилась въ падшую, потерянную женщину. Маргарита и сообщница ея въ распутствахъ, госпожа Дюра̀, отчаяннымъ поведеніемъ, возбудили въ жителяхъ Ажена сильнѣйшее негодованіе, выразившееся открытымъ бунтомъ. Предводимые маршаломъ Матиньономъ жители выгнали Маргариту изъ ея дворца и она едва избѣгла народной ярости, ускакавъ верхомъ на одной лошади съ Линьеракомъ, своимъ любовникомъ. Фрейлины ея и прислужницы, по недостатку въ экипажахъ, бѣжали кто какъ могъ: на крестьянскихъ телѣгахъ, верхомъ, пѣшкомъ, будто обращенный въ бѣгство таборъ цыганскій. Бѣглецы и бѣглянки остановились въ крѣпости Карла̀, на высотахъ оверньскихъ горъ, гдѣ ихъ пріютилъ комендантъ Марсе; но и отсюда тѣснимая, королева наварская принуждена была бѣжать въ замокъ Ивуа, принадлежавшій Катеринѣ Медичи и на пути была арестована маркизомъ де-Канилльякъ; той же участи подвергся и Обіакъ, новый возлюбленный Маргариты, замѣнившій Линьерака. Послѣдній, обобравъ у нея всѣ драгоцѣнности, безъ зазрѣнія совѣсти прогналъ отъ себя несчастную женщину.

Обіакъ познакомился съ Маргаритою въ бытность ея въ Карла̀, гдѣ покинутая Линьеракомъ, безъ всякихъ средствъ, нищая, голодная она *за кусокъ хлѣба* имѣла связь съ простымъ поваромъ. Обіакъ самъ былъ обнищавшій дворянинъ, но Маргарита полюбила его, тронутая нѣжною внимательностью бѣдняги, доходившей до обожанія. Онъ видалъ Маргариту въ блестящую эпоху ея жизни, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и еще тогда сказалъ одному изъ своихъ сослуживцевъ: „Что за красавица! За нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нею, я не пожалѣю жизни и готовъ идти на висѣлицу.“ Разоренная, гонимая, Маргарита отдала свое сердце Обіаку, не смотря на то, что онъ былъ не молодъ, рыжъ, съ багровымъ носомъ и лицомъ осыпаннымъ крупными веснушками. Пло-

домъ этой связи былъ глухо-нѣмой ребенокъ, рожденный Маргаритою въ крѣпости Карла̀. Комендантъ Марсе, узнавшій объ этой интригѣ, былъ отравленъ! Исполинскими шагами шла королева наварская по торной дорогѣ порока, на которую толкнули ее безпутства братьевъ, грубость и безжалостливость мужа. Обіакъ поручилъ двоюродному брату своему, Рора, собрать войска въ Гаскони, привести ихъ въ Карла̀, гдѣ королева и фаворитъ ея думали запереться какъ средневѣковые паладины въ феодальномъ замкѣ, но это не удалось имъ и они вмѣсто того попали въ плѣнъ къ маркизу Канилльякъ, влюбленному въ Маргариту. Обіакъ, по приказанію послѣдняго, былъ повѣшенъ въ Эгнертѣ. При арестованіи Маргариты, несчастнаго нашли зарытымъ ею въ навозной кучѣ; королева собственноручно его остригла, выбрила, переодѣла. Приговоренный къ позорной смерти Обіакъ, до послѣдней минуты, тосковалъ не о жизни, но о своей возлюбленной. Покуда роковая петля не задавила его, онъ не выпуская изъ рукъ осыпалъ слезами и поцѣлуями—синюю бархатную муфту, подаренную ему Маргаритою... Не менѣе его несчастная супруга Генриха IV отдалась маркизу де Канилльякъ. Женщина эта тогда уже утратила чувство стыда и достоинства человѣческаго...

Замокъ Юссонъ, назначенный мѣстомъ пребыванія Маргариты, вскорѣ превратился въ притонъ обоего пола отверженцовъ, въ грязную трущобу, похожую на разбойничью берлогу. Выдавая Маргариту за короля наварскаго Карлъ IX сказалъ: „Пойдетъ теперь моя Марго по рукамъ гугенотовъ всего моего королевства“! Другой ея братъ Генрихъ III, при извѣстіи о паденіи Маргариты, отозвался и того лучше: „Пьянствовала съ гасконцами, а теперь загуляла съ оверньскими табунщиками и мѣдниками!“ (1).

Пользуясь отъѣздомъ маркиза Канилльякъ въ Сен-Сиргъ, Маргарита приблизила къ себѣ сына мѣдника, нѣкоего Помини, бывшаго пѣвчимъ въ соборной церкви. Она пожаловала его въ пѣвчіе собственной капеллы, потомъ въ секретари и наконецъ въ фор-

(1) Прося у читателей прощенія за эти грязныя, циническія фразы, беремъ смѣлость ручаться за ихъ историческую вѣрность. Цензура приличія была тогда невѣдома при дворѣ королей французскихъ.

*

мальные фавориты. Ему было лѣтъ шестнадцать, Маргаритѣ далеко за тридцать; она обожала этого мальчика, любила его рядить, тѣшилась имъ какъ куколкой, писала ему нѣжныя стихотворенія... Въ 1599 году бракъ ея былъ формально расторгнутъ; жила она послѣ того шестнадцать лѣтъ (умерла 27 мая 1615 г.) неизмѣнно дурно ведя себя, мѣняя любовниковъ, щеголяя нарядами, даже... увы! льстя любовницамъ мужа, заискивая ихъ милостей и раболѣпствуя передъ второй его супругою—Маріею Медичи. Исторію Маргариты Валуа, королевы наварской, можно назвать длиннымъ свиткомъ, начинающимся парчей, оканчивающимся нищенскими лохмотьями; благоухающей весною, постепенно перешедшею въ печальную, грязную осень... Въ какую плачевную карикатуру превратила безжалостная старость эту когда-то прелестнѣйшую изъ всѣхъ принцессъ Европы. Умри она въ молодыхъ лѣтахъ и ея полуистлѣвшій черепъ не могъ бы возбудить въ потомствѣ того отвращенія, которое невольно рождается при взглядѣ на шестидесятилѣтнюю Маргариту, разрумяненную, разряженную, кокетничающую съ мальчиками и поддерживающую въ себѣ угасающія страсти... прозаической рюмочкой вина.

Мы забѣжали впередъ въ нашей исторіи и отвлеклись отъ другой героини, прекрасной Коризанды, біографическій очеркъ которой пора наконецъ и заключить. Охлажденіе къ ней Генриха началось со времени смерти ихъ ребенка. Угасли въ сердцѣ короля родительскія чувства и затѣмъ не замедлили остывать чувства любовника. Въ письмахъ своихъ къ Коризандѣ Генрихъ чаще и чаще началъ замѣнять мѣстоимѣніе *ты* вѣжливымъ *вы*. Вмѣсто любезностей въ письмѣ онъ просилъ ее въ 1589 году содѣйствовать ему отвлечь его сестру Катерину отъ любви къ графу Суассонскому и устроить ея бракъ съ королемъ шотландскимъ. Онъ безъ церемоніи осуждалъ намѣреніе сестры вступить въ морганатическій бракъ... Намекъ довольно грубый, разбивавшій мечты Коризанды о выходѣ ея самой замужъ за Генриха IV. Вмѣсто желанной помощи Коризанда стала помогать влюбленнымъ. По ея наущенію Катерина дала письменное обѣщаніе выйдти за графа Суассонскаго и вышла бы за него, если бы министръ Пальма Кайе не разстроилъ этой интриги. Точно такимъ же докумен-

томъ связанный съ Коризандою, ему наконецъ опротивѣвшею, Генрихъ IV просилъ своего вѣрнаго Сюлли добыть у фаворитки этотъ *позорный* документъ, т. е. не свою подписку, данную Коризандѣ, а письменное обязательство сестры своей, данное ею графу Суассонскому. Ловкій Сюлли добылъ оба документа.—Этимъ подвигомъ онъ спасъ короля отъ большихъ непріятностей, а сестру его, напротивъ, втолкнулъ въ омутъ всевозможныхъ огорченій, вслѣдствіе насильственной ея выдачи за герцога де Баръ въ 1599 году. Освобожденный „рабъ" вздохнулъ свободнѣе и счелъ себя въ правѣ (въ мартѣ 1591 года) заключить корреспонденцію съ прекрасной Коризандой письменнымъ выговоромъ за ея умыслы поссорить его величество съ его сестрою. „Не ожидалъ я этого отъ васъ," писалъ онъ Коризандѣ—„а потому и вынужденъ сказать вамъ, что я никогда не прощу тѣмъ, которые вздумаютъ ссорить меня съ моей сестрою"...

Отставленная фаворитка (и въ молодыхъ годахъ, не имѣвшая иной привлекательности кромѣ толстоты, приличной кормилицѣ), подъ старость пуще разжирѣла и стала красна лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ. — Еще историческая карикатура: душистый персикъ, переродившійся въ пудовую тыкву.—Коризанда умерла въ 1620 или 1624 году, забытая и свѣтомъ и его злословіемъ.

Года за два до своего разрыва съ Коризандою, Генрихъ IV, не смотря на свои увѣренія въ преданности до гроба, началъ измѣнять возлюбленной при первомъ удобномъ случаѣ. Въ 1587 г. у него были интрижки съ какой-то Мартиной, потомъ въ Ла Рошели съ Эсѳирью Эмберъ. Покидая Коризанду король сталъ пріискивать на ея мѣсто новую кандидатку и выборъ его палъ на Антуанетту де Понъ, молодую вдову убитаго въ Варѳоломеевскую ночь маркиза де Гершвилля. Послѣ двухъ, трехъ встрѣчъ съ этой величавой красавицей, державшей себя недоступно чистой и холодной какъ ледъ, Генрихъ отважился на лестное предложеніе ей своего изношеннаго сердца.

— Я слишкомъ ничтожна, чтобы быть вашей женой, отвѣчала красавица, но слишкомъ хорошей фамиліи, чтобы быть вашей любовницей!

Логика неотразимая и побѣдитель сердецъ со стыдомъ отступилъ. Волей или неволей, именно въ это время, ему пришлось осаждать Парижъ и многіе города, подобно столицѣ королевства не желавшіе признать надъ собою власть короля кальвиниста (1). Ужасы войны, голодъ и эпидеміи въ Парижѣ не только не охлаждали въ королѣ его любовнаго пыла, но какъ будто пуще его разжигали. Во время рекогносцировокъ въ окрестностяхъ столицы, король останавливался въ женскихъ монастыряхъ, превращавшихся тогда, по его милости, въ капища Киприды. Монахиня въ Лоншанѣ Катерина, изъ Вердена, и Марія де Бовійе, абатиса Монмартра, вписали свои имена въ соблазнительную хронику Генриха IV... Послѣ того нѣсколько времени король покровительствовалъ Маріи Бабу де ла Бурдезьеръ, родственницѣ дворянскаго дома д'Этре, доводившейся двоюродною сестрою знаменитой Габріэли.

Февраля 14 дня 1559 года, Антоній д'Этре, губернаторъ сенешаль и первый баронъ Болоннэ, виконтъ Суассонъ и Берси, маркизъ Кевръ, губернаторъ Фера, Парижа, Иль-де-Франса, впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ — всѣ эти титла и чины бросалъ въ грязь сочетаясь бракомъ съ нѣкоей Францискої Бабу де ла Бурдэзьеръ, хвалившейся, какъ подвигами тѣмъ, что когда она была *въ дѣвицахъ* она пользовалась, или, вѣрнѣе — ея ласками пользовались: папа Климентъ VII въ Ниццѣ, Карлъ V въ Парижѣ и Францискъ I въ Фонтенебло. Отъ мужа у Франциски было шесть дочерей и одинъ сынъ, которыхъ злые языки называли „семью смертными грѣхами."

Габріэль, самая младшая, родилась въ 1571 году. Зная по собственному опыту выгоды торговли живымъ товаромъ, мадамъ Бабу, безъ околичности занялась продажею своихъ дочерей именитымъ и богатымъ покупателямъ. Старшую дочь Діану пріобрѣлъ герцогъ Эпернонъ и при его содѣйствіи шестнадцатилѣтнюю

(1) Генрихъ IV овладѣвалъ городами, осаждая ихъ и покупая. За сдачу Парижа онъ заплатилъ Бриссаку 1,695,400 ливровъ; за Руанъ и Гавръ: 3,477,800 ливровъ, за Понтуазъ 476,594 ливра и 20,000 экю за Мо. См. Du Laure Histoire de Paris, tome V, pp. 120—128.

Габріэль, стройную голубоглазую блондинку, *представили* королю Генриху III, за что онъ послалъ ея маменькѣ шесть тысячъ экю, изъ которыхъ двѣ тысячи утаилъ его посланный Монтиньи, на что король, весьма основательно, изволилъ разгнѣваться.

Шести тысячная покупка вскорѣ однако же ему прискучила. „Бѣла и худощава“ отозвался о ней Генрихъ III — „точно моя жена!“ Тогда Габріэль перешла къ кардиналу Гюизу; отъ него къ герцогу де Лонгвилль; отъ Лонгвилля къ герцогу Беллъгарду, а уже отъ Беллъгарда — къ Генриху IV, бывшему въ этомъ случаѣ — *пятымъ*. Такова была Габріэль, которую Вольтеръ въ своей *Генріадѣ* называетъ воплощенной непорочностью. Вѣрьте послѣ этого поэтамъ вообще, а Вольтеру въ особенности: Габріэль д'Этре, по его словамъ, — невинность, а *Орлеанская дѣвственница* — потерянная женщина...

Въ началѣ 1591 года въ Мантѣ, Генрихъ IV, очарованный разсказами герцога Беллъгарда о Габріэли, пожелалъ увидѣть это сокровище. Пришелъ, увидѣлъ и.... не побѣдилъ, но самъ призналъ себя побѣжденнымъ. Того же Беллъгарда король попросилъ быть ему сватомъ, что̀ возмутило и его и бѣдную Габріэль. Послѣдняя отвѣчала Генриху, что кромѣ Беллъгарда никому не намѣрена принадлежать и съ этимъ словомъ изъ Манта уѣхала въ Пикардію въ замокъ Кевръ; Генрихъ за нею. Надобно замѣтить, что всѣ эти продѣлки происходили въ военное время, когда кипѣло междоусобіе; лѣсъ окружавшій Кёвръ былъ наполненъ непріятельскими пикетами и Генрихъ изъ любовнаго плѣна легко могъ попасть въ другой, немножко понепріятнѣе. Тѣмъ не менѣе, съ пятью товарищами король погнался за Габріэлью; въ трехъ миляхъ отъ замка сошелъ съ коня, переодѣлся въ крестьянское платье и съ охапкой соломы на головѣ явился въ убѣжище Габріэли. Эта солома, на время, поглотила лавры Генриха, а съ ними обѣ его короны — французскую и наварскую. Мнимый крестьянинъ явился къ Габріэли, но жестокая не умѣла достойно оцѣнить самоотверженія великаго короля: она расхохоталась; сказала ему, что „онъ до того гадокъ, что она видѣть его не можетъ!“ — и вышла изъ комнаты. Оставшись съ ея сестрою, госпожею Вилларъ, Генрихъ выслушалъ извиненія, оправданія и со стыдомъ возвратился въ

Мантъ, гдѣ о немъ сильно безпокоились Морнэ и вѣрный Сюлли. Потерпѣвъ неудачу, какъ простой смертный, Генрихъ рѣшился прибѣгнуть къ своей королевской власти и вытребовалъ въ Мантъ маркиза д'Этре со всѣмъ его семействомъ. Этотъ маневръ не повелъ ни къ чему, такъ какъ самъ король, боровшійся съ лигёрами, часто бывалъ принужденъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто; Габріэль, между тѣмъ, удостоивала своей благосклонностью попеременно то Белльгарда, то Лонгвилля. Отецъ красавицы рѣшился ее пристроить, выдавъ замужъ за хорошаго человѣка. Таковымъ оказался пожилой вдовецъ Николай д'Амерваль сеньёръ де Ліанкуръ, предложившій Габріэли руку и сердце. Она хотѣла отказать, но отецъ далъ за нее согласіе, а отца поддержалъ король, такъ какъ замужество Габріэли давало Генриху возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Габріэль жаловалась, роптала; милый король утѣшалъ ее тѣмъ, что супругъ ея будетъ таковымъ только по имени. Эпископъ Эврё (будущій кардиналъ дю-Перронъ) воспѣлъ это сватовство Габріэли въ трогательной эпиталамѣ, въ которой, отъ имени невѣсты, укоряетъ жестокаго Генриха за выдачу ея за немилаго, тогда какъ она любитъ его, короля... а она о королѣ и не думала! Габріэль вышла за Ліанкура.

Вѣрный своему обѣщанію, Генрихъ разлучилъ супрговъ, устраняя всякое сближеніе между ними подъ благовидными предлогами. Давая Ліанкуру порученія по службѣ, король немедленно являлся къ его супругѣ, которая теперь стала ласковѣе со своимъ державнымъ обожателемъ. Ложное положеніе Ліанкура разрѣшилось, наконецъ, разводомъ его съ Габріэлью „по самымъ уважительнымъ причинамъ...“ другими словами, за весьма почтенную сумму, Ліанкуръ возвелъ на себя напраслину въ негодности къ брачной жизни. Габріэль, юная вдовица при живомъ мужѣ, осталась подъ надзоромъ своей тетки, госпожи де Сурди. Въ доказательство истины, что добродѣтель безъ награды тоже никогда не остается, король далъ Ліанкуру мѣсто губернатора въ Шартрѣ... Все вошло въ приличный порядокъ и желанный успѣхъ вознаградилъ Генриха за первыя неудачи. Любовь Габріэли къ королю не мѣшала ей, впрочемъ, по старой памяти, любить и Белльгарда. Не разъ король заставалъ свою фаворитку наединѣ съ нимъ; Белль-

гардъ убѣгалъ, король дѣлалъ сцену Габріэли, оканчивавшуюся всегда его паденіемъ къ ея ногамъ и мировою. О счастливомъ соперничествѣ Белльгарда съ королемъ существуетъ множество разсказовъ въ мемуарахъ того времени; всѣ эти разсказы болѣе или менѣе невѣроятны. Габріэль, достойная дочь мадамъ Бабу, могла дразнить ревниваго Генриха, могла при удобномъ случаѣ его обманывать, но едва ли когда явно выказывала предпочтеніе герцогу передъ королемъ, что съ ея стороны было бы совсѣмъ нерасчетливо. Не менѣе сомнительно сказаніе, будто Генрихъ ни одинъ разъ поручалъ убить Белльгарда: король могъ быть вѣтренъ, непостояненъ, но лютости въ немъ не было. Король избавилъ себя отъ соперника, женивъ его на Аннѣ де Бёйль и удаливъ отъ двора. Съ этого времени Габріэль, въ 1594 году подарившая королю сына Цесаря, оставалась ему вѣрною.

Женщина пустая, охотница до нарядовъ, расточительница, ума недальняго, но любившая поумничать и давать совѣты не впопадъ, Габріэль, обожаемая королемъ, была нелюбима дворомъ и народомъ. Сюлли въ своихъ запискахъ называетъ ее не иначе какъ *рыжачкой* (la Rousse), кальвинисты не могли ей простить ея настояній на томъ, чтобы король перешелъ въ католицизмъ. Этотъ позорный подвигъ совершенъ былъ въ Сен-Дени 25 іюля 1593 года, и увѣдомляя о немъ свою Габріэль король называетъ переходъ въ католицизмъ *опаснымъ скачкомъ* (saut périlleux). Во время вторичной осады Парижа, Габріэль была при королѣ, безотлучно, занимая небольшой павильонъ на высотахъ Монмартра. Марта 22 дня 1594 года, въ семь часовъ утра, произошло торжественное вступленіе короля въ его столицу; въ іюнѣ того же года въ замкѣ Куси близъ Лаона Габріэль родила сына Цесаря. Это радостное для короля событіе было омрачено фактомъ, который могъ бы бросить очень невыгодную тѣнь на личность великаго короля, еслибы, очевидно, не былъ вымышленъ. Лейб-медикъ его величества Алибуръ или Алибу (Aliboust), пользовавшій Габріэль въ первые мѣсяцы беременности, былъ послѣ ея разрѣшенія отравленъ ядомъ. Въ этомъ преступленіи современники обвиняли короля, совершено же оно было, будто бы вслѣдствіе того, что Алибуръ сообщилъ королю о несомнѣнныхъ признакахъ

беременности тогда, когда Генрихъ еще не былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Габріэлью. Грубый анахронизмъ избавляетъ насъ отъ труда оправдывать Генриха IV въ небываломъ злодѣйствѣ. Могъ ли король отрицать *законность* (въ физическомъ смыслѣ) происхожденія своего сына, когда онъ сожительствовалъ съ Габріэлью съ 1592 года? Л'Этуаль въ своемъ дневникѣ говоритъ, будто лейб-медикъ д'Алибуръ былъ отравленъ Габріэлью (24 іюля 1594 года) за то что донесъ королю, что рожденный ею ребенекъ плодъ ея связи съ Белльгардомъ... Опять вздоръ! Никакой докторъ въ мірѣ не можетъ съ точностью опредѣлить кто именно отецъ новорожденнаго изъ двухъ счастливыхъ обожателей матери. Въ первые годы царствованія Генриха IV, при борьбѣ двухъ религіозныхъ партій, враги, не довольствуясь оружіемъ вещественнымъ и тайными убійствами, пользовались весьма успѣшно и клеветою. Лигэры, бросая грязью въ Генриха и его фаворитку, легко могли сплести небылицу на обоихъ, по поводу смерти д'Алибура. Изъ всѣхъ враговъ Габріэли опаснѣйшимъ былъ Сюлли, однако же не только *она* не отравила *его*, но кажется чуть ли не было *напротивъ того*...

Какая, однако, ужасная эпоха! Войны и любовныя похожденія, нѣжныя пѣсенки и свистъ пуль, пиры съ отравленными кубками, благоухающіе будуары съ трупами зарѣзанныхъ и удавленниковъ...

Въ отвѣтъ на дурные слухи о смерти д'Алибура, Генрихъ IV торжественно въѣхалъ въ Парижъ, 15 сентября 1594 года, вмѣстѣ съ Габріэлью; узаконилъ новорожденнаго Цесаря, далъ фавориткѣ маркизатъ Монсо и поспѣшилъ ускореніемъ своего развода съ Маргаритой Валуа, чтобы жениться на Габріэли д'Этре. 3 февраля 1595 года парижскій парламентъ занесъ въ свои реэстры королевскій манифестъ, изъ котораго любопытнѣйшій отрывокъ представляемъ вниманію читателей:

— ....Почему желаніемъ нашимъ было имѣть потомковъ для наслѣдія власти королевской. Такъ какъ Господу донынѣ еще не угодно было даровать намъ дѣтей отъ законнаго брака, вслѣдствіе десятилѣтней разлуки нашей съ супругою, мы возымѣли желаніе въ ожиданіи законныхъ наслѣдниковъ обрѣсти иныхъ, въ семьяхъ достойныхъ и почтенныхъ... *Посему*—свѣдавъ о высо-

кихъ достоинствахъ и совершенствахъ ума и тѣла, соединенныхъ въ особѣ нашей милѣйшей и возлюбленнѣйшей госпожи Габріэли д'Этре, мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (?) искали ея расположенія, какъ наиболѣе соотвѣтствующаго нашимъ видамъ. Сближеніе наше съ этою особою казалось намъ тѣмъ возможнѣе и для совѣсти нашей необременительнѣе, что бракъ ея съ господиномъ де Ліанкуръ признанъ расторгнутымъ и уничтоженнымъ, на основаніи существующихъ узаконеній. Вслѣдствіе этого упомянутая дама послѣ *долгихъ нашихъ домогательствъ*, равно и повинуясь власти нашей, согласилась на предложенія наши, и Богу угодно было даровать намъ отъ нея сына, именуемаго поднесь Цесаремъ съ титломъ *господина* (Monsieur), Кромѣ естественныхъ чувствъ милосердія и любви родительской, какъ къ родному дѣтищу, мы, при видѣ щедрыхъ даровъ Бога и природы, которыми одѣленъ новорожденный, питаемъ надежду, что дары эти съ годами въ немъ разовьются, пріумножатся и что отъ этой отрасли будутъ обильные плоды.... *Рѣшаемъ*... и т. д.

Рѣшаемъ, доскажемъ мы неофиціальнымъ языкомъ разсказчика, чтобы Цасарь былъ признанъ принцемъ крови и, по неимѣнію инаго—наслѣдникомъ французскаго престола. Возведеніе Габріэли въ званіе маркизы Монсо послѣдовало въ мартѣ того же 1595 г., съ придачею замка въ двухъ миляхъ отъ Мо. Поэты воспѣвали красоту и высокія добродѣтели фафоритки... Какъ быть! поэзія всѣхъ вѣковъ и народовъ не чуждалась пріемныхъ, даже прихожихъ сильныхъ міра сего, при удобномъ случаѣ и она не прочь добыть „кусочекъ сыру," тѣмъ же самымъ путемъ какъ лисица въ баснѣ. Піита Паршеръ (Parchères) за свой сонетъ на глазки Габріэли удостоился, отъ монаршихъ щедротъ, пенсіи въ 1400 ливровъ. Да что, поэты! Исторіографъ Генриха IV Петръ Маттье, хвалившійся передъ королемъ прямизною и правдолюбіемъ, не хуже льстиваго поэта превозносилъ фаворитку до небесъ. „Король любилъ въ ней не одни только наслажденія" говоритъ Маттье— „Она была ему полезна своимъ противодѣйствіемъ многимъ интригамъ, такъ часто возникавшимъ при дворѣ. Король сообщалъ ей обо всѣхъ доводимыхъ до его, свѣденія распряхъ и каверзахъ, открывалъ ей душевныя свои раны и она всегда умѣла утишить

его страданія, устраняя причину горя, примиряя ссорившихся. Весь дворъ сознавалъ, что фаворитизмъ Габріэли былъ подпорою для каждаго, а не бременемъ, и многіе радовались ея счастію." Сестра Генриха Катерина и дочь Колиньи, вдова Вильгельма Оранскаго, удостоивали фаворитку самой нѣжной пріязнью. Любовь къ ней короля возрастала съ каждымъ днемъ, выражаясь щедрыми подарками помѣстьевъ и титуловъ; послѣдніе исправляли должность ступенекъ, по которымъ Генрихъ IV намѣревался возвести свою Габріэль на королевскій тронъ. Какъ бы въ подтвержденіе обѣщанія жениться на ней, король со своей руки отдалъ Габріэли государственный перстень, надѣтый имъ въ числѣ прочихъ регалій во время обряда коронованія. Этимъ перстнемъ онъ символически обручался съ Франціею, а послѣ того съ Габріэлью. Она вмѣстѣ съ королемъ принимала депутаціи отъ покоренныхъ городовъ; ключи и золотыя блюда—дары покорности королю, передавались имъ фавориткѣ изъ рукъ въ руки. Принималъ ли Генрихъ иностранныхъ пословъ, совѣщался ли онъ съ министромъ о государственныхъ дѣлахъ, Габріэль безотлучно была при немъ—

„Какъ тѣнь, иль вѣрная жена."

Къ сожалѣнію только именно женою-то и не могла быть фаворитка, до тѣхъ поръ, покуда не вышло разрѣшеніе папы о расторженіи брака короля съ Маргаритою наварскою; когда же оно вышло—Габріэль сошла въ могилу.

Не довольствуясь колѣнопреклоненнымъ дворомъ предъ своей возлюбленной, Генрихъ съумѣлъ—ласкою и немножко лестью—заставить преклониться передъ нею своихъ воркуновъ д'Обинье и Сюлли. Перваго онъ призвалъ къ себѣ во дворецъ, вскорѣ послѣ покушенія Жана Шателя (27 ноября 1594 года). Поцѣловавъ гостя король повелъ его на половину Габріэли и отрекомендовалъ ихъ другъ другу, стараясь сблизить ихъ интимной бесѣдой. Часа два длился у нихъ дружескій разговоръ, во время котораго д'Обинье очаровалъ фаворитку своимъ умомъ, а она его—миловидностью и любезностью. Здѣсь не можемъ не привести достопамятныхъ пророческихъ словъ д'Обинье, въ отвѣтъ королю на его разсказъ о покушеніи Шателя. Послѣдній, девятнадцатилѣтній семинаристъ, ученикъ іезуитовъ, пробрался на половину Габріэли

въ то самое время, когда тамъ былъ король, только что возвратившійся изъ Пикардіи. Въ ту самую минуту когда король, наклонился чтобы поднять склонившихъ передъ нимъ колѣни Раньи и Монтиньи, семинаристъ ударилъ его ножемъ, думая попасть въ горло, но попавъ въ нижнюю губу, разсѣкъ ее и вышибъ зубъ.

— Ты что же дерешься! сердито вскрикнулъ Генрихъ, взглянувъ на стоявшую близъ него женщину и не понимая откуда нанесенъ ударъ.

Злодѣя схватили тотчасъ же—и черезъ два дня онъ былъ казненъ. Рана короля оказалась неопасною; все леченіе ограничилось небольшой лигатурой и кускомъ пластыря [1]. Выслушавъ разсказъ Генриха и осмотрѣвъ его рану, прямодушный д'Обинье, вѣрный правилу (опасному при дворѣ) говорить то что думаешь, *брякнулъ* королю, намекая на его отступничество отъ кальвинизма:

— Вы государь, отреклись отъ Бога покуда еще только на словахъ, и за это Онъ покаралъ васъ, допустивъ злодѣя разсѣчь вамъ губу. *Отречетесь сердцемъ, будете поражены въ сердце!*

— Хорошо, но неумѣстно сказано! воскликнула Габріэль.

— Согласенъ, отвѣчать д'Обинье—слова эти неумѣстны, если не будутъ приняты къ свѣденію.

Сближеніе д'Обинье съ фавориткой было упрочено взятіемъ первымъ на свое попеченіе и воспитаніе ея сына, Цесаря. Пришлось оказывать этому ребенку родительскія ласки именно тому человѣку, который постоянно журилъ короля за его слабость къ прекрасному полу. Строгій д'Обинье, какъ видно, твердо вѣрилъ, что Габріэль будетъ законной женой Генриха IV и королевой французской.

Женой, какъ мы уже говорили, она могла быть только въ случаѣ формальнаго развода Генриха съ Маргаритой; чтобы быть королевой ей еще слѣдовало дождаться того дня, въ который

---

(1) Въ память злодѣйскаго покушенія Жана Шателя, по повѣленію короля, въ Парижѣ была воздвигнута пирамида съ надписью о соучастіи въ заговорѣ іезуитовъ. По ихъ просьбѣ она была уничтожена въ 1604 году.

Генрихъ окончательно будетъ самъ королемъ Франціи, не по титулу, т. е. на словахъ, а на дѣлѣ. Именно въ эпоху его связи съ Габріэлью онъ, область за областью, приводилъ себѣ къ повиновенію; одинъ городъ подносилъ ему ключи и отворялъ ворота, другой привѣтствовалъ боевыми зарядами; въ одной области кричали ура, Генриху! въ другой—да здравствуетъ Лига или Карлъ X! Злоумышленія, заговоры возникали на каждомъ шагу; Испанія грозила отнять у Генриха отцовское его наслѣдіе, королевство наварское. Настоящимъ королемъ Франціи и Наварры родоначальникъ Бурбоновъ могъ назваться только въ 1600 году, когда его Габріэли уже не было на свѣтѣ.

Подобно Юпитеру, Генрихъ IV, золотымъ дождемъ осыпалъ свою Данаю, одѣляя своими щедротами даже тѣхъ, которымъ покровительствовала его возлюбенная. Въ 1594 году ей было подарено имѣнье Вандейль; въ 1595—Кресси, въ 1596—Монсо и Жуань (Joignes); въ 1597 году король купилъ для нея герцогство Бофоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловавъ ее изъ маркизы Муссо въ герцогини. Кромѣ того Габріэлью пріобрѣтены были: помѣстья Жикуръ и Лузикуръ отъ Гюизовъ; Монтретонъ и Сен-Жанъ; герцогство д'Этампъ отъ Маргариты наварской. Тетушкѣ своей, госпожѣ де Сурди, фаворитка выхлопотала аренду въ пятьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго дохода. Въ дневникѣ л'Этуаля и многихъ мемуарахъ того времени подробно описаны ея наряды и драгоцѣнности, которымъ могла позавидовать не одна настоящая королева. Какъ видно, не безъ основанія придворные обвиняли фаворитку въ корыстолюбіи. Поэтъ-лизоблюдъ изъ лакейской фаворитки—Вильгельмъ дю Сабль, думая уязвить недовольныхъ, влагая въ ихъ уста слѣдующій совѣтъ, будто-бы даваемый ими Габріэли, только охарактиризовалъ ея систему наживы:

Подумай о себѣ: фортуна своенравна;
Теперь ея щедротъ изъ рукъ не упускай,
На черный день богатства припасай,
Дѣла свои, вообще, обдѣлывай исправно—
И вѣрныхъ слугъ себѣ любовью привлекай! (¹)

(¹) Pensez, madame, à vous; la fortune est muable;
Vous avez la faveur, ne la négligez point.

Просимъ прощенія за дубоватый переводъ не менѣе дубоватаго подлинника. Не однихъ льстецовъ вдохновляла Габріэль; очарованный ея прелестями Генрихъ IV, собственной персоной, ударился въ поэзію и кропалъ въ честь ея стишки, изъ которыхъ одна пѣсенка удостоилась даже сдѣлаться народною... Въ исходѣ прошедшаго вѣка, по крайней мѣрѣ, ее распѣвали во Франціи:

Мнѣ сердце грусть терзаетъ
Красавица моя!
Ахъ, слава призываетъ
На ратныя поля!
На это разставанье
Могу-ли не роптать,
Когда за мигъ свиданья,
Готовъ я жизнь отдать! (1)

Смыслъ немножко прихрамываетъ, но именно въ этомъ-то и достоинство этихъ нѣжныхъ стишковъ: гдѣ истинная любовь, тамъ логика всегда въ отсутствіи. Генрихъ, человѣкъ экзальтированный, восторгался до сумасбродства или (что одно и тоже) до стихоплетства, любя: Коризанду, Габріэль, Мартину, Брестолину, ла Гланде, мамзель Фоннюшь и т. д. Подобныхъ музъ у него было, вмѣсто узаконенныхъ *девяти*, ровно *семью восемь.* Изобрѣтательный на эпитеты своимъ возлюбленнымъ онъ назвалъ Діану де Грамонъ *прекрасной Коризандой;* съ именемъ Габріэли д'Этре неразлучно было прилагательное: *прелестная* или *очаровательная* (charmante). Прозвища эти можно назвать то же своего рода титулами.

Craignant, que quelque jour ne vous laisse en pourpoint,
Faites des serviteurs et vous rendez aimable, etc.

(1) Многіе изъ новѣйшихъ историковъ, отвергая, что эти стихи произведеніе Генриха IV, приписываютъ ихъ какому нибудь присяжному поэту. Отчего же король не могъ написать этихъ плохихъ виршей:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards
Quand la gloire m'appelle
Je vole an champ de Mars.
Cruelle départie!
Malheureux jour!
C'est trop peu d'une vie
Pour tant d'amour!

Дѣтей у Габріэли отъ короля было трое: сыновья Цесарь, Александръ и дочь Катерина-Генріэта. Всѣ трое были узаконены и признаны съ присвоеніемъ имъ достоинства—*дѣтей Франціи* [1]. Такимъ образомъ у Генриха IV, кромѣ запасной супруги, не было недостатка и въ наслѣдникахъ. Исчисляя щедроты короля фавориткѣ, распространявшіяся даже на ея родныхъ, мы позабыли сказать, что отецъ ея былъ пожалованъ въ генералъ-фельдцейхмейстеры, къ крайнему неудовольствію Сюлли, домогавшагося этой важной должности. Эта несправедливость была одною изъ причинъ непримиримой ненависти, которую этотъ великій мужъ питалъ къ фавориткѣ; ненависти съ трудомъ скрываемой подъ маскою уваженія.

Въ 1598 году нескончаемое дѣло о разводѣ приблизилось къ развязкѣ. Генрихъ IV, только что завоевавшій Бретань, находился тогда въ Реннѣ, проводя время въ забавахъ и на охотѣ. Разъ, послѣ обѣда у верховнаго судьи, король, взявъ Сюлли подъ руку, увелъ его въ садъ и началъ весьма серьезный разговоръ о необходимости имѣть законную жену и наслѣдниковъ, причемъ выразилъ желаніе выбрать себѣ первую преимущественно изъ среды французской знати. Сюлли отвѣчалъ совѣтомъ послѣдовать примѣру Артаксеркса при выборѣ имъ Эсѳири, т. е. созвать красавицъ со всѣхъ концовъ королевства и выбрать себѣ изъ нихъ въ супруги достойнѣйшую. Генрихъ очень хорошо понималъ, что Сюлли заранѣе угадываетъ на что онъ хочетъ навести свою рѣчь, но нарочно прикидывается простякомъ, выжидая рѣшительнаго слова отъ самого короля.

— О, тонкая, лукавая бестія! воскликнулъ тотъ наконецъ. Вѣдь вы очень хорошо знаете о *комъ* я думаю, что вамъ лучше нежели кому другому извѣстно все. Вы желаете чтобы я назвалъ

[1] Цесарь, какъ мы уже говорили, родился въ 1595 году; Катерина Генріэта родилась въ 1596, узаконена въ мартѣ 1597; была съ 1619 года замужемъ за Карломъ Лотарингскимъ герцогомъ Эльбёфъ и умерла 20 іюня 1633 года. Александръ, названный кавалеромъ де Вандомъ (de Vandome) родился въ 1598 году, узаконенъ въ 1599. Былъ въ 1615 году посланникомъ въ Римѣ, умеръ въ заточеніи въ Венсенскомъ замкѣ, 8 февраля 1629 года, какъ полагаютъ—отъ яду.

эту особу? Я назову... Что бы вы сказали мнѣ, еслибы я именно на ней вздумалъ жениться?

— Я сказалъ бы вашему величеству, отвѣчалъ Сюлли, что кромѣ всеобщаго неудовольствія, стыда и раскаянія, которыя вы этимъ навлечете на себя, едва ли вамъ будетъ возможно выпутаться изъ затрудненій съ дѣтьми прижитыми внѣ брака, дѣтьми—извините, весьма двусмысленнаго происхожденія. За дочь вашу не поручусь, но что Цесарь, рожденъ *ею* во время ея связи съ Белльгардомъ, это почти не подлежитъ сомнѣнію. Дитя, которое вы теперь ожидаете, будетъ во всякомъ случаѣ рождено внѣ брака... Подумайте, въ какія отношенія къ этимъ дѣтямъ будутъ поставлены тѣ, которыя будутъ у васъ послѣ законнаго брака?

— Все уладится къ лучшему, торопливо перебилъ Генрихъ. Даю вамъ слово не говорить ей о нашей бесѣдѣ, чтобы не поссорить васъ съ нею. Она васъ любитъ, уважаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣвается въ вашемъ расположеніи и говоритъ всегда, что для васъ королевство и моя слава всегда дороже личнаго моего удовольствія даже—меня самого...

Въ апрѣлѣ того же 1598 года Габріэль родила сына Александра. Пышный церемоніалъ при его крещеніи, приличный развѣ только при крещеніи законныхъ дѣтей королевскихъ, заставилъ Сюлли вступить въ открытую борьбу съ фавориткой. Сокративъ расходы и измѣнивъ нѣкоторыя параграфы программы онъ сердито сказалъ распорядителямъ: „Пусть будетъ по моему. Никакихъ дѣтей Франціи знать не хочу!„ Назначенные для участія въ церемоніи чиновники рѣшили идти съ жалобою къ фавориткѣ, но Сюлли предупредилъ ихъ отправясь къ королю. Генрихъ раскричался, вышелъ изъ себя и послалъ Сюлли къ Габріэли для объясненій.

Фаворитка приняла его съ самымъ оскорбительнымъ высокомѣріемъ; при первой же колкости съ ея стороны Сюлли возвратился къ королю. Генрихъ, которому пришлось разсудить любовницу и друга, душой не покривилъ, принявъ сторону праваго. Вмѣстѣ съ обиженнымъ, даже въ его каретѣ, король пріѣхалъ къ фавориткѣ. Вмѣсто обычной ласки и поцѣлуя, взявъ за руку ее и Сюлли, Генрихъ прочиталъ ей нравоученіе:

— Это вы, сударыня, что же изволите дѣлать? сказалъ онъ сурово.—Досаждаете, дѣлаете мнѣ непріятности, чтобы терпѣніе мое испытывать, что ли? Кто же это вамъ даетъ такіе добрые совѣты? Клянусь Богомъ, если вы будете продолжать такимъ образомъ, такъ очень и очень отдалитесь отъ исполненія вашихъ желаній, потому что я не намѣренъ изъ-за глупыхъ фантазій, которыми *я знаю какіе люди* набиваютъ вамъ голову—терять лучшаго и честнѣйшаго изъ моихъ слугъ! Знайте, что я любилъ васъ преимущественно за кротость, любезность и уступчивость, а не за упрямство или сварливость... Если вы вдругъ такъ измѣняетесь къ худшему, то я вправѣ подумать, что до сихъ поръ все это было одно притворство и вы сдѣлаетесь самой обыкновенной женщиной, если я возвышу васъ какъ вы того желаете!...

Фаворитка залилась слезами, стала цѣловать руки королю, потомъ прибѣгнула къ обычному маневру своенравныхъ, капризныхъ женщинъ, когда онѣ не могутъ поставить на своемъ, т. е. въ истерикѣ начала метаться изъ стороны въ сторону, бросилась на постель, призывая смерть и укоряя Генриха за то, что онъ предпочитаетъ *лакея*, на котораго всѣ жалуются, любовницѣ—всѣми любимой и уважаемой. Король смягчился, сталъ уговаривать Габріэль помириться съ вѣрнымъ Сюлли, быть терпѣливой, покорной... Не обошлось дѣло безъ увѣреній, съ его стороны, въ неизмѣнной къ ней любви и вѣрности. Габріэль не унималась и продолжала ныть и стенать; тогда окончительно разсерженный Генрихъ объявилъ ей, что еслибы ему пришлось пожертвовать однимъ другому, то онъ охотно отдастъ десять такихъ любовницъ, какъ Габріэль, за одного вѣрнаго слугу, каковъ Сюлли. Фаворитка поняла, что въ капризахъ своихъ зашла слишкомъ далеко и упала духомъ. Въ сердце ея закралось сомнѣніе въ чувствахъ короля и почти отчаяніе въ осуществленіи ея завѣтной надежды попасть въ королевы. Дочь своего времени, женщина ограниченная и суевѣрная, Габріэль стала совѣщаться съ знахарями, гадателями, астрологами. Отвѣты ихъ, таинственные, двусмысленные, уклончивые, только пуще нагоняли ужасъ на малодушную (1).

(1) Одни говорили ей, что она только разъ въ жизни будетъ заму-

Она искала успокоенія въ религіи; но и церковь, прибѣжище и утѣшенія всѣхъ скорбящихъ, устами проповѣдниковъ служителей своихъ осыпала фаворитку угрозами и упреками. Такъ, въ воскресенье 27 декабря 1598 года, въ день праздника св. евангелиста Іоанна (по католическимъ святцамъ), священникъ церкви Сен-Лё и Сен-Жилля, въ проповѣди своей сказалъ, что въ нынѣшнее время во Франціи праведниковъ подобныхъ Іоанну Крестителю мало, за то Иродовъ великое множество. Другой проповѣдникъ Шаваньякъ, говоря проповѣдь на тотъ же текстъ объ убіеніи Іоанна Крестителя по просьбѣ Иродіады, замѣтилъ, что „при дворѣ каждаго царя самое опасное чудовище — блудница, которая особенно много дѣлаетъ зла когда ее подстрекаютъ другіе.“ Въ дочери Иродіады Габріэль угадывала себя, въ подстрекателяхъ свою милую роденьку. Мучимая страхомъ и предчувствіями, фаворитка цѣлые дни и ночи проводила въ слезахъ. Чувство любви къ ней замѣнялось въ сердцѣ Генриха чувствами жалости. Данное ей слово онъ рѣшился сдержать по полученіи формальнаго отреченія отъ Маргариты и благословенія отъ его святѣйшества папы. Первая поступала съ непростительной безсовѣстностью: она медлила отреченіемъ отъ правъ супруги обнадеживая Габріэль льстивыми письмами и черезъ нее вымогая у Генриха щедрыя взятки... Папа Климентъ VIII медлилъ. По городу и при дворѣ ходили о королѣ и фавориткѣ самые оскорбительные слухи, злоязычники не скупились и на пасквили.

Около 20 января 1599 года Генрихъ отправилъ въ Римъ

жемъ; другіе предсказывали ей смерть въ молодыхъ годахъ; третьи. что ребенокъ будетъ причиною ея гибели; четвертые, что ее погубитъ тотъ, на кого она всѣхъ болѣе надѣется. Куаффье совѣтникъ суда въ Муленѣ, искусный астрологъ, предсказавшій смерть Генриха Гюиза, паденіе Лиги, взятіе Кале, войну съ Савойей и убіеніе Генриха IV— возвѣстилъ Габріэли, что она никогда не будетъ королевой. Принявъ за правило, въ нашихъ историческихъ трудахъ, что всѣ предсказанія грядущихъ событій астрологами, некромантами, кабалистами и т. п., записаны въ лѣтописи послѣ событій, мы не придаемъ ни малѣйшаго значенія этимъ прорицаніямъ. Искуснѣйшіе гадатели, во всѣ времена, на задаваемые вопросы отвѣчали обыкновенно: ни да, ни нѣтъ, либо: можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ, и такимъ образомъ, конечно, били на вѣрняка.

*

собственноручное письмо къ его святѣйшеству, умоляя поспѣшить разрѣшеніемъ развестись съ Маргаритою. За это Генрихъ IV обѣщалъ быть вѣрнѣйшимъ рабомъ папы и ревностнымъ блюстителемъ интересовъ церкви. Посланники его въ Римѣ Силлери и д'Осса задаривали кардиналовъ, торопили, настаивали, грозили. Исторія Генриха VIII англійскаго, ради женщины отложившагося отъ римско-католической церкви, у всѣхъ еще была въ памяти. Когда до слуха Климента VIII дошли слова посланниковъ, что король, въ случаѣ дальнѣйшей проволочки, *обойдется и безъ папскаго разрѣшенія*, папа сослался на приближавшійся великій постъ, впродолженіи котораго онъ усердно молился Богу *вразумить* его или *помочь* ему... Въ первыхъ же числахъ апрѣля папа объявилъ приближеннымъ, что Богъ, внявъ его молитвамъ, помогъ ему. Дѣйствительно, вскорѣ пришло извѣстіе въ Римъ о скоропостижной смерти Габріэли д'Этре, герцогини Бофоръ: ядъ сдѣлалъ свое дѣло и гнусное убійство было богохульно названо проявленіемъ божественнаго промысла! Въ этомъ фактѣ іезуитизмъ весь, какъ въ зеркалѣ...

Вотъ разсказы современниковъ о таинственной смерти Габріэли:

Приближался свѣтлый праздникъ, бывшій въ 1599 году 11 апрѣля. Герцогиня Бофоръ (Габріэль), будучи на четвертомъ мѣсяцѣ беременности и чувствуя себя нездоровою, прибыла вмѣстѣ съ королемъ въ Фонтенбло, на вербной недѣлѣ. По настоянію духовника своего Рене Бенуа, король на время страстной недѣли рѣшился отправить свою фаворитку въ Парижъ, гдѣ она намѣревалось говѣть. Они распростились, оба заливаясь слезами и, по просьбѣ фаворитки, Генрихъ проводилъ ее до Мо, откуда она отправилась водою. „Долго они плакали“ разсказываетъ очевидецъ Сюлли, — „а разъѣхавшись въ разныя стороны часто оглядывались и перекликались. При этомъ послѣднемъ разставаньи Габріэль поручала королю дѣтей, весь свой домъ, прислугу. Растроганнаго короля едва высвободили изъ объятій фаворитки маршалъ Орнано, Рокелоръ и Фронтенакъ.“ Все это происходило въ понедѣльникъ страстной недѣли, 5 апрѣля 1599 года. Прибывъ въ Парижъ фаворитка остановилась въ домѣ королевскаго банкира

Цзаметти — бывшаго башмачника Генриха III, нынѣ страшнаго богача, не чуждаго политическимъ интригамъ, друга и пріятеля Фуке Ла Варенна, подобно ему изъ ничтожества (Ла Вареннъ былъ поваромъ у сестры Генриха) достигшаго должности королевскаго секретаря. Цзаметти и Ла Вареннъ оба были учениками іезуитовъ и орудіями ватиканскаго кабинета во Франціи. Въ домъ Цзаметти, „вертепъ роскоши, распутства и злодѣйства,“ вступила Габріэль въ сопровожденіи Ла Варенна одна, безъ свиты, безъ друзей... Въ этомъ роскошномъ жилищѣ, съ перваго же взгляда, показавшемся ей богатоубраннымъ гробомъ, фаворитка должна была готовиться къ таинству причащенія, размышлять о суетѣ мірской и своихъ грѣхахъ, прислушиваясь къ заунывному гулу церковныхъ колоколовъ и шуму вѣчно живаго города. Мы видѣли Анну Болейнъ въ лондонской Башнѣ (см. стр. 108); лѣтописи сохранили намъ подробности о ея предсмертной истомѣ и ужасѣ передъ казнію; исторія записала даже послѣднія ея слова... но, сравнивая Анну съ Габріэлью, нельзя не сознаться, что положеніе послѣдней было ужаснѣе и ея безмолвіе, одиночество, безотчетный страхъ, или вѣрнѣе предчувствіе были несравненно мучительнѣе.

Первымъ посѣтителемъ фаворитки былъ Сюлли, явный ея недоброжелатель; но и тому она была рада и преодолѣвая отвращеніе осыпала его любезностями, увѣреніями въ дружбѣ, искреннемъ расположеніи... Лицемѣрила она или, по долгу христіанки, передъ исповѣдью мирилась со врагомъ? Отвѣтъ на этотъ таинственный вопросъ фаворитка унесла съ собою въ близкую къ ней тогда—могилу. Уѣхавшаго Сюлли замѣнила жена его, женщина сухая, чопорная, надменная. Къ ней Габріэль была еще ласковѣе и при прощаніи съ нею выразила неосторожное желаніе видѣть ее при отходѣ ко сну и при пробужденіи (ses levers et ses couchers), что̀ могла сказать только настоящая королева.

Жена Сюлли возвратилась къ нему въ совершенной ярости отъ обиды и оба отправились въ свое помѣстье Рони. Утѣшая жену, Сюлли сказалъ многознаменательныя слова: Дай срокъ, другъ мой: *Туго натянутая струна скоро лопается...*

Послѣ семейства Сюлли навѣстила полу-больную Габріэль ве-

селая, вертлявая, вѣчно живая принцесса Конти, если не любившая фаворитку, то по крайней мѣрѣ умѣвшая ей ловко льстить, подражавшая ей въ нарядахъ, въ угоду ей носившая постоянно любимый Габріэлью зеленый цвѣтъ.

Болтовня принцессы нѣсколько разсѣяла тоску фаворитки.

Въ среду, 7 апрѣля, Габріэль исповѣдывалась въ церкви св. Павла. Видимо довольная исполненіемъ священнаго долга, радуясь приближенію праздника, Габріэль обѣдала съ апетитомъ и тѣмъ большимъ, что ея амфитріонъ Цзаметти *подчивалъ ее любимѣйшими блюдами и лакомствами...* (Въ это самое время вѣроятно папа Климентъ VIII молился въ своей ватиканской часовнѣ). Послѣ обѣда Габріэль, въ портшезѣ, охраняемомъ капитаномъ Монбазонъ, сопровождаемая дамами, отправилась въ сосѣднюю домовую церковь къ вечернѣ. Бывшая при ней мадмуазель де Гюизъ, во время богослуженія, показывала ей самыя радостныя письма изъ Рима о скоромъ разрѣшеніи королю сочетаться бракомъ со своею возлюбленною, увѣряя ее, что Генрихъ завтра же отправитъ въ Римъ, преданнаго Габріэли, Форте за давно-желаннымъ разрѣшеніемъ. Мадемуазель де Гюизъ сопровождала будущую королеву домой изъ церкви, откуда Габріэль вышла до окончанія службы, жалуясь на головокруженіе и темноту въ глазахъ. Дома фаворитка прогулялась по саду, потомъ скушала апельсинъ или немного салату и тогда то, говоря что ей хуже, упала будто убитая громомъ. Ее перенесли въ спальню, раздѣли и она очнулась, но была какъ будто въ отупѣніи... Новые припадки не замедлили: съ фавориткой сдѣлались жестокія судороги, во время которыхъ, съ воплями раздиравшими душу, она часто хваталась за воспаленную голову. Прошелъ кризисъ и Габріэль настойчиво требовала у Ла-Варенна, чтобы изъ „ненавистнаго“ дома Цзаметти „гдѣ бы ей не слѣдовало останавливаться,“ ее немедленно перенесли къ теткѣ ея, въ монастырь Сен-Жерменъ, что и было исполнено.

Здѣсь, слабой дрожащей рукой, она написала письмо къ королю, заклиная его позволить ей пріѣхать къ нему, не теряя ни минуты. Письмо это было отправлено въ Фонтенбло съ дворяниномъ Пюиперу (Puypeyroux), преданнымъ Габріэли. Чтобы сокра-

тить время ожиданія, несчастная женщина стала было читать письма Генриха, съ которыми никогда не разлучалась, однакоже не могла по случаю наступленія новаго припадка, продолжавшагося до самой смерти. Предатель Ла-Вареннъ написалъ королю два письма, въ первомъ увѣдомляя его о болѣзни, а во второмъ уже о *смерти* Габріэли, всячески отговаривая не ѣздить къ ней... Злодѣй боялся чтобы его жертва не высказала королю тайны ея отравленія. Но Пюиперу прибылъ во время и Генрихъ прочитавъ письмо, въ ту же минуту рѣшился ѣхать къ умирающей. Письмо Ла-Варенна застало его въ Эссоннѣ, откуда, по настоянію вельможъ, убитый, растерявшійся король поѣхалъ обратно въ Фонтенбло. Въ абатствѣ Соссэ, въ Вилльжюифѣ съ Генрихомъ сдѣлался страшный нервный припадокъ, принудившій его слечь въ постель...

Габріэль скончалась утромъ въ суботу 10 апрѣля, не смотря на всѣ старанія доктора Ла Ривьера спасти ее. Бывшая при агоніи придворная дама госпожа де Мартигъ, приставая къ умирающей съ утѣшеніями, громко читая отходную, ловко обирала съ ея пальцевъ драгоцѣнные перстни, нанизывая ихъ на свои четки. Габріэль умирала на рукахъ Ла Варенна, и по словамъ очевидцевъ, страданія ея были невыносимыя, а судороги сводили ей ротъ къ затылку, голову же заворачивали къ пяткамъ. По трупу выступили черныя пятна, что по словамъ суевѣровъ было очевиднымъ доказательствомъ... не отравленія, а „навожденія діавольскаго.“ Ну, разумѣется! Тетка покойной, госпожа де Сурди одѣла покойницу бѣлымъ покровомъ и положила ее на парадный одръ пунсоваго бархата съ золотыми галунами. Похороны происходили въ понедѣльникъ 12 апрѣля въ церкви Св. Германа Оксеррскаго или, какъ говоритъ д'Этуаль, въ Мобюиссонѣ. Вскрытіе трупа ничего не обнаружило, что неудивительно при невѣжествѣ тогдашнихъ анатомовъ и искуствѣ токсикологовъ: итальянскіе яды XVI вѣка едва ли могли бы быть уловимы апаратомъ Марша или современнымъ микроскопомъ.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти Габріэли, Маргарита прислала Генриху IV формальное свое отреченіе отъ своихъ правъ супружескихъ и притязаній на королевскую корону.

Отчаянный Генрихъ возвратился въ Фонтенбло и выбравъ изъ среды придворныхъ Рокелора, Белльгарда, Фервака, Кастельно и Бассомпьера, — всѣхъ прочихъ послалъ въ Парижъ для отданія покойной послѣдняго долга. За вѣрнымъ Сюлли въ Парижъ былъ посланъ нарочный курьеръ. Другъ короля встрѣтилъ посланнаго съ нескромной радостью, угостилъ его на славу, а прибѣжавъ къ женѣ и самодовольно потирая руки сказалъ ей:

— Хорошая новость, другъ мой! Теперь ты уже не будешь присутствовать при туалетахъ герцогини — *струна лопнула*! Но—прибавилъ онъ, такъ какъ Богъ ее прибралъ, то и желаю ей всякихъ благъ!...

Прибывъ къ королю, вѣрный Сюлли принялся утѣшать его, пустивъ въ ходъ свое увлекательное краснорѣчіе; хоръ придворныхъ примкнулъ къ нему, а Фервакъ имѣлъ даже смѣлость сказать Генриху IV, что смерть Габріэли чуть ли не милость божія.

— Пожалуй что и такъ! невольно сорвалось съ языка у добраго короля.

Впрочемъ это не помѣшало ему наложить на себя трауръ: носить восемь дней одѣяніе черное и два съ половиною мѣсяца фіолетовое. Парламентъ и иностранные посланники явились къ королю съ выраженіемъ участія къ его душевной скорби; первый присовокупилъ къ нимъ желаніе — скорѣйшей женитьбы короля на принцессѣ королевскаго рода. Сестра Генриха IV, герцогиня де Баръ, трогательнымъ письмомъ увѣряла его, что дѣти Габріэли замѣнятъ ей родныхъ, а она замѣнитъ имъ мать. Благодаря сестру за участіе Генрихъ IV въ своемъ письмѣ отпустилъ фразу: „*Изсохъ корень любви моей и не дастъ болѣе ростка никогда.*“ Это напоминаетъ намъ эпитафіи, съ выраженіемъ желанія скораго соединенія, которыми неутѣшные вдовцы и вдовы украшаютъ памятники женъ и мужей, а сами вторично и третично женятся и замужъ выходятъ.

Въ началѣ октября того же 1599 года Генрихъ IV уже былъ въ связи съ Генріэтою д'Антрагъ; въ декабрѣ сватался за Марію Медичи, въ подарокъ которой послалъ драгоцѣнности, *дешево*

купленныя у наслѣдниковъ Габріэли ([1]), а черезъ два года подарилъ супругѣ замокъ Монсо, принадлежавшій той же фавориткѣ...

Займемся теперь, вмѣстѣ съ Генрихомъ IV, его новой любовью (по счету № 35) - Генріэтой д'Антрагъ, маркизой де Вернёйль. Коризанда была здоровенной, толстой бабой, Габріэль д'Этре — миловидной, граціозной женщиной, въ Генріэттѣ король встрѣтилъ демона въ образѣ женщины... Очень пріятная встрѣча.

Вскорѣ послѣ смерти Габріэли, Генрихъ IV покинулъ Фонтенбло, гдѣ для него было слишкомъ много грустныхъ воспоминаній и слишкомъ мало развлеченія. Намѣреваясь, по совѣту людей государственныхъ, сочетаться законнымъ бракомъ съ невѣстою, избранною въ одномъ изъ владѣтельныхъ домовъ Европы, король французскій пожелалъ какъ слѣдуетъ распроститься съ холостьбой, т. е. нагуляться до сыта и повеселиться вволю. Прибывъ въ Парижъ въ концѣ лѣта 1599 года, окруженный толпою разгульной молодежи, Генрихъ предался необузданному веселью, проводя время въ пирахъ, счастливо ухаживая за женщинами всякаго разбора, ни къ одной не привязываясь сердцемъ еще болѣвшемъ при воспоминаніи о Габріэли. Бывали минуты, когда въ разгарѣ пиршества, король задумывался, морщилъ лобъ и — въ бокалъ вина невольно ронялъ нѣсколько слезинокъ, такимъ образомъ, буквально, топя горе въ винѣ. Шутки окружающихъ, однако же разгоняли, облака печали, и слезы быстро смѣнялись самымъ беззаботнымъ смѣхомъ... Такъ, мало по малу, сердечная рана Генриха стала заживать; онъ началъ задумываться уже не о покойницѣ, но о новомъ предметѣ прочной привязанности, въ которой независимо отъ наслажденій чувственныхъ онъ могъ бы найдти отраду душевную. Ла-Вереннъ, поставщикъ Генриха по любовной части, или вѣрнѣе, министръ сердечныхъ дѣлъ короля, шепнулъ ему о Генріэтѣ д'Антрагъ, дочери Франциска де Бальзака, губернатора

([1]) Сообщая о своей покупкѣ государственному контролю, Генрихъ IV выражается, хотя и не совсѣмъ деликатно, за то совершенно справедливо: «сіе сберегаетъ намъ значительные расходы.» Не то ли самое говорятъ и расчетливые вдовцы, даря вторымъ женамъ драгоцѣнности первыхъ своихъ женъ?...

Орлеанскаго, и бывшей фаворитки Карла IX Маріи Туше, съ которою Бальзакъ, съ 1578 года, состоялъ въ законномъ бракѣ. Генріэта родилась въ 1579—и ей, во время знакомства съ Генрихомъ IV было двадцать лѣтъ; собою она, разумѣется, была красавица, хотя въ чертахъ лица, во взглядѣ, въ улыбкѣ и проглядывало что-то коварное, кошачье. Кромѣ Генріэты, у Маріи Туше была еще дочь Марія (отъ мужа) и сынъ Карлъ (отъ Карла IX), родившійся 28 апрѣля 1573 года. Не смотря на прозвище незаконнорожденнаго или пригулка Валуа (bâtard de Valois), Карлъ былъ великимъ пріоромъ Франціи, впослѣдствіи графомъ Оверискимъ и Лораге, графомъ Пуатье и, наконецъ, герцогомъ Ангулемскимъ. Человѣкъ безпокойный, честолюбивый, коварный онъ былъ созданъ чтобы всю свою жизнь участвовать въ крамолахъ и заговорахъ, точно такъ же, какъ и Генріэта, достойная его сестрица.

Марія Туше, изъ королевскихъ фавритокъ сдѣлавшаяся законной женой знатнаго вельможи, преобразилась къ лучшему, являя собою образецъ доброй и заботливой матери. Обѣихъ дочерей она воспитывала сама, въ правилахъ строгой нравственности и, будучи превосходно образована, дала имъ образованіе приличное развѣ только принцессамъ, расчитывая на хорошія партіи. Къ сожалѣнію не пошло имъ въ прокъ ни воспитаніе, ни образованіе: Генріэта была фавориткой Генриха IV; Марія, младшая ея сестра, была любовницей Бассомпьера.

Знакомство короля началось съ переписки. Меркуріями короля были: графъ де Людъ и Ла Варенъ, и должность свою исполняли съ ихъ обычнымъ усердіемъ. Генріэта принимала письма, но на устныя любезности короля отвѣчала улыбкой, на робкое рукопожатіе—тѣмъ же, но... далѣе этого интрига не простиралась. Примѣры Коризанды и Габріэли научили лукавую Генріэту осторожности; руководимая матерью и зная себѣ цѣну, она рѣшилась продать свои ласки недешево, ни болѣе ни менѣе какъ за королевскую корону. Генрихъ увлекался какъ юноша; во всѣхъ своихъ привязанностяхъ, отодвигая свое достоинство на послѣдній планъ, онъ былъ только человѣкомъ, даже слабымъ, безхарактернымъ; но не такова была Генріэта. Дочь Маріи Туше, не смотря на свою

молодость, была изъ породы тѣхъ милыхъ, честнѣйшихъ, невиннѣйшихъ дѣвицъ, которыя умѣютъ отвѣтить грознымъ взглядомъ на слова любовнаго признанія; которыя, съ ледянымъ равнодушіемъ, будутъ смотрѣть на слезы и страданія влюбленнаго, если только онъ не богатъ и не знатенъ, однимъ словомъ—не партія ихъ достойная; которыя, наконецъ, идутъ за дряхлую обезьяну, если она съ безобразіемъ соединяетъ знатность происхожденія и богатство. Грустно и больно сердцу видѣть дѣвушку, необдуманно жертвующую своею непорочностью, удостоивающую своей взаимностью перваго встрѣчнаго: нельзя не пожалѣть объ этой чистой жемчужинѣ втоптанной въ грязь. Нельзя, однако же, не почувствовать, если не негодованія, то презрѣнія, къ красавицѣ гордящейся своей непорочностью, колящей глаза всѣмъ и каждому строгостью своихъ правилъ, ищущей выгоднаго себѣ покупщика, хотя и въ лицѣ законнаго мужа, но безъ малѣйшаго участія сердца.. Подобнымъ красавицамъ жизнь легка именно потому, что онѣ жизнію не живутъ, не умѣютъ чувствовать, а не чувствуютъ ничего потому, что въ ихъ бѣлоснѣжной груди, кусокъ бѣлоснѣжнаго мрамора вмѣсто сердца. Такова была Генріэта де Бальзакъ.

Вотъ одно изъ первыхъ къ ней посланій Генриха IV, въ исходѣ сентября 1599 года:

— „Дорогая любовь моя, вы требуете, если я люблю васъ, чтобы я преодолѣлъ всѣ препятствія къ совершенному нашему удовольствію. Силу любви моей я уже достаточно доказалъ вашему семейству, со стороны котораго, послѣ моихъ предложеній не должно уже быть никакихъ препятствій. Я исполню все о чемъ говорилъ, но сверхъ сказаннаго—ничего болѣе. Съ удовольствіемъ повидаю г. д'Антрага (отца) и до тѣхъ поръ не дамъ ему покоя, покуда дѣло наше не будетъ рѣшено. Мнѣ донесли, что недѣли черезъ двѣ готовятся здѣсь въ Парижѣ какія-то смуты вашимъ отцомъ, матерью или братомъ, которыя могутъ разстроить все наше дѣло; завтра мнѣ скажутъ чѣмъ и какъ все уладить. Добрый вечеръ, сердце мое, цѣлую васъ миліонъ разъ."

Затрудненія и переговоры, о которыхъ Генрихъ IV сокрушается въ этомъ письмѣ, были ничто иное, какъ торги и переторжка. Родители Генріэты набивали цѣну на продажу ея первой ласки

королю. Сто тысячъ экю онъ имъ посулилъ... мало! Обѣщалъ еще столько же: все не то. Деньги деньгами, но и честь — честью; Генріэта объявила королю, что отвѣтитъ ему взаимностью тогда только, когда онъ дастъ ей кромѣ денегъ, небольшой документъ, нѣчто въ родѣ сохранной росписки, содержаніе которой увидимъ ниже. „Безъ этого," прибавила красавица, „о любви моей не смѣйте и думать"!

Всѣ эти переговоры происходили въ замкѣ д'Антрага, гдѣ гостилъ король подъ предлогомъ поѣздки на охоту. Не давая рѣшительнаго отвѣта Генрихъ IV уѣхалъ въ Фонтенбло, часа два просидѣлъ въ кабинетѣ, выйдя оттуда съ какой-то бумагой въ рукахъ кликнулъ Сюлли и молча повелъ его за собою въ галерею. Здѣсь онъ робко осмотрѣлся, подалъ таинственную бумагу своему другу и отошелъ къ окну, скрывая яркую краску, выступившую у него на лицѣ. Помимо воли Генриха, королевская кровь заговорила въ немъ въ эту минуту.

Сюлли, невозмутимый ничѣмъ, въ отношеніи короля вѣрный правилу: nil admirari (ничему не удивляться) развернулъ рукописаніе его величества и прочелъ:

— „Мы, Генрихъ четвертый, божіею милостію король Франціи и Наварры, обѣщаемъ и клянемся передъ Богомъ, завѣряемъ словомъ королевскимъ мессира Франциска де Бальзака, сеньёра д'Антрагъ, кавалера нашихъ орденовъ, въ томъ, что принимая отъ него, намъ въ подруги, дѣвицу Генріэту-Катерину де Бальзакъ дочь его, обязуемся: въ случаѣ беременности ея, въ теченіе шести мѣсяцевъ отъ сего числа и рожденія ею сына — немедленно взять ее въ законныя супруги, освятивъ брачный союзъ предъ лицомъ святыя нашея церкви, со всѣми подобающими тому обрядами и торжественностью. Для вящнаго же удостовѣренія дѣйствительности сего обѣщанія, обѣщаемъ и клянемся ратифировать и возобновить его съ приложеніемъ государственной печати, немедленно по полученіи нами отъ его святѣйшества папы формальнаго акта о расторженіи нашего брака съ Маргаритою французскою и разрѣшеніи вступить въ новый, съ кѣмъ намъ заблагоразсудится. Въ удостовѣреніе чего подписуемся. Въ лѣсу Мальзербъ сего 1 октября 1599. Генрихъ."

Сюлли сложилъ бумагу и молча возвратилъ ее королю.

— Что ты на это скажешь? спросилъ Генрихъ не безъ смущенія.

— Ничего, государь!

— Я требую твоего мнѣнія...

— Чтобы высказать мое мнѣніе надобно подумать; на то что бы подумать нужно время.

— Но ты другъ мнѣ, любишь меня, искренно мнѣ преданъ и потому...

— И потому именно прошу васъ дать мнѣ срокъ.

— Да какой тутъ срокъ, отвѣчай прямо!

— Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ, не разсержусь.

— Завѣряете меня въ томъ вашимъ словомъ?

— Завѣряю, будь спокоенъ... Что же?

Сюлли, взявъ изъ рукъ короля роковую бумагу, разорвалъ ее пополамъ.

— Вотъ мое мнѣніе! прибавилъ онъ со всей холодностью и спокойствіемъ здраваго смысла.

— Генрихъ, не смотря на свое обѣщаніе не сердиться, вспыхнулъ и вскричалъ:

— Чортъ возьми, что же это? Вы съ ума сошли?

— Правда, государь, отвѣчалъ герой — я безумецъ, дуракъ и хотѣлъ бы въ эту минуту быть единственнымъ дуракомъ во всей Франціи!..

Желая еще того лучше вразумить короля, Сюлли во всѣхъ подробностяхъ объяснилъ ему неблагоразуміе подобнаго юношескаго увлеченія; напомнилъ о подобныхъ подпискахъ, выданныхъ Коризандѣ и Габріэли; говорилъ о скандалѣ, о тѣхъ насмѣшкахъ, которыя навлечетъ на Генриха, документъ роняющій его достоинство. Король слушалъ молча покусывая губы и быстро ушелъ въ кабинетъ, гдѣ написалъ второй экземпляръ своего обѣщанія и подъ предлогомъ поѣздки на охоту поскакалъ къ Генріэтѣ. Получивъ отъ короля документъ, вязавшій его по рукамъ и по ногамъ, его возлюбленная въ свою очередь сдержала данное ему слово и пламенными ласками вознаградила Генриха за его терпѣніе и уступ-

чивость. Двое сутокъ блаженствовалъ король въ замкѣ своей возлюбленной, заплативъ ей, согласно договору, сто тысячъ экю, присланныхъ по его приказанію негодующимъ Сюлли. Чтобы хоть чѣмъ нибудь досадить королю и его новой фавориткѣ, другъ Генриха прислалъ эти сто тысячъ малыми суммами, разложенными на множество мѣшковъ.

— Дороговько, однако! сказалъ король увидя груды золота, которыми наградилъ Генріэту.

Дорого да мило, могъ бы сказать ему въ утѣшеніе Сюлли, теперь не щадившій своими сарказмами почтенное семейство д'Антрагъ. Онъ припоминалъ какъ родители Генріэты прогнали графа де Люда, мѣсяцъ тому назадъ, присланнаго къ нимъ королемъ для переговоровъ; какъ они, радѣя о цѣломудріи дочери, прятали ее отъ Генриха въ Маркусси, а теперь уступили побѣжденные золотомъ.

Кромѣ золота, однако, у нихъ въ рукахъ было драгоцѣнное письменное обязательство Генриха.

Прошелъ мѣсяцъ. Въ половинѣ ноября 1599 года конетабль Монморанси, канцлеръ Помпонъ де Белльевръ, Сюлли и Вилльруа вошли въ переговоры съ флорентинскимъ посланникомъ Джіованни о бракосочетаніи короля французскаго Генриха IV съ принцессою тосканскою Маріею Медичи. Какъ-то, именно во время этихъ переговоровъ, Сюлли явился съ докладомъ къ королю, который спросилъ что онъ подѣлываетъ?

— Думаемъ женить васъ, государь! отвѣчалъ тотъ, самодовольно потирая руки.

Король покраснѣлъ и не говоря ни слова сталъ грызть ногти; глаза его какъ будто избѣгали встрѣчи со взглядомъ Сюлли, а между тѣмъ улыбка такъ и порывалась на принужденно-серьезное лице Генриха. Хлопнувъ въ ладоши онъ сказалъ наконецъ:

— Быть дѣлу такъ! Если вы говорите, что съ женитьбою моею соединено благо королевства и моихъ подданныхъ — я женюсь, хотя, признаться, боюсь этого брака. Первая жена надѣлала мнѣ много непріятностей; что если вторая окажется своенравной, капризной? Домашнія несогласія для меня несноснѣе политическихъ распрей и всякихъ воинскихъ схватокъ.

Начало 1600 года не предвѣщало Генриху IV ничего добраго. Сватовство длилось утомительно долго, оно было поводомъ къ объявленію войны герцогу Савойскому для полученія отъ него маркизата Салуццо, оттянутаго еще въ 1588 году у Генриха III; ко всѣмъ этимъ непріятностямъ Генріэта, объявившая себя беременною, дѣлала своему возлюбленному непріятныя сцены; плакала, упрекала, грозилась „подать ко взысканію" проклятую подписку. Король пожаловалъ ей маркизатъ Вернейль, далъ слово выдать ее за принца крови, герцога Неварскаго, въ случаѣ если разстроить союзъ съ тосканскимъ домомъ будетъ невозможно. За это Генрихъ надѣялся получить обратно свою подписку отъ Генріэты; но она не выпускала ея изъ рукъ. Видя, что фаворитка не хочетъ уважать его просьбы, Генрихъ прибѣгнулъ къ приказанію и 21 апрѣля 1600 года послалъ Генріэтѣ и ея родителю слѣдующія грамоты:

— Сударыня! Любовь, почести и милости, которыми я взыскалъ васъ, могли бы привязать ко мнѣ самое легкомысленное существо, если бы оно не было одарено такимъ дурнымъ характеромъ какъ вашъ. Болѣе язвить васъ не стану, хотя, какъ вы сами знаете, долженъ бы язвить и могъ бы. Прошу васъ возвратить мнѣ извѣстное вамъ обѣщаніе, чтобы не заставить меня добывать его инымъ путемъ; пришлите также и перстень, данный мною вамъ на этихъ дняхъ. Отвѣтъ—сегодня къ ночи.

Генрихъ.

Въ другомъ письмѣ, къ отцу Генріэты, проглядываетъ робость и сдержанность:

— Г. д'Антрагъ, податель сего посланъ мною за письменнымъ обѣщаніемъ, даннымъ мною вамъ въ Мальзербѣ. Прошу васъ неотлагательно возвратить, а если желаете лично доставить его ко мнѣ тогда вы узнаете, что причины, къ тому меня побуждающія, чисто домашнія, а не политическія. Вы сами удостовѣритесь, что я правъ; увидите что были обмануты (?) и что у меня, могу сказать, слишкомъ добрый характеръ. Увѣренный въ исполненіи моего вамъ приказанія, заключаю увѣреніемъ, что я вамъ благоволю

Генрихъ.

Подписки своей король не получилъ, однако же дѣло на время усладилось, и Генрихъ занялся нѣжной кореспонденціей со своей невѣстой Маріей Мидичи, съ которою брачный контрактъ былъ подписанъ въ ноябрѣ того же 1600 года. Передъ тѣмъ, въ концѣ іюня, Генрихъ отправился на войну съ Савойей; до Ліона его провожала Генріэта, близкая къ разрѣшенію отъ бремени. Король одновременно успѣвалъ воевать съ непріятелями и размѣниваться письмами съ фавориткой и невѣстой, увѣряя ту и другую въ нежнѣйшей любви и преданности „до гроба.“ Въ іюлѣ съ Генріэтою случилось несчастіе, на которое даже тогдашніе вольнодумцы смотрѣли какъ на проявленіе божественнаго промысла. Надъ замкомъ Монсо разразилась страшная гроза и Генріэта, испуганная громовымъ ударомъ, родила мертваго младенца. Этотъ ударъ избавилъ Генриха отъ исполненія даннаго обязательства, или по крайней мѣрѣ далъ ему возможность сослаться на буквальный смыслъ подписки: онъ обѣщалъ жениться на Генріэтѣ, если Богъ дастъ ей сына, конечно живаго, но не мертваго.

Фаворитка довольно долго хворала и король во время ея болѣзни оказывалъ ей самую нѣжную внимательность, не смотря на которую однако же Генріэта поняла, что планы ея рушились. Оправясь отъ болѣзни, она слѣдовала за Генрихомъ по пятамъ въ Ліонъ и Шамбери. Въ первомъ городѣ ей сдѣлали тріумфальную встрѣчу; Генрихъ послалъ ей знамена, отбитыя у непріятеля 10 сентября. Такъ, во времена давно минувшія, онъ дарилъ знамена лигёровъ прекрасной Коризандѣ. Король *повторялся* въ любезностяхъ со своими фаворитками и даже въ своихъ письмахъ; въ послѣднемъ случаѣ, во избѣжаніе лишняго труда, онъ могъ бы приказать отпечатать про запасъ бланки, съ пробѣлами для вставки имени возлюбленныхъ, до такой степени стереотипны изліянія его вѣчно юнаго и вѣчно любящаго сердца. Ни мало не осуждая Генриха, за его постоянное непостоянство, мы готовы допустить, что онъ повторяя каждой фавориткѣ однѣ и тѣ же фразы не обманывалъ, а обманывался самъ и, во всякомъ случаѣ, былъ съ женщинами искреннѣе, нежели онѣ съ нимъ. Вотъ, напримѣръ, письмо къ нему отъ Генріэты,

писанное ею въ іюлѣ 1600 года, когда въ Ліонъ ожидали прибытія Маріи Медичи... Что за іезуитизмъ кокетства; какъ въ каждомъ словѣ замѣтна волчиха, наряженная въ овечью шкурку:

— Государь, сбылось несчастіе, котораго я всегда такъ опасалась! Я однако же должна сознаться, что это опасеніе проистекало отъ сознанія той великой разницы состояній, которая существуетъ между нами, отъ которой я всегда ожидала перемѣны низвергающей меня съ неба, на которое вы вознесли меня, обратно на землю, гдѣ я была найдена вами.

— При этомъ смертельномъ паденіи я не могла не сознаться, что въ немъ виновата не столько судьба, сколько ваша ко мнѣ немилость. Отъ васъ блаженство мое зависѣло болѣе нежели отъ судьбы, на которую я не жалуюсь, такъ какъ душевная скорбь моя—цѣна блага Франціи, для котораго вы вступаете въ бракъ. Въ этой скорби не могу не сознаться потому, что свадьба—погребеніе моей жизни; ваша свадьба требуетъ отъ меня во имя скромности чтобы я удалилась отъ лица вашего и отъ сердца, во избѣжаніе надменныхъ взглядовъ всѣхъ тѣхъ, которые видѣли меня на высотѣ почестей... лучше страдать на свободѣ въ уединеніи, неужели не смѣть вздохнуть въ кругу общественномъ. Эти чувства вскормлены во мнѣ вашимъ великодушіемъ, смѣлость эта вами внушена мнѣ... Она не допускаетъ меня смириться предъ несчастіемъ, пригнуть голову подъ его ярмо возвращеніемъ къ прежнему моему ничтожеству.

— Слова мои, отрывчатые вздохи, о король мой возлюбленный, мое—все! Прочія тайныя жалобы мои ваше величество можете угадать въ моихъ мысляхъ, потому что душу мою вы такъ же хорошо знаете какъ и тѣло.

— Въ неизбѣжномъ моемъ изгнаніи мнѣ останется гордое сознаніе, что я была любима величайшимъ государемъ на землѣ; королемъ, снизошедшимъ до меня, чтобы меня свою рабу и служанку возвести на степень своей любимицы; королемъ Франціи, признающимъ надъ собою властъ единаго небеснаго царя и не имѣющемъ на землѣ себѣ равнаго...

— Если королямъ свойственно воспоминаніе о тѣхъ, которыхъ они любили, вспоминайте государь о дѣвушкѣ, принадлежавшей

вамъ, которая (полагаясь на ваше слово) пожертвовала вамъ своею честью, надъ которою была столько же властна, сколько вы государь властны надъ жизнію вашей покорной служанки, преданнѣйшей рабыни и — сказать-ли!.. забытой любовницы Генріэты де Бальзакъ."

Къ крайней досадѣ сочинительницы этого смиреннаго, трогательнаго посланія, Генрихъ ее не удерживалъ, даже какъ видно былъ доволенъ ея отсутствіемъ, чтобы тѣмъ свободнѣе заняться своею будущею супругою, по портретамъ судя, способною возбудить въ королевскомъ сердцѣ страстныя желанія. Маріи Медичи было тогда двадцать семь лѣтъ; полная, стройная, огненная брюнетка—типъ флорентинки, она могла бы свести съ ума человѣка и неплатоническаго. Раздражая свое воображеніе мыслію о прелестяхъ невѣсты, Генрихъ писалъ ей самыя страстныя письма, въ которыхъ щедрою рукою разсыпалъ самыя „чувствительныя слова" изъ своего неистощимаго любовнаго арсенала. Августа 23, онъ изъ Шамбери отправилъ къ Маріи Медичи своего оберъ-шталмейстера Бельгарда, отдавая его въ распоряженіе невѣсты и умоляя ее не медлить прибытіемъ во Францію. Женихъ съ невѣстою свидѣлись въ Ліонѣ и 17 декабря 1600 года отпразднована была свадьба Генриха съ Маріею Медичи. Къ январю 1601 года супруга короля уже успѣла ему прискучить и смиренная изгнанница Генріэта снова появилась при дворѣ, представленная королевѣ герцогинею Немурскою. Принятая Маріею съ заслуженной холодностью фаворитка подружилась съ любимой горничной и молочной сестрой королевы Леонорою Галиган, получившей по ходатайству Генріэты званіе камеръ-фрау. Заручившись такимъ образомъ дружбою любимицы жены, фаворитка мужа дѣятельно принялась интриговать и каверзничать, чтобы мстить Генриху, всячески вредить его семейному согласію и въ особенности преслѣдовать тѣхъ, которые принимали участіе въ сватовствѣ короля за Марію Медичи. Она уговорила очень расположеннаго къ ней Клавдія Лотарингскаго принца Жуанвилль вызвать Бельгарда на поединокъ и, если можно, попотчивать хорошимъ ударомъ. Жуанвилль предательски напалъ на Бельгарда вечеромъ, около дома Цзаметти, слуги котораго помогли раненому Бельгарду и погнав-

шись за принцемъ едва не убили его, если бы въ дѣло не вмѣшался маркизъ Рамбуйе. Генрихъ IV отдалъ Жуанвилля подъ судъ, приговорившій его къ удаленію отъ двора. Этотъ неудавшійся заговоръ ни мало не нарушилъ возобновленной связи короля съ Генріэтою, для пущаго удобства Генриха, помѣщенною рядомъ съ Лувромъ. Отъ жены король шелъ къ фавориткѣ, отъ фаворитки къ женѣ. Любезность и внимательность были ему тѣмъ болѣе извинительнѣе, что королева и Генріэта обѣ были въ интересномъ положеніи. Первая—27 сентября 1601 года, родила дофина (впослѣдствіи Людовика XIII), вторая—изо дня въ день черезъ мѣсяцъ, 27 октября—Гастона Генриха (1).

Европейскія женщины удивляются доброму соглашенію женъ у магометанъ, и язычниковъ, одновременно сожительствующихъ съ нѣсколькими супругами... Чему удивляться, когда семейство французскаго короля Генриха IV являетъ намъ умилительный примѣръ азіатской полигаміи или американскаго мормонизма? Пріятельница фаворитки Леонора Галигаи умѣла примирить королеву съ Генріэтой и на столько сблизить ихъ, что крестины обоихъ сыновей Генриха праздновались одинаково пышно и сопровождались блестящими празднествами. Между прочимъ Марія Медичи устроила балетъ, въ которомъ участвовала сама съ пятнадцатью придворными красавицами, представляя группу шестнадцати добродѣтелей.

— Что вы скажете объ этомъ эскадронѣ добродѣтелей? спросилъ король у любовавшагося балетомъ папскаго нунція.

— Эскадронъ *прекраснѣйшій* и *опаснѣйшій* (2)—отвѣчалъ тотъ, сладко улыбаясь.

Вскорѣ ясная лазурь надъ этимъ Олимпомъ или Пафосомъ покрылась громовыми тучами. Вторично разразилась гроза надъ головою Генріэты, гроза моральная, но которая могла быть ей не менѣе гибельна, какъ первая атмосферическая.

Сестра покойной Габріэли, Жюльетта Ипполита, герцогиня

---

(1) Епископъ Меца, впослѣдствіи герцогъ Верпейль, умеръ въ 1682 г.
(2) Belissimo e pericolosissimo!

Вилларъ—отвлекла на время вниманіе короля отъ жены и фаворитки и нашъ французскій Юпитеръ свѣтренничалъ. Это была мимолетная прихоть, но обиженная герцогиня рѣшилась привязать къ себѣ короля надолго и прочными узами. Для этого она, по примѣру Генріэты, сблизилась съ Жуанвиллемъ (недавно возвращеннымъ изъ ссылки) и выпросила у него любовныя письма фаворитки, полученныя имъ отъ нея во время ихъ связи, когда Генріэта жила въ уединеніи; эти письма герцогиня Вилларъ передала королю... Генрихъ разразился дѣйствительно олимпійскимъ гнѣвомъ и послалъ Меркурія (графа де Люда) къ Генріэтѣ даже не съ выговоромъ, а просто съ бранью. Фаворитка, выслушавъ упреки, не говоря ни слова вытолкнула дерзкаго за дверь. Король на свой вопросъ: что она можетъ сказать себѣ въ оправданіе, получилъ классическое: „невинность не имѣетъ нужды въ оправданіи!“ Письма оказались подложными, въ чемъ сознался самъ Жуанвилль, что̀ подтвердили десятки сообщниковъ Генріэты.

Король изъ судьи самъ превратился въ подсудимаго и вмѣсто наказанія преступницы, самъ же, чуть не на колѣняхъ вымаливалъ у нея прощеніе. Разбранивъ королеву, повѣрившую *клеветѣ*, король отправилъ герцогиню Вилларъ въ ссылку, Жуанвилля—въ Венгрію; секретаря его, за *поддѣлку писемъ*, заточилъ въ Бастилію; въ честь угнетенной невинности данъ былъ великолѣпный праздникъ при дворѣ... Какимъ образомъ все это случилось, невольно спроситъ читатель? Случилось все это очень просто, благодаря присутствію духа и безстыдству фаворитки. Съ Жуанвилемъ она дѣйствительно была въ короткихъ отношеніяхъ; письма писала къ нему она своеручно, а короля и весь дворъ одурачила. Кромѣ Жуанвилля никто не могъ уличить Генріэту, но герцогъ, истый дворянинъ стараго времени, по свойственному мужчинѣ великодушію предпочелъ возвести напраслину на себя, нежели бороться съ женщиной или вѣрнѣе пачкать свою пяту, раздавивъ подъ нею ядовитую гадину. Замѣтимъ только, что это торжество невинности происходило именно въ то время, когда созрѣвалъ заговоръ маршала Бирона, въ которомъ принимали участіе братъ, отецъ Генріэты и она сама, въ чемъ Генрихъ IV убѣдился только черезъ четыре года (въ 1605 году) при открытіи новаго заговора,

въ которомъ главную роль играетъ семейство д'Антрагъ ([1]). До тѣхъ поръ король, дѣля свои ласки между женою и фавориткою, дѣтьми законными и побочными, находился въ самомъ безвыходномъ положеніи, между двухъ огней. О приличіи, какъ видно, забыли и думать.

— 22 ноября 1602 года Маріи Медичи Богъ далъ дочь Елисавету (въ 1615 году выданную за Фридриха IV короля испанскаго).

— 21 января 1603 года, Генріэта, маркиза де Вернейль, разрѣшилась отъ бремени дочерью же — Габріэлью Анжеликою (выданною въ 1622 году за Бернарда Ногаре, герцога д'Эпернонъ).

Имѣла ли фаворитка надобность въ деньгахъ или въ какой подачкѣ отъ короля, ей стоило только напомнить ему о *томъ* документѣ и все исполнялось по ея желанію. Сюлли, то и дѣло, получалъ отъ короля чеки на отпускъ Генріэтѣ нѣсколькихъ тысячъ ливровъ. Изъ змѣи фаворитка превратилась въ піявицу. Денегъ и подарковъ ей лично было мало; она выманивала у короля щедрыя милости многочисленнымъ своимъ родственникамъ, ближнимъ и дальнымъ. Сюлли ворчалъ, уговаривалъ, усовѣщивалъ короля; Генрихъ благодарилъ за совѣты, но имъ не слѣдовалъ. Съ другой стороны Марія Медичи, истая Юнона, взяла вѣтреннаго супруга въ руки и постоянно колола ему глаза фавориткой и даннымъ ей письменнымъ обѣщаніемъ; мать семейства, королева, заботилась теперь о дѣтяхъ. По словамъ историка Мезерэ, Марія не ограничивалась бранью и нерѣдко обращала въ бѣгство побѣдителя при Иври и Кутрасѣ, сопровождая брань очень выразительными пантомимами. Генрихъ началъ поговаривать о разлукѣ съ женою и отсылкѣ ея на родину. Впрочемъ, вотъ подлинная исповѣдь Генриха IV въ одну изъ откровенныхъ бесѣдъ съ благороднымъ Сюлли:

([1]) Маршалъ Биронъ былъ казненъ 31 іюля 1602 года, но съ его смертію не пресѣклись нити его заговора искусно, сплетеннаго и продолжаемаго старикомъ д'Антрагомъ и его сыномъ графомъ Оверньскимъ.

„Въ дополненіе къ тому что я уже говорилъ вамъ, другъ мой, о причинахъ моей досады и дурнаго расположенія духа, скажу вамъ, что вчера вечеромъ я разстался съ госпожей Вернейль крайне разсерженный по тремъ причинамъ. Во первыхъ, теперь, она вздумала хитрить, лукавить и жеманиться со мной, будто бы по чувству набожности—а какъ я думаю, вѣрнѣе, вслѣдствіе какихъ нибудь новыхъ интрижекъ съ людьми, которые мнѣ не совсѣмъ-то нравятся. Второе — въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о ея сношеніяхъ съ братомъ и другими злоумышленниками на меня и на безопасность государства; она очень надменно отвѣчала, что все это неправда, что я старѣюсь, оттого и становлюсь подозрителенъ и недовѣрчивъ; что жить долѣе со мною нѣтъ никакого средства... Что, наконецъ, я сдѣлалъ бы ей величайшую милость, если бы пересталъ посѣщать ее наединѣ, такъ какъ пользы ей отъ этого мало, а однѣ только непріятности, особенно отъ королевы. При этомъ она, королеву, жену мою, *обозвала такимъ именемъ, что я едва удержался, чтобы не дать ей за это въ щеку!* Третья причина: я просилъ у нея возвратить мнѣ мое письменное обязательство, а она дерзко отвѣчала, что я могу искать этотъ документъ гдѣ мнѣ угодно, но отъ нея никогда не получу!

Тутъ мы съ нею посчитались, и я въ бѣшенствѣ ушелъ сказавъ, что найду способы добыть мое обязательство!“

Отъ фаворитки король пошелъ къ женѣ, гдѣ ожидала его сцена, приправленная колкостями, упреками и жалобами.

Кому другому, если не Сюлли, пришлось взять роль умиротворителя? Истинно великій государственный мужъ не погнушался войдти въ эти будуарныя дрязги, видя, что отъ нихъ тускнетъ королевскій вѣнецъ его державнаго друга, блекнутъ его лавры и самъ онъ, герой, превращается въ какого-то безхарактернаго труса, не стоющаго имени мужчины. Угадывая, что внезапная скромность фаворитки и ея уклончивость отъ ласокъ короля ничто иное какъ уловка кокетки, вымогающей у своего обожателя милости да благостыни, Сюлли, ссылаясь на собственныя ея слова, набросалъ проектъ письменнаго договора между королемъ и фавориткою, въ которомъ первый отступаетъ отъ всякихъ притяза-

ній на ея нѣжность, съ тѣмъ, чтобы уже и она, въ свою очередь не домогалась ничего. Генріэта одобрила проектъ, но король былъ крайне недоволенъ разлукою съ возлюбленной красавицей. Какъ бы то ни было, устранивъ всякое сближеніе короля съ фавориткою, Сюлли добрыми совѣтами принудилъ Марію Медичи быть къ мужу снисходительнѣе, любезнѣе, ласковѣе; указалъ ей на тѣ стороны его характера, вліяя на которыя королева можетъ привязать къ себѣ супруга и отвлечь отъ всякихъ фаворитокъ. Въ апрѣлѣ 1604 года Генрихъ, окончательно разочарованный въ Генріэтѣ, *почти* ненавидѣлъ ее и тутъ же вскорѣ, какъ нельзя болѣе кстати, открытъ былъ заговоръ старика д'Антрага. Заговоръ этотъ, запутанный подобно паутинѣ, простиралъ свои нити по всей Франціи за Пиринеи, связывая въ одну шайку большую часть вельможъ, даже ближайшихъ къ престолу. Тутъ были: духовники маркизы Вернейль, отецъ Иларій и отецъ Анжъ (1); англійскіе дворяне: Морганъ и Фортнъ, л'Отъ, секретарь Вилльруа, Шевійяръ, Эпернонъ, Буйонъ, Белльгардъ, графъ Овернскій, старикъ д'Антрагъ, милая его дочь Генріэта маркиза Вернёйль и очень можетъ быть любимцы королевы: Кончино (будущій маршалъ д'Анкръ) и жена его Леонора Галигаи... Вести слѣдствіе надобно было осторожно, не торопясь, но Генрихъ, отодвинувъ на задній планъ вопросъ о спокойствіи государства, озаботился единственно о своемъ собственномъ, истребовавъ у арестованнаго д'Антрага знаменитое „обязательство," возвращенное наконецъ 6 іюля 1604 года... Затѣмъ, вмѣсто продолженія слѣдствія, комиссія прекратила свои засѣданія и все дѣло ограничилось бѣгствомъ графа овернскаго въ свое помѣстье. Маркизѣ Вернейль за уступку обязательства было выдано 20,000 экю, а отцу ея д'Антрагу (уличенному заговорщику!!) обѣщанъ маршальскій жезлъ. Такъ пишутъ, Мезерэ и де-Ту, и не смотря на ихъ авторитетъ не рѣшаемся вѣрить этимъ позорнымъ сдѣлкамъ короля французскаго съ людьми, подкапывавшимися подъ его престолъ. Слѣдственное дѣло было утушено, но не угасла

(1) Побочный сынъ Маргариты наварской.

искра тлѣвшагося заговора (еще бы, когда всѣ заговорщики гуляли на свободѣ) — и вскорѣ начались новые розыски, на этотъ разъ успѣшнѣе первыхъ, которые и привели къ раскрытію страшной истины.

Испанскій посланникъ донъ Бальтазаръ Зунига навлекъ на себя основательныя подозрѣнія въ покушеніяхъ на спокойствіе Франціи. До свѣденія Сюлли доведено было, что заговорщики намѣреваются, заманивъ короля къ маркизѣ Верней, умертвить его тамъ и наслѣдникомъ престола объявить ея сына, Генриха-Гастона. Начались многочисленные аресты: графа Овернскаго, схваченнаго въ его замкѣ, привезли въ Парижъ и посадили въ Бастилію (20 ноября 1604 года), маркизу подвергли домашнему аресту, участи графа Овернскаго подвергся и старикъ д'Антрагъ (11 ноября), захваченный со всѣми бумагами... Начался судъ и открылась та страшная пропасть, которую готовили Генриху IV. Виновные выказали, если не рѣзкое присутствіе духа, то небывалый цинизмъ. „Пусть меня казнятъ, пусть казнятъ!“ кричала на допросахъ Генріэта съ пѣной у рта — „я не боюсь смерти, я сама ее прошу. Если король велитъ меня казнить, тогда скажутъ, по крайней мѣрѣ, что онъ жену свою казнилъ! Я была его женой прежде *итальянки!*... Я у короля прошу только трехъ милостей: прощеніе отцу, петлю — брату (1), а мнѣ правдиваго суда!“

Эти мелодраматическія выходки, въ судьяхъ возбуждавшія негодованіе, чтобы не сказать омерзѣніе, тронули мягкое сердце короля и пробудили въ немъ прежнюю любовь. Всѣ улики на лицо: семейство д'Антрагъ умышляло на его жизнь, имѣло сношеніе съ Испаніей, намѣревалось возвести на престолъ сына Генріэты путемъ убійства Маріи Медичи и ея дѣтей и при всемъ томъ король любилъ фаворитку, а любя ее всячески помогалъ ей и подсудимымъ, тайно сносясь съ арестованною Генріэтою.

---

(1) Графъ Овернскій храбрый въ подпольныхъ заговорахъ, на судѣ выказалъ самое подлое малодушіе, обвиняя и уличая сообщниковъ, даже наговаривая на нихъ, униженно умоляя короля пощадить ему, за это, его жалкую жизнь.

Въ концѣ декабря 1604 года, когда слѣдственная комиссія снимала съ преступниковъ показанія, давала имъ очныя ставки, допрашивала, уличала—въ самое это время король писалъ къ арестованной Генріэтѣ:

— Милое сердце мое, на ваши три письма даю одинъ отвѣтъ. Разрѣшаю вамъ отъѣздъ въ Буажанси и свиданіе съ вашимъ отцомъ, избавленнымъ отъ стражи. Не оставайтесь долѣе одного дня, такъ какъ зараза сильна. При поѣздкѣ въ Сен-Жерменъ не худо было бы вамъ повидать нашихъ дѣтей, а также и ихъ отца, который *васъ очень любитъ и дорожитъ вами.* О вашей поѣздкѣ никто (т. е. королева) ничего не знаетъ. Люби меня моя козочка (mon menon), ибо я тебѣ клянусь, что когда я съ тобой, мнѣ весь міръ ничто; цѣлую тебя милліонъ разъ."

Къ сожалѣнію слѣдственная комиссія съ подсудимыми не цѣловалась и вмѣсто любовныхъ записочекъ писала другія бумаги поважнѣе. Верховный уголовный судъ 1 февраля 1605 года приговорилъ д'Антрага и графа Овернскаго къ смертной казни, маркизу Вернейль къ заточенію въ монастырь Бомонъ-ла-Туръ. Въ тотъ же день жены д'Антрага и графа, съ ними же и Генріэта явились къ Генриху умоляя о прощеніи. Король нѣсколько времени колебался; однако же приказалъ смягчить приговоръ и замѣнить его, для приговоренныхъ къ смерти—пожизненнымъ заключеніемъ, а для Генріэты прощеніемъ, дозволивъ ей удалиться въ свое помѣстье; 16 сентября она формально была объявлена ни въ чемъ не виновною (1). Такъ шутилъ король французскій съ судомъ и игралъ законами! Въ его рукахъ было искорененіе заговора, а онъ довольствовался только обрубкой двухъ, трехъ вѣтвей. Оправданіе этому малодушію еще могло бы быть какое нибудь, если бы король повиновался чувствамъ любви христіанской, а не своему неукротимому сластолюбію.... Искорененіе заговора д'Антрага могло бы отклонить отъ груди Генриха IV кинжалъ

(1) Вскорѣ старикъ д'Антрагъ былъ освобожденъ, но графъ Овернскій высидѣлъ въ Бастиліи двѣнадцать лѣтъ. Такъ говоритъ Лекюръ (Amours de Henri IV. Paris 1864, p. 369); по другимъ сказаніямъ отецъ и братъ маркизы были казнены 2 февраля 1605 года.

Равайльяка. Впрочемъ, съ точки зрѣнія фатализма, щадя преступниковъ на собственную свою пагубу король повиновался какому-то таинственному предопредѣленію.... Неумѣстно милосердый въ отношеніи своей возлюбленной, ея родныхъ и сообщниковъ, Генрихъ IV, въ угоду католическому духовенству, умѣлъ быть жестокимъ и безжалостнымъ къ несчастнымъ, которые въ то варварское, суевѣрное время, слыли за колдуновъ и оборотней. Такъ, въ 1597 году были сожжены живыми: нѣкто Шамуйяръ за напущеніе порчи и Видаль-де-ла-Портъ въ Ріомѣ; въ 1598 году казненъ былъ оборотень Пьеръ Опети; въ 1599 году сожжены были: колдунья Антида Коласъ, дѣвочка Луиза Майлья, Вильгельмъ-де-Вильмерозъ и Роланда дю Вернуа... Въ 1609 году было огромное слѣдственное дѣло о колдунахъ въ Гаскони въ округѣ Пахатной земли (Pays de Labour), окончившееся удавленіемъ и сожженіемъ на кострѣ до двадцати человѣкъ... Кровавые факты, мало говорящіе какъ въ пользу ума, такъ и сердца великаго короля.

Пощада Генріэты и заговорщиковъ была жестокой ошибкой, но Генрихъ сдѣлалъ другую, еще болѣе непростительную. Послѣ всего, что было раскрыто на слѣдствіи о злоумышленіяхъ маркизы Вернейль, послѣ кровавыхъ оскорбленій королевы и законныхъ дѣтей Генриха, онъ опять сошелся съ фавориткой, опять домогался ея продажныхъ ласокъ, опять сталъ дѣлить свое сердце между женою и любовницею. Послѣдняя видя, что власть ея надъ Генрихомъ не уменьшилась, пуще прежняго стала эксплуатировать щедрость королевскую. Придворные Сигонь и Ла Вареннъ одновременно пользовались ея благосклонностью и вели съ нею нѣжную переписку. Король узналъ объ этомъ: маркиза вывернулась, увѣривъ его, что она неизмѣнно ему вѣрна и предана всей душою, а письма писаны по ея совѣту, для испытанія ревности короля... Повѣрилъ! Сигонь и Ла-Вареннъ (Меркурій, министръ сердечныхъ дѣлъ) навлекли на себя немилость Генриха, фаворитка же на своемъ мѣстѣ даже не пошатнулась. При видѣ этой непростительной слабости короля къ женщинѣ, ничего не заслуживавшей кромѣ презрѣнія, Марія Медичи возненавидѣла мужа и предоставила ему полнѣйшую свободу. Стараніями Сюлли между державными супру-

гами наружно поддерживались пріязненныя отношенія, приличія ради, но и тутъ Генріэта разстроивала все что улаживалъ министръ. Утишать эту домашнюю язву можно было только деньгами и подарками; щедро давали ей то и другое, причемъ она ссылалась на дѣтей, на свои старанія о ихъ обезпеченіи.

— Да прогоните же ее наконецъ! неоднократно говорилъ Сюлли Генриху.

— Не могу, не въ силахъ! отвѣчалъ, чуть не плача, бѣдный король.

На предложенія выѣхать за границу Генріэта отвѣчала согласіемъ, но чтобы „не умереть съ голоду“ требовала аренды во сто тысячъ ливровъ годоваго дохода; то она грозила Генриху выходомъ замужъ, за какого-то фантастическаго обожателя, прося короля выдать ей приличное приданое и онъ падалъ къ ея ногамъ, умоляя не покидать его. О королевѣ Генріэта отозвалась такъ, какъ бы могла королева отзываться о ней, презрѣнной наложницѣ, а Генрихъ слушалъ и не только молчалъ, но едва ли не поддакивалъ. Въ августѣ 1607 года, по настояніямъ Сюлли король согласился удалить Генріэту на воды въ Ванвръ, но это ни къ чему не повело — весь 1608 годъ длилась грязная, позорная связь короля, отъ которой его избавила новая любовь къ Шарлоттѣ Монморанси: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечился...

Окончательно оставленная королемъ, Генріэта д'Антрагъ маркиза де Вернейль — по словамъ Таллемана де Рео — стала жить подобно Сарданапалу или Вителлію, думая единственно о ѣдѣ, кушаньяхъ и тому подобныхъ гастрономическихъ наслажденіяхъ. Она растолстѣла до чудовищности, но не отупѣла умомъ, хотя жила почти безъ собесѣдниковъ. Дѣтей у нея взяли; дочь воспитывалась вмѣстѣ съ законной дочерью короля. Но и изъ этого кухоннаго уединенія, отставная фаворитка, до послѣдней минуты Генриха IV, метала въ него если не молніи, то горячіе уголья изъ подъ плиты, которые въ одно и тоже время — жгли и пачкали. Въ маѣ 1608 года баронъ де Термъ обольстилъ фрейлину королевы обѣщаніемъ жениться, чего не исполнилъ. „По пословицѣ“ сказала Генріэта узнавъ объ этомъ: каковъ баринъ, таковъ и

слуга [1]. Какъ-то ее навѣстилъ сынъ, прощаясь съ которымъ она поручила сказать королю, чтобы онъ не воображалъ будто Генрихъ-Гастонъ *его* сынъ...

Убіеніе Генриха Равайльякомъ, судя по многимъ даннымъ, не обошлось безъ соучастія маркизы де Вернейль, но это пятно на памяти фаворитки исчезаетъ во множествѣ другихъ. Послѣднимъ скандаломъ, достойно заключившимъ общественную жизнь куртизанки, былъ искъ предъявленный ею, 15 сентября 1610 года, па герцога Гюиза, давшаго ей „письменное обѣщаніе" жениться на ней и отрекшагося отъ своей подписи. По повелѣнію правительницы Маріи Медичи дѣло было прекращено, а истицѣ предложено избавить порядочныхъ людей отъ своего лицезрѣнія и куда нибудь сокрыться. Она умерла 9 февраля 1633 года въ какомъ-то уединеніи, ничтожная, презрѣнная.

Возвратимся къ герою нашего очерка, покуда еще живому, но сильно состарѣвшемуся, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ заботъ и трудовъ, въ особенности по части любовныхъ приключеній. Независимо отъ недуга неизбѣжнаго слѣдствія невоздержности, расшатавшаго когда-то крѣпкій организмъ Генриха, глубокія морщины избороздили его высокій лобъ, глаза потускли, щегольски закрученные усы и острая бородка посеребрились сѣдиной, горбатый носъ—типическое отличіе Бурбоновъ—припухъ, подернулся красноватыми прожилками и какъ будто пригнулся къ подбородку... Такъ измѣнило время прежняго красавца, не прикасаясь къ его сердцу, бившемуся такъ же страстно какъ въ юности. Скажемъ болѣе: въ своей послѣдней любви къ Шарлоттѣ Монморанси Генрихъ явился юношей-поэтомъ, вздыхающимъ, мечтающимъ и увы! смѣшнымъ какъ и всякій влюбленный старикъ.

Въ январѣ 1609 года Марія Медичи устраивала во дворцѣ домашній спектакль, въ которомъ придворныя дѣвицы должны были розыграть балетъ „Нимфы Діаны." Въ числѣ участвовавшихъ находилась четырнадцатилѣтняя дочь коннетабля Монморанси

---

[1] Tel maitre, tel valet. Пословица равносильная нашей: каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Шарлотта-Маргарита, красавица невиданная (1). Король встрѣтилъ ее на репетиціи 16 января и не могъ не выразить восхищенія бывшимъ при немъ Белльгарду и капитану тѣлохранителей, Монтеспанъ. Тѣ, разумѣется, согласились съ Генрихомъ, что видѣть Шарлотту значитъ ее любить и сердце короля запылало... *послѣдней* любовью. Побѣдить красавицу онъ вздумалъ по прежнимъ примѣрамъ, выдавъ ее предварительно за сговорчиваго и непритязательнаго мужа. Искателей руки Шарлотты былъ цѣлый легіонъ, изъ котораго особенно выдѣлялся другъ короля, постоянный его товарищъ въ игрѣ и забавахъ, полковникъ отряда швейцарцевъ Бассомпьеръ. Хотя съ нимъ и соперничалъ въ сватовствѣ двоюродный братъ красавицы герцогъ Буйлльонъ, но король готовилъ третьяго претендента—своего племянника, принца Конде, по характеру подходившаго къ его видамъ. Конде былъ нелюдимъ, молчаливый, всегда скромный, послушный, какой-то загнанный; вдобавокъ къ этому, кажется, побаивающійся женщинъ и вообще не охотникъ до прекраснаго пола. Имѣя подъ рукою запаснаго мужа, король приступилъ къ интригѣ.

Вскорѣ послѣ балета Генрихъ, страдая подагрою, принималъ въ Луврѣ Шарлотту и ея тетку, госпожу д'Ангулемъ (побочную дочь Генриха II), пріѣхавшихъ его навѣстить. Послѣ обычныхъ привѣтствій, король навелъ рѣчь на жениховъ и назвалъ Бассомпьера, спросивъ Шарлотту будто мимоходомъ, нравится ли онъ ей? Красавица, какъ благовоспитанной, цѣломудренной дѣвицѣ подобаетъ, покраснѣла и сказала, что ея долгъ повиноваться волѣ родительской. Тонкій знатокъ женскаго сердца Генрихъ понялъ, что Бассомпьеръ Шарлоттѣ нравится и принялъ это къ свѣденію.

На другой же день Бассомпьеръ по приглашенію короля явился къ нему въ кабинетъ. Генрихъ, послѣ небольшаго вступленія съ увѣреніями любви и доброжелательства, предложилъ своему прія-

(1) Подробности первой встрѣчи Генриха съ Шарлоттой до того похожи на встрѣчу Генриха II съ Сарой Леуистонъ (см. стр. 77), что мы подозрѣваемъ, не смѣшиваютъ ли лѣтописцы одного короля съ другимъ.

телю составить ему партію—не карточную, а иную, женивъ его на мадмуазель д'Омаль и давъ ему герцогство.

— Вамъ угодно, государь, чтобы я разомъ женился на двухъ невѣстахъ? возразилъ Бассомпьеръ. Вамъ конечно извѣстно, что я сватаюсь за дочь Монморанси?

— Другъ, отвѣчалъ король, поговоримъ откровенно. Я до безумія влюбленъ въ Шарлотту. Если ты женишься на ней и она тебя полюбитъ, я тебя возненавижу; если же она полюбитъ меня, ты меня возненавидишь. Зачѣмъ намъ съ тобой ссориться? Я хочу выдать ее за моего племянника принца Конде и ввести въ мою семью... Шарлотта будетъ опорой и утѣхой моей старости. Мужу ея, который охоту предпочитаетъ всякимъ красавицамъ, я дамъ ежегодно по сту тысячъ ливровъ, а отъ нея, кромѣ *чистой* невинной любви, ничего другаго не желаю и не потребую!..

— Знаю я эту чистую любовь! проворчалъ Бассомпьеръ... но дѣлать было нечего — покорился волѣ королевской, а Генрихъ усердно принялся за сватовство Конде. Дѣло уладилось и 17 мая 1609 года Шарлотта Маргарита Монморанси сочеталась бракомъ съ принцемъ Конде, племянникомъ королевскимъ. Коннетабль далъ за дочерью сто тысячъ, король за принцемъ—полтораста тысячъ экю годоваго дохода; да сверхъ того подарилъ невѣстѣ брилліантовъ тысячъ на двадцать ливровъ. Молодому супругу Генрихъ ни слова не говорилъ о своихъ замыслахъ; съ Шарлоттою объяснялся на непонятномъ для нея языкѣ вздоховъ и томныхъ взглядовъ... однако же какъ бы то ни было, Конде очень хорошо зналъ тайну сердца своего державнаго дяди и потому немедленно послѣ свадьбы уѣхалъ съ молодой женой изъ столицы въ Сен-Валери. Король захворалъ съ досады, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сбросивъ маску добраго старичка, превратился въ бѣшенаго сатира и сталъ гоняться за новобрачными по пятамъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, Генрихъ прибѣгнулъ къ переодѣваньямъ и превращеніямъ. Юпитеръ миѳологическій принималъ на себя видъ быка, лебедя, золотаго дождя, облака, даже муравья для обольщенія Европы, Іо, Данаи и многихъ другихъ красавицъ. Генрихъ отдавая себя на посмѣшище если не Европы, то Франціи, чтобы видѣть Шарлотту наряжался крестьяниномъ, конюхомъ, псаремъ... не достигая

цѣли своихъ желаній, а только самъ служа мишенью насмѣшекъ не только племянника и его жены, но всего двора и города. На офиціальныя приглашенія прибыть ко двору съ женою принцъ обыкновенно отвѣчалъ отказомъ или являлся одинъ. Въ іюлѣ 1609 года молодые супруги пріѣхали въ Фонтенбло, на свадьбу герцога Вандомскаго съ дѣвицею де Меркёръ и здѣсь принцъ не отходилъ отъ жены своей ни на шагъ, къ совершенному отчаянію влюбленнаго Генриха. Впрочемъ довольствуясь лицезрѣніемъ своего идеала, король разрядился какъ молодой человѣкъ, выказалъ необыкновенную ловкость на карусели и, забывая подагру, пускался даже въ танцы... Жестокосердая едва обратила вниманіе на это жалкое кокетство влюбленнаго старика. Дня черезъ два принцъ со своей супругою уѣхалъ обратно въ свое помѣстье. Осенью срокъ беременности Маріи Медичи приблизился къ концу и по этикету, а также согласно волѣ короля, при разрѣшеніи ея отъ бремени, обязаны были присутствовать всѣ принцы и принцессы королевской крови. На этотъ разъ принцу Конде отказаться было невозможно, хотя его удерживалъ двойной страхъ и за себя и за жену. Въ первомъ случаѣ, онъ опасался заточенія въ Бастилію за свои политическія интриги; во второмъ, его пугала любовная интрига, которую король не смотря на всѣ неудачи продолжалъ вести съ неутомимымъ терпѣніемъ и надеждою. Бѣдный мужъ прибылъ въ Парижъ одинъ, прибѣгнувъ къ покровительству Маріи Медичи, взявъ съ нея слово, что королева сама будетъ охранять принцессу отъ преступныхъ покушеній своего супруга. Это было въ концѣ октября, а 26 ноября 1609 года королева разрѣшилась отъ бремени дочерью Генріэтою Маріею (1). Понятно, что не смотря на слово, данное принцу Конде, и собственное свое желаніе мѣшать королю въ его интригѣ, Марія Медичи по весьма уважительнымъ и понятнымъ причинамъ, не могла нѣсколько времени заниматься чужими семейными дѣлами — чѣмъ, разумѣется, Генрихъ IV спѣшилъ воспользоваться. Принцъ просилъ его уволить

---

(1) Генріэта 11 мая 1625 года выдана была за принца Уэльскаго— впослѣдствіи несчастнаго Карла I, короля англійскаго.

принцессу отъ присутствія при родинахъ, король отвѣчалъ отказомъ. Выведенный изъ терпѣнія Конде сказалъ, что это тиранство; Генрихъ вспыхнулъ и упрекнулъ его незаконностью происхожденія, замѣтивъ, что если принцъ хочетъ, то онъ, король, покажетъ ему настоящаго его отца. Зная, что Генрихъ склоняетъ его мать, вдову принца Конде, помогать ему въ побѣдѣ надъ ея невѣсткою, оскорбленный мужъ осыпалъ ее ядовитыми упреками, назвавъ ее... свахою! Кромѣ матери Конде сообщниками короля были отецъ Шарлотты и тетка ея госпожа д'Ангулемъ, своими гнусными совѣтами начавшіе колебать супружескую вѣрность молодой женщины; знаменитый Малербъ —отецъ французской поэзіи, дряхлый годами, юный сердцемъ, писалъ принцессѣ Конде, по приказанію Генриха, нѣжныя посланія, самъ король не скупился на письма въ замокъ Мюре, гдѣ оставалась принцесса... Это было уже не волокитство, а облава, травля. Озлобленный Конде проговорился королю, что подобныя дѣйствія могутъ довести его до развода съ женою и король съ восторгомъ ухватился за это средство къ овладѣнію сердцемъ своей красавицы, изъявивъ полное согласіе. Это безстыдство заставило, наконецъ, принца Конде бѣжать вмѣстѣ съ женою во Фландрію къ своему зятю, принцу Оранскому. Сообщивъ о своемъ намѣреніи другу своему Рошфору и секретарю Вирею, принцъ объявивъ королю, что ѣдетъ за женою, выѣхалъ изъ Парижа въ замокъ Мюре 25 ноября, наканунѣ разрѣшенія королевы отъ бремени; 29 числа раннимъ утромъ, усадивъ жену въ дорожную карету, съ небольшою свитою вѣрныхъ друзей и надежныхъ прислужниковъ, принцъ (не говоря женѣ о настоящей цѣли путешествія) тронулся въ путь къ границѣ Фландріи. Проводникъ бѣглецовъ Ла Перрьеръ, умышленно путая, замедляя и сбиваясь съ дороги, тайно послалъ нарочнаго въ Парижъ съ нерадостною вѣстью о похищеніи принцессы ея мужемъ. Сама Шарлотта, когда они миновали Суассонъ, начала тревожиться и спрашивать принца куда они ѣдутъ; когда же онъ объявилъ ей, что они бѣгутъ за границу съ принцессой сдѣлалась истерика и она съ отчаянными воплями стала требовать у мужа, чтобы онъ не разлучалъ ее... съ милой родиной! Какъ видно наставленія милыхъ родственниковъ даромъ не пропали и принцесса

была далеко не прочь занять у короля вакантное мѣсто фаворитки. Само собою, принцъ отвѣчалъ женѣ отказомъ, приказавъ кучеру гнать лошадей во весь опоръ, не взирая ни на ненастье, проливной дождь и сумерки, ни на вопли и стонанія принцессы... Въ Ландреси усталость принудила путниковъ сдѣлать привалъ.

Между тѣмъ доносчикъ, посланный Ла Перрьеромъ, прискакалъ въ Парижъ. Отчаяніе и бѣшенство короля, воспѣтыя Малербомъ, не имѣли границъ! Роковая вѣсть объ отъѣздѣ Конде застала Генриха за картами. Вскочивъ съ мѣста, блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ шепнулъ Бассомпьеру: Я пропалъ! Злодѣй везетъ жену или чтобы убить ее гдѣ нибудь, или просто за границу... Пойду распрошу подробно; покуда сядь за столъ и играй за меня..." Но игра не продолжалась и всѣ партнеры разошлись. Вмѣсто карточной игры за столомъ образовалось засѣданіе государственнаго совѣта (ни болѣе ни менѣе) для обсужденія важнаго вопроса, угрожавшаго спокойствію Франціи и равновѣсію Европы, а именно: вопроса о бѣгствѣ мужа съ женою для спасенія послѣдней отъ преслѣдованій короля-селадона!.. Составъ засѣданія былъ слѣдующій: маркизъ Кёвръ, графъ Крамайль, герцогъ Эльбёфъ, Ломени, Белльевръ, Вилльруа, Жаннепъ и Сюлли—воплощенный здравый смыслъ въ кругу полоумныхъ. Одинъ предложилъ немедленно разослать циркуляры къ посланникамъ для объявленія войны тому государству, которое дастъ пріютъ бѣглецамъ; другой совѣтовалъ послать за ними въ погоню; третій — подъ опасеніемъ смертной казни, запретить давать имъ пристанище въ предѣлахъ Франціи...

— Молчать и ждать! лаконически сказалъ Сюлли — и этимъ самымъ не придавалъ бѣгству принца никакого политическаго значенія.

Могъ ли Генрихъ, обезумѣвшій отъ горя, послушаться голоса разсудка? Предложеніе Сюлли было отвергнуто, а за бѣглецами было послано въ погоню во всѣ концы десять или двѣнадцать конныхъ отрядовъ, настигнувшихъ бѣглецовъ въ Ландреси, т. е. уже за чертою французской границы. Эрцгерцогъ Альбертъ сначала было отказавшій принцу въ пристанищѣ и предложившій ему выѣхать изъ его владѣній—великодушно помогъ ему съ же-

ною добраться до Брюсселя, куда они прибыли 17 декабря и были радушно приняты принцемъ Оранскимъ. Спинола, испанскій полномочный, объявилъ принцу Конде, что онъ находится теперь подъ покровительствомъ его величества Филиппа III короля Испаніи и обѣихъ Индій.

Странная судьба Генриха IV въ его любовныхъ интригахъ: всѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то театральности. Связь съ госпожею де Совъ—водевиль; съ Коризандой и Фоссезой—комедія, съ Габріэлью—трагедія, съ Генріэтой д'Антрагъ — драма, съ принцессой Конде—просто арлекинада, въ которой король преслѣдуетъ молодыхъ супруговъ, не хуже балаганнаго Кассандра и подобно ему остается съ носомъ. На долю испанскаго короля выпала роль доброй волшебницы покровительницы угнетенныхъ... Не смотря однако же на неудачу, Кассандръ не унимался и отважился еще на двѣ отчаянныя попытки: или похитить у принца Конде его жену съ помощію добрыхъ людей, или развести супруговъ формальнымъ образомъ.

Брату покойной Габріэли д'Этре, маркизу Кёвру, въ февралѣ 1610 года, было поручено, именемъ короля, истребовать бѣглецовъ у эрцгерцога Альберта. Послѣдній, отвѣчая рѣшительнымъ отказомъ, берегъ своихъ гостей какъ зеница бережетъ око. Секретно подосланные шпіоны развѣдали, что принцесса Конде вовсе недовольна защитою эрцгерцога и весьма скучаетъ въ Брюсселѣ. Скучаетъ, стало быть не прочь бѣжать во Францію, гдѣ ждутъ ее объятья короля, любовь котораго возрастаетъ вмѣстѣ съ препятствіями... Генриху посчастливилось склонить на свою сторону супругу Берни, французскаго резидента въ Брюсселѣ; все было приготовлено къ похищенію, но одинъ изъ сообщниковъ Валибръ довелъ обо всемъ до свѣденія испанскаго посланника. Неудача! Опасаясь, чтобы вмѣсто жены его, король не вздумалъ похитить его, мужа, принцъ Конде уѣхалъ въ Миланъ, поручивъ жену эрцгерцогинѣ, женщинѣ благонадежной, помѣстившей принцессу въ комнатѣ рядомъ со своей собственной спальнею. Похищеніе было немыслимо, за то Генрихъ придумалъ инымъ путемъ овладѣть Шарлоттою, уговоривъ ея отца послать за нею тетку, госпожу д'Ангулемъ, чтобы истребовать принцессу у эрцгерцогини,

отцовскимъ именемъ, чему не могло быть никакихъ препятствій. Въ случаѣ успѣха, немедленно по пріѣздѣ Шарлотты во Францію, рѣшено было расторгнуть ея бракъ съ принцемъ.

Этотъ планъ созрѣлъ въ головѣ Генриха IV въ то самое время, когда онъ занимался приготовленіями къ войнѣ съ Австріей; войнѣ, которая могла имѣть громадное вліяніе на судьбы европейскихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы желая вознаградить Марію Медичи за всѣ свои минувшія и настоящія погрѣшности, Генрихъ рѣшился короновать ее въ Сен-Дени вѣнцомъ королевскимъ... Такъ послѣдній мѣсяцъ жизни Генриха IV былъ имъ проведенъ въ смотрахъ войскъ и работахъ о ихъ вооруженіи, въ распоряженіяхъ о церемоніалѣ коронаціи и въ нетерпѣливомъ ожиданіи пріѣзда Шарлотты Конде, за которою тетка ея уже отправилась въ Брюссель.

Въ исходѣ апрѣля 1610 года придворные стали замѣчать въ характерѣ Генриха какую-то странную перемѣну. Король сдѣлался задумчивъ, разсѣянъ и необыкновенно печаленъ. Донынѣ шутливый, охотникъ посмѣшить и посмѣяться самъ, онъ теперь выбиралъ для разговора преимущественно мрачные предметы, слово „смерть“ всего чаще срывалось съ его блѣдныхъ губъ и невольныя слезы навертывались на его глазахъ. Предчувствіе близкой кончины, обнаружившееся теперь, возмущало душу короля гораздо ранѣе; еще въ февралѣ мѣсяцѣ въ письмѣ своемъ въ Брюссель къ одному изъ своихъ агентовъ, онъ сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Отъ тоски у меня остались только кожа да кости; все мнѣ прискучило... Я чуждаюсь общества, а если ради приличія бываю гдѣ въ собраніи, то вмѣсто развлеченія чувствую смертельную тоску...“

Въ пятницу, 14 мая 1610 года, Генрихъ IV въ каретѣ отправился въ арсеналъ для осмотра новыхъ орудій и, по какому-то неизбѣжному предопредѣленію, приказалъ вести себя черезъ узкую и извилистую улицу Желѣзныхъ рядовъ (rue de la Ferronerie), въ которой два встрѣчные экипажа съ трудомъ могли разъѣхаться. День былъ жаркій и оконныя кожи (тогда замѣнявшія стекла въ каретахъ) были спущены. Едва успѣлъ королевскій экипажъ въѣхать въ эту трущобу, какъ принужденъ былъ

остановиться, встрѣтивъ возъ съ сѣномъ, перегородившій ему дорогу. Карета остановилась, король разговаривалъ со своими спутниками, и въ эту минуту, человѣкъ средняго роста, рыжій, со всклокоченной бородой, приблизился къ каретѣ и вскочивъ на спицу колеса, просунулъ голову и правую руку въ окно... Сверкнуло лезвіе ножа, по самую рукоятку вонзившагося въ сердце короля, сердце влюбчивое, непостоянное, но безспорно доброе ([1]).

Смерть была мгновенна; Генрихъ не испустилъ ни малѣйшаго стона; бывшіе съ нимъ въ каретѣ въ первую минуту даже не замѣтили убійства, когда же замѣтили—оцепенѣли отъ ужаса и сами они были ни живы, ни мертвы. Убійца Равайлльякъ былъ схваченъ; подоспѣвшая стража едва могла спасти его отъ ярости народной, для заслуженной казни; медленно поѣхала карета въ обратный путь къ Лувру. На мѣстѣ недавно живаго короля, откинувъ голову назадъ съ вытянутыми вдоль туловища руками, сидѣлъ холодѣющій трупъ старика съ потухшимъ взглядомъ, полуоткрытымъ, нѣсколько искривленнымъ ртомъ и недоумѣвающей улыбкой на бѣломраморномъ лицѣ... Душа грѣшнаго *человѣка* предстала на судъ божій, дѣянія *короля*, занесенныя исторією на ея скрижали, остались на нихъ неизгладимо для безпристрастнаго суда потомства. Въ нашемъ очеркѣ мы разсказывали только о первомъ, т. е. не о Генрихѣ—королѣ, но о Генрихѣ—человѣкѣ; мы говорили о его порокахъ, не упоминая о достоинствахъ; точка зрѣнія, съ которой мы смотрѣли на короля французскаго, невыгодная для его памяти, не допустила насъ сказать о немъ ни единаго добраго слова. Въ теченіе болѣе полувѣка Франція оплакивала Генриха IV; затѣмъ онъ сталъ героемъ народныхъ преданій, любимцемъ черни, для которой онъ сдѣлалъ все что могъ; черезъ сто двадцать три года (въ 1733 году) Вольтеръ воспѣлъ его въ своей *Генріадѣ*, а еще черезъ шестьдесятъ лѣтъ (въ

([1]) Въ каретѣ съ Генрихомъ находились герцоги: Эпернонъ и Монбазонъ; маршалы: ла Форсъ, Роклоръ, Лаварденъ; кромѣ того ѣхали верхомъ Ліанкуръ и маркизъ де Миребо. Ни одинъ изъ спутниковъ не отклонилъ роковаго удара, такъ какъ всѣ они, болѣе или менѣе, едва-ли не бы участниками въ заговорѣ!

1793 году) французскій народъ, исторгнувъ трупъ Генриха IV изъ его гроба, въ Сен-Дени, бросилъ его вмѣстѣ съ прочими трупами королей, въ яму, наполненную негашеной известью.

Мы начали нашъ очеркъ спискомъ фаворитокъ короля, не приносящимъ особенной чести его памяти. Справедливость требуетъ представить теперь другой списокъ, который отчасти загладитъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на читателя первымъ. Въ теченіе двадцати одного года своего царствованія, Генрихъ IV восемнадцать разъ подвергался опасности погибнуть отъ руки злоумышленниковъ, опасности, наконецъ, не миновавшей его — въ девятнадцатый. Вотъ имена убійцъ и заговорщиковъ, въ разное время покушавшихся на жизнь короля французскаго:

Въ 1593 году: 1) *Баррьеръ* лодочникъ на Луарѣ, четвертованный 31 августа.

Въ 1594: 2) Семинаристъ-іезуитъ *Жанъ Шатель*, четвертованный 29 ноября.

Въ 1595: 3) *Гиньяръ*, повѣшенный 7 января; 4) *Гере*, изгнанный; 5) *Варадъ*, *Обри* и *Эторель*, бѣжавшіе, а потому изображенія ихъ, т. е. куклы были четвертованы 25 января; 6) *Мерло*, повѣшенный 2 марта.

Въ 1596: 7) *Гёдонъ*, повѣшенный 16 февраля; 8) *Ла-Раме*, тоже 8 марта; 9) неизвѣстный злоумышленникъ въ Мо.

Въ 1597: 10) обойщикъ, повѣшенный 4 января; 11) *Шарпантье* и *Делоэжъ*, повѣшенные 10 апрѣля; 12) *Ридикови* и *Арже*, тоже; 13) *Уэнъ*, признанный сумасшедшимъ; 14) монахъ-капуцинъ.

Въ 1602: 15) *Ришаръ*, обезглавленный 10 февраля; 16) маршалъ *Биронъ*, обезглавленъ 31 іюля.

Въ 1605: 17) Заговоръ *д'Антрага* и *графа Овернскаго*. Оба были приговорены къ смерти 1 февраля, но помилованы и вмѣсто казни заточены въ Бастилію.

Въ 1606: 18) *Дезиль*, покушавшійся на убіеніе короля 19 декабря, былъ признанъ сумасшедшимъ.

Въ 1610: 19) Мая 14 убіеніе короля *Равайльякомъ*. Убійца, послѣ страшныхъ истязаній, былъ четвертованъ лошадьми и сожженъ 27 мая того же года.

Всѣ эти покушенія и заговоры, могли бы ожесточить, однако же не ожесточили сердца Генриха IV. Неизмѣнно ласковый и довѣрчивый къ окружавшимъ, онъ до послѣдней минуты былъ искренно любимъ многими извинявшими и оправдывавшими всѣ его недостатки. Историкъ де Ту (1), разсказывая о всеобщемъ сожалѣніи при вѣсти объ убіеніи Генриха IV, приводитъ почти невѣроятный примѣръ привязанности къ королю его друга вице-адмирала Доминика де Викъ, губернатора Аміена и Кале. Посѣтивъ черезъ два дня послѣ злодѣйства улицу Желѣзныхъ рядовъ, де Викъ упалъ безъ чувствъ и черезъ слѣдующіе два дня скончался отъ горя.

(1) De Thou Histoire de France, tome XIV.

Марія Стюартъ.

Королева шотландская.

ПЕТРЪ ШАТЕЛАРЪ. — ГЕНРИХЪ ДЭРНЛЕЙ.—ДАВИДЪ РИЦЦІО.— ГРАФЪ БОСЪУЭЛЬ.

(1560—1687)

Съ именемъ каждаго изъ двухъ фаворитовъ и двухъ мужей Маріи Стюартъ сопряжена страшная кровавая драма, въ которой шотландская королева играла роль таинственную, двусмысленную и донынѣ еще не разгаданную. Потомство до сихъ поръ не произнесло надъ памятью Маріи Стюартъ рѣшительнаго своего приговора, потому, что число обвиняющихъ и оправдывающихъ одинаково, а страдальческая смерть подсудимой, обиды, оскорбленія, клеветы и девятнадцать лѣтъ заточенія слишкомъ уважительныя, смягчающія вину обстоятельства, чтобы не принять ихъ во вниманіе. Марію Стюартъ можно назвать предъ судомъ исторіи „оставленною въ подозрѣніи,“ покуда случайная находка какихъ либо еще невѣдомыхъ документовъ не озаритъ свѣтомъ истины личность послѣдней шотландской королевы, если не омрачитъ ея памяти окончательно. До тѣхъ поръ, повторяемъ, Марія Стюартъ остается *въ подозрѣніи*, на порукахъ у поэтовъ и романистовъ.

Дѣтство, отрочество Маріи, пребываніе ея во Франціи и замужство съ дофиномъ Францискомъ II намъ уже извѣстны (см. выше, стр. 73—85). Овдовѣвъ на девятнадцатомъ году отъ рожденія она, притѣсняемая Катериною Медичи, удалилась отъ

двора и переселилась въ Реймсъ къ тамошнему архіепископу дядѣ своему Карлу Гюизу, кардиналу Лотарингскому, гдѣ провела восемь мѣсяцевъ, съ декабря 1560 по августъ 1561 года. О томъ какъ себя вела молодая вдова въ этотъ кратковременный періодъ существуетъ два противурѣчивыя преданія. Одно говоритъ, что она оставалась вѣрною памяти покойнаго мужа, оплакивала его неутѣшно, выражая свою скорбь стихотвореніями, дошедшими до насъ и обличающими въ Маріи истинное поэтическое дарованіе; по другимъ преданіямъ, вдовствующая королева очень скоро утѣшилась и образъ жизни ея въ Реймсѣ былъ самый предосудительный, чтобы не сказать скандалезный... Обѣ преданія, какъ двѣ крайности, не заслуживаютъ вѣры, и потому всего справедливѣе придерживаться мнѣнія средняго: безутѣшная скорбь молодой, девятнадцатилѣтней красавицы по умершемъ мужѣ, съ которымъ она не прожила и двухъ лѣтъ, явленіе ненормальное, но еслибы оно такъ было, то едва ли Марія была бы въ состояніи писать въ это время стихи, слагая свои стенанія въ риѳмы и, такъ сказать, нанизывая въ узоры свои слезы. Вѣроятнѣе всего, что Марія скоро утѣшилась; но изъ этого опять еще не слѣдуетъ, чтобы она впала въ распутство. Дѣйствительно ли сынъ коннетабля Монморанси красавецъ Данвилль или сумасбродъ Шателаръ пользовались тогда ея благосклонностью?... И на этотъ щекотливый вопросъ трудно отвѣчать утвердительно, хотя и смѣшно было бы требовать отъ молодой, страстной женщины вѣрности мужу-мертвецу, и при жизни-то не заслуживавшему особенной привязанности. Красота Данвилля, блестящій умъ, любезность, вѣроятно вытѣснили изъ сердца королевы призракъ жалкаго идіота, Франциска II, но отношенія молодыхъ людей ограничивались со стороны Маріи только кокетствомъ, столь свойственнымъ каждой даже и не хорошенькой женщинѣ, а Марія Стюартъ была красавица.

Вскорѣ по прибытіи послѣдней въ Реймсъ, Елисавета, королева англійская, требовала отъ Маріи черезъ своего посланника Николая Ѳрогмортона (Throgmorton) ратификаціи эдимбургскаго договора 1559 года, въ силу котораго королева шотландская обязывалась отказаться отъ всякихъ притязаній на короны Англіи и Ирландіи, т. е. другими словами, отъ всякой мысли на-

слѣдовать престолъ англійской въ случаѣ кончины одинокой *дѣвственницы* Елисаветы. На это требованіе послѣдней Марія отвѣчала отказомъ, ссылаясь на то, что договоръ былъ заключенъ безъ ея согласія; къ этому она присовокупила, что послѣ кончины Франциска II она выключила изъ своего герба гербъ Англіи, тогда какъ Елисавета продолжаетъ, безъ всякаго на то права, титуловаться королевою Англіи, Ирландіи и *Франціи.* Къ этому замѣтимъ, что послѣ кончины Маріи Лотарингской, матери Маріи Стюартъ, намѣстникомъ Шотландіи, по распоряженіямъ Елисаветы, былъ назначенъ Іаковъ, графъ Меррей (Murray), побочный сынъ покойнаго короля Іакова V, ненавистникъ Маріи и клевретъ королевы англійской.

По совѣщаніи съ Гюизами, по ихъ совѣту, вдова Франциска II рѣшилась ѣхать въ свое королевство, для чего и требовала отъ Елисаветы безпрепятственнаго пропуска черезъ ея владѣнія, на что королева англійская отвѣчала отказомъ, къ тайной радости своей державной соперницы. Полюбивъ всѣми силами своей юной, нѣжной души Францію, свою вторую родину, Марія готова была пожертвовать не только своей шотландской короной, но тремя коронами соединеннаго великобританскаго королевства, лишь бы не покидать возлюбленную страну, мирно жить и умереть въ ней въ кругу друзей, родныхъ. Не того мнѣнія была неумолимая политика, повелѣвавшая Маріи неотлагательно ѣхать въ свое королевство, раздражая ея честолюбіе, обольщая въ будущемъ обоятельными миражами власти, величія, даже, можетъ быть, благоденствія подданныхъ. Кардиналъ Лотарингскій, какъ будто предчувствуя страшную участь, готовившуюся его племянницѣ, напоминалъ ей объ опасностяхъ предполагаемаго пути; королева англійская могла захватить Марію въ плѣнъ на водахъ Ла Манша или на сухомъ пути, во время ея высадки на берега Шотландіи. Самая эта опасность, придававшая романическій колоритъ путешествію королевы шотландской, казалась ей особенно привлекательною. „Ѣдучи во Францію,“ отвѣчала она своему дядѣ, „я увернулась отъ брата (Эдуарда VI); теперь, возвращаясь въ Шотландію, съумѣю увернуться и отъ его сестры!“

Начались приготовленія къ отъѣзду. Въ числѣ спутниковъ

Маріи, кромѣ четырехъ ея *тезокъ*, Сары Флемингъ-Леуионъ и немногихъ вѣрныхъ служителей, находились: Данвилль, пользовавшійся болѣе или менѣе заслуженною репутаціею фаворита королевы и Шателаръ, ея отчаянный, сумасбродный обожатель. Тотъ же кардиналъ Лотарингскій совѣтовалъ Маріи не брать съ собою всѣхъ драгоцѣнностей, предлагая ей переслать ихъ въ Шотландію послѣ, вслѣдъ за ея благополучнымъ туда прибытіемъ.

— Дядюшка, возразила ему на это Марія—стоитъ ли думать о безопасности моихъ драгоцѣнностей, когда я жизнь мою ставлю на карту?

Пятнадцатаго августа 1561 года, не смотря на страшное ненастье, Марія со всѣми своими спутниками сѣла на корабль въ Калэ. Въ ту самую минуту, когда она всходила на палубу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега тонулъ какой-то корабль, пушечными выстрѣлами тщетно взывавшій о помощи и вскорѣ скрывшійся въ морскихъ пучинахъ, надъ которыми клубились и пѣнились громадные ревущіе валы.

— Дурное предзнаменованіе! невольно прошептала Марія окружающимъ.

Загремѣли цѣпи поднимаемыхъ якорей, пронзительно заскрипѣли блоки парусовъ, раздались свистки матросовъ, отрывистые возгласы команды и звукамъ этимъ вторили стоны и завыванье бури. Стоя лицомъ къ берегу Франціи, Марія до тѣхъ поръ не спускала съ него заплаканныхъ глазъ, покуда его не скрыла отъ нихъ пелена проливнаго дождя. Къ вечеру непогода унялась, но вѣтеръ перемѣнился и корабль былъ принужденъ лавировать. Напоминая спутникамъ о времени идти ко сну, Марія приказала постлать себѣ постель на палубѣ, подъ импровизированнымъ шатромъ изъ запасныхъ парусовъ; при томъ настроеніи духа, въ которомъ она находилась, каюта казалась ей гробомъ. Во всю ночь, королева шотландская не сомкнула и не осушила глазъ; при первыхъ же лучахъ солнца, будто кровью обрызнувшихъ клочья тучъ быстро мчавшихся по лазури, Марія вышла изъ подъ своего намета и задумчиво вперила глаза на узкую полосу земли, рѣзко отдѣлявшуюся отъ сѣдыхъ валовъ на горизонтѣ... То были берега Франціи,

отъ которыхъ корабль еще не отдалился на столько, чтобы вовсе потерять ихъ изъ виду... Надъ кораблемъ, сверкая крыльями, парили чайки и ихъ унылые крики казались Маріи воплями друзей покинутыхъ ею, но вспоминающихъ, можетъ быть даже плачущихъ о ней. Тогда вдохновенье, на нѣсколько минутъ, осѣнило скорбящую путницу и холодной, дрожащей рукой она набросала на клочкѣ бумаги слѣдующія строки:

Adieu plaisant pays de France
O, ma patrie
La plus chérie
Qui a nourri ma jeune enfance...
Adieu, France. adieu mes beaux jours!
La nef, qui disjoint nos amours,
N'a eu de moi que la moitié...
Une part te reste; elle est tienne
Je la fie à ton amitié
Pour que de l'autre elle te souvienne! (¹)

Плаваніе продолжалось пять дней, затрудненное бурею и англійскими крейсерами, высланными королевою для поимки Маріи Стюартъ. Благодаря туману, благополучно миновавъ послѣднихъ, корабль едва не разбился о подводныя скалы при входѣ въ Фороскій заливъ и наконецъ бросилъ якорь въ Литѣ (Leith). Послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія Маріи Стюартъ, родовое ея наслѣдіе, королевство шотландское показалось ей чужбиною, а явное не-

---

(¹) Прости, прелестная страна,
О, Франція родная
Отчизна дорогая
Гдѣ отцвѣла моя весна...
Прости!.. Ото всего, что было сердцу мило
Отъ искренней любви, отъ дорогихъ друзей
Безжалостно меня отторгнуло вѣтрило
И мнѣ ужъ не видать счастливыхъ, ясныхъ дней!
Но я не вся тебя, отчизна, покидаю;
Корабль меня съ тобой вполнѣ не разлучитъ:
Часть сердца моего онъ въ дальній край умчитъ —
Другую я тебѣ, на память оставляю!

Прилагая при этомъ прелестномъ, граціозномъ подлинникѣ нашъ слабый, безцвѣтный переводъ, просимъ читателя простить великодушно, такъ какъ признаніе въ винѣ, по самому строгому закону, смягчаетъ наказаніе.

годованіе подданныхъ и ихъ враждебныя демонстраціи доказали ей, что она навсегда утратила права на народную любовь. Главною причиною непріязненныхъ отношеній народа къ своей королевѣ было различіе ихъ вѣроисповѣданій; протестанты не желали признать надъ собою власть католички или, какъ тогда называли Марію Стюартъ, *идолопоклонницы*. За нѣсколько страницъ передъ симъ мы разсказывали читателю о неистовствѣ фанатиковъ католической Франціи и о кровавыхъ гоненіяхъ подвигнутыхъ ими на протестантовъ; въ протестантской Шотландіи, при прибытіи въ нее Марія Стюартъ, происходило тоже самое съ тою разницею, что здѣсь протестанты гнали, преслѣдовали и истязали католиковъ. Проповѣдникъ Ноксъ (Knox) громилъ съ высоты своей каѳедры римскую церковь и вмѣсто привѣтственной рѣчи встрѣтилъ Марію Стюартъ изданіемъ въ свѣтъ жестокаго памфлета: *Первый звукъ трубный противъ чудовищнаго управленія царствъ женщинами*, въ которомъ называлъ королеву шотландскую новою Іезавелью. Ровно черезъ недѣлю послѣ пріѣзда въ свое королевство, Марія Стюартъ пожелала отслужить въ дворцовой часовнѣ благодарственное молебствіе по чину римско-католической церкви: яростный народъ прервалъ богослуженіе и едва не умертвилъ королевскаго духовника... При торжественномъ въѣздѣ Маріи въ Эдимбургъ меньшинство безмолствовало, большинство же народной массы вопило: „долой католичку! долой идолопоклонницу“!! Вмѣсто цвѣточныхъ гирляндъ, ковровъ и флаговъ, стѣны домовъ на тѣхъ улицахъ, по которымъ двигалось шествіе, были украшены картинами религіознаго содержанія, изображавшими въ лицахъ всѣ библейскія сказанія о божьей карѣ, постигавшей нечестивыхъ царей-язычниковъ, отъ Навуходоносора до Антіоха сирійскаго.

— Это начало, говорила Марія со слезами на глазахъ, какого же конца ожидать мнѣ?

При всемъ томъ у нея не хватало духу мстить обидчикамъ и единственнымъ своимъ орудіемъ королева избрала кротость. Желая доказать суровому Ноксу, что она ни мало не оскорбляется его ядовитымъ памфлетомъ, Марія пригласила фанатика во дворецъ къ обѣденному столу; Ноксъ отказался. „Приходите лучше въ

церковь послушать моихъ проповѣдей, если желаете обратиться на путь истинный“! отвѣчалъ этотъ юродствовавшій оригиналъ, копіями котораго можно назвать пуританъ, черезъ восемьдесятъ восемь лѣтъ возведшихъ на эшафотъ внука Маріи Стюартъ Карла I. Впрочемъ Ноксъ обѣщалъ повиноваться королевѣ, по собственному его сознанію, „точно такъ же, какъ святый апостолъ Павелъ повиновался Нерону.“ Уподобляя королеву этому чудовищу, Ноксъ воображалъ самъ себя чуть ли не дѣйствительно святымъ апостоломъ. Передавая въ своихъ запискахъ всѣ эти выходки и хвалясь ими, какъ подвигами, онъ вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу то, что его бесѣды неоднократно доводили королеву до слезъ. Этими слезами Марія Стюартъ искупала злодѣйства своихъ единовѣрцевъ на европейскомъ континентѣ, и ту невинную кровь, которую они проливали въ угоду римскому двору.... И единственный ли это примѣръ, въ исторіи, страданій праваго за виновныхъ?

Независимо отъ подстрекательства народной злобы и фанатизма проповѣдниками, подобными Ноксу, правитель королевства графъ Меррей и государственный секретарь Мэйтлендъ, рабы Елисаветы, распускали въ народѣ слухи самые оскорбительные для чести Маріи Стюартъ, обвиняя ее въ преступной связи съ Данвиллемъ, сопровождавшимъ ее въ Шотландію. Эти слухи принудили, наконецъ, Данвилля возвратиться во Францію; примѣру его, скрѣпя сердце, послѣдовалъ Шателаръ, изъ любви къ королевѣ шотландской покинувшій родину. Любовь эта, воспылавшая въ сердцѣ бѣдняка при первомъ же взглядѣ на Марію Стюартъ, въ день ея бракосочетанія съ Францискомъ II, покуда была самая платоническая и выражалась единственно нѣжными стихотвореніями, сладкими до приторности плодами вдохновенія влюбленнаго поэта. Судя по отзывамъ современниковъ, Петръ-де-Боскозель Шателаръ (внукъ славнаго Баярда) былъ самъ похожъ на рыцаря... *печальнаго образа*. Восторженный до сумасбродства, влюбчивый, отважный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рыцарски-благородный, онъ по примѣру паладиновъ избралъ себѣ девизомъ слова: „Богъ, родина и дама моего сердца.“ Марія Стюартъ, для которой любовь Шателара не была тайною, изъ жалости удостоивала этого обожателя своей ла-

ски, терпѣливо выслушивала его стихотворенія, немножко кокетничала съ нимъ, тайкомъ смѣясь надъ безумцемъ со своими фрейлинами... но ничѣмъ не подавала ему повода тѣшиться несбыточными надеждами.

Отъѣздъ французскихъ друзей, выжитыхъ клеветниками Маріи Стюартъ изъ Шотландіи, былъ тѣмъ пріятнѣе Елисаветѣ, что теперь ненавистная ей королева шотландская осталась вполнѣ беззащитною, во власти Меррея и Мэйтленда. Не пренебрегая никакими средствами для униженія и пагубы Маріи, коварная Елисавета наружно поддерживала съ нею самыя дружескія, пріязненныя отношенія, называя Марію въ своихъ письмахъ къ ней: „доброю, возлюбленною сестрицею“—и искусная въ политикѣ тѣмъ успѣшнѣе вела свою жертву къ несомнѣнной гибели. Дѣтски простодушная Марія довѣрялась Елисаветѣ, совѣщалась съ нею о государственныхъ дѣлахъ и слѣдовала совѣтамъ злодѣйки, совѣтамъ предательскимъ и опаснымъ. Ненависть Елисаветы къ Маріи Стюартъ, независимо отъ какой-то естественной антипатіи, была слѣдствіемъ зависти и ревности доходившихъ до смѣшнаго. Узнавъ, что королева шотландская пишетъ стихи, Елисавета то же ударилась въ поэзію и кропала вирши, восхищаться которыми могли развѣ только льстецы изъ ея дворцовой лакейской. Марія Стюартъ прекрасно играла на лютнѣ и клавесинѣ; Елисавета въ свою очередь считала себя отличной музыкантшей. Ничѣмъ инымъ нельзя было ее такъ порадовать какъ браня Марію или критически относясь къ ея безукоризненной красотѣ. Когда Мельвиль, посланникъ королевы шотландской, представлялся Елисаветѣ, она спросила его съ притворной небрежностью и безъ всякаго такта: „Скажите мнѣ, кто лучше изъ обѣихъ насъ, я или ваша государыня?—Моя государыня, отвѣчалъ Мельвиль, первая красавица въ Шотландіи, точно такъ же, какъ ваше величество въ Англіи.—Видимо довольная отвѣтомъ, Елисавета замѣтила, что Марія Стюартъ ниже ея ростомъ. „Никакъ нѣтъ“ возразилъ Мельвиль—„она нѣсколько повыше васъ...“ — О, въ такомъ случаѣ она уже слишкомъ высока! засмѣялась королева, утѣшаясь этимъ мнимымъ преимуществомъ надъ своей державной соперницей. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что еслибы природа

одѣлила Елисавету красотою Маріи Стюартъ, а послѣднюю некрасивой наружностью Елисаветы — она конечно не погибла бы на эшафотѣ. Всякая ненависть можетъ быть примирима, кромѣ ненависти женщины безобразной къ красавицѣ, или глупца къ умному человѣку. Не столько соображенія политическія, сколько боязнь стать лицомъ къ лицу съ Маріей Стюартъ побуждала Елисавету всячески уклоняться отъ свиданія съ нею.

По возвращеніи во Францію бѣдный Шателаръ почувствовалъ тоску невыразимую по своей ненаглядной королевѣ и окончательно потерялъ голову. Ни мало не задумываясь надъ неприличіемъ вторичнаго своего появленія въ Шотландіи, Шателаръ, запасшись рекомендательными письмами отъ коннетабля Монморанси, пустился въ путь и черезъ недѣлю преклонилъ колѣно предъ Маріею въ пріемной залѣ замка Голирудъ. Для королевы каждый пріѣзжій изъ Франціи былъ дорогимъ гостемъ, а потому и неудивительно, что она приняла Шателара съ самымъ дружескимъ радушіемъ. Этотъ пріемъ показался влюбленному несомнѣннымъ знакомъ взаимности и Шателаръ изъ прежняго скромнаго вздыхателя вдругъ сдѣлался дерзкимъ и предпріимчивымъ. Отложивъ на время поэзію съ ея сонетами, эклогами и мадригалами, поэтъ предался болѣе прозаическимъ замысламъ и на первый случай отважился, позднимъ вечеромъ, забраться въ спальню королевы. Болѣе огорченная, нежели обиженная этой дерзостью, Марія Стюартъ приняла во вниманіе молодость сумасброда и простила ему это увлеченіе, которое не смотря на неудачу могло набросить весьма неблаговидную тѣнь на ея репутацію.

Шателаръ, глубоко тронутый великодушіемъ королевы, далъ ей честное слово сдерживать свою любовь въ предѣлахъ благоразумія и дѣйствительно, нѣсколько времени, былъ скроменъ, почтителенъ и преодолѣвалъ свою страсть, на сколько у него хватало силы воли; силы же этой хватало весьма не на долго. Шателаръ не искалъ случая увидѣться съ королевою на единѣ, случай этотъ, по роковому предопредѣленію представился самъ. Зимою 1563 г., онъ вмѣстѣ съ придворными Маріи Стюартъ сопровождалъ ее въ сѣверныя области королевства. На ночлегѣ въ мѣстечкѣ Берптъ-Айлэндъ, пользуясь благопріятной обстановкой, Шателаръ опять

спрятался за альковомъ спальни королевы, за нѣсколько минутъ до ея прихода... На этотъ разъ, безумцу, невидимо присутствовавшему при ночномъ туалетѣ своего кумира, удалось видѣть Марію Стюартъ во всемъ блескѣ ея обаятельной красоты, чуть не въ томъ видѣ, въ которомъ Венера появилась изъ пѣны морской... Могъ ли въ эту минуту двадцатипятилѣтній, воспаленный страстью Шателаръ помнить данное королевѣ честное слово; могъ ли сознавать, на что онъ рѣшается? Позабывъ весь міръ, видя передъ собою только прелестнѣйшую, обожаемую женщину, онъ бросился къ ея ложу и разбудилъ спавшую бѣшеными лобзаніями. На отчаянный крикъ Маріи Стюартъ, къ ней прибѣжали прислужницы и ея демонъ Меррей, для котораго настоящій случай былъ истиннымъ торжествомъ, такъ какъ подавалъ едва ли не основательный поводъ къ безславію Маріи... Она, сгарая отъ стыда, не вымолвила ни слова въ защиту Шателара, да и что могла бы сказать королева въ его защиту? Она могла простить преступнику его вторичное покушеніе какъ женщина, но какъ королева была обязана отдать его въ руки правосудія. Шателара увели подъ стражею; Меррей назначилъ особую слѣдственную коммиссію для обсужденія этого темнаго и скандалезнаго дѣла. Опомнившійся Шателаръ на всѣхъ допросахъ остался вѣренъ своей роли рыцаря-паладина, готоваго сложить голову за даму своего сердца; онъ не только не оговорилъ королевы, но чтобы выгородить ее наговорилъ на себя много лишняго. Основываясь на его показаніяхъ, судьи готовы были признать его не за влюбленнаго, увлекшагося страстью, но за злодѣя умышлявшаго на жизнь королевы... Обвиненный и уличенный въ оскорбленіи величества Петръ Шателаръ былъ приговоренъ къ смертной казни обезглавлѐніемъ. Внукъ рыцаря *безъ страха и безъ упрека* доказалъ несомнѣнную законность своего происхожденія, до послѣдней минуты сохраняя невозмутимое присутствіе духа. Передъ казнію онъ декламировалъ „оду къ смерти," сочиненіе Ронсара, а восходя на эшафотъ воскликнулъ относясь къ Маріи:

— Прости прекраснѣйшая и жесточайшая изъ всѣхъ государынь въ мірѣ!

Казнь Шателара дала новую работу языкамъ клеветниковъ

не менѣе ядовитымъ и продажнымъ перьямъ памфлетистовъ. Тѣмъ и другимъ не стоило большаго труда увѣрить подданныхъ Маріи Стюартъ, будто Шателаръ, ея любовникъ, палъ жертвою ея предательства и изъ устъ въ уста ходила молва о томъ, какъ королева, сама назначивъ свиданіе бѣдному молодому человѣку, призвала своихъ служителей и безжалостно выдала имъ Шателара какъ преступника, а потомъ возвела его на эшафотъ. Королева-дѣвственница Елисавета, въ то время бывшая въ весьма интимныхъ отношеніяхъ съ Робертомъ Дедлеемъ (Dudley), графомъ Лейчестеръ, была жестоко возмущена мнимымъ коварствомъ и, какъ она выражалась, распутствомъ королевы шотландской. Возмущаясь въ кругу приближенныхъ и вмѣстѣ со своимъ фаворитомъ злословя Марію, англійская королева писала ей въ отвѣтъ на увѣдомленіе о покушеніи Шателара самое милое, дружественное письмо, съ выраженіемъ душевнаго сочувствія этой непріятности и съ присовокупленіемъ совѣта подумать о замужествѣ. — Совѣтъ этотъ былъ вполнѣ основателенъ, такъ какъ и сама Марія Стюартъ, на двадцать первомъ году отъ рожденія, не располагала обречь себя на вдовство и одиночество. Простирая свою любезность и внимательность къ Маріи, до крайняго предѣла, Елисавета взяла на себя даже роль свахи, предложивъ въ мужья, королевѣ шотландской, того же графа Лейчестеръ, своего фаворита. Въ тоже время, желая смягчить этотъ жестокій ударъ самолюбію молодой вдовы-красавицы, Елисавета предложила Маріи Стюартъ признать ее своею наслѣдницею. Усложненный этотъ вопросъ королева шотландская передала на обсужденіе своего дяди, кардинала Лотарингскаго и по его совѣту отвергла предложеніе Елисаветы... Вмѣсто пути примиренія обѣихъ королевъ, хотя грязнаго и позорнаго, теперь между ними образовалась непроходимая бездна. Елисавета, недавняя сваха, въ отплату Маріи за ея отказъ, стала всячески интриговать и весьма успѣшно для разстройства предполагаемаго брака и отдаленія искателей руки шотландской королевы. Ей удалось отклонить, отъ сватовства за Марію, эрцгерцога австрійскаго Карла, сына императора Фердинанда. Испанскій король Филиппъ II имѣлъ намѣреніе женить на Маріи своего сына инфанта, дона Карлоса, но передумалъ по проискамъ Елисаветы. Отъ предло-

женія ей въ супруги Антонія Бурбона, короля наварскаго, королева шотландская отказалась сама, по той причинѣ, что не имѣла желанія идти замужъ за человѣка разведеннаго съ первой женою (1).

Въ этотъ самый 1564 годъ въ Шотландію съ блестящей свитой прибылъ графъ Моретти (Moretti), сардинскій посланникъ. Въ числѣ его спутниковъ былъ нѣкто Давидъ Рицціо (или Риччіо, какъ его называютъ въ нѣкоторыхъ хроникахъ), человѣкъ уже не молодой, не красивый собою, горбатый; но умный, ловкій, отлично образованный, превосходный композиторъ, пѣвецъ и игрокъ на лютнѣ. Таланты и богатыя способности Рицціо обратили на него особенное вниманіе Маріи Стюартъ, которая предложила ему мѣсто придворнаго капельмейстера, имъ съ благодарностью принятое. Въ короткое время итальянецъ съумѣлъ до такой степени заслужить расположеніе королевы, что она пожаловала его въ свои статсъ-секретари по части дипломатическихъ сношеній съ Франціею. Въ часы, свободные отъ занятій, Рицціо занималъ свою государыню любопытными и остроумными разсказами о своей далекой родинѣ, игралъ на лютнѣ, пѣлъ... словомъ, былъ настоящей душою придворнаго общества и небольшаго кружка приближенныхъ королевы. Марія привыкла къ нему, полюбила его, хотя и вовсе не въ томъ смыслѣ какъ тогда говорили при дворѣ Елисаветы, гдѣ не теряя времени объявили Рицціо фаворитомъ Маріи Стюартъ. Остановимся на минуту на этомъ странномъ обвиненіи, фактически не опровергнутомъ и основанномъ болѣе всего на догадкахъ и предположеніяхъ. Некрасивый и немолодой, но умный и талантливый человѣкъ, можетъ безъ сомнѣнія увлечь и обольстить молодую красавицу, всего чаще невинную и неопытную. Самый разительный примѣръ этому видимъ въ Мазепѣ и его крестницѣ Матренѣ (у поэтовъ — Маріи) Кочубей. Явленіе безспорно безобразное, но возможное. Предполагая въ Давидѣ Рицціо умъ, любезность, увлекательность, способные заставить собеседниковъ, или правильнѣе собесѣдницу, забыть о его безобразіи, мы не можемъ однако до-

(1) Король наварскій Антоній Бурбонъ мужъ Іоанны д'Альбре и отецъ Генриха IV. См. выше: Катерина Медичи, Карлъ IX.

пустить въ Маріи Стюартъ, женщинѣ опытной, умной и образованной, увлеченіе, на которое можетъ быть способна только неопытная дѣвочка. Несомнѣнно, что Рицціо былъ влюбленъ въ Марію, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она, первая красавица своего времени, за которую тогда сватались короли, наслѣдники престоловъ, чтобы она, говоримъ мы, бросилась въ объятья заѣзжаго чужеземца, искателя приключеній. Марію Стюартъ враги ея обвиняли въ связи съ Данвиллемъ и Шателаромъ; допустимъ эти связи, которымъ главнымъ оправданіемъ можетъ служить то, что Данвилль и Шателаръ оба были молодые, красавцы, а послѣдній въ добавокъ еще и поэтъ, пылкій, восторженный юноша. Если же отношенія Маріи къ Данвиллю и Шателару были безгрѣшны, тѣмъ болѣе кажется невѣроятною, даже неестественною, ея связь съ Давидомъ Рицціо. Если ее не могли плѣнить красавцы, могъ ли очаровать ее уродецъ? Таковы умозаключенія, къ которымъ приходишь, разсматривая этотъ вопросъ съ логической точки зрѣнія; но... но, главное затрудненіе въ томъ, что въ дѣлахъ любви логика и здравый смыслъ не всегда руководятъ поступками женщины, и нерѣдко случается, что молодая красавица влюбляется въ урода, какъ говорится, ради прихоти или разнообразія, именно потому что это уродъ. Марія Стюартъ жила триста лѣтъ тому назадъ, но, дочь своего вѣка, это была женщина со всѣми слабостями свойственными и женщинѣ современной... Шекспиръ, великій знатокъ сердца человѣческаго вообще, женскаго въ особенности, представилъ намъ въ своей прелестной шуткѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь,“ красавицу *Титанію*, страстно обнимающую осла, *Основу*. Неотесанный неучь съ ослиной головой кажется ей первѣйшимъ красавцемъ въ мірѣ. Что если подобныя же минуты бывали и съ Маріей Стюартъ во время фаворитизма Рицціо, не неуча, не невѣжды, но умнаго, талантливаго, образованнаго и только безобразнаго?

На этотъ вопросъ, прислушавшись къ собственному своему сердцу, можетъ дать отвѣтъ только женщина.

Многочисленные враги Маріи Стюартъ, не зная мѣры своему злословію, объявили, будто выходъ ея замужъ за Генриха Стюарта Дэрнлея былъ необходимъ для скрытія неизбѣжныхъ послѣд-

ствій ея связи съ Давидомъ Рицціо; будто Іаковъ Стюартъ былъ сыномъ этого музыканта, а не Генриха Дэрнлея. Эта обидная генеалогія Іакова, наслѣдовавшаго англійскій престолъ послѣ Елисаветы, впослѣдствіи подала поводъ Генриху IV, королю французскому, къ шуткѣ, не совсѣмъ приличной, но не лишенной остроумія. „Съ какой это стати," сказалъ онъ какъ-то, „короля Іакова называютъ въ Англіи вторымъ Саломономъ? Однимъ только на Саломона и похожъ, что отца его звали Давидомъ, который подобно царю-псалмопѣвцу отлично игралъ на арфѣ!"

Генрихъ Стюартъ Дэрнлей (Darnley), на котораго палъ выборъ королевы шотландской, былъ сыномъ графа Леннокса и Маргариты, сестры короля Генриха VIII. Красавецъ собою, но съ душою низкой, коварной, способный на всякое злодѣйство, онъ былъ тремя годами моложе Маріи Стюартъ и доводился ей двоюроднымъ братомъ. При первомъ извѣстіи о предполагаемомъ бракосочетаніи шотландской королевы, Елисавета приказала заточить стараго графа Леннокса въ башню, вмѣстѣ съ его младшимъ сыномъ, и конфисковала ихъ имущество. Это бѣдствіе, постигшее семейство Дэрнлея не измѣнило намѣренія Маріи Стюартъ, отпраздновавшей свадьбу свою 29 іюля 1565 года и вознаградившей своего мужа, за потерю имущества, титломъ короля.

Рицціо, зная низкій характеръ Дэрнлея и предвидя, что онъ, сдѣлавшись королемъ, не будетъ довольствоваться однимъ титломъ, а захочетъ быть королемъ на самомъ дѣлѣ—безуспѣшно старался отклонить Марію отъ подарка короны своему мужу. Кромѣ того итальянцемъ руководила еще эгоистическая мысль сохранить за собою мѣста секретаря и совѣтника Маріи и отстранить отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла любимцевъ Генриха Дэрнлея. Послѣдній, до свѣденія котораго было доведено о происках Рицціо, возненавидѣлъ его, а дерзость и высокомѣріе, съ которыми итальянецъ трактовалъ придворныхъ, навлекли на него и съ ихъ стороны непримиримую ненависть (1). Первые

(1) Существуетъ преданіе, многими оспариваемое, будто Рицціо, избалованный милостями и снисходительностью Маріи Стюартъ, въ обхожденіи съ нею позволялъ себѣ неприличную фамильярность. Такъ

пять мѣсяцевъ супружества прошли для Маріи Стюартъ въ непрерывныхъ тревогахъ и безпокойствѣ по случаю возмущенія, имѣвшаго цѣлію низверженіе ея вмѣстѣ съ мужемъ съ престола. Меррей, поставившій себѣ цѣлью всей жизни всячески вредить Маріи и, если возможно погубить ее, былъ главою возстанія. Королева поручила своему мужу силою оружія смирить мятежниковъ, но на это у него не хватило ни способностей, ни рѣшимости; сама Марія принуждена была сѣсть на коня и съ мечемъ въ рукахъ предводительствовать преданными ей войсками. Мятежники были разбиты на-голову и отброшены къ англійской границѣ, за которою скрылся ихъ предводитель Меррей. Въ началѣ 1566 года, благодаря энергіи и разумной распорядительности Маріи, спокойствіе въ государствѣ было водворено и королева вмѣстѣ съ своимъ мужемъ переѣхала въ Голирудъ. Здѣсь-то въ стѣнахъ этого дворца, уцѣлѣвшаго до нашего времени, разыгралась та страшная драма, разсказъ о которой передаемъ читателямъ изъ подлинныхъ писемъ Маріи Стюартъ къ архіепископу Глесго, своему посланнику въ Парижѣ.

Марія Стюартъ, больная и на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, 9 марта 1566 года, часу въ одиннадцатомъ вечера ужинала въ своемъ кабинетѣ, рядомъ со спальнею. За столомъ вмѣстѣ съ королевою сидѣли фрейлины и Рицціо; камер-лакеи прислуживали. Въ концѣ ужина въ комнату вошелъ Дэрнлей и помѣстился рядомъ съ королевою; вслѣдъ за нимъ, на порогѣ потайной двери, въ полумракѣ, явилась свирѣпая фигура лорда Рутъуэна (Ruthwen). Не обращая вниманія ни на королеву, ни на короля, Рутъуэнъ, повелительнымъ тономъ приказалъ Рицціо встать изъ-за стола и идти за собою.

— Вы приказали Рутъуэну придти сюда? спросила Марія у мужа.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, пожимаясь и усаживаясь поглубже въ кресло.

говорятъ, будто однажды, когда она читала вслухъ письмо только что полученное отъ Елисаветы, Рицціо, досадуя на его содержаніе, вырвалъ письмо изъ рукъ королевы и смявъ его въ комокъ бросилъ на полъ. Если этого не было, оно легко могло быть.

Королева приказала лорду выйдти вонъ, но этотъ палачъ вмѣсто того бросился на Рицціо, который, вскочивъ со своего мѣста, спрятался за кресла Маріи. Рутъуэнъ, опрокинувъ столъ, перегнулся черезъ плечи королевы и ударилъ итальянца кинжаломъ; потомъ, схвативъ за воротъ, поволокъ его въ кабинетъ, куда прибѣжали прочіе убійцы, сообщники Рутъуэна. Одному изъ нихъ Дэрнлей подалъ собственную свою шпагу и черезъ нѣсколько минутъ вмѣсто Рицціо на полу королевскаго кабинета лежалъ трупъ, покрытый пятьюдесятью шестью ранами... Рутъуэнъ, обрызганный кровью, сверкая глазами, крикнулъ королевѣ, что смерть музыканта мщеніе ей за ея тиранства и привязанность къ католицизму. За убійцами ушелъ Дэрнлей, видимо довольный; фрейлины и прислужники разбѣжались и всю ночь Марія Стюартъ провела, окованная ужасомъ, въ креслахъ рядомъ съ комнатою, на полу которой лежалъ изувѣченный трупъ Рицціо.

На другой день въ Эдимбургъ вступили отряды мятежниковъ, предводимые Мерреемъ и королева съ мужемъ бѣжала въ замокъ Дунбаръ, куда послѣдовали за нею преданные ей вельможи. Народъ не присталъ къ мятежникахъ, какъ они расчитывали, не смотря на стараніе ихъ сообщника Рутъуэна. Изъявивъ покорность королевѣ, злодѣи удалились въ Англію, а Марія со всѣмъ дворомъ возвратилась въ Эдимбургъ, гдѣ 19 іюня разрѣшилась отъ бремени сыномъ Іаковомъ. Страшное впечатлѣніе, произведенное на Марію Стюартъ видомъ обнаженныхъ мечей въ ночь убіенія Рицціо, отразилось впослѣдствіи на характерѣ короля Іакова, который, какъ извѣстно, при видѣ обнаженнаго оружія падалъ въ обморокъ. Бѣшенству Меррея, графа Лейчестера и Елисаветы, при извѣстіи о рожденіи сына у королевы шотландской, не было границъ. Въ королевѣ англійской, независимо отъ досады, говорила зависть, свойственная женщинѣ, на вѣки лишенной отрады быть матерью (1). — „Она — мать,“ говорила Елисавета — „а я одинокая какъ дерево безплодное!“ Зависть и злоба не помѣшали

(1) Врачи спеціалисты объявили Елисаветѣ, что вслѣдствіе органическаго недостатка, она никогда не будетъ имѣть дѣтей и это было главною причиною ея отвращенія отъ супружества.

ей однако же написать къ Маріи Стюартъ любезное поздравительное письмо и предложить ей быть воспріемницей новорожденному. Меррей, менѣе скрытный, преслѣдовалъ супруга королевы самыми оскорбительными нападками и довелъ, наконецъ, Генриха Дэрнлея, до того, что тотъ требовалъ отъ жены немедленнаго изгнанія неугомоннаго негодяя... Не взирая на очевидность черноты души своего побочнаго братца, королева шотландская его щадила, стараясь примирить съ нимъ своего недостойнаго мужа; именно — недостойнаго, потому что въ это самое время Дэрнлей, отшатнувшись отъ жены, проводилъ всѣ дни въ распутствахъ и пьянствѣ. Обрядъ крещенія принца Іакова, въ замкѣ Стирлингъ, былъ причиною новыхъ столкновеній протестантовъ съ католиками. Меррей, съ шайкою своихъ разбойниковъ, издѣваясь надъ обрядами католической церкви, объявилъ, что не намѣренъ присутствовать въ языческомъ храмѣ, какъ онъ называлъ королевскую часовню. Графиня Эрджиль, замѣнявшая Елисавету, при восприятіи младенца отъ купели, была по рѣшенію англиканской консисторіи приговорена къ торжественному покаянію... Всѣ эти обиды болѣзненно отозвались въ сердцѣ Маріи Стюартъ и, по цѣлымъ днямъ заливаясь слезами, она молила Бога о единственной милости, скорѣйшей смерти. Даже чувства матери, впервые ею испытуемыя, не могли утолить скорби несчастной женщины, разочарованной въ жизни, въ людяхъ, въ собственныхъ своихъ чувствахъ; она увидѣла и поняла, что окружена злодѣями, предателями и неблагодарными. Тотъ, отъ котораго она въ правѣ была ожидать слова сочувствія и утѣшенія, Дэрнлей, уѣхалъ къ своему отцу, графу Ленноксу въ Глесго, гдѣ вскорѣ по прибытіи заболѣлъ оспою. Послушная первому побужденію своего добраго сердца Марія Стюартъ рѣшилась было ѣхать къ мужу, но потомъ, въ виду опасности заразы, не лично для себя, но для сына, отказалась отъ этого намѣренія и осталась въ Эдимбургѣ. Желая однако же облегчить страданья больнаго, Марія послала къ нему въ Глесго докторовъ и прислужниковъ; первые исправно доносили ей о ходѣ болѣзни, за которой она слѣдила съ непритворнымъ участіемъ. Когда опасность миновала и Дэрнлей сталъ поправляться, Марія не обращая вниманія на лютую зимнюю стужу и

глубокіе снѣга, отправилась къ мужу верхомъ, сдѣлавъ пятьдесятъ миль по труднымъ и опаснымъ дорогамъ. Прибывъ въ Глесго, она распорядилась приготовленіемъ покойнаго крытаго экипажа для перевозки въ Голирудъ выздоравливавшаго мужа, но помѣстила его не во дворцѣ, а въ особомъ домѣ, принадлежавшемъ старшинѣ коллегіи Св. Маріи, гдѣ окружила Дэрнлея всевозможными удобствами и ежедневно его навѣщала. Вечеромъ 9 февраля 1567 года, она довольно долго бесѣдовала съ мужемъ, была какъ-то особенно ласкова, внимательна, а при прощаніи крѣпко поцѣловала и надѣла ему на палецъ драгоцѣнный перстень. На просьбу Дэрнлея посидѣть у него еще подолѣе, Марія отвѣчала, что спѣшитъ во дворецъ на свадьбу одной изъ своихъ фрейлинъ. Супруги разстались...

Часу во второмъ ночи, въ той части города гдѣ находился домъ, въ которомъ помѣщался Дэрнлей, раздался оглушительный взрывъ, яркое зарево, стремительные клубы дыму и яркаго пламени сверкнули на сумрачномъ небѣ. Горожане и посланные изъ дворца поспѣшили на мѣсто катастрофы и нашли груду дымящихся развалинъ. Жилище супруга королевы было взорвано на воздухъ; опаленные взрывомъ трупы Дэрнлея и вѣрнаго его слуги были найдены въ саду съ несомнѣнными признаками удавленія. Чьихъ рукъ могло быть это кровавое дѣло? Марія Стюартъ обвиняла Меррея, который вмѣсто всякаго оправданія бѣжалъ во Францію; отецъ Дэрнлея, графъ Леннoксъ, Елисавета, а съ ними и большинство народа обвиняли Марію! На этотъ разъ, всѣ ея поступки, предшествовавшіе умерщвленію Дэрнлея, были дѣйствительно двусмысленны и загадочны. Зачѣмъ она, по прибытіи съ мужемъ изъ Глесго, не помѣстила его во дворцѣ, а въ отдѣльномъ домѣ; чему приписать особенную нѣжность и ласки, высказанныя королевою своему мужу за нѣсколько часовъ до его страшной смерти; съ какой цѣлью былъ ему подаренъ перстень, если не для того, чтобы по немъ узнать трупъ, даже обезображенный? Наконецъ какимъ родомъ, подъ самый тотъ домъ, который Марія наняла для мужа, былъ подведенъ подкопъ? Вотъ вопросы, на которые позднѣйшее потомство ждетъ и еще можетъ быть будетъ долго ждать отвѣтовъ. Не можемъ не указать еще на одно весь-

ма странное обстоятельство, на историческій фактъ, черезъ тридцать девять лѣтъ (въ 1606 году) занесенный на страницы исторіи Англіи. Говоримъ о *пороховомъ заговорѣ* противъ Іакова I, сына Маріи Стюартъ, которому Кэтсби съ сообщниками готовилъ ту же самую участь, которой подвергся Дэрнлей. Подражали заговорщики 1606 года убійцамъ мужа Маріи Стюартъ, или между ними находился кто нибудь изъ прежнихъ заговорщиковъ?

Въ послѣдній годъ супружества Маріи Стюартъ, ознаменованный домашними несогласіями, измѣною и предательствомъ ея мужа, характеръ королевы шотландской замѣтно измѣнился къ худшему. Донынѣ мягкое, незлобливое ея сердце ожесточилось, озлобилось и Марія Стюартъ конечно могла рѣшиться на преступленіе. Однако всматриваясь во всѣ подробности дѣла мы видимъ странную смѣсь обдуманности закоснѣлаго злодѣйства съ ребяческой неопытностью и опрометчивостью. Зачѣмъ было Маріи Стюартъ, если дѣйствительно она убійца своего мужа, зачѣмъ ей было прибѣгать къ сообществу злодѣевъ, подводить подкопы, чтобы взорвать на воздухъ вмѣстѣ съ домомъ трупы удавленныхъ, Дэрнлея и его слуги? Маріи, ежедневно навѣщавшей мужа, легче чѣмъ кому нибудь другому, было возможно умертвить его, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія, она могла подкупить доктора навѣщавшаго ея мужа отравить его или просто уморить не кстати даннымъ лекарствомъ. Она везла Дэрнлея изъ за пятидесяти миль и во время этого пути конечно неоднократно представлялась возможность къ умерщвленію, которое самые подозрительные люди могли бы приписать простой случайности... Темное, загадочное дѣло! Еще одинъ доводъ въ пользу Маріи Стюартъ. Набожная до крайности, почти до фанатизма, королева шотландская въ послѣднюю минуту жизни, у подножія эшафота, на порогѣ вѣчности, торжественно заявила о своей невинности въ убіеніи Дэрнлея. Оправдываться, конечно, можетъ и закоснѣлый убійца на судѣ при допросахъ, даже на эшафотѣ; въ послѣднемъ случаѣ именно въ томъ преступленіи, за которое его намѣреваются казнить. Это оправданіе можно назвать послѣдними вспышками угасающей надежды. Но Марію Стюартъ казнили не за убіеніе мужа и ея оправ-

данія въ этомъ преступленіи не спасли бы ея головы. Зачѣмъ же Маріи Стюартъ было бы отягощать душу свою, предаваемую въ руки Бога, лишнимъ грѣхомъ — *ложью?*

Оставивъ сына своего въ замкѣ Стирлингъ, Марія послѣ убіенія Дэрнлея на время удалилась въ Эдимбургъ и нѣсколько дней провела въ отшельническомъ уединеніи. Это была ошибка непростительная, на которую злодѣи королевы шотландской указывали, какъ на несомнѣнный знакъ ея соучастія въ преступленіи. Марія оплакивала мужа, молилась объ успокоеніи его души и эти слезы были названы слезами раскаянія, а отчужденіе отъ общества людей—слѣдствіями угрызенія совѣсти. Таково, впрочемъ, неизбѣжное положеніе каждаго человѣка, заподозрѣннаго въ преступленіи: если онъ молчитъ, судьи говорятъ, что онъ не находитъ даже словъ для оправданія; если же обвиняемый кричитъ и завѣряетъ въ своей невинности, тѣ же судьи замѣчаютъ, что невинность не нуждается въ многословіи. Изъ Эдимбурга Марія отправилась въ Стирлингъ, для свиданія съ сыномъ, но во время пути на нее напало восемьсотъ вооруженныхъ всадниковъ, предводимыхъ графомъ Босъуэлемъ, звѣроподобнымъ кальвинистомъ, личнымъ врагомъ королевы. Захваченная въ плѣнъ этимъ разбойникомъ она была привезена въ его замокъ, гдѣ Босъуэль предложилъ ей на выборъ смерть или выходъ за него замужъ; это было насиліе, облекаемое въ законную форму. Не столько страхъ смерти, сколько мысль о счастіи сына, побудило Марію отдать свою руку извергу, не безъ основанія подозрѣваемому въ убіеніи Дэрнлея, послѣ смерти котораго не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ. Бракъ Маріи былъ торжествомъ для Елисаветы и ея министровъ Элиса и Сесиля! Дѣйствительно, имъ ли бы не торжествовать и не разглашать во всѣ концы Европы, что королева шотландская отдала руку убійцѣ своего мужа! Нужно ли иныхъ доказательствъ тому, что убійство совершено по ея желанію? Марія Стюартъ стала сказкой всей Европы; имя ея сдѣлалось синонимомъ всѣхъ возможныхъ бранныхъ эпитетовъ и не было государя, который бы произносилъ это опозоренное имя безъ негодованія. Нашелся ли бы тогда сумасбродъ на свѣтѣ, который при видѣ женщины покореннаго города, насилуемой пьяными солдатами, сказалъ, что она

ихъ любитъ, а между тѣмъ Марія Стюартъ въ объятіяхъ Босъуэля была не точно ли такая же несчастная жертва, но что говорили о ней современники, что говорятъ потомки, что сказалъ Шиллеръ въ своей безсмертной трагедіи (1)! Шотландцы, проклиная королеву, подняли знамя мятежа и осадили Марію и Босъуэля въ замкѣ Борсъуикъ. Послѣ отчаянной защиты Босъуэль бѣжалъ на острова Оркадскіе, откуда пробрался въ Норвегію; королева же переодѣтая мальчикомъ бѣжала въ Дунбаръ, гдѣ и попала въ плѣнъ къ мятежникамъ. Меррей для пущаго позора плѣнницы приказалъ везти ее въ Эдимбургъ съ торжествомъ, вполнѣ достойнымъ гнуснаго распорядителя. Марію посадили на лошадь, которую вели подъ уздцы при ругательствахъ нѣсколькихъ тысячъ народа и звукахъ музыки; впереди несли штандартъ съ нарисованными на немъ изображеніями трупа убитаго Дэрнлея и полуторагодоваго короля Іакова, стоящаго на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками, будто взывая объ отмщеніи. Штандартъ несли такъ, чтобы онъ во все время шествія былъ передъ глазами Маріи. Нѣсколько разъ она лишалась чувствъ, отворачивалась, рыдала, умоляла о пощадѣ; отъ слезъ, смѣшанныхъ съ пылью, лице ея было покрыто грязными пятнами, которые можно было принять за слѣды отъ комьевъ грязи, которые чернь кидала своей королевѣ въ слѣдъ. Послѣ этого поруганія Марію заточили въ замокъ Локлевенъ, гдѣ Меррей отдалъ ее подъ надзоръ своей матери Маргариты, дочери графа Ирскина (Erskine), бывшей любовницы Іакова I (2). Эта старая, полоумная мегера,

---

(1) Въ третьемъ актѣ трагедіи **Марія Стюартъ** (выходъ шестой), вымышленный герой, страстный Мортимеръ, открываясь въ любви королевѣ, говоритъ ей:

Nicht kalter Strenge klagt die Welt dich an:
Dich kann die heisze Liebesbitte rühren,
Du hast den Sänger Rizzio beglückt,
Und jener Bothwell durfte dich entführen!

т. е. „свѣтъ не укоряетъ тебя въ строгости и ты способна тронуться мольбами любви! Ты осчастливила пѣвца Рицціо, а Босъуэль осмѣлился похитить тебя!..“—«Онъ былъ твой тиранъ (продолжаетъ Мортимеръ) и ты трепетала передъ нимъ, потому что ты его любила!“

(2) Мы не безъ основанія не включили въ нашъ сборникъ біографію этой фаворитки короля шотландскаго, по причинѣ незначительности

обходясь со своей плѣнницей какъ нельзя хуже, называла ее не иначе какъ незаконною, похитительницею престола, въ тоже время величая себя супругою покойнаго ея отца, а сына своего, изверга Меррея, законнымъ королемъ шотландскимъ. Здѣсь же мятежники подали Маріи для подписи два акта, которые она подписала даже не читая. По первому, она отрекалась отъ престола въ пользу своего сына, малолѣтняго Іакова VI; по второму, утверждала правителемъ королевства графа Меррея. Все имущество бывшей королевы было разграблено; драгоцѣнности и столовое серебро были отъ нея отняты; наконецъ католическія часовни при дворцахъ разрушены и осквернены. Одиннадцать мѣсяцевъ провела королева въ темницѣ, въ теченіе которыхъ Елисавета, чудовище лицемѣрія, писала ей письма, наполненныя утѣшеніями, выраженіями соболѣзнованія и приглашеніями переселиться къ ней въ Англію. Освободителемъ несчастной узницы, къ стыду совершеннолѣтнихъ, явился пятнадцатилѣтній мальчикъ Уилльямъ Дугласъ. Онъ похитилъ Марію изъ темницы и привезъ въ Гамильтонъ. Здѣсь, на призывъ королевы, отозвалось до шести тысячъ преданныхъ ей смѣльчаковъ и поклялись ей отстаивать ее до послѣдней капли крови. Не смотря на единодушіе и храбрость, эта горстка воиновъ принуждена была уступить численности и была разсѣяна Мерреемъ при первой же схваткѣ съ его войсками въ Лэнгсайдѣ. Лишенная послѣдней опоры Марія осталась на произволѣ судьбы, въ безотрадномъ раздумьи, куда ей бѣжать, гдѣ искать пріюта, гдѣ преклонить свою развѣнчанную голову. Всего прежде она вспомнила о своей милой Франціи, но тамъ властвовала ея ненавистница Катерина Медичи и безхарактерный Карлъ IX; въ сѣверныхъ областяхъ Европы происходили волненія; въ Германіи Марія не могла расчитывать ни на радушный пріемъ, ни на содѣйствіе... Самыми существенными препятствіями къ бѣгству королевы въ чужіе краи были не столько ограниченныя денежныя ея средства, сколько отсут-

---

ея роли, такъ какъ Маргарита Ирскинъ принадлежала къ разряду продажныхъ камелій, связь съ которыми—мимолетная прихоть. Таковыми у Генриха IV были: Фаншонъ, Ла Гланде и т. п.

ствіе кораблей въ ближайшихъ портахъ. Находясь въ Киркедбрайтѣ, на границахъ англійскаго королевства, Марія Стюартъ, на рыбачьей лодкѣ, переправилась черезъ Сольуэйскій заливъ и 16 мая 1568 года высадилась въ Уоркингтонѣ въ графствѣ Кумберлэндъ. Она надѣялась на великодушіе Елисаветы, введенная въ обманъ ласковымъ тономъ писемъ, которыми удостоивала ее королева англійская. Марія была встрѣчена во владѣніяхъ своей соперницы съ подобающими почестями и вслѣдъ затѣмъ мѣстопребываніемъ ей назначенъ былъ городъ Кэрлиль, гдѣ къ ея жилищу былъ приставленъ, вмѣсто почетной стражи, сильный караулъ. Отсюда изгнанница написала королевѣ англійской трогательное письмо, въ которомъ просила ее, какъ родственницу и добрую сосѣдку, дозволить ей прибыть въ Лондонъ. „Готова увидѣть васъ,“ отвѣчала ей Елисавета, „но прежде всего вы должны оправдаться во всѣхъ возводимыхъ на васъ обвиненіяхъ!“ Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Марію, плѣнницу, по королевскому повелѣнію, перевезли въ замокъ Больтонъ. Старый графъ Ленноксъ подалъ Елисаветѣ прошеніе о преданіи Маріи Стюартъ суду, за убійство его сына; Меррей переслалъ статс-секретарю Сесилю шкатулку съ бумагами королевы шотландской и въ числѣ ихъ *копіи* съ ея писемъ къ Босъуэлю и какія-то неблагопристойныя, эротическія стихотворенія. На основаніи этихъ данныхъ слѣдственная комиссія, созванная въ Іоркѣ, не только не признала Марію виновною въ убійствѣ мужа, но убѣдилась, что душою заговора былъ ея обвинитель Меррей. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ докладъ Елисаветѣ, которая, досадуя на судей, созвала въ Уэстминстерѣ, у себя подъ бокомъ, новую комиссію, составленную изъ людей менѣе добросовѣстныхъ и болѣе послушныхъ ея распоряженіямъ. Меррей подалъ апеляцію на рѣшеніе іоркской комиссіи и получилъ въ видѣ вознагражденія пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Королева шотландская, со своей стороны, протестовала противъ неуваженія ея правъ и требовала себѣ депутатовъ изъ среды вельможъ Шотландіи. Дѣло усложнилось и затянулось. Желая ускорить развязку, Елисавета предложила Маріи свое посредничество между ею и инсургентами, съ тѣмъ чтобы она отреклась отъ престола. Марія отвѣчала, что она была

и пробудетъ до послѣдней минуты королевою шотландскою. Ея упорство разжигало ярость и бѣшенство Елисаветы, которая не довольствуясь душевными страданіями своей жертвы, присоединила къ нимъ мученія физическія, изъ опасенія бѣгства или похищенія, перевозя Марію Стюартъ изъ одной тюрьмы въ другую. Въ концѣ года, не взирая на жестокую стужу, Марію перевезли въ Тьюттбюри; оттуда въ замокъ Уинкфильдъ, гдѣ ее отдали подъ надзоръ лорда Шрьюсбюри (Shrewsbury) и его жены. Лорду было дано секретное порученіе, прикинувшись влюбленнымъ въ плѣнницу, вовлечь ее въ интригу, а женѣ его при удобномъ случаѣ уличить Марію въ распутствѣ... Кромѣ того, караульному офицеру Рольстону было повелѣно цѣломудренною королевою англійскою обольстить, если возможно, Марію Стюартъ. Не знаемъ, вѣрить ли безусловно словамъ бѣдной плѣнницы, но именно въ это же время Марія послала Елисаветѣ формальную жалобу на лэди Шрьюсбюри, покушавшуюся на отравленіе узницы.

Бѣдственная участь послѣдней обратила на себя вниманіе человѣка добраго, благороднаго, задумавшаго освободить Марію; человѣкъ этотъ былъ старый герцогъ Норфолькъ, не видавшій ея въ глаза, но искренно ей преданный. Наивѣрнѣйшимъ путемъ для спасенія Маріи, по мнѣнію герцога, могло быть ея замужество съ нимъ и выходъ дочери его замужъ за малолѣтняго короля Іакова. Это кровосмѣсительное упроченіе династіи могло успокоить Шотландію и примирить враждовавшихъ королевъ. Восхищенный этимъ планомъ герцогъ Норфолькъ имѣлъ неблагоразуміе сообщить о немъ Меррею, этому холопу, шпіону Елисаветы. Вѣрный себѣ самому, Меррей немедленно сдѣлалъ доносъ и Норфолькъ какъ государственный измѣнникъ былъ заточенъ въ Башню. Этимъ предательствомъ Меррей сослужилъ Елисаветѣ свою послѣднюю службу; черезъ мѣсяцъ, 23 января 1569 года въ небольшомъ городкѣ Линлиѳсгоу (Linlithgow) онъ былъ застрѣленъ Іаковомъ Гамильтономъ Боѳсуэлло (Bothwellough) за то, что осмѣлился обезчестить его жену. Боясь наказанія, Гамильтонъ бѣжалъ во Францію, куда прибылъ именно во время кровавыхъ распрей католиковъ и протестантовъ. Вожаки первой партіи, не зная о настоящей причинѣ убійства Меррея и предполагая, что Гамильтономъ

руководилъ фанатизмъ, привлекли его на свою сторону и предложили, точно также, умертвить адмирала Колиньи.

— Убью непремѣнно, отвѣчалъ Гамильтонъ, если только вашъ адмиралъ осмѣлится точно также оскорбить меня какъ Меррей!

Елисавета оплакала убіеннаго своего клеврета и на его мѣсто правителемъ Шотландіи назначила графа Леннокса, котораго убили въ 1571 года при осадѣ Стирлинга... Два года продолжались кровавыя усобицы между приверженцами плѣнной Маріи и ея сына. Безпощадная къ первымъ Елисавета приговорила къ смертной казни герцога Норфолька и графа Норосомберлендъ (1572 г.). Третій доброжелатель Маріи, графъ Уэстоморлэндъ, былъ осужденъ на изгнаніе. Пользуясь всеобщимъ негодованіемъ, возбужденнымъ въ Европѣ Варооломеевской ночью, Елисавета распустила слухъ, будто въ этихъ злодѣйствахъ принимала тайное участіе ея плѣнница, за которою присмотръ былъ усиленъ. Опять несчастную Марію перевели въ новую темницу, замокъ Шеффильдъ, гдѣ въ самомъ жалкомъ помѣщеніи ей дали одну только служанку и тревожили днемъ и ночью перекличками дозорныхъ... Елисавета потѣшалась страданьями Маріи, она играла ею, какъ кошка пойманною птичкою. Всѣ старанія Фенелона, французскаго посланника, о смягченіи участи плѣнной королевы остались безуспѣшными; умилостивить Елисавету было такъ же трудно, какъ усовѣстить разъяреннаго каннибала. Дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ доказывала всему свѣту несомнѣнность своего происхожденія отъ этихъ двухъ чудовищъ и бѣшенствомъ своимъ возбудила омерзѣніе даже въ Катеринѣ Медичи! Желая погасить въ порядочныхъ людяхъ малѣйшую искру жалости къ Маріи, королева англійская заказывала, печатала и распространяла множество пасквилей и самыхъ гнусныхъ памфлетовъ на счетъ своей плѣнницы. Между продажными борзописцами, не щадившими для ея безславія ни желчи, ни грязи, особенно отличался наставникъ юнаго короля Іакова, нѣкто Бечананъ (Buchanan), когда-то облагодѣтельствованный Маріею Стюартъ. Брошюры этого пасквильнаго автора были отосланы Елисаветою во Францію для надлежащаго распространенія, но здѣсь онѣ по повелѣнію Катерины Медичи были сожжены.

Раболѣпствовавшій передъ Елисаветою парламентъ предложилъ

ей примѣнить къ Маріи Стюартъ указъ объ оскорбленіи величества (bill of attainder), но королева англійская великодушно отклонила это предложеніе... Понятенъ ли читателю іезуитизмъ этой женщины? Она желала отъ всей души гибели Маріи Стюартъ, денно и нощно мечтала о возведеніи ея на эшафотъ, но въ то же время хотѣла остаться чистою и незапятнанною въ глазахъ современниковъ и потомства; хотѣла умертвить королеву шотландскую на законномъ основаніи. Отвращая отъ Маріи людей чужихъ, ей сострадавшихъ, Елисавета поручивъ воспитаніе ея сына лорду Рутъуэну, Бечанану и другимъ, имъ подобнымъ злодѣямъ, съумѣла внушить Іакову ненависть къ матери, не менѣе той, какую питалъ къ королевѣ шотландскій Меррей.

До сихъ поръ крѣпкое здоровье Маріи, отъ огорченій, частыхъ разъѣздовъ и неудобствъ тюремнаго заключенія, наконецъ ослабѣло, и до такой степени, что она слегла. Съ той мыслію, что она уже на смертномъ одрѣ, Марія (8 ноября 1582 года) писала къ Елисаветѣ письмо, въ которомъ обстоятельно изложила ей всѣ событія своей жизни и представила всѣ доводы, которые могли служить ей къ оправданію. Въ это же самое время, доктора лечившіе плѣнницу, испрашивали у Елисаветы разрѣшенія ихъ больной пользоваться водами Бокстона; къ голосу врачей присоединились испанскій и французскій посланники. Ихъ вмѣшательство показалось Елисаветѣ подозрительнымъ и лорду Шрьюсбюри она поручила не терять Маріи изъ виду во все время ея пребыванія на водахъ.

Самымъ великодушнымъ изъ всѣхъ европейскихъ государей оказался въ это время король французскій Генрихъ III, и посланникъ его Мовиссьеръ былъ особенно настойчивымъ въ ходатайствѣ объ облегченіи участи шотландской королевы. Напоминаемъ читателю, что Марія была двоюродной сестрою Генриха Гюиза, врага короля французскаго; лигёры колебали его тронъ, междоусобія раздирали Францію и при всемъ томъ Генрихъ III непритворно жалѣлъ плѣнницу Елисаветы и сдѣлалъ для нея все что могъ. Королева англійская, письменно увѣряя его въ своемъ состраданіи къ Маріи, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта, продолжала издѣваться надъ королевою шотландскою по прежнему. Доведенная

до послѣдней крайности страдалица написала къ ней письмо, стоившее ей не мало слезъ, такъ какъ въ немъ Марія торжественно отрекалась отъ престола въ пользу своего сына, умоляя свою мучительницу единственно объ освобожденіи и дозволеніи на вѣки удалиться во Францію... Это письмо осталось безъ отвѣта. Французскому посланнику было передано, что королева англійская охотно согласилась бы на просьбу своей плѣнницы, но безопасность государства запрещаетъ оказать ей милосердіе, такъ какъ она мятежница. На тайномъ совѣтѣ, созванномъ Елисаветою, для рѣшенія участи королевы шотландской, графъ Лейчестеръ предложилъ развязаться съ Маріею Стюартъ посредствомъ ея отравленія. Это предложеніе доказывало, что семнадцать лѣтъ тому назадъ, злодѣй съ этой же самой цѣлью сватался за королеву шотландскую. Гнусное предложеніе Лейчестера было однако отвергнуто государственнымъ секретаремъ Уольсингэмомъ. Покуда шли эти переговоры, плѣнницу перевезли опять въ Тьюттбюри, гдѣ для ея жилища назначили двѣ сырыя, низенькія каморки, въ которыхъ не согласился бы жить самый послѣдній поденьщикъ. Надзоръ былъ довѣренъ серу Эміасу Паулеть, въ 1559 году бывшему посланникомъ при французскомъ дворѣ, гдѣ его видѣла Марія Стюартъ, тогда юная, новобрачная. Съ годами этотъ человѣкъ, изъ ловкаго царедворца, превратился въ угрюмаго, брюзгливаго нелюдима, неумолимаго формалиста, бездушнаго автомата, соединившаго однако въ своей особѣ жестокосердіе палача съ благородною прямизною. Этотъ новый тюремщикъ Маріи Стюартъ, подъ окнами ея темницы, въ одно прекрасное утро, повѣсилъ католическаго священника за то что тотъ назвалъ королеву шотландскую мученицею и пожалѣлъ о ней. Дважды въ сутки, утромъ и вечеромъ, Паулетъ навѣщалъ свою узницу, шарилъ въ ея комнатѣ по всѣмъ угламъ, осматривалъ стѣны, постель королевы, самыя платья ей принадлежавшія. Малѣйшая просьба плѣнницы была для Паулета вопросомъ государственнымъ, рѣшеніе котораго онъ, ни подъ какимъ видомъ, не осмѣливался взять на себя. Жалуясь на неудобства своей новой тюрьмы, Марія просила, между прочимъ, дать ей постель помягче; Паулетъ отказалъ ей и въ этой бездѣлицѣ. Совѣщанія Елисаветы съ Уольсингэ-

момъ и Лейчестеромъ окончились; тотъ и другой рѣшили, что смерть Маріи Стюартъ необходимость и Паулету былъ присланъ приказъ умертвить плѣнницу. Старикъ отвѣчалъ, что онъ можетъ быть тюремщикомъ, но не палачемъ. Лейчестеръ прислалъ къ нему нѣсколько подкупленныхъ солдатъ для убіенія плѣнницы; Пуалетъ вытолкалъ ихъ вонъ изъ своей комнаты при первыхъ же словахъ о цѣли ихъ посѣщенія. Видя, что тайное убійство невозможно, Уольсингэмъ рѣшился ждать повода къ законному приговору Маріи Стюартъ къ смертной казни, въ полной увѣренности, что ждать не прійдется долго. Шпіоны, разсѣянные по городамъ Англіи и Шотландіи, прислушивались къ народной молвѣ и зорко слѣдили за тѣми, которые осмѣливались выражать свое сожалѣніе объ участи королевы шотландской. Нѣкто богатый землевладѣлецъ графства Дерби, Антоній Бэбингтонъ, католикъ по вѣроисповѣданію и ревностный приверженецъ Маріи Стюартъ, составилъ обширный заговоръ въ ея пользу, имѣвшій цѣлію убіеніе Елисаветы и возведеніе на англійскій престолъ освобожденной изъ заточенія королевы шотландской. Увлекаясь этой мечтой, или вѣрнѣе химерой, Бэбингтонъ привлекъ къ себѣ множество своихъ единовѣрцевъ, въ особенности же изъ среды лицъ духовнаго званія. Въ числѣ заговорщиковъ былъ священникъ Гиффордъ, который разсудивъ, что доносчикъ никогда ничего не потеряетъ, довелъ о замыслахъ Бэбингтона до свѣденія Уольсингэма. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ, во время увѣдомленные, спаслись бѣгствомъ; самъ Бэбингтонъ съ двѣнадцатью товарищами былъ схваченъ и всѣ они, послѣ непродолжительнаго слѣдствія, были казнены. Смертію ихъ поспѣшили именно затѣмъ, чтобы отнять у Маріи Стюартъ возможность сослаться на ихъ показанія, такъ какъ ее обвинили въ соучастіи и организаціи этого заговора, о которомъ она имѣла понятіе единственно по слухамъ. По повелѣнію Елисаветы у плѣнницы были захвачены всѣ бумаги, находившіяся при ней въ темницѣ; секретарей ея, Кюрля и Ноу арестовали и судбище началось.

Марія, какъ и въ первый разъ, объявила членамъ слѣдственной комиссіи, что не признаетъ надъ собою власти законовъ англійскихъ; что о заговорѣ Бэбингтона ничего не знаетъ; что бу-

маги, по которымъ ее уличаютъ, всѣ до единой, подложныя; что, наконецъ, показанія противъ нея обоихъ секретарей вынуждены у нихъ невыносимыми пытками. Шатонёфъ, посланникъ Генриха III, взявъ на себя защиту Маріи Стюартъ, добился аудіенціи у Елисаветы. Королева выслушала его съ глубочайшимъ вниманіемъ, вполнѣ согласилась со всѣми его доводами въ пользу своей жертвы; сказала, что искренно ей сочувствуетъ, рада сдѣлать все что только возможно для ея спасенія и въ заключеніе прокляла безжалостные законы своего государства. Шатонёфъ обратился къ сыну Маріи, укоряя его въ равнодушіи.

— А мнѣ до нея какое дѣло? отвѣчалъ Іаковъ. Пусть моя мать то и пьетъ что для себя заварила!

Этотъ жалкій выродокъ былъ правъ... Дѣйствительно несчастная его мать испивала тогда чашу горестей, окончательно отравленную и переполненную его варварскимъ отвѣтомъ. Воспитаніе, конечно, могло испортить сердце Іакова, но надобно было и отъ природы имѣть богатые задатки чудовищныхъ пороковъ, чтобы выговорить о родной матери эти ядовитыя слова. Въ отвѣтъ на нихъ, изъ подъ сводовъ темницы несчастной мученицы, глухо прозвучало проклятье.

Усердный Паулетъ, при обыскѣ въ темницѣ, обобралъ у Маріи всѣ ея драгоцѣнности и наличныя деньги и послѣднимъ лишилъ ее отрады подавать милостыню нищимъ, подходившимъ къ ея окнамъ.

— Подите прочь! крикнула имъ узница, когда они въ первый разъ послѣ ея ограбленія подошли къ окну — мнѣ нечего подать вамъ; теперь я сама такая же нищая, какъ вы!

Двадцать пятаго сентября 1586 года, по королевскому повелѣнію, Марія Стюартъ была отвезена въ замокъ Фоѳсрин-гэ, въ Норѳсгемптонѣ. Здѣсь плѣнницѣ дозволили нѣкоторыя удобства; четыремъ ея фрейлинамъ и старому Мельвилю (бывшему посланнику англійскаго двора) разрѣшено было находиться при ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы для намека о готовившейся для нея участи, стѣны спальни Маріи обили чернымъ сукномъ, а пологу у кровати, тоже черному, придали видъ надгробнаго балдахина. Узница настоятельно требовала, чтобы дѣло ея о соучастіи въ заговорѣ было разсматриваемо въ государственномъ совѣтѣ. Требо-

ваніе отвергли и разбирательство дѣла препоручили комиссіи изъ двадцати лордовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера. Главными уликами были признаны письма королевы шотландской къ Бэбингтону, почеркъ которыхъ былъ дѣйствительно ея собственный или превосходно подведенный подъ ея руку... Но что же именно изъ двухъ? Это не рѣшено. Марія Стюартъ признала поддѣлку за работу своихъ секретарей, которые, изъ желанія добра ей же самой, писали безъ ея вѣдома къ Бэбингтону. Ноу и Кюрль (подъ пытками, правда) утверждали, что письма были писаны собственною рукою королевы, что она имѣла непосредственныя сношенія съ заговорщиками.

На этотъ разъ самый ревностный защитникъ Маріи Стюартъ могъ бы стать въ тупикъ, особенно послѣ оглядки на событія всей ея предыдущей жизни. Въ каждомъ грязненькомъ или кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, по всѣмъ признакамъ, королева шотландская принимала участіе, она, при первомъ же словѣ обвиненія, спѣшила заявить о своей неприкосновенности къ дѣлу и совершенной невинности: она права и чиста, всегда и во всемъ:

Ее обвиняютъ въ связяхъ, сначала съ Данвиллемъ, потомъ съ Шателаромъ, тамъ съ Давидомъ Рицціо. „Клевета,“ отвѣчаетъ Марія Стюартъ на эти обвиненія — „Данвилль былъ мнѣ только другъ; Шателаръ — безумецъ, которому я не подавала ни малѣйшаго повода поступить со мною такъ нагло, что же касается до бѣднаго Рицціо, онъ былъ моимъ секретаремъ и вѣрнымъ совѣтникомъ.“

Мужъ Маріи, Генрихъ Дэрнлей, съ которымъ она не въ ладахъ, удавленъ и взорванъ на воздухъ. Дѣйствія королевы, предшествовавшія катастрофѣ, весьма подозрительны. „Этому несчастному дѣлу“ отвѣчаетъ она — „я ни душой, ни тѣломъ не причастна!“

Черезъ три мѣсяца послѣ смерти мужа, она выходитъ за Босъуэля, одного изъ его убійцъ. Въ отвѣтъ на всеобщее негодованіе, она стонетъ, заливаясь слезами: „это насиліе!“

Въ замкѣ Локлевенъ, Марія подписываетъ актъ объ отреченіи отъ престола въ пользу своего сына и, черезъ нѣсколько време-

ни, на требованія Елисаветы, подтвердить его права, она говоритъ: „была и пребуду королевой шотландской!“

Наконецъ, ей предъявляютъ письма, ея рукою писанныя къ заговорщику Бэбингтону. „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“ показываетъ Марія при допросахъ — „письма поддѣльныя.“

Если весь рядъ этихъ обвиненій: клевета, напраслина, насиліе, ложь, подлогъ, тогда королева шотландская просто праведница, жертва какой-то таинственной судьбы; если же обвиненія справедливы — Марія Стюартъ преступница, подобныхъ которой мало отыщется въ исторіи, и тогда эшафотъ былъ самымъ законнымъ возмездіемъ ей за всѣ злодѣйства...

Не потому ли она кажется намъ ангеломъ, что соперница ея Елисавета такъ похожа на демона?

Въ послѣдніе мѣсяца 1586 года, Шатонефъ и Белльевръ, нарочный посолъ Генриха III, неутомимо хлопотали объ освобожденіи Маріи Стюартъ и едва могли добиться аудіенціи у королевы англійской. Въ теченіе шести недѣль, со дня на день, Елисавета отклонялась отъ личныхъ объясненій. Сначала она сослалась на опасенія заразы, такъ какъ Белльевръ прибылъ съ континента, на которомъ тогда свирѣпствовали повальныя болѣзни; потомъ королева выразила боязнь, нѣтъ ли въ свитѣ посланника наемныхъ убійцъ; наконецъ, послѣ всѣхъ увертокъ и уловокъ, она приняла Белльевра. Эту аудіенцію можно назвать смѣшною эпизодическою сценою въ кровавой трагедіи. Объясняясь съ посломъ, Елисавета говорила на какомъ-то смѣшанномъ языкѣ, то по латыни, то по французски; на ея лицѣ ясно отпечатлѣвались всѣ волновавшія ее чувства. Послѣ блѣдности, она вдругъ покрывалась пятнами или яркимъ румянцемъ, составлявшимъ какъ бы отливъ рыжихъ волосъ дочери Генриха VIII; ястребиные ея глаза поперемѣнно щурились, съ выраженіемъ томной нѣги, или, воспаленные звѣрской яростью, выходили изъ орбитъ... Говорила она разными голосами, то громовымъ мужскимъ басомъ, то звонкимъ сопрано, переходя отъ гнѣвнаго крика къ вкрадчивому шопоту. Наговорила Елисавета французскому посланнику очень много, но все-таки ничего положительнаго ему не сказала. На другой же день въ Лондонѣ разнеслась вѣсть о томъ, что Марія Стюартъ,

бывшая королева шотландская, приговорена парламентомъ къ смертной казни. На это радостное извѣстіе весь городъ отозвался праздничнымъ колокольнымъ звономъ, а къ вечеру озарился иллюминаціями, по распоряженію полиціи и тайныхъ агентовъ Елисаветы; она же сама въ эти минуты называла членовъ палаты варварами, выказывая негодованіе на безчеловѣчный ихъ приговоръ...

— Это ангелъ, а не женщина! пѣлъ умиленный хоръ придворныхъ — ее ли не оскорбляла Марія Стюартъ, умышлявшая на ея корону и жизнь, и она же, кроткая, незлобливая, сожалѣетъ о злодѣйкѣ?

Слухи о приговорѣ достигли до Маріи, и она написала Елисаветѣ послѣднее письмо, въ которомъ просила оказать ей только двѣ милости: въ случаѣ казни дать ей католическаго духовника, а послѣ смерти отослать ея тѣло для погребенія во Францію. Елисавета, говорятъ, прослезилась читая письмо, но не дала на него никакого отвѣта. Можетъ быть, она еще думала помиловать Марію, или и того вѣрнѣе, хотѣла ее помучить ожиданіемъ. Беллььеврь почти насильно проникъ во дворецъ; просилъ, умолялъ, грозился; напоминалъ, что казнь Маріи можетъ послужить поводомъ къ войнѣ между Франціей и Англіей... Послѣдняя угроза разсмѣшила королеву, такъ какъ въ то время Генрихъ III самъ не имѣлъ возможности у себя дома сладить съ Лигой. „Не наживайте себѣ еще новыхъ враговъ,“ писала ему Елисавета — „и, не мѣшаясь въ дѣла чужаго королевства, подумайте лучше о своемъ собственномъ и послушайтесь добраго совѣта: не ослабляйте поводьевъ, если не желаете, чтобы мятежъ, какъ бѣшеный конь, вышибъ васъ изъ сѣдла!“ Желая отомстить французскимъ посланникамъ за ихъ докучливость, Елисавета разставила имъ западню, въ которую однако же они не попались. Лордъ Стаффордъ, по секретному ея повелѣнію, освободилъ изъ тюрьмы содержавшагося тамъ преступника и подучилъ его, явясь Белльельевру, выдать себя за приверженца Маріи Стюартъ и предложить ему тайно убить Елисавету. Гнусное предложеніе подосланнаго было отвергнуто съ негодованіемъ, и самъ посланникъ довелъ о томъ до свѣденія королевы. Раскинутая ему сѣть порвалась, какъ легкая паутина...

Безъ утвержденія (warrant) королевы приговоръ парламента не могъ быть приведенъ въ исполненіе; Елисаветѣ же непремѣнно было желательно свалить юридическое убійство Маріи Стюартъ на другихъ. Опять она ухватилась за мысль, нѣтъ ли какой возможности тайнымъ убійствомъ предупредить явное, и съ этой цѣлію, поручила секретарю своему Дэвисону переговорить съ упрямымъ Паулетомъ. На этотъ разъ, какъ и въ предыдущій, тюремщикъ отказался наотрѣзъ быть убійцею, прибавивъ, что ни за какія блага въ мірѣ не рѣшится на дѣло, противное совѣсти.

— Какъ, однако, этотъ старый дуракъ надоѣлъ мнѣ со своей совѣстью! сказала Елисавета, когда Дэвисонъ передалъ ей отвѣтъ Паулета.

Твердою, безтрепетною рукою она подписала смертный приговоръ Маріи Стюартъ, покуда еще все недѣйствительный, безъ приложенія государственной печати. Подправивъ кой-гдѣ буквы подписи и прибавивъ лишній штрихъ къ росчерку, Елисавета, покусывая перо, устремила свой пронзительный взглядъ на Дэвисона съ торжествующей улыбкой.

— Кончено, сказала она — и какъ гора съ плечь долой! Снеси приговоръ Уольсингэму, пусть приложитъ печать...

Дэвисонъ, взявъ роковую бумагу, пошелъ къ выходу; королева, смѣясь, его воротила.

— Знаешь что я думаю! сказала она—старикъ Уольсингэмъ боленъ: ну что, какъ, увидя приговоръ, онъ умретъ съ горя? Ты пожалуйста приготовь его къ этому страшному извѣстію.

Чтобы читателю понятна была вся соль этой милой шутки, мы должны сказать, что канцлеръ Уольсингэмъ былъ заклятый врагъ Маріи Стюартъ.

Часу въ десятомъ вечера, когда Марія готовилась лечь въ постель, прислужницы доложили ей о приходѣ графа Кента и королевскихъ комисаровъ. Одѣвшись на скоро узница вышла къ нимъ.

— Приговоръ вашъ утвержденъ, объявилъ ей графъ Кентъ, самымъ спокойнымъ голосомъ. Завтра онъ будетъ исполненъ. Приготовьтесь къ смерти.

— Слава Богу! воскликнула Марія съ неподдѣльной радостью, наконецъ-то я буду спокойна и вполнѣ счастлива.

— Можете утѣшаться и той мыслію, замѣтилъ графъ Кентъ, что ваша смерть послужитъ залогомъ спокойствія двухъ государствъ и водворенія истинной религіи въ Великобританіи!

— Да, мысль утѣшительная, въ раздумьи повторила Марія. Не какъ преступница, но какъ мученица сложу я мою голову на плаху, за вѣру моихъ отцевъ.

Комисары, сопровождаемые Паулетомъ, удалились, и едва замкнулась за ними дверь, какъ страшныя рыданья огласили компату Маріи. Бывшія при ней прислужницы, ея фрейлины *четыре Маріи*, упавъ къ ея ногамъ, покрывали ихъ слезами и поцѣлуями.

— О чемъ вы плачете? твердо произнесла Марія. Радуйтесь со мною вмѣстѣ окончанію моихъ страданій здѣсь и началу безконечнаго блаженства *тамъ*.

Она удалилась въ свою молельню, гдѣ провела два часа и откуда вышла видимо усталая и ослабѣвшая. „При слабости тѣла, когда оно удручено,“ замѣтила она присутствовавшимъ — „ослабѣваетъ и духъ. Безсонница можетъ окончательно изнурить меня, отдыхъ необходимъ; но прежде дайте мнѣ чего нибудь закусить!“

Узницѣ подали немного жаркаго, приправленнаго виномъ, и покушавъ съ обычнымъ аппетитомъ она легла на постель и погрузилась въ непродолжительный, но крѣпкій сонъ, во все продолженіе котораго ея приближенныя молились, заглушая рыданія, чтобы ими не потревожить *послѣдняго* сна ихъ королевы. Зимняя ночь долга; она кажется еще длиннѣе во время безсонницы безпричинной или насильственной у одра больнаго... Между тѣмъ, подруги Маріи молили Бога о продленіи ночи, вопреки законамъ природы; друзей королевы ужасала мысль, что съ каждой секундой она теперь, покуда еще полная жизни, приближается къ гробу, въ который будетъ положена не сраженная недугомъ по волѣ Божіей, но обезглавленная, убитая по злобѣ людской, по прихоти женской.

Немедленно, по своемъ пробужденіи, Марія написала письма къ Генриху III и къ недостойному своему сыну. Въ первомъ она,

благодаря короля за его защиту и участіе, просила его не оставить своими милостями ея вѣрныхъ друзей и прислужницъ, раздѣлявшихъ съ нею заточеніе. Окончивъ письма, Марія занялась приготовленіемъ одежды и уборовъ для утра; приказала достать изъ шкафа черное бархатное платье, длинный бѣлый вуаль и головную гребенку въ видѣ короны; она осматривала всѣ эти вещи съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло шло о поѣздкѣ во дворецъ, на праздникъ.

Ночное небо изъ непроглядно темнаго замѣтно становилось сѣрымъ; холодное, пасмурное утро 18 февраля 1587 года, безжалостно заглянуло въ окна темницы, которой было суждено черезъ два часа опустѣть, какъ клѣткѣ, изъ которой птичка упорхнула на волю, или, лучше сказать—истерзана кошкою. Марія Стюартъ, въ это время, взяла со своихъ тезокъ клятву, что онѣ, немедленно послѣ ея казни, уѣдутъ во Францію.

— Тамъ поплачутъ обо мнѣ, сказала она слегка измѣнившимся голосомъ, поплачутъ, когда душа моя будетъ уже блаженствовать!

Въ молельнѣ королевы, на аналоѣ стояло распятіе слоновой кости, лежали ея четки, молитвенникъ и священная облата (hostia), присланная Маріи папою Піемъ V нѣсколько лѣтъ тому назадъ, которую она сохраняла именно для смертнаго своего часа. Мысленно исповѣдуя свои грѣхи предъ изображеніемъ распятаго Спасителя, Марія пріобщилась этою облатою святыхъ его таинъ...

Въ самую эту великую минуту, стукъ въ двери и скрежетъ отодвигаемыхъ засововъ возвѣстилъ присутствовавшимъ о приходѣ новыхъ посѣтителей, на этотъ разъ за жертвою, обреченною плахѣ. Фрейлины и прислужницы Маріи растерялись и упали духомъ до такой степени, что не могли рѣшиться впустить стучавшихся у дверей комисаровъ (1); Марія отворила имъ сама. На этотъ разъ, комисаровъ было болѣе, нежели нѣсколько часовъ тому назадъ.

---

(1) Двери темницы, запертыя снаружи обыкновенно замыкались и изнутри. Такимъ образомъ стукъ у дверей замѣнялъ докладъ, а Марія была постоянно застрахована отъ внезапнаго посѣщенія.

Кромѣ Паулета и графа Кента, между ними былъ англиканскій пасторъ Флетчеръ.

— Могутъ ли мои фрейлины и прислужницы сопровождать меня *до*... она пріостановилась—„туда, куда вы меня поведете“? спросила Марія графа Кента.

— Я бы не совѣтовалъ вамъ брать ихъ съ собою, отвѣчалъ тотъ. Ихъ слезы и стенанія разстроятъ васъ.

— Даю вамъ слово за добрыхъ подругъ моихъ, что онѣ не будутъ плакать и, искренно жалѣя меня, не захотятъ меня разстроивать.

— Съ этимъ условіемъ пускай идутъ!

— Благодарю васъ за себя и за нихъ, ласково сказала Марія. Теперь позвольте мнѣ собраться...

Она взяла распятіе и молитвенникъ. Графъ Кентъ съ ядовитой усмѣшкой произнесъ при этомъ:

— Идолопоклонница!

Отвѣтивъ ему величественнымъ взглядомъ и вытянувшись во весь ростъ, Марія, почти грозно, сказала:

— Прошу не забывать, графъ, что вы говорите съ бывшей королевой Франціи и Шотландіи, внукою вашего короля Генриха VII и двоюродной сестрой королевы Елисаветы. Гдѣ католическій духовникъ, о которомъ я просила?

— Вы можете обойтись безъ него, отозвался Кентъ.

— **Я** здѣсь, вмѣшался Флетчеръ. Мои молитвы могутъ точно также...

— Марія даже не взглянула на него и сама сдѣлала первый шагъ къ выходу. Шествіе тронулось; за королевою слѣдовали комисары и Паулетъ, а за ними уже фрейлины и прислужницы. Было тутъ еще одно живое существо, тщетно порывавшееся за королевою; существо, въ которомъ чувствъ и жалости было несравненно болѣе, нежели въ Елисаветѣ, ея комисарахъ и во всѣхъ именитыхъ членахъ парламента... То была комнатная собачка Маріи Стюартъ, оставленная за дверьми казамата. Ея жалобный лай и вой нѣсколько времени провожали Марію, покуда она по коридору не дошла до спуска съ лѣстницы, ведшей въ нижній этажъ темницы. На площадкѣ, истерически рыдая и ломая руки, стоялъ

дряхлый старикъ Андрей Мельвиль. Не имѣя силъ выговорить слова, онъ почти безъ памяти опустился на колѣни передъ королевою.

— И ты здѣсь, мой старый другъ? сказала она, силясь поднять его. Рада тебя видѣть и попрошу сослужить послѣднюю службу. Подай мнѣ свою руку и помоги спуститься съ лѣстницы (1).

Поддерживаемая Мельвилемъ Марія Стюартъ вошла въ обширную на сводахъ залу, въ которую набралось человѣкъ около трехсотъ зрителей, представителей народа. Эшафотъ былъ обтянутъ чернымъ сукномъ; на эшафотѣ стояли кресла и бархатная скамья, въ двухъ шагахъ отъ нихъ возвышалась плаха съ лежащимъ на ней топоромъ, при видѣ котораго невольная дрожь пробѣжала по членамъ Маріи.

— Напрасно, напрасно! покачавъ головою сказала она своимъ спутницамъ. „Было бы гораздо лучше рубить голову мечемъ, какъ во Франціи...“

Фрейлины и прислужницы зарыдали, но королева, приложивъ палецъ къ устамъ, прошептала имъ:

— А данное мною за васъ слово? Умѣйте владѣть собою до времени. Послѣ можно!

Флетчеръ, подошедшій къ ней, началъ ее уговаривать отступиться отъ католицизма, отъ имени королевы обѣщая за это помилованіе... „Напрасная трата словъ, перебила его Марія, я родилась, выросла и умру вѣрною католической церкви!“ Сказавъ это, она опустилась на колѣни и горячо стала молиться. По окончаніи молитвы, къ ней подошелъ палачъ со своими помощниками и предложилъ ей раздѣться.

— Благодарю за предложеніе услугъ, сказала имъ королева, но я, во первыхъ, не намѣрена обнажаться при такомъ множествѣ зрителей, а во вторыхъ, мнѣ помогутъ мои женщины.

---

(1) За нѣсколько дней передъ казнію, Марія Стюартъ нечаянно повихнула себѣ ногу, и ей трудно было сходить съ лѣстницы. Такъ говорятъ ея ревностные защитники, не желая допустить мысли, чтобы у нея, идущей на казнь, могли подгибаться колѣни. Зачѣмъ лишнія прикрасы и безъ того рѣдкостнаго умѣнья владѣть собою?

Съ ихъ помощью она отстегнула высокій лифъ платья и обнажила шею и плечи; потомъ сама завязала себѣ глаза нарочно для этого приготовленнымъ платкомъ, отшпилила вуаль, подобрала волосы, не снимая гребенки, и сѣла на кресла. Палачъ, безъ шуму, снявъ топоръ съ плахи, взвалилъ его себѣ на плечо. Медленно опустилась Марія Стюартъ на скамью и, положивъ голову на плаху, произнесла пересѣкающимся, замирающимъ голосомъ:

— In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum! (Господи, въ руки твои предаю духъ мой!)

Этихъ словъ не слыхали ея вѣрныя подруги, которыя, закрывъ глаза и зажавъ уши, отбѣжали въ уголъ залы; но до слуха ихъ достигъ *первый* ударъ топора и, раздирающій душу, вопль Маріи. Вмѣсто того, чтобы направить ударъ по шеѣ, неловкій палачъ опустилъ топоръ на затылочную часть головы, причемъ ударъ былъ ослабленъ косою и гребенкою... Только послѣ двухъ слѣдующихъ ударовъ, голова королевы шотландской скатилась на помостъ.

— Такъ да погибнутъ всѣ враги ея величества королевы Елисаветы! крикнулъ графъ Кентъ, ожидая отъ присутствовавшихъ въ отвѣтъ оглушительнаго „виватъ!“ но присутствовавшіе молчали и только Флетчеръ отозвался монотонно:

— Аминь!

Продолжая морочить честныхъ людей своимъ притворнымъ милосердіемъ и поддѣльнымъ великодушіемъ, Елисавета, въ самый день казни, послала нарочнаго съ приказомъ помедлить исполненіемъ приговора. Посланный, разумѣется, опоздалъ, и когда королева англійская, по его возвращеніи въ Лондонъ, узнала о совершеніи казни, она съ неподражаемымъ искуствомъ притворилась удивленною и огорченною.

— Развѣ я приказывала вамъ казнить Марію Стюартъ! накинулась она на Дэвисона.

Онъ напомнилъ королевѣ о собственноручной ея подписи приговора.

— Я это знаю, отвѣчала Елисавета, но развѣ я приказывала вамъ *немедленно* приложить государственную печать и скрѣпить мою подпись, безъ моего вѣдома? Помните же, продол-

жала она грозно, что вы оба, вы и Уэльсингэмъ виновны въ смерти Маріи, а я въ этомъ кровавомъ дѣлѣ чиста и невинна, хотя по вашей милости стала теперь тиранкою въ глазахъ всей Европы!..

И какъ бы желая доказать свое сожалѣніе объ убіенной ею Маріи Стюартъ, англійская королева облачилась въ трауръ и въ теченіе нѣсколькихъ дней сказывалась больною. Дэвисонъ былъ удаленъ отъ двора.

Катерина Медичи и Генрихъ III въ своихъ злодѣйствахъ были откровеннѣе; они не надѣвали траура ни по адмиралѣ Колиньи, ни по братьямъ Гюизамъ. Можно сказать, что Елисавета *перещеголяла* ихъ своимъ траурнымъ нарядомъ.

Трупъ казненной Маріи Стюартъ, покрытый лоскутомъ сукна, содраннымъ со стараго бильярда, перенесенный съ эшафота въ залѣ нижняго этажа замка Фороэрин-гэ, въ особую комнату, не взирая на всѣ просьбы приближенныхъ покойной королевы, отданъ имъ не былъ. Брантомъ, игривое воображеніе котораго не щадило ни живыхъ ни мертвыхъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, будто мертвое тѣло Маріи Стюартъ, отданное во власть палачу, подверглось самому гнусному поруганію. Это безстыдная ложь безстыднаго любителя скандаловъ; ничего подобнаго не было! Трупъ Маріи былъ набальзамированъ докторомъ и двумя хирургами, призванными изъ Стамфорда, потомъ обложенный ароматными смолами и душистыми травами въ свинцовомъ гробу былъ перевезенъ въ Питерборо и поставленъ въ тамошней католической капеллѣ, насупротивъ гробницы королевы Катерины Аррагонской. Приличныя украшенія, гербы и надписи означали мѣсто успокоенія послѣдней королевы шотландской. Всѣ они были уничтожены во время мятежей пресвитеріанъ въ 1649 году; но тѣло Маріи Стюартъ, еще за тридцать семь лѣтъ передъ этимъ (въ 1612 г.), по повелѣнію короля Іакова I, изъ капеллы Питерборо было перенесено въ Уэстминстерское абатство.

Скорбь осиротѣвшихъ фрейлинъ, прислужницъ и всѣхъ приближенныхъ Маріи была невыразима; она свела въ могилу Сару Леуистонъ-Флемингъ (см. стр. 77) и мужа Маріи Ламбрюнъ (Lambrun). Послѣдняя, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти му-

жа, обезумѣвъ отъ горя, покусилась на убіеніе Елисаветы, но, схваченная, была ею помилована и избавлена отъ всякаго преслѣдованія. Справедливость требуетъ упомянуть о собачкѣ Маріи Стюартъ, не отходившей отъ ея гроба до самаго отвоза въ Питерборо и, послѣ того, вскорѣ околѣвшей съ тоски. Сдѣлавъ замѣтку объ этой четвероногой, безгрѣшной фавориткѣ послѣдней королевы шотландской, мы прибавимъ, что подобнаго примѣра безкорыстной привязанности читатель не отыщетъ ни въ одномъ изъ послѣдующихъ біографическихъ очерковъ двуногихъ фаворитокъ и небезсловесныхъ временщиковъ.

Елисавета,

Королева англійская.

РОБЕРТЪ ДОДЛЕЙ, ГРАФЪ ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.—РОБЕРТЪ Д'ЭВРЕ, ГРАФЪ ЭССЕКСЪ.

(1558—1603)

Для Англіи, вѣкъ Елисаветы, по громадному своему значенію для этой страны, былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Франціи вѣкъ Людовика XIV; для Россіи, вѣкъ нашего Петра перваго; для Пруссіи вѣкъ Фридриха Великаго. Елисаветѣ Великобританія обязана своимъ политическимъ единствомъ; началомъ могущества на моряхъ, славою на сушѣ; почетнымъ своимъ мѣстомъ въ сферѣ европейскихъ государствъ; развитіемъ внѣшней своей торговли и внутренней промышленности; наконецъ, блестящими успѣхами наукъ и искуствъ. Какъ королева, Елисавета вполнѣ достойна удивленія потомства, лавры ея неувядаемы и вѣчная слава вѣнчаетъ ее свѣтлою, ничѣмъ не затмѣваемою ореолою. Смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія намъ не подъ силу, „глазамъ больно" и высота недосягаемая, доступная Юму, Робертсону, Боклю, Маколею. Избравъ предметомъ нашего посильнаго труда эпизодическія событія жизни и тѣ фазисы бытія великихъ властителей и властительницъ земли, когда они или онѣ являлись данниками слабости человѣческой, мы посмотримъ на Елисавету, не вознесенную на высоту своего величія, но низведенную на степень простой, обыкновенной смертной съ ея слабостями, недостатками и характеромъ, съ нѣкоторыми чертами ко-

тораго мы уже познакомились. Не въ коронѣ и порфирѣ, окруженную великими сподвижниками, съ милiонами раболѣпствующихъ подданныхъ у ея ногъ мы увидимъ Елисавету. Нѣтъ! мы вызовемъ ея тѣнь въ миртовомъ вѣнкѣ, въ нарядѣ свѣтской кокетки, въ объятьяхъ фаворитовъ, смиренно преклоняющуюся передъ могуществомъ любви; не повелѣвающую, но повинующуюся. Елисавета въ тронной залѣ, въ парламентѣ, окончательно избавляющая Англiю отъ папскаго ига, побѣждающая съ помощью Божiей непобѣдимую Армаду Филиппа II—одно лицо; мы увидимъ другое. Насъ интересуетъ страстная, какъ львица, и подобно львицѣ ужасная въ своей страстности женщина—изъ любви къ своему Лейчестеру отказывающая сватающимся за нее и принцамъ, и королямъ; женщина, которую скорбь по казненному ею графу Эссексъ сводитъ въ могилу; мечтательница въ тѣнистыхъ рощахъ Удстока, кокетливо рѣзвая въ чертогахъ Кенильуорса или въ паркахъ Ричмонда и Уиндзора.

Здѣсь къ слову замѣтимъ, что Елисавета, подобно многимъ другимъ историческимъ личностямъ, вдохновляла великое множество поэтовъ, романистовъ, композиторовъ, живописцевъ и каждый изъ нихъ, болѣе или менѣе, погрѣшилъ противъ историческої правды, воспѣвая Елисавету или избирая ее въ героини трагедiи, романа, или въ натурщицы картины... Послѣднiе, т. е. живописцы, пожалуй, еще менѣе всѣхъ прочихъ художниковъ представляли королеву англiйскую въ искаженномъ видѣ; за то поэты и романисты не стѣснялись и наплели на Елисавету небылицы, о которыхъ ей, при жизни, и во снѣ не снилось. Такъ между прочимъ, въ ея фавориты пожаловали славнаго Шекспира! Онъ прославилъ ея царствованiе, а романисты, вмѣсто того, безславятъ и его и Елисавету небывалой между ними, вымышленной связью... Только одинъ романистъ дѣйствительно воскресилъ для потомства королеву англiйскую въ безсмертномъ своемъ произведенiи, вѣроятно знакомомъ нашимъ читателямъ хоть въ переводѣ, такъ какъ они, безъ сомнѣнiя читали „Замокъ Кенильуорсъ“, романъ славнаго Вальтеръ-Скотта.

Дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ, Елисавета родилась 7 сентября 1533 года, черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ

ихъ бракосочетанія. Этому обстоятельству, конечно, не слѣдуетъ придавать особаго значенія, такъ какъ король-тиранъ могъ узаконить дочь или сына, родившихся даже и за годъ до его свадьбы, но дѣло въ томъ, что играя законами Генрихъ VIII то лишалъ Елисавету ея правъ, то возстановлялъ ихъ по своему капризу; наконецъ, умирая, наслѣдниками своими назначилъ поочередно всѣхъ своихъ дѣтей: Эдуарда, Марію Тюдоръ и Елисавету. Послѣдняя, воспитанная Паркеромъ въ законѣ протестантскомъ, принуждена была, въ кровавое царствованіе своей сводной сестры Маріи (1554—1558), перейдти въ католицизмъ (см. выше стр. 132), Этимъ она спасла свою голову отъ плахи, но не снискала при дворѣ того почета, котораго въ правѣ была требовать, какъ наслѣдница престола. При Эдуардѣ VI, который любилъ Елисавету, у нея были льстецы и поклонники; братъ правителя, родной дядя короля, адмиралъ Ѳома Сеймуръ, искалъ ея руки (¹), но Елисавета отказалась отъ этой чести, предвидя бѣдственный конецъ [illegible]нщика, главное же, въ тайнѣ любя Куртенэ, графа Девонш[illegible], къ которому и Марія Тюдоръ питала страсть, презрѣнную и отвергнутую жестокимъ. При воцареніи Маріи все измѣнилось, и дочь Катерины Арагонской находилась въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ дочери Анны Болейнъ, въ какихъ впослѣдствіи времени Елисавета сама находилась къ Маріи Стюартъ. Помимо соперничества въ любви, Марія Тюдоръ преслѣдовала Елисавету во первыхъ за то, что та была восемнадцатью годами ея моложе и въ тысячу разъ красивѣе; во вторыхъ, за различіе вѣроисповѣданій; въ третьихъ, за тѣ обиды и страданія, которыя по милости Анны Болейнъ перенесла Катерина Арагонская. Заподозрѣнная въ соучастіи въ заговорѣ Ѳомы Уайэта, Елисавета въ мартѣ 1554 года была заключена въ Башню и подвергнута суду. Съ необыкновеннымъ умомъ и тактомъ она оправдалась во всѣхъ обвиненіяхъ, и благодаря ходатайству жениха Маріи Тюдоръ, испанскаго короля Филиппа II, была избавлена отъ тюрьмы. По

(¹) Съ этой цѣлью Ѳома Сеймуръ, женатый на вдовѣ Генриха VIII, его послѣдней женѣ Катеринѣ Парръ, отравилъ ее ядомъ, 7 сентября 1547 года (см. выше, стр. 116).

освобожденія ея, Марія Тюдоръ предлагала Елисаветѣ выйти замужъ за герцога Савойскаго, но Елисавета, понимая, что это замужство ни что иное, какъ замаскированное изгнаніе, отказалась отъ этого предложенія. Этимъ она пуще прежняго вооружила противъ себя Марію, которая удалила ее въ замокъ Удстокъ, а графа Девонширъ въ Форосеринг-гэ. Разлучая, такимъ образомъ, съ Елисаветою графа, равнодушнаго къ отвратительнымъ прелестямъ Маріи Тюдоръ, послѣдняя воображала досадить принцессѣ, но жестоко ошиблась, такъ какъ сердце Елисаветы въ это время уже занято было другимъ предметомъ, молодымъ красавцемъ, Робертомъ Додлеемъ, сыномъ недавно казненнаго герцога Норсомберлэндъ. Принцесса познакомилась съ нимъ въ бытность свою въ Башнѣ, гдѣ и онъ былъ заточенъ, подобно ей, но лишенный родовыхъ правъ и всего имущества. Робертъ, бывшій старше Елисаветы двумя годами, родился въ 1531 году и съ первыхъ лѣтъ дѣтства былъ сверстникомъ короля Эдуарда VI. Паденіе отца, а вслѣдъ затѣмъ заговоръ Уайэта подвергли его опалѣ королевской и были причинами заключенія въ Башнѣ, гдѣ по таинственному предопредѣленію судьба столкнула его съ Елисаветой. Съ первыхъ своихъ встрѣчъ съ красавцемъ Додлеемъ, принцесса почувствовала въ своемъ сердцѣ непреодолимое къ нему влеченіе, по объясненію Кэмдена—вслѣдствіе рожденія своего съ Додлеемъ подъ однимъ и тѣмъ же созвѣздіемъ. Трудно было бы найдти причину глупѣе, но можетъ быть именно вслѣдствіе своей пошлости, это астрологическое оправданіе связи Елисаветы съ ея первымъ фаворитомъ нашло достаточное количество людей легковѣрныхъ, имъ удовольствовавшихся. Не рожденіе подъ одною и тою же звѣздою сблизило Елисавету съ Робертомъ, а нахожденіе ея съ нимъ подъ сводами одной и той же темницы; могучѣе всякаго планетнаго вліянія подѣйствовалъ на принцессу очаровательный взглядъ восемнадцатилѣтняго юноши, вкрадчивый его голосъ, рѣчи, проникнутыя живѣйшимъ участіемъ; наконецъ, первый поцѣлуй пламенныхъ его устъ, первыя страстныя объятья, въ которыя пала обольщенная Елисавета... „Любовь графа Лейчестеръ была чисто платоническая," говорятъ нѣкоторые историки, ревнующіе о цѣломудріи королевы англійской. Могутъ увѣрять въ этомъ, сколь-

ко имъ угодно, но едва ли кто повѣритъ имъ! Не тотъ былъ вѣкъ, да и Елисавета, по своему происхожденію и по страстной комплекціи, была далека отъ нелѣпаго идеализма.

Робертъ Додлей, освобожденный вскорѣ послѣ избавленія Елисаветы, удостоился совершеннаго прощенія, съ возвращеніемъ всѣхъ правъ и съ производствомъ въ фельдцейхмейстеры. Онъ тайно навѣщалъ Елисавету въ Уудстокѣ, гдѣ она жила тѣмъ болѣе забытая, почти презрѣнная всѣми, что парламентъ, къ угоду Маріи Тюдоръ, объявилъ тогда бракъ Генриха VIII съ Анною Болейнъ недѣйствительнымъ, а Елисавету—незаконною. Отнимая у нея надежду когда нибудь быть на престолѣ, Марія Тюдоръ сама тѣшилась несбыточной мечтой имѣть законныхъ наслѣдниковъ отъ своего супруга, Филиппа II. Послѣдній, явно сочувствуя Елисаветѣ, уговорилъ Марію дозволить ей переселиться изъ Уудстока въ иное, болѣе пріятное мѣстопребываніе. Марія согласилась; Елисавета, наконецъ, совершенно свободная, перебралась въ уединенный замокъ Гэтфильдъ и здѣсь прилежно занялась науками, изученіемъ языковъ и, на-досугѣ, садоводствомъ. Радѣя о своемъ образованіи, она какъ будто предчувствовала свой блестящій жребій и въ недальнемъ будущемъ видѣла корону надъ своей головою. Уединеніе, смертельно-тоскливое для человѣка съ ограниченнымъ умомъ, бываетъ всего чаще благотворно для человѣка, одареннаго разумомъ обширнымъ и богатыми способностями. Дообразовывая себя, Елисавета, кромѣ наукъ реальныхъ и умозрительныхъ, въ совершенствѣ изучила, кромѣ своего языка природнаго, языки: французскій, итальянскій, латинскій, читала и переводила классиковъ и, подобно своему покойному отцу, любила поспорить о философскихъ доктринахъ и религіозныхъ догматахъ. Отличительной чертою ея ума былъ сарказмъ, и въ самомъ обыденномъ разговорѣ она не скупилась на колкости и на приправу своихъ рѣчей атической солью. Съ холодной степенностью истой дочери Британіи она успѣла соединять остроуміе француженки и шутливость итальянки. Люди, самые недоброжелательные Елисаветѣ, не осмѣливались отказать ей въ обширномъ умѣ, что же касается до сердца, то отъ чуткаго слуха молвы не укрылись учащенные перерывистые его удары при встрѣчахъ Елисаветы съ Робертомъ

Додлеемъ. Нѣжно влюбленный, заботясь о доброй славѣ будущей своей государыни, онъ, для устраненія подозрѣній, женился на знатной, богатой дѣвицѣ... можетъ быть и на Эми Робсаръ, памяти которой Вальтеръ Скоттъ посвятилъ такъ много трогательныхъ страницъ въ своемъ вышеупомянутомъ романѣ. Достовѣрныхъ историческихъ данныхъ о первой женитьбѣ будущаго графа Лейчестера такъ мало, что намъ по-неволѣ приходится ссылаться на разсказы англійскаго историка-романиста. Едва ли мы ошибаемся, говоря, что Робертъ Додлей женился за годъ до восшествія на престолъ Елисаветы.

Марія Тюдоръ, старая дѣва, нашедшая молодаго мужа, въ котораго влюбилась безъ памяти, неоднократно объявляла парламенту и народу о своей мнимой беременности, принимая за ея признаки болѣзнь, которая свела ее въ могилу. Народъ, обманывавшійся въ ожиданіяхъ, отвѣчалъ на манифесты Маріи Тюдоръ объ интересномъ ея положеніи грубыми, циническими шутками. Королева умерла отъ водянки, 17 ноября 1558 года, кромѣ болѣзни удрученная горемъ, по случаю взятія Кале французами, но еще того болѣе по случаю разлуки съ мужемъ, уѣхавшимъ въ свое королевство.

Еще недавно объявленная незаконною, лишенною правъ на престолъ, Елисавета теперь смертію Маріи Тюдоръ узаконенная—не теряя времени, прибыла изъ Гэтфильда въ Лондонъ, встрѣчаемая повсюду народомъ съ изъявленіями непритворной радости; въѣздъ ея въ Лондонъ былъ истиннымъ тріумфомъ. Въ своей рѣчи къ членамъ парламента новая королева сравнивала себя съ пророкомъ Даніиломъ, милостію Божіею спасеннымъ изо рва львинаго. Всѣмъ заточеннымъ въ тюрьмахъ, за какія бы то ни было преступленія, объявлено было прощеніе; о притѣсненіи лютеранъ не только не было помину, но Елисавета явно выказала себя ихъ защитницей и покровительницей. Бывшій ея доброжелатель, Филиппъ II король испанскій, предложилъ ей свою руку, отъ которой Елисавета отказалась, презирая въ немъ слишкомъ яраго поборника католицизма. Обрядъ коронованія и священнаго миропомазанія, по уставу церкви католической, совершенъ былъ 15 января 1559 года, причемъ, какъ говорятъ лѣтописи, королева

выказала крайнее неуваженіе къ святыни и великому таинству. Черезъ два мѣсяца послѣ того Елисавета согласилась на принятіе титла *главы церкви*, предложеннаго ей парламентомъ, и возобновила въ прежней силѣ узаконенія Генриха VIII и Эдуарда VI о независимости церкви англиканской отъ римскаго первосвященника. Высшіе духовные чины отказались отъ признанія королевы главою церкви, но на ихъ протестъ не обратили вниманія, такъ какъ большинство священниковъ подало голосъ въ пользу Елисаветы. Такъ, безъ всякаго кровопролитія, совершилось знаменательное для Европы событіе отпаденія Англіи отъ церкви римской! Въ это же время разорительная для государства война съ Франціею была окончена честнымъ миромъ. Парламентъ, воздавая должную дань удивленія этимъ первымъ двумъ подвигамъ королевы, озаботился однако же пріисканіемъ ей достойнаго помощника, въ лицѣ супруга, и съ этой мыслію, избравъ изъ своей среды депутатовъ, отправилъ ихъ къ Елисаветѣ. Выслушавъ ихъ она отвѣчала имъ:

— Для славы Божіей, для блага государства, я рѣшилась ненарушимо хранить обѣтъ дѣвства. „Взгляните на мой государственный перстень," продолжала она показывая депутатамъ на этотъ символъ власти, еще не снятый послѣ коронованія—„имъ я уже обручилась съ супругомъ, которому буду неизмѣнно вѣрна до могилы... Мой супругъ—Англія, дѣти—мои подданные. Если польза и счастіе послѣднихъ потребуютъ отъ меня принесенія имъ въ жертву моей дѣвической свободы, я изберу себѣ въ супруги человѣка достойнѣйшаго; но до тѣхъ поръ желаю, чтобы на моей гробницѣ начертили: *жила и умерла королевою и дѣвственницею.*"

Эта рѣчь дѣлала честь ораторскому таланту Елисаветы и была бы умилительно трогательна, если бы не была смѣшна. Отклоняясь отъ выбора законнаго мужа, ради дѣвическаго цѣломудрія, королева дѣвственница, именно въ это время, осыпала щедротами и почестями Роберта Додлея, прозваннаго *сердцемъ двора* и пожалованнаго въ оберщталмейстеры королевы, въ кавалеры ордена Подвязки съ придачею замковъ и помѣстьевъ Кенильуорсъ, Денби и Черкъ. По примѣру всѣхъ временщиковъ, Дод-

лей, не довольствуясь этими первыми ступенями къ своему возвышенію, простиралъ свои виды далѣе и выше, избравъ цѣлью всѣхъ стремленій престолъ и корону. Предложеніе парламента королевѣ какъ нельзя лучше согласовалось съ его завѣтными надеждами, а обѣщаніе Елисаветы въ случаѣ ея замужества, избрать себѣ въ супруги *достойнѣйшаго,* казалось ему намекомъ на него же самого. Безтрепетной рукой онъ отравилъ нѣжную, искренно его любившую жену ([1]), какъ бы въ доказательсто, что онъ можетъ быть вполнѣ достойнѣйшимъ супругомъ достойной дочери Генриха VIII. Въ это время Елисаветѣ не было отбоя отъ жениховъ, которыми она браковала по собственному сердечному побужденію, но еще того болѣе, по навѣтамъ Додлея. За Елисавету сватались одновременно: электоръ палатинъ Казиміръ, эрцгерцогъ австрійскій Карлъ, герцогъ гольштинскій, дядя датскаго короля, Эрикъ, наслѣдный принцъ шведскій. Кромѣ этихъ вѣнценосцевъ, руки королевы англійской домогались вельможи ея двора; кавалеръ Пикерингъ, графъ Арондель, графъ д'Арранъ, претендентъ на шотландскій престолъ и—Робертъ Додлей. Самымъ настойчивымъ женихомъ изъ перваго разряда былъ Эрикъ, принцъ шведскій. Какая-то непреодолимая сила влекла его къ Елисаветѣ, въ которой онъ, вѣроятно, угадывалъ такое же чудовище въ женскомъ родѣ, какимъ былъ самъ въ мужскомъ. Онъ съ королевою англійскою завелъ нѣжную переписку, удивляя ее своею страстью тѣмъ болѣе, что влюбился въ нее по слухамъ и по портретамъ. Не отвѣчая ему ни да, ни нѣтъ, кокетничая съ этимъ сыномъ великаго Густава Вазы, королева англійская написала ему, что едва ли когда выйдетъ за человѣка, котораго не видала въ глаза. Принявъ это за приглашеніе, Эрикъ рѣшился ѣхать въ Англію, въ чемъ ему воспрепятствовала смерть его отца (29 сентября 1560 года). Посланникъ Эрика при англійскомъ дворѣ, Гилленстіерна, узнавъ о нѣжныхъ отношеніяхъ между Елисаветою и Додлеемъ, увѣдомилъ Эрика объ истинной причинѣ упорства

([1]) Подробности этого злодѣйства находятся въ книгѣ Обрэ (Aubrey: Antiquities of Berkshire), нами нигдѣ не отысканной, не смотря на всѣ старанія.

королевы и получилъ отъ него въ отвѣтъ приказаніе непремѣнно подыскать какого нибудь француза или итальянца и предложить ему 10000 талеровъ за убіеніе ненавистнаго соперника. Какъ одинъ другого стоилъ! Тиранъ Швеціи не задумывался умертвить Додлея рукою наемнаго убійцы, а Додлей, въ свою очередь, имѣя виды на руку королевы, отравилъ свою жену...

Съ 1561 года начались сношенія между Елисаветою и Маріею Стюартъ, а вмѣстѣ съ ними происки и интриги королевы англійской, окончившіяся, какъ мы уже видѣли, казнію королевы шотландской. Непрерывные мятежи, разжигаемые въ Шотландіи Мерреемъ, не привели къ желанному результату—свергнуть Марію Стюартъ съ престола, и тогда, для ея пагубы, въ умѣ Елисаветы созрѣлъ другой планъ, первую мысль о которомъ подалъ ей возлюбленный Додлей. Зная, что Марія неоднократно отзывалась о красотѣ его съ самой выгодной стороны, Елисавета, пожаловавъ ему титла барона Денби и графа Лейчестеръ, предложила его въ мужья Маріи Стюартъ...: Послѣдняя отказалась, можетъ быть къ счастью для самой же Елисаветы. Отравленіе женъ, какъ увидимъ далѣе, было какой-то маніей у графа Лейчестеръ; подобно сказочному Раулю Синей-Бородѣ, этотъ извергъ и женился-то, кажется, для душегубства. Нѣтъ сомнѣнія, что именно для убіенія Маріи Стюартъ, онъ, съ согласія Елисаветы, за нее сватался. Отравивъ королеву шотландскую и этимъ путемъ присоединивъ ея королевство къ Англіи, остановился ли бы Лейчестеръ на этомъ? Нѣтъ, разумѣется. За Маріей, отравивъ и Елисавету и оставшись послѣ нея единственнымъ наслѣдникомъ, убійца взошелъ бы на престолъ Великобританіи. Что имъ руководила эта адская мысль, доказательствомъ могутъ служить всѣ послѣдующія событія. Въ годъ выхода Маріи Стюартъ за Дэрнлея (1565), англійскій парламентъ опять докучалъ Елисаветѣ настойчивыми предложеніями о замужествѣ, и опять она отвѣчала ему отказомъ. Тогда статсъ-секретарь Сесиль, герцоги: Норфолькъ, Пемброкъ и графъ Лейчестеръ (въ особенности) требовали, чтобы Елисавета изъ среды вельможъ назначила себѣ преемника; Павелъ Уэнсуорсъ (Wenthworth) заклиналъ ее именемъ Бога, угрожая, въ случаѣ отказа, гнѣвомъ небеснымъ и народнымъ... Всѣ старанія олигарховъ остались втунѣ, и Елисавета попросила ихъ, до

времени, не поднимать вопроса о ея супружествѣ. Парламентъ остался въ ожиданіи, но съ 1566 по 1571 годъ королева его не созывала. Засылала сватовъ къ англійской дѣвственницѣ и Катерина Медичи, предлагая ей въ мужья, на выборъ, Карла IX или Генриха Анжуйскаго, но въ отвѣтъ получила отказъ, приправленный насмѣшкою: вѣрные шпіоны донесли Елизаветѣ о готовившемся тогда во Франціи избіеніи гугенотовъ!

Хитрость и лицемѣріе графа Лейчестеръ, его путеводители на пути къ престолу, не принесли ему никакой существенной пользы. Отказывая женихамъ, Елисавета не отдавала своей руки Лейчестеру; одинокая, она не назначала его своимъ наслѣдникомъ. Всячески отстраняя отъ милостей Елисаветы всѣхъ царедворцевъ, графъ Лейчестеръ еще того заботливѣе слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые по своему происхожденію имѣли болѣе права, нежели онъ, выказать притязаніе на наслѣдство престола. Таковыми были Сеймуръ, графъ Гэртфордъ и жена его Катерина Грэй, родная сестра несчастной Іоанны. По наговорамъ Лейчестера, Елисавета объявила бракъ ихъ расторгнутымъ, а двухъ дѣтей, рожденныхъ Катериною, незаконными... Заточенная въ темницу, вмѣстѣ съ мужемъ, графиня Гэртфордъ въ ней умерла, присоединивъ свое имя къ длинному списку прочихъ жертвъ временщика. Въ 1572 году, графъ Лейчестеръ тайно обвѣнчался съ лэди Дугласъ Гоуардъ, вдовою барона Шеффильдъ. Слухи объ этомъ дошли до ушей Елисаветы, и опала готовилась обрушиться на неблагодарнаго Лейчестера. Опоивъ жену какимъ-то зельемъ, отъ котораго у несчастной вылѣзли волосы и отвалились ногти, злодѣй принудилъ ее къ разводу и выдалъ ее за Эдуарда Стаффорда. Недавно негодовавшая на своего возлюбленнаго Елисавета смѣнила гнѣвъ на милость и Лейчестеръ, по прежнему, былъ первымъ послѣ королевы лицемъ при дворѣ и въ государствѣ. Число его льстецовъ возрастало съ каждымъ днемъ; женщины, не смѣя явно соперничать съ Елисаветою, наперерывъ ловили каждый взглядъ красавца, каждое его слово. Вкрадчивый какъ змѣй искуситель, Лейчестеръ имѣлъ въ своей наружности особенную, обаятельную, неотразимую прелесть; Эндиміонъ англійской Діаны, онъ до послѣдней своей минуты имѣлъ на нее могучее вліяніе, и не было

преступленія, котораго бы она не простила ему. Ужасная въ своемъ гнѣвѣ, способная собственноручно растерзать виновника своей ярости, Елисавета не имѣла силъ сердиться на Лейчестера, кромѣ короны, т. е. жизни, не было той жертвы въ мірѣ, которой бы она не была способна принести своему обожаемому красавцу. При своемъ могуществѣ, сколько пользы и добра могъ бы принести Лейчестеръ всему государству, если бы, кромѣ красивой наружности, природа одарила его богатыми способностями или мало мальски благородными чувствами... Нѣтъ! способный единственно на интриги и злодѣйства, Лейчестеръ былъ даже не посредственностью, но олицетворенной бездарностью, и гнусная его личность можетъ служить типомъ породы вредныхъ временщиковъ, тѣхъ сыновъ счастья, которыхъ ближе всего слѣдуетъ называть ржавчиной на вѣнцахъ королей, молью на ихъ порфирахъ... Здѣсь не лишнимъ считаемъ объяснить читателю, въ чемъ мы полагаемъ разницу между временщикомъ вреднымъ и полезнымъ.

Наше русское слово *временщикъ*, равносильное иностранному, *фаворитъ*, имѣетъ однако же передъ нимъ то преимущество, что происходитъ отъ корня: *время*, и соединяетъ въ себѣ два понятія: о милостяхъ государя къ своему любимцу и о непродолжительности могущества послѣдняго; могущества преходящаго, временнаго. На милость образца нѣтъ, говоритъ наша родная пословица. Въ старину, ничтожная услуга, оказанная во время, острое словцо кстати сказанное, въ особенности же красивая наружность — выводили счастливцевъ въ люди и возносили ихъ до высоты троновъ королевскихъ. Пользуясь благосклонностью къ нимъ государей или государынь, эти счастливчики, вслѣдъ за собою, обыкновенно вытягивали изъ грязи свою роденку, окружавшую государя живой изгородью, и тѣмъ дѣлая его недоступнымъ; какъ голодныя піявицы сосали государственную казну, а вмѣстѣ съ нею и кровь народную. Загораживалъ ли имъ дорогу человѣкъ истинно даровитый, полезный — его сталкивали, втаптывали въ грязь, отравляли ядомъ, или наговорами и клеветами доводили до изгнанія, до эшафота. Прибѣгая милости и щедроты только для самихъ себя, вредные временщики побуждали державныхъ своихъ покровителей не скупиться на казни и немилости къ другимъ. Въ исторіи всемірной набе-

рется не мало государей, людей въ сущности добрыхъ, но прослывшихъ, однакоже, тиранами, благодаря своей безхарактерности, а главное, благодаря временщикамъ и фавориткамъ, злоупотреблявшимъ ихъ расположенiемъ. Вредными временщиками были: Лейчестеры, Сен-Марсы, Бироны, Шуазели. Этого разряда господа не пренебрегали никакими путями для достиженiя своихъ властолюбивыхъ или своекорыстныхъ цѣлей. Имъ не было нужды, что, стремясь къ почестямъ, они пятнали себя безчестiемъ и по колѣна въ грязи и крови взбирались на высоту, гдѣ эта грязь и кровь становились особенно замѣтны. Какое имъ дѣло, что подъ ихъ ногами раздавались стоны раздавленныхъ и угнетенныхъ? Лишь бы достигнуть цѣли, а тамъ, за золотомъ и яркимъ гербомъ, какъ они были увѣрены, не видно будетъ ни грязи, ни крови; вопли и проклятья жертвъ будутъ заглушены хоромъ льстецовъ и раболѣпствующихъ паразитовъ. Отъ этого разряда временщиковъ рѣзко отдѣляется другой, который мы, за неимѣнiемъ подъ рукою болѣе подходящаго слова, назовемъ разрядомъ временщиковъ полезныхъ. Думая о себѣ, они не забывали другихъ, и милости случайныя, незаслуженныя оправдывали заслугами и подвигами на пользу общую. Кардиналъ Ришелье былъ временщикомъ, но онъ возвеличилъ Францiю; Струэнзе былъ фаворитомъ королевы, но народъ датскiй, за попеченiя министра о пользахъ народа, благословлялъ его; нашъ Меншиковъ тоже временщикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сподвижникъ великаго Петра, умный исполнитель многихъ благихъ его предначертанiй... Временщиками были Разумовскiе, но ихъ фаворитизмъ не вредилъ никому, а благодѣянiя ихъ народу равнялись щедротамъ и милостямъ къ нимъ Елисаветы Петровны. Почетныя прозвища *Чесменскаго* и *Таврическаго*, неразлучно связанныя съ фамилiями Орлова и Потемкина, отчасти заглаживаютъ въ памяти потомства съ ихъ же именами сопряженные эпитеты временщиковъ...

— Но, послѣ этого—возразятъ намъ — каждаго заслуженнаго человѣка можно назвать временщикомъ?

Нѣтъ, не каждаго. Вредный временщикъ – воръ крадущiй милости у своего государя или, что одно и тоже, шулеръ, фальшивый игрокъ, выигрывающiй у счастiя огромныя ставки, благодаря ловкой

своей передержкѣ; полезный временщикъ тоже игрокъ, но игрокъ честный, которому *везетъ*... истинно заслуженный человѣкъ—богачъ, пòтомъ и кровью нажившiй громадное состоянiе, но могущiй дать совѣстливый отчетъ въ каждомъ прiобрѣтенномъ рублѣ. Чистѣйшимъ типомъ безукоризненнаго служаки, начавшаго свое поприще съ солдатскимъ ружьемъ на плечѣ, а окончившаго его съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ, въ коронѣ италiйскаго принца крови—нашъ безсмертный Суворовъ! Этого героя временщикомъ не назовешь; онъ грудью, а не спиной или красивымъ лицомъ взялъ всѣ свои почести; на слѣпую фортуну не полагался, въ удачу не вѣрилъ. „Помилуй Богъ!" говаривалъ нашъ чудо-богатырь: „сегодня удача, завтра удача... надобно же и умѣнье!"

Теперь возвратимся къ прерванному разсказу и окончимъ бiографическiй очеркъ презрѣннѣйшаго изъ всѣхъ временщиковъ древнихъ и новѣйшихъ временъ—графа Лейчестеръ.

Въ сентябрѣ 1573 года Елисаветѣ исполнилось сорокъ лѣтъ; она достигла того возраста, въ которомъ безжалостное время отнимаетъ даже у красавицы большую часть прелестей, а королева англiйская и съ молоду не могла похвалиться красотою, хотя до гробовой доски была увѣрена и заставляла вѣрить другихъ, что прекраснѣе ея нѣтъ на свѣтѣ. Высокая ростомъ, превосходно сложенная, болѣе величавая, нежели грацiозная, она имѣла въ лицѣ что-то жесткое, отталкивающее. Рыжiе, затѣйливо убранные волосы, высоко взбитые по модѣ того времени, осѣняли высокое чело, на которое еще въ молодыхъ годахъ слишкомъ часто набѣгали морщинки глубокой мысли, раздумья, но всего чаще—досады. Носъ напоминалъ клювъ хищной птицы; тонкiя губы, острый выдающiйся подбородокъ обличали характеръ злобный, безжалостный и непреклонный... Глаза королевы англiйской были необманчивымъ зеркаломъ ея души, великой и коварной—какъ море, которое они напоминали своимъ измѣнчивымъ цвѣтомъ. Прозрачно-сѣрые, въ спокойномъ состоянiи Елисаветы, ея глаза отливали лазурью въ минуты радости и дѣлались зеленоватыми, фосфористо-блестящими въ минуты гнѣва. Приближаясь къ сорока годамъ, а съ ними къ разрушенiю, Елисавета приняла всѣ мѣры къ сохраненiю себя вѣчно-юною, съ помощью косметическихъ средствъ, всевозможныхъ

притираній, умываній и т. п. Она, именнымъ указомъ, запретила продавать свои портреты безъ особаго на то разрѣшенія, по той причинѣ, какъ она выражалась, что художники, не видя подлинника, придавали чертамъ ея лица несвойственное ему выраженіе или изображали его съ недостатками, отъ которыхъ „Богъ королеву помиловалъ.“ Въ послѣдніе годы, скрывая сѣдины, Елисавета носила парикъ, а худобу и морщиноватость шеи маскировала высокимъ, туго накрахмаленнымъ воротникомъ. Гардеробъ ея, безспорно, былъ богатѣйшимъ въ Европѣ, такъ какъ въ немъ насчитывали свыше трехъ тысячъ платьевъ, съ соотвѣтствующими каждому уборами. Въ полномъ блескѣ туалета королева явилась на семнадцатидневныхъ празднествахъ графа Лейчестеръ, въ его великолѣпномъ замкѣ Кенильуорсъ, въ 1574 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что подобной роскоши не было видано до тѣхъ поръ ни въ Англіи и нигдѣ въ свѣтѣ. Великій моголъ, конечно, могъ поспорить богатствами съ королевою англійскою и ея фаворитомъ, но при отсутствіи изящества и вкуса что значатъ груды брильянтовъ и горы золота! Праздники въ замкѣ Кенильуорсъ надѣлали шуму въ Европѣ, а разсказы о нихъ возбудили завистливое любопытство въ государяхъ континента. Нѣтъ дѣйствія безъ причины, и графъ Лейчестеръ истратилъ, въ теченіе семнадцати дней до милліона серебряныхъ рублей на наши деньги, не ради пустаго тщеславія. Чествуя въ своемъ замкѣ королеву, онъ видѣлъ въ ней невѣсту, и празднества его были похожи на торжественную помолвку... Съ выраженіями благодарности отъ Елисаветы онъ ждалъ слова согласія, почти увѣренъ былъ, что корона и скипетръ будутъ ему наградами за двадцатилѣтнюю связь, начатую подъ сводами Башни. продолжавшуюся подъ сѣнію престола...

Но о бракосочетаніи своемъ съ фаворитомъ у Елисаветы не было и помину; радужныя мечты временщика разлетѣлись вмѣстѣ съ дымомъ его блестящихъ фейерверковъ, надежды угасли вмѣстѣ съ иллюминаціями.

Къ этому времени можно отнести интимное сближеніе Лейчестера съ семействомъ Вальтера д'Эвре, графа Эссексъ, бывшаго намѣстника Ирландіи. Онъ былъ женатъ на Летиціи Ноллысъ, род-

ственницѣ Елисаветы (со стороны ея матери, Анны Болейнъ), и имѣлъ сына Роберта, родившагося 10 ноября 1567 года. Сближаясь съ Эссексами, графъ Лейчестеръ шелъ къ престолу вновь пролагаемой тропой, по своему обыкновенію — тропой злодѣйства. Обольстивъ Летицію Эссексъ, Лейчестеръ отравилъ ея мужа и тайно обвѣнчался съ нею. Расчетъ убійцы былъ тотъ, чтобы породниться съ Елисаветою и тѣмъ пріобрѣсти неоспоримое право на престолонаслѣдіе. Малолѣтній Робертъ, отданный умирающимъ отцемъ лорду Бурлею, росъ на его попеченіи; бракъ матери съ убійцею оставался тайною для него и для всего двора до 1578 года, когда посланникъ герцога Франциска Анжуйскаго открылъ все Елисаветѣ. Разгнѣванная, она потребовала отъ временщика отвѣта; грозилась засадить его въ Башню, но вскорѣ смѣнила гнѣвъ на прежнюю милость. Графъ Лейчестеръ, безъ всякаго стыда, клятвенно увѣрилъ королеву, что все сообщенное ей ничто иное, какъ гнусная клевета, дѣло интриги завистниковъ. Все пошло прежнимъ порядкомъ...

Въ 1584 г. іезуитъ Парсонъ издалъ анонимный памфлетъ, подъ заглавіемъ *Республика Лейчестера*, въ которомъ разоблачилъ всѣ злодѣйства временщика и выставилъ его опаснымъ крамольникомъ, преобразующимъ на свой ладъ государственную конституцію и покровительствующимъ пуританамъ съ цѣлію найдти въ нихъ поддержку въ случаѣ переворота. Памфлетъ іезуита, написанный желчью со многими преувеличеніями, содержалъ въ себѣ однако же порядочную частицу истинной правды. Что же сдѣлала Елисавета? Государственный совѣтъ, по ея повелѣнію, отъ ея имени издалъ указъ, опровергавшій по пунктамъ всѣ обвиненія, возведенныя на Лейчестера въ памфлетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчислявшій его достоинства и заслуги. Не желая оставаться передъ королевою въ долгу, временщикъ, пригласивъ вельможъ и дворянъ на чрезвычайное собраніе, предложилъ имъ дать законную силу биллю, о преданіи смертной казни каждаго, осмѣливающагося не только покушаться на жизнь королевы, но даже неуважительно о ней отзываться. Парламентъ утвердилъ предложеніе Лейчестера, и новый законъ пришелся, какъ нельзя болѣе кстати, для примѣненія его къ Маріи Стюартъ.

Около этого времени при дворѣ явилось новое лице, обратившее на себя благосклонное вниманіе королевы, а потому, разумѣется, и всѣхъ ея приближенныхъ. Это былъ семнадцатилѣтній Робертъ Эссексъ, стройный красавецъ, умомъ и образованіемъ напомнившій феноменальнаго Филиппа Сиднея (безцѣнный алмазъ въ коронѣ Елисаветы, какъ его называли). Графъ Лейчестеръ не только не глядѣлъ косо на молодаго Эссекса, но представивъ его ко двору, всячески старался выставить Роберта съ самой выгодной стороны. Въ этомъ случаѣ, какъ всегда и во всемъ, у временщика былъ расчетъ и довольно вѣрный. Кромѣ Эссекса, едва ли кто другой могъ занять мѣсто фаворита и такимъ образомъ фаворитизмъ пасынка былъ бы продолженіемъ фаворитизма вотчима; наконецъ и Эссексъ, руководимый своею матерью и Лейчестеромъ, былъ бы надежнымъ и могущественнымъ орудіемъ для осуществленія завѣтныхъ замысловъ временщика. Своими отношеніями къ нему и матери молодой Эссексъ отчасти напоминалъ Гамлета; та же безсильная ненависть къ вотчиму, негодованіе къ матери, съ тою разницею однако, что Эссексъ боялся Лейчестера, а потому передъ нимъ хитрилъ и лукавилъ. Первый дебютъ молодаго Роберта въ роли царедворца былъ весьма удаченъ и снискалъ ему всеобщее одобреніе. Это было осенью, въ Уиндзорѣ. Пользуясь тихой, ясной погодой, Елисавета пожелала прогуляться въ паркѣ, куда отправилась, сопровождаемая нѣсколькими фрейлинами, Лейчестеромъ, Карломъ Блоунтомъ и Эссексомъ. Бродя по алеямъ парка, безъ опредѣленной цѣли, королева достигла его конца, отдаленнаго отъ замка, а потому и содержимаго довольно нерадиво... Широкая дождевая лужа перегородила дорогу Елисаветѣ и она остановилась, будучи принуждена или отступить, или обойдти лужу по влажной травѣ. Замѣтивъ затрудненіе королевы, Эссексъ сорвалъ съ плечъ свою богатую епанчу голубаго бархата, вышитую серебромъ, и разостлалъ ее подъ ноги Елисаветы. Эта внимательность и находчивость понравились ей, ласковая улыбка и нѣсколько привѣтливыхъ словъ были наградою молодаго кандидата въ фавориты, которому лужа послужила первой ступенькой къ возвышенію. Нравственный выводъ изъ этого событія самъ напрашивается на языкъ, и нельзя удержаться, чтобы не сказать объ Эссексѣ: онъ не пер-

вый и не послѣдній временщикъ, благодаря грязи вышедшій въ люди (¹).

Весною 1585 года соединенные штаты Нидерландовъ рѣшились свергнуть ненавистное испанское иго. Елисавета, помогая имъ субсидіями и военными силами, главнокомандующимъ своихъ войскъ назначила графа Лейчестеръ. Желая дать случай Эссексу отличиться на полѣ брани, временщикъ предложилъ ему отправиться съ нимъ въ походъ, на что Эссексъ однако же сначала не согласился, но потомъ, по настояніямъ матери, отправился. Встрѣча, оказанная Лейчестеру въ Нидерландахъ, была истинно королевскимъ тріумфомъ; жители Нидерландовъ и войска республики заранѣе привѣтствовали его какъ освободителя и героя. Лейчестеръ единодушно былъ избранъ въ правители соединенныхъ провинцій. Упоенный своимъ торжествомъ временщикъ до того забылся, что принялъ предложенный ему санъ, не испросивъ на то разрѣшенія своей государыни. Оскорбленная Елисавета, довольствуясь выговоромъ, простила фавориту его безтактность. Военныя дѣйствія открылись, но успѣхи Лейчестера далеко не соотвѣтствовали возлагаемымъ на него надеждамъ нидерланцевъ. Ловкій на турнирахъ и ристалищахъ, онъ оказался бездарнѣйшимъ полководцемъ; искусный въ интригахъ, одаренный способностью убивать изъ-за угла или опаивать ядомъ своихъ соперниковъ, временщикъ, лицемъ къ лицу съ непріятелемъ, на ратномъ полѣ пасовалъ, смущался, трусилъ... Разбиваемый герцогомъ Пармскимъ онъ безъ толку тратилъ войска и, вмѣсто войны наступательной, велъ оборонительную. Нидерландцы увидѣли, что немного поторопились вѣнчать лаврами иноземца, бойкаго на словахъ, щедраго на обѣщанія, но покуда, еще не разочарованные окончательно, ждали безропотно, что счастье авось улыбнется и Лейчестеру. Онъ осадилъ Зуфтенъ. Эссексъ, начальствовавшій кавалеріей, оказалъ чудеса храбрости, серъ Филиппъ Сидней, смертельно раненый, запечатлѣлъ кровью добросовѣстное свое служеніе правому дѣлу, пожертвовалъ ему и жизнію, но ни тотъ, ни другой не принесли нидерландцамъ ни-

---

(¹) По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, это сдѣлалъ серъ Вальтеръ Рэли (Raleigh).

какой существенной пользы, и всеобщее негодованіе было достойной наградой бездарному Лейчестеру, взявшемуся не за свое дѣло (¹). Въ ноябрѣ 1586 года онъ возвратился въ Англію и, вмѣсто преданія суду, былъ пожалованъ въ министры двора, а Эссексъ въ шталмейстеры. Находясь теперь въ своей сферѣ, временщикъ принималъ самое дѣятельное участіе въ процессѣ Маріи Стюартъ и настойчиво предлагалъ отравить ее ядомъ, что, какъ мы уже видѣли, отвергнуто было канцлеромъ Уольсингэмомъ. На слѣдующій 1587 годъ, Лейчестеръ имѣлъ безстыдство снова отправиться въ Нидерланды, для отраженія испанцевъ отъ устьевъ Шельды. На этотъ разъ онъ прибылъ единственно для руководства интриги и обширнаго заговора, организованныхъ въ его пользу многочисленными его приверженцами. Временщикъ надѣялся, по окончательномъ отраженіи и вытѣсненіи испанцевъ изъ нидерландскихъ штатовъ, прибрать ихъ къ рукамъ и сдѣлаться не штатгальтеромъ республики, но прямо королемъ. Слухъ о его козняхъ достигъ до ушей Елисаветы, и она поспѣшила отозвать своего возлюбленнаго въ Англію... Заговоръ шелъ успѣшно, число приверженцевъ возрастало, не смотря на усиленіе партіи друзей свободы и независимости, но Лейчестеръ не смѣлъ ослушаться своей королевы. Передъ отъѣздомъ, онъ роздалъ своимъ нидерландскимъ друзьямъ золотыя медали, которыя и въ его отсутствіе должны были напоминать имъ о продолженіи и доведеніи до желаннаго конца начатаго дѣла. На этихъ медаляхъ, на одной сторонѣ былъ изображенъ поясной портретъ Лейчестера, а на другой—стадо овецъ съ собакою удаляющеюся, но оглядывающеюся; надпись вверху гласила: „по неволѣ покидаю“ (invitus desero), а внизу: „не стадо, но неблагодарныхъ“ (non gregem sed ingratos)... Приверженцы временщика,

---

(¹) Филиппъ Сидней, родной племянникъ Лейчестера, но не смотря на это добрый и благородный человѣкъ, родился въ 1554 году, скончался отъ полученной раны въ Арнгеймѣ 16 октября 1586 года. Превосходно образованный онъ прославился на поприщахъ дипломатическомъ, военномъ и литературномъ. Піеса Lady ot the May, буколическій романъ Arcadia даютъ ему право на почетное мѣсто между писателями вѣка Елисаветы. Польское дворянство предлагало ему королевскую корону, отъ которой онъ отказался, предпочитая вмѣсто того быть подданнымъ Елисаветы.

усердно содѣйствуя его видамъ, дѣятельно посѣвали раздоры въ нидерландцахъ, умножая число внѣшнихъ враговъ внутренними.

Война Англіи съ Испаніей приняла ужасающіе размѣры. Филиппъ II снаряжалъ свою знаменитую *Непобѣдимую Армаду*, подъ начальствомъ адмирала Медина-Сидонія; Елисавета, со своей стороны, готовилась встрѣтить могучаго врага, довѣривъ предводительство морскихъ силъ великому адмиралу графу Арондель Карлу Гоуарду, Френсису Дреку, Гоукинсу, Фробишеру; командованіе войсками сухопутными, собранными въ Тильбюри, было возложено на Лейчестера; графъ Эссексъ—теперь уже кавалеръ ордена Подвязки, былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи. Производя въ Тильбюри смотръ своимъ войскамъ, Елисавета, указывая имъ на Лейчестера, произнесла такую рѣчь:

— Онъ, мой генералъ-лейтенантъ, среди васъ замѣнитъ вамъ меня.. Донынѣ еще ни у одного государя не было достойнѣйшаго и благороднѣйшаго подданнаго!..

Одному Богу извѣстно, на сколько этотъ благороднѣйшій и достойнѣйшій подданный оправдалъ бы довѣріе своей государыни, если бы Непобѣдимой Армадѣ, 1 іюля 1588 года отплывшей изъ Лиссабона, не пришлось бороться со стихіями, вмѣсто англійскихъ войскъ. Адмираламъ легко было добить жалкіе остатки испанскаго флота, разореннаго бурями, пожарами, разбившагося о подводныя скалы. Гордясь побѣдою, Елисавета увѣковѣчила гибель Армады двумя медалями; сперва съ девизомъ, приписывавшимъ всю честь и славу ей, *женщинѣ*, но потомъ, по совѣту парламента, велѣла эту хвастливую надпись замѣнить стихомъ псалма: Помощь мнѣ отъ Господа, сотворившаго небо и землю (Пс. 120 ст. 2).

Щегольское появленіе на конѣ, въ блестящихъ доспѣхахъ, съ жезломъ фельдмаршала, передъ войсками, на парадѣ въ Тильбюри, было послѣднимъ явленіемъ жизненной трагедіи Лейчестера; въ томъ же 1588 году онъ умеръ въ Корнбьюри, на пятьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія. Въ конной рыцарской залѣ арсенала лондонской Башни (the horse armoury) донынѣ сохраняется одѣтая въ подлинные доспѣхи Лейчестера его величавая, красивая фигура на удивленіе позднѣйшаго потомства. Эта кукла, точное изображеніе

всѣхъ достоинствъ фаворита Елисаветы, имѣетъ передъ живымъ своимъ подлинникомъ именно то великое преимущество, что она кукла, хотя и такая же бездушная, какъ Лейчестеръ, но за то безвредная... Какъ хорошо было бы, еслибы въ старину короли и королевы, вмѣсто живыхъ куколъ временщиковъ и фавориток, довольствовались восковыми или деревянными; отъ сколькихъ бѣдствій были бы тогда избавлены ихъ подданные; казна отъ расхищенія; человѣчество отъ стыда, а исторія отъ многихъ позорныхъ страницъ.

Похоронивъ Лейчестера, Елисавета не долго вдовствовала и не долго его оплакивала; открывшаяся ваканція, чуть-ли еще не при жизни временщика, уже была замѣщена Эссексомъ. Подвернулся было другой искатель счастія, Карлъ Блоунтъ—лордъ Монжуа (Montjoie), но Эссексъ, со шпагою въ рукѣ, удержалъ за собою выгодную позицію. Изъ за пустаго повода, онъ вызвалъ Блоунта на дуэль, скрестилъ съ нимъ шпагу и былъ раненъ въ колѣно.

— Что за негодные мальчишки! сказала Елисавета, узнавъ о столкновеніи соперниковъ, но внутренно весьма довольная — надобно ихъ унять, а то пожалуй тотъ и другой головъ не снесутъ.

Пожуривъ бойцевъ тономъ доброй бабушки, выговаривавшей шалунамъ внукамъ, королева ихъ помирила, и враги сдѣлались добрыми друзьями. Сравненіе королевы съ бабушкой, а графа Эссекса и Блоунта, съ внуками, кажется намъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что оба они, по своимъ годамъ, дѣйствительно годились ей во внуки, но именно потому она и удостоивала Эссекса пыломъ старческаго своего сердца: ей было тогда пятьдесятъ шесть лѣтъ, а фавориту двадцать два года. Набѣленная, нарумяненная, въ рыжемъ парикѣ, опутанномъ брильянтовыми нитями, Елисавета, рука объ руку съ Эссексомъ, какъ молоденькая дѣвочка порхала на придворныхъ балахъ, въ полной увѣренности, что она неизмѣнно все та же, какою была тридцать шесть лѣтъ тому назадъ и что старость, постигая всѣхъ простыхъ смертныхъ, къ ея британскому величеству не смѣетъ прикасаться... Первые годы фаворитизма графа Эссекса—смѣшной водевиль, послужившій прологомъ къ кровавой траге-

дія. Елисавета, тридцать два года сожительствуя съ Лейчестеромъ, осыпая его богатствами и почестями, покорялась ему какъ жена мужу; скажемъ болѣе — она боялась Лейчестера, который держалъ ее въ рукахъ. Молодаго Эссекса она сама взяла въ руки, надоѣдала ему ревностью, капризами, играла имъ какъ пѣшкой и при малѣйшей, съ его стороны, попыткѣ поослабить гнетущее его иго обходилась съ фаворитомъ не слишкомъ-то вѣжливо. Новый временщикъ былъ похожъ на несчастнаго молодаго мужа, отдавшагося въ кабалу старой, сварливой женѣ ради ея богатства... А между тѣмъ, Эссексъ, при сравненіи его съ покойнымъ Лейчестеромъ, былъ честнѣе, благороднѣе, добрѣе и талантливѣе. Пользуясь особенною благосклонностью королевы, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ старался оправдать ея милости къ нему воинскими подвигами, на что трусливый Лейчестеръ никогда не былъ способенъ. Положеніе Эссекса было еще и тѣмъ хуже положенія Лейчестера, что у послѣдняго были только безмолвные завистники и болтливые льстецы; у Эссекса были враги и клеветники, нашептывавшіе на него Елисаветѣ. За каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ Эссекса слѣдили тысячи глазъ, тысячи ушей, затѣмъ чтобы истолковать его поступки и рѣчи въ дурную сторону, и доводить о нихъ до свѣденія королевы. Въ Лейчестера она вѣрила; въ Эссексѣ сомнѣвалась; послѣднему въ каждой ябедѣ или клеветѣ, на него сплетенной, приходилось разубѣждать свою высокую покровительницу, оправдываться. На время успокоенная Елисавета, при первомъ поводѣ, снова впадала въ сомнѣніе, слушала ябедниковъ, косилась на фаворита.

Въ началѣ 1589 года, серъ Джонъ Норрисъ и Френсисъ Дрэкъ задумали экспедицію въ Португалію для возведенія на престолъ низложеннаго дона Антоніо. Эта мысль, опасный походъ въ далекій край, сопряженный съ подвигами, можетъ быть, и славными побѣдами — плѣнили графа Эссекса, и онъ, не сказавъ ни слова королевѣ, безъ ея вѣдома и разрѣшенія, отправился въ Португалію, откуда его вызвала Елисавета грознымъ письмомъ, наполненнымъ колкостями и упреками. Графъ Эссексъ возвратился, и королева успокоилась; онъ ждалъ выговоровъ, ареста, она встрѣтила его ласками и нѣжностями, стоившими тѣлеснаго наказанія.

*

Безумная ревность влюбленной старухи заставляла бѣднаго графа Эссекса хитрить и лукавить во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судьба сталкивала его съ молодыми, красивыми женщинами. Скрѣпя сердце, молодой красавецъ принужденъ былъ разыгрывать роль скромника, неизмѣнно вѣрнаго своей дряхлой мегерѣ. Онъ писалъ ей даже стихи нѣжнаго содержанія, изъ которыхъ особенно замѣчательны одни, читанные или пропѣтые на праздникѣ, данномъ графомъ Эссексомъ въ 1589 году. Въ нихъ несчастный поэтъ отказывался отъ своей бранной славы, бросалъ мечъ и шлемъ, уступая послѣдній пчеламъ, вмѣсто улья; выражалъ готовность замѣнить воинскіе доспѣхи—власяницею, лишь бы быть исповѣдникомъ и капелланомъ владычицы своего сердца, т. е. Елисаветы (1). Мы не смѣемся надъ поэтомъ-царедворцемъ; насъ ни мало не удивляетъ, что его могла вдохновить пятидесятишестилѣтняя старуха. Будь на мѣстѣ Эссекса любой современный поэтъ по профессіи, другъ народа, не преклоняющійся (на словахъ) передъ сильными міра сего, и онъ бы писалъ Елисаветѣ оды, посланія, мадригалы; и онъ бы почерпалъ вдохновеніе, если не въ тусклыхъ очахъ *женщины*, то въ золотой казнѣ *королевы*. Страшась ея гнѣва, Эссексъ въ 1590 году тайно обвѣнчался со вдовою Филиппа Сиднея, единственной дочерью канцлера Уольсингэма. Враги фаворита не замедлили доносомъ, и Елисавета была въ ярости! Сохраняя еще на столько чувство своего достоинства, чтобы не выказать вульгарной ревности, королева негодовала на графа Эссекса за этотъ неровный, по ея словамъ, неприличный бракъ, унижающій родъ Эссексовъ. „Онъ могъ бы составить партію болѣе достойную“, говорила она приближеннымъ — „отъ его руки не отказалась бы любая владѣтельная принцесса!“

Въ 1591 году французскій король Генрихъ IV просилъ у Елисаветы помощи для усмиренія мятежныхъ своихъ подданныхъ. Начальство надъ вспомогательными войсками, отправленными во

---

(1) Они помѣщены въ подлинникѣ въ Исторіи Елисаветы, соч. Кераліо (M. Keralio: Vie d'Elisabeth reine d' Angleterre P. 1786—5 vol. in 8, tome V). Книга отмѣнно сухая и скучная, любопытная единственно по обнародованнымъ въ ней документамъ.

Францію, было возложено на графа Эссексъ. Онъ настоятельно требовалъ отъ Генриха осады Руана, оказалъ замѣчательную храбрость подъ его стѣнами, гдѣ братъ его Вальтеръ былъ убитъ. Графъ Эссексъ увѣрялъ Генриха, что своими орудіями разгромитъ укрѣпленія города и не оставитъ въ немъ камня на камнѣ; но король французскій не соглашался на эти предложенія. Его пугало ретивое усердіе иноземца и удерживали жалость и стыдъ отдать родной городъ на разграбленіе англійскому войску. Обиженный отказомъ короля графъ Эссексъ вызвалъ на поединокъ Виллара, коменданта Руана, который уклонился отъ этой чести. Тогда англійскій полководецъ возвратился на родину ни съ чѣмъ. Покуда онъ отличался во Франціи, завистники его не дремали, что̀ доказалось суровою встрѣчею, оказанною графу Эссексу королевою. Недовольная его дѣйствіями во все продолженіе похода, она особенно выговаривала ему за своевольничанье, за превышеніе данной ему власти, такъ какъ онъ произвелъ нѣкоторыхъ въ офицеры, не испросивъ на то разрѣшенія королевскаго. Не малаго труда стоило Эссексу вымолить себѣ прощеніе, и съ этого времени онъ сталъ заискивать расположенія народа, покровительствуя пуританамъ и всячески стараясь сдѣлаться популярнымъ. Въ 1593 году Елисавета включила его въ число членовъ государственнаго совѣта, и въ это же время за границей была напечатана брошюра возмутительнаго содержанія: *о престолонаслѣдіи въ Англіи*, посвященная графу Эссексу. Въ ней неизвѣстный его недоброжелатель, обвиняя его въ домогательствѣ верховной власти, угрожалъ Англіи мятежами, единственнымъ спасеніемъ отъ которыхъ могло быть сверженіе Елисаветы съ престола. Несомнѣнно, что это исчадіе зависти и недоброжелательства было дѣломъ враговъ Эссекса, отчасти достигшихъ своей цѣли, такъ какъ брошюра эта возстановила королеву противъ ея любимца. Дряблое сердце Елисаветы повелѣвало ей не разставаться съ Эссексомъ; разсудокъ, устами его ненавистниковъ, совѣтовалъ держать его въ почтительномъ отдаленіи отъ дѣлъ внутренней политики, даже отъ Англіи. Облекая устраненіе своего фаворита въ благовидную форму, Елисавета возлагала на него порученія почетныя, при удачномъ исполненіи которыхъ онъ могъ заслужить новыя награды и милости. Въ 1596

году испанцы осадили Кале; обсерваціонный корпусъ, посланный въ Дуврь, былъ отданъ подъ начальство графа Эссекса. Пользуясь войною, великій адмиралъ Гоуардъ, вмѣстѣ съ фаворитомъ, составилъ планъ новой экспедиціи въ Испанію и съ сильными десантными войсками они отплыли къ Кадиксу, который сдался Эссексу на капитуляцію. Пятаго іюля 1596 г. герой отплылъ изъ Кадикса, а 10 августа прибылъ въ Плимутъ, гдѣ его встрѣтила Елисавета и восхищенный народъ. Послѣдній выказалъ при этомъ живѣйшее сочувствіе Эссексу, и тріумфъ побѣдителя былъ самымъ чувствительнымъ отмщеніемъ его клеветникамъ, которые, разумѣется, не преминули предостеречь королеву отъ опасности вслѣдствіе этихъ слишкомъ пріязненныхъ отношеній народа къ графу Эссексу. По возвращеніи въ Лондонъ, онъ былъ приглашенъ во дворецъ къ Елисаветѣ для важныхъ объясненій. Выведенная изъ терпѣнія постоянными наговорами, происками и каверзами и выразивъ свое негодованіе не на него, Эссекса, но на его враговъ олигарховъ, королева явила ему новый знакъ расположенія и искренней довѣренности. Она подарила своему любимцу собственный перстень, будто волшебный, предохранительный талисманъ противъ злодѣевъ. На краю погибели, оговоренный въ какомъ бы то ни было преступленіи, подъ топоромъ палача, Эссексъ *имѣлъ право, предъявивъ этотъ перстень королевѣ, получить полное прощеніе.* Этотъ перстень былъ даромъ Елисаветы не подданному, но любимому человѣку, жизнь котораго была ей дорога, священна. Неограниченная въ тайныхъ своихъ ласкахъ, королева однако же явно была строга и взыскательна къ фавориту, удаляла отъ должностей всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ покровительствовалъ; его рекомендаціи сдѣлались подорожными къ увольненію отъ службы. Подпольная интрига, ведомая вельможами, шла успѣшно; робкіе, низкопоклонные передъ покойнымъ Лейчестеромъ, они съ возмутительной дерзостью подкапывались подъ графа Эссексъ. Чтобы утѣшить его и успокоить, Елисавета произвела фаворита въ генералъ-фельдцейхмейстеры въ 1597 году и, какъ бы въ благодарность королевѣ за ея новую милость, графъ Эссексъ испросилъ у нея разрѣшенія на новую экспедицію въ Испанію, занятую въ то время снаряженіемъ флотовъ въ Коруньѣ и Ферролѣ. Эта экспе-

диція не увѣнчалась успѣхомъ: сильная буря у Плимута, а затѣмъ противные вѣтры задержали англійскій флотъ у родныхъ береговъ около мѣсяца. Выжидая погоды, Эссексъ передумалъ ѣхать въ Испанію, а вмѣсто того рѣшился вмѣстѣ съ Вальтеромъ Рэли (Raleigh) плыть въ Индію для отнятія ея отъ испанцевъ. Но и эта экспедиція не состоялась, вслѣдствіе размолвокъ между адмираломъ и Эссексомъ. Всѣ ихъ подвиги ограничились завоеваніемъ одного изъ Асорскихъ острововъ и захватомъ трехъ испанскихъ кораблей, шедшихъ изъ Гаванны съ богатымъ грузомъ.

По возвращеніи въ Англію, Эссексъ нашелъ при дворѣ перемѣны къ худшему и такое усиленіе враждебной ему партіи, что рѣшился подать въ отставку. Это съ его стороны не было пустой угрозой, но слѣдствіемъ сознанія, что ему при новыхъ порядкахъ дѣлать было нечего, или еще того хуже, не устоять. Елисавета, желая удержать фаворита отъ его намѣренія, произвела его въ великіе маршалы Англіи. Это повышеніе придало Эссексу самонадѣянности, и онъ вообразилъ, что одинъ въ состояніи будетъ бороться съ легіономъ своихъ недоброжелателей. Въ 1598 году, между Англіей и Испаніей начались переговоры о мирѣ. Лордъ Бурлей и большинство членовъ государственнаго совѣта подали голосъ за миръ, графъ Эссексъ одинъ стоялъ за продолженіе войны, обѣщая Англіи громадныя выгоды и осыпая чуть не бранью бывшаго своего воспитателя Бурлея и его приверженцевъ. Недовольствуясь устными доводами, Эссексъ напечаталъ меморію въ свою защиту, причемъ не поскупился на язвительныя нападки и насмѣшки надъ своими противниками. Вообще въ послѣдніе три года жизни, фаворитъ, озлобленный, выведенный изъ терпѣнія высказывалъ непозволительную запальчивость. Непрерывныя смуты въ Ирландіи требовали рѣшительныхъ мѣропріятій, и этотъ вопросъ всесторонне обсуждался на совѣтѣ и въ парламентѣ. Не щадя намѣстника и его подчиненныхъ, Эссексъ охуждалъ всѣ ихъ дѣйствія, доказывалъ, что при ихъ вялости и нерѣшительности, умиротвореніе мятежной страны немыслимо. Однажды, при подобномъ спорѣ въ кабинетѣ королевы, онъ до того раскричался, что она ударила его перчаткой по щекѣ.... Кто изъ насъ еще въ дѣтствѣ не читалъ объ этой знаменитой пощечинѣ, болѣе позорной для

Елисаветы, нежели для ея фаворита? Окончательно вышедшій изъ себя, графъ Эссексъ схватился за эфесъ шпаги и сдѣлалъ шагъ къ королевѣ; свидѣтель скандала, графъ Арондель, едва могъ удержать его....

— Королева и женщина! прохрипѣлъ Эссексъ съ пѣной у рта и сверкающими глазами смотря прямо въ лице Елисаветѣ—я бы не простилъ этой обиды Генриху VIII, еслибъ онъ былъ на вашемъ мѣстѣ!

И взбѣшенный онъ вышелъ изъ кабинета, не обращая вниманія ни на увѣщанія великаго адмирала, ни на королеву, требовавшую чтобы онъ остался. На предложеніе канцлера просить извиненія у Елисаветы, Эссексъ написалъ ему длинное письмо, въ которомъ не только доказывалъ, что онъ правъ, но еще осыпалъ королеву упреками. Послѣдняя еще посердилась нѣсколько времени и простила смѣльчака, внутренно сознавая, что онъ былъ правъ.

Этотъ фактъ, какъ мы уже сказали, не позоритъ графа Эссекса, но, напротивъ, приноситъ ему величайшую честь, такъ какъ здѣсь во временщикѣ пробудился герой, а въ рабѣ воскресъ человѣкъ. *Необидчивость* — первая и капитальная добродѣтель каждаго истаго паразита и временщика: покровитель можетъ имъ давать щелчки по носу, пощечины, подъ горячій часъ удостоивать собственноручно и ударомъ трости; но ихъ дѣло гнуть свои спины, столь же гибкія какъ трость, улыбаться и цѣловать ручку, которая за обиду не преминетъ наградить болѣе или менѣе щедрой подачкой... Эссексъ, къ собственному своему несчастію, былъ не таковъ! Терпѣливо перенося ласки Елисаветы, онъ не въ силахъ былъ сносить оскорбленія, и его вспышка за пощечину доказываетъ, что въ немъ его фаворитизмъ еще не заглушилъ чувствъ личнаго достоинства; что онъ былъ гордъ не единственно только съ тѣми, которыхъ считалъ ниже себя.

Двѣнадцатаго марта 1598 года Эссексъ былъ назначенъ вице-королемъ ирландскимъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ, и вмѣстѣ съ войсками отправился къ мѣсту своего назначенія. Отличный администраторъ на словахъ, въ своихъ спорахъ въ совѣтѣ, графъ Эссексъ оказался далеко не таковымъ на дѣлѣ. Всѣ его распоряженія въ Ирландіи противорѣчили, во первыхъ, высказанной

имъ программѣ, а во вторыхъ, носили на себѣ отпечатокъ торопливости, необдуманности и совершеннаго незнанія края. Тамъ, гдѣ слѣдовало употребить силу, вице-король дѣйствовалъ безуспѣшно убѣжденіями; гдѣ необходимо было оказать снисхожденіе онъ былъ строгъ. Войска и деньги растрачивались имъ безъ толку и, вмѣсто реляцій объ успѣхахъ, онъ писалъ къ королевѣ только о высылкѣ ему подкрѣпленія, то золотомъ, то оружіемъ.

— „Явная измѣна!“ шепнули Елисаветѣ царедворцы и она, запретивъ графу Эссексу отлучаться изъ Ирландіи, впредь до прибытія новаго вице-короля, послала туда съ войсками личнаго врага фаворита, графа Ноттингэма. Незадолго до прибытія послѣдняго, графъ Эссексъ, во ожиданіи подкрѣпленія, имѣлъ неосторожность заключить съ мятежниками перемиріе... Сдавъ начальство и запутанныя дѣла Ирландіи графу Ноттингэму, бѣдный Эссексъ со стыдомъ возвратился въ Англію, гдѣ ожидало его паденіе и гдѣ изъ временщика ему было суждено превратиться въ мятежника. Елисавета отдала графа Эссекса подъ судъ, на которомъ онъ крайне плохо защищался, сваливалъ свои вины на другихъ, жаловался на злоупотребленія, которыми былъ окруженъ въ Ирландіи; наконецъ, упреждая приговоръ, предложилъ судьямъ, удалить его отъ двора на житье въ помѣстья. Паденіе съ высоты моральной, какъ и съ физической, рѣдко обходится безъ вреда здоровью— и Эссексъ захворалъ, слегъ въ постель. Въ сердцѣ Елисаветы пробудилось чувство жалости; отложивъ, на время, засѣданія слѣдственной комиссіи, она выразила живѣйшее участіе къ больному, нѣсколько разъ навѣщала его, сама подавала лекарства. Эта внимательность оказала на здоровье Эссекса благотворное вліяніе, и онъ выздоровѣлъ; всю его болѣзнь будто рукой сняло...

— Онъ притворялся! шепнули завистники королевѣ, и она имъ повѣрила.

Опять открылись засѣданія слѣдственной комиссіи, приговоръ которой былъ утвержденъ государственнымъ совѣтомъ. Графа Эссекса присудили къ увольненію отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, съ лишеніемъ орденовъ и оставленіемъ чина генерала кавалеріи... Трудно рѣшить, въ какомъ положеніи временщикъ болѣе жалокъ: на высотѣ величія или послѣ своего паденія? Раз-

жалованный Эссексъ смирился, впалъ въ ханжество и, воздыхая о суетѣ мірской, уединился отъ общества. Лѣтомъ 1600 года, будто солнце изъ за тучъ, ему прощальной улыбкой блеснуло счастье: именемъ королевы ему объявлено было прощеніе, съ запрещеніемъ, однако, пріѣзда ко двору. Видя въ этомъ, и не безъ основанія, происки враговъ графа Эссекса, секретарь его Генрихъ Кюфъ совѣтовалъ своему патрону во что бы то ни стало добиться секретной аудіенціи у королевы, при которой онъ могъ бы изобличить своихъ злодѣевъ. Графъ отклонился отъ этого, сознавая всю безполезность подобнаго дѣйствія.

— Какія объясненія могутъ быть съ женщиной, у которой умъ такъ же одряхлѣлъ, какъ и тѣло! сказалъ при этомъ раздраженный Эссексъ.

Черезъ домашнихъ шпіоновъ, изъ устъ въ уста, этотъ дерзкій отзывъ дошелъ до Елисаветы. Она приняла это къ свѣдѣнію. Иной планъ, иные умыслы зрѣли въ умѣ Эссекса. Онъ помнилъ изъявленіе любви народной при его встрѣчѣ по возвращеніи изъ Кадикса; до него доходили сочувственные отзывы о постигшей его опалѣ; преданные ему люди вербовали на его сторону пуританъ, которымъ онъ всегда покровительствовалъ. Основываясь на этихъ данныхъ, конечно шаткихъ, ненадежныхъ, графъ Эссексъ задумалъ, свергнувъ Елисавету, возвести на англійскій престолъ Іакова VI, короля шотландскаго (сына Маріи Стюартъ), или самому надѣть ту корону, которой такъ долго и безуспѣшно домогался покойный Лейчестеръ. Съ Іаковомъ шотландскимъ Эссексъ вошелъ въ тайныя сношенія, обѣщая, въ случаѣ народнаго возстанія, поддержку со стороны войскъ, расположенныхъ въ Ирландіи подъ начальствомъ Монжуа. Съ января 1601 года во дворцѣ Эссекса начались сходбища его соучастниковъ для обсужденія плана возстанія. Для возбужденія ярости народной рѣшили пустить молву объ измѣнѣ вельможъ Елисаветы и о ихъ сношеніяхъ съ испанскимъ королевскимъ домомъ, которому они, будто бы, намѣреваются продать англійскій престолъ. Поднявъ народъ, подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, заговорщики надѣялись послѣ дать бунту иное направленіе. Вечеромъ 17 февраля, члены тайнаго общества, организованнаго графомъ Эссексомъ, въ числѣ 120 человѣкъ, намѣре-

вались, съ оружіемъ въ рукахъ, идти къ дворцу и принудить королеву образовать новый парламентъ по распущеніи прежняго. Елисавета, узнавъ о сборищѣ, послала къ графу Эссексу Роберта Сэквилля, сына государственнаго казначея, съ приказомъ немедленно явиться въ государственный совѣтъ. Первымъ движеніемъ заговорщика было идти, но получивъ безымянную записку, предупреждавшую его объ опасности, онъ отказался отъ приглашенія королевы, подъ предлогомъ нездоровья. По уходѣ посланнаго друзья Эссекса предлагали ему бѣжать, но онъ, отвѣчая отказомъ, объявилъ имъ о воззваніи къ народу и возмущеніи всего Лондона. На другой день, утромъ 18 февраля, 300 заговорщиковъ собрались въ домѣ Эссекса для окончательнаго обсужденія плана бунта и овладѣнія Башнею. Во время совѣщаній въ залу собранія неожиданно вошелъ лордъ-канцлеръ, лордъ Эджертонъ, сопровождаемый тремя членами парламента, и отъ имени королевы спросилъ у присутствовавшихъ о причинѣ сходбища. Ему отвѣчали угрозами и вмѣстѣ со спутниками объявили, что они всѣ четверо арестованы. Оставивъ ихъ въ своемъ дворцѣ, подъ надзоромъ надежныхъ друзей своихъ, графъ Эссексъ, сопровождаемый остальными сообщниками, съ обнаженной шпагой выбѣжалъ на улицу съ крикомъ:

— За королеву! за государыню нашу!.. Народъ, спасай меня отъ убійцъ и злодѣевъ!..

На этотъ призывъ откликнулись немногіе. Народъ, не столько съ участіемъ сколько съ любопытствомъ, смотрѣлъ на шумную толпу, съ оружіемъ въ рукахъ бѣжавшую по улицамъ. По мѣрѣ приближенія къ королевскому жилищу, число спутниковъ графа Эссекса убывало; болѣе нежели на половинѣ дороги дальнѣйшій путь мятежникамъ былъ прегражденъ цѣпями и рогатками. Миновавъ одну преграду, на другой они принуждены были прорваться силою чрезъ толпу народа, придерживавшаго рогатку; при этомъ нѣсколько человѣкъ было убито и ранено.

— Долой бунтовщиковъ! кричали горожане, отражая толпу, предводимую Эссексомъ, дубинами и бердышами.

Такова была поддержка мятежному временщику со стороны народа, на любовь котораго онъ такъ расчитывалъ.

Оставивъ товарищей на волю божію, графъ Эссексъ пустился бѣгомъ по набережной и въ лодкѣ чрезъ Темзу возвратился къ себѣ во дворецъ, совершенно опустѣлый. Недавніе плѣнники лордъ-канцлеръ, члены парламента, вмѣстѣ съ охранявшими ихъ друзьями графа Эссекса спокойно ушли къ Елисаветѣ... Эссексъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Всѣ историки единогласно отдаютъ справедливость королевѣ англійской, выказавшей въ этотъ опасный день спокойствіе и неустрашимость, особенно достойныя удивленія въ шестидесятивосьмилѣтней женщинѣ. Увѣренная въ любви народной, она смотрѣла на сумасбродную попытку графа Эссекса съ той улыбкой презрѣнія, съ которой великанъ глядитъ на замахнувшагося на него ребенка. Ее глубоко тронула готовность жителей Лондона защищать свою законную королеву, и она видѣла въ этой готовности запасъ любви и неограниченной преданности. Бывшій тогда при англійскомъ дворѣ посланникъ царя Бориса Годунова, дворянинъ Микулинъ, стоялъ въ рядахъ защитниковъ Елисаветы, о чемъ она съ благодарностью писала царю, славя доблесть его представителя. Для суда надъ Эссексомъ и его сообщниками была наряжена комиссія изъ 25 пэровъ королевства, и засѣданіе началось. На первый же вопросъ: что могло побудить его къ возстанію? графъ Эссексъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ въ видахъ блага государства и спасенія королевы отъ вельможъ, умышлявшихъ ея низложеніе и призваніе на престолъ инфанты испанской. Душею этого фантастическаго заговора графъ Эссексъ назвалъ Сесиля, упоминалъ и о другихъ, но по всѣмъ его рѣчамъ видно было, что онъ импровизируетъ свою защиту. Министры королевы, особенно же Френсисъ Бэконъ (нѣкогда облагодѣтельствованный Эссексомъ), безъ труда опровергли всѣ его показанія и принудили отступиться отъ собственныхъ словъ. Посаженный въ Башню, графъ Эссексъ чистосердечно сознался во всемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ малодушно оговорилъ, кромѣ своихъ сообщниковъ, множество лицъ, заговору вовсе непричастныхъ. Ни признанія, ни предательство не смягчили участи мятежника, и судъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, приговорилъ его къ смертной казни. Выслушавъ приговоръ, исполненіе котораго было назначено на 25 число февраля, Эссексъ,

не приступая ни къ какимъ предсмертнымъ распоряженіямъ, выразилъ одно только желаніе видѣть графиню Ноттингэмъ, супругу его заклятаго врага, но къ нему расположенную, даже слишкомъ, какъ говорили злые языки. Желаніе осужденнаго было исполнено, и графиня на нѣсколько минутъ посѣтила его.

Елисавета не скоро рѣшилась подписать смертный приговоръ бывшаго своего любимца. Ее возмущала не дерзость, но непреклонность графа Эссекса, ни разу во все продолженіе слѣдствія не выразившаго даже намѣренія прибѣгнуть къ милосердію королевы. Она ждала раскаянія, онъ молчалъ; она ждала просьбы о пощадѣ, но гордый Эссексъ, какъ видно не желалъ купить спасеніе жизни униженіемъ. Утромъ 25 февраля 1601 г. онъ былъ обезглавленъ въ подвальномъ этажѣ Башни. Отъ вниманія присутствовавшихъ не ускользнули тревожные взгляды, которые Эссексъ обращалъ вокругъ себя, будто чего-то поджидая до самой послѣдней минуты. Пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ жителямъ столицы, что приговоръ надъ мятежникомъ совершенъ, правосудіе удовлетворено, и душа бывшаго временщика вознеслась къ небу, какъ облачко пороховаго дыму, взвившееся надъ бастіономъ лондонской Башни. Враги Эссекса торжествовали, негодовавшая на нихъ Елисавета со дня казни сдѣлалась задумчива и разсѣянна; имя фаворита, неосторожно при ней произносимое, заставляло ее содрогаться. Замѣтно было, что воспоминаніе о графѣ Эссексѣ пережило его въ сердцѣ Елисаветы, и ей стоило большихъ усилій, чтобы воздерживаться отъ выраженія своей безуспѣшной скорби. Дни уходили за днями, и съ каждымъ днемъ королева видимо дряхлѣла, теперь уже не заботясь объ искуственной поддержкѣ своей красоты, что впрочемъ едва ли было возможно въ семьдесятъ лѣтъ...

Въ началѣ 1603 г. графиня Ноттингэмъ, при-смерти заболѣвшая, пожелала видѣть королеву, для сообщенія ей, по словамъ больной, важной государственной тайны. Елисавета отправилась къ графинѣ и нашла ее въ безнадежномъ состояніи близкомъ къ агоніи, но въ полной памяти и въ совершенномъ самосознаніи. Не удаляя присутствовавшихъ, умирающая тихимъ, прерывающимся голосомъ сказала Елисаветѣ, присѣвшей у ея изголовья:

— Государыня, вы видите теперь страшную преступницу

передъ вами, грѣшницу передъ Богомъ..." Замѣтивъ по выраженію глазъ Елисаветы, что она принимаетъ ея слова за бредъ, графиня продолжала:—я говорю сущую правду и заранѣе прошу ваше величество простить меня и тѣмъ успокоить мою совѣсть, усладить послѣднюю мою минуту...

— Въ чемъ же вашъ грѣхъ передъ Богомъ и преступленіе передо мною? спросила ласково королева.

— Извѣстно ли вамъ, что графъ Эссексъ наканунѣ своей казни желалъ видѣть меня? Я была у него въ Башнѣ, и онъ умолялъ меня, именемъ всего святаго, передать вамъ перстень... этотъ самый, и напомнить...

Рыданья задушили голосъ больной. Вырвавъ у нея изъ рукъ перстень Эссекса, подаренный ему послѣ возвращенія изъ Кадикса, Елисавета, пожирая графиню глазами, блѣдная какъ она сама, дрожа всѣмъ тѣломъ, повторила:

— Напомнить? напомнить, о чемъ? Договаривайте все!

— Напомнить о вашемъ обѣщаніи въ обмѣнъ на перстень оказать ему милость, какое-то ни было бы его желаніе. Несчастный Эссексъ, именемъ той минуты, отсылая вамъ перстень, просилъ о помилованіи...

— А вы не исполнили его желанія! вскрикнула Елисавета, вставая съ креселъ.

— Мужъ мой, узнавъ объ этомъ, запретилъ мнѣ...

— Спасти жизнь своему сопернику? Онъ могъ запрещать вамъ! но вы, женщина, не должны были повиноваться! Эссексъ, Эссексъ, прошептала королева, прижимая перстень къ посинѣлымъ губамъ и съ выраженіемъ отчаянія въ тусклыхъ глазахъ. Богъ можетъ простить васъ, графиня, продолжала Елисавета, съ негодованіемъ отодвигаясь отъ постели умирающей, но я, я не прощаю и не прощу никогда!

Черезъ два дня, графиня Ноттингэмъ скончалась, и тѣмъ была, безспорно, счастливѣе королевы. По возвращеніи во дворецъ Елисавета, въ сильнѣйшемъ истерическомъ припадкѣ, сжимая перстень въ рукахъ, упала на постель и до поздней ночи пробыла въ какомъ-то самозабвеніи. На всѣ распросы фрейлинъ и прислужницъ она односложно отвѣчала:

— Эссексъ! Эссексъ!!

Съ этого времени здоровье ея было окончательно надломлено и вмѣстѣ съ тѣлесными страданіями иногда проявлялось какъ бы разстройство и умственныхъ способностей. На предложеніе докторовъ слечь въ постель Елисавета отвѣчала выраженіемъ боязни, что легши въ нее она уже не встанетъ. Вмѣсто того она приказала весь полъ своей спальни обложить подушками и такимъ образомъ приваливалась, то въ одномъ углу, то въ другомъ. Вмѣсто прежней изысканности въ одеждѣ, доходившей до щепетильности, теперь Елисавета выказывала пренебреженіе къ самой себѣ и отвратительную неряшливость: по нѣскольку дней не смѣняла ни бѣлья, ни обуви, а между тѣмъ куталась въ свою королевскую мантію, не снимая со всклокоченной головы малой короны! Вечеромъ 24 марта, она погрузилась въ паралитическое состояніе, уставивъ неподвижные, потухающіе глаза въ уголъ комнаты, и пробыла въ этомъ состояніи девять дней, почти не принимая ни лекарствъ, ни пищи.

— Эссексъ! Эссексъ!! изрѣдка бормотала она помертвѣлыми устами и, помотывая головой, будто тревожимая призракомъ казненнаго. Втораго апрѣля она очнулась, и на распросы канцлера о выборѣ преемника, невнятно назвала Іакова шотландскаго; 3 апрѣля Елисаветы не стало!

Съ нею пресѣклась династія Тюдоровъ, съ 1485 по 1603 г. въ теченіе ста восемнадцати лѣтъ, въ лицѣ трехъ королей и двухъ королевъ владычествовавшая въ Англіи. Въ особѣ Іакова VI (въ короляхъ англійскихъ *перваго*) воцарился несчастный домъ Стюартовъ. Въ назначеніи Елисаветою себѣ въ преемники сына Маріи Стюартъ историческіе романисты, романическіе историки и драматурги видятъ проблескъ раскаянія въ умирающей королевѣ англійской, съ чѣмъ едвали можно согласиться, во первыхъ потому, что Елисавета въ послѣдніе дни жизни была разбита параличемъ, поразившемъ отчасти и умственныя ея способности, а во вторыхъ—кромѣ Іакова и наслѣдовать ей было некому.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.